

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Александр ПЛАХОТИН

СЛОВО ТРОЛЛЯ

Издательство Альфа-книга

Юный представитель племени людей-троллей и подумать не мог, к чему приведет его первый выход в большой мир! И что расплатой за это будет не только дикое похмелье, но и приключения, ставшие легендами. Приобретая друзей, с которыми никаких врагов не надо, и врагов, с которыми могут справиться только такие друзья, ему придется чередовать звон мечей с самым заурядным трактирным мордобоем и исколесить немало миль, выполняя поручения волшебника, к которому он попал в услужение А сдержав данное слово, еще и расхлебывать последствия, предотвращая катаклизм, способный привести к царствованию Вселенского Зла.

Александр Плахотин

Слово Тролля

Я люблю это место. Люблю приходить в этот трактир. У меня здесь свой угол. И конечно, недалеко от пылающего камина. Тут тепло и уютно. Здесь я почти не виден, но зато мне видно все. Не спеша и молча я потягиваю багровое, как кровь, вино.

Каждый раз, когда я появляюсь в трактире «Пьяный Троль», хозяин выходит из-за своей стойки и, традиционно произнося «Привет тебе, о Висельник!», провожает меня в мой угол. Через минуту передо мной возникает кружка и запотевший кувшинчик вина. Хотя «кувшинчик» будет сказано более чем скромно — эта штука вмещает в себя галлон, если не больше, самого лучшего вина. После слов «твое вино, Висельник» хозяин исчезает за стойкой.

Так продолжается десять с лишним лет. Правда, не каждый день, да и слава Небесам! Иначе точно бы спился.

Иногда ко мне подсаживается Гурдиж. Гурдиж-Мусорщик.

Пустозвон еще тот. Постоянно что-то рассказывает. Даже если рядом никого нет, он всю дорогу о чем-то болтает.

Сегодня Гурдижу просто сказочно повезло. Два молодых северных эльфа решили посетить знаменитый трактир. Мусорщик просто парил в своей стихии повествований. Тем более что на этот раз его попросили поболтать. Да еще на его самую любимую тему.

— Так, значит, вы, ребята, к нам с севера? Как, говоришь, местечко называется, Таежная Долина? Не бывал, не бывал... А в наших краях так просто или по делам? Ладно-ладно, не мое дело, вы, ребята, правы. А это и есть тот самый трактир. Он самый и есть. «Пьяный Тролль». Хе-хе-хе...

Мусорщик делает большой глоток пива и, затягиваясь из своей глиняной трубочки, покровительственно смотрит на эльфов.

— Да, ребяташки, здесь все это и началось. По-большому. Пусть летописи говорят по-другому, но уж мы-то точно знаем, — Гурдиж хитро, со значением, подмигивает, — что к чему, не правда ли?

— Служил я тогда в городской страже. Работа не пыльная, хотя и не очень денежная. Нормальная. Работа как работа. Хоть столица наша и большая, но улицах было тихо, мирно. Ну, разве только кто винца переберет иль какой проходимец на рынке чего сопрет, — так на то он и город. Вот и в тот раз... По осени дело было, как раз урожай убрали. Идем мы, значит, с парнями по улице. Смена только началась, настроение такое... хорошее. И как раз мимо этого трактира направляемся. Он тогда «Дно Кувшина» назывался. Вот, говорю, идем мимо, значит... А прямо к нам под ноги... кубарем...

Из своего угла хорошо вижу, как морщится трактирщик. Почему-то он всегда болезненно переживает этот эпизод. Интересно, а как бы он описал этот знаменательный для многих вечер? Примерно так: «Пришли; нажрались; не заплатили; бучу подняли, людей изувечили...» А может, он и прав, а? Хотя, если честно... Если честно, то десять лет назад мне самому все это представлялось совсем по-другому...

И все-таки Большой Оз был неправ, проломив голову трактирщика, отказавшегося подать ему очередную кружечку эля, даже если учесть, что за предыдущие девятнадцать Оз не заплатил ни монетки. И я думаю, что не следовало вышвыривать сержанта городской стражи как раз под ноги патрулю, шагавшему мимо трактира по своим делам. Я уже не говорю о том, что весь инцидент можно было решить мирным путем, а не посредством кулаков, пустых кружек, обломков мебели и вовремя не увернувшихся посетителей этой забегаловки.

После того как помещение стало приобретать несколько неопрятный вид, я, стряхнув с себя пыль и остатки трезвости, решил навести порядок. К тому времени Большой Оз таки добрался до того ретивого вояки, попытавшегося остановить разбушевавшегося тролля своей зубочисткой, по недоразумению названной при изготовлении копьем. А так как служивый при этом еще умудрился нанести Озу довольно нечестную царапину в области э-э-э... задницы и если учесть нравы и обычаи той провинции, откуда сам тролль родом, то я понял, что пора либо сматываться, либо успокоить разгоряченных выпивкой и пылом борьбы бойцов, пока крыша не рухнула окончательно.

Естественно, я начал с того, что решил поговорить с разбушевавшимся гигантом. Не

могу сказать, что это было уж очень простым делом, особенно если учесть ту баррикаду тел, мусора и разной другой дряни, которая на свою голову заглянула на огонек в этот осенний вечер. И я уже не говорю о том, что все это визжало, если, конечно, могло по своей природе визжать, дралось, если, конечно, еще стояло на ногах, и поносило Оза и вашего покорного слугу разными нехорошими словами, от которых даже у меня начинали гореть от смущения и негодования щеки при одной только мысли, как бы то или это выглядело на самом деле, то есть со стороны. Не скажу, что я получил в детстве достойное воспитание, скорее, даже наоборот, мамуля всегда говорила, что «по мне виселица плачет», однако я придерживался строгих взглядов на носившиеся в воздухе темы, особенно когда они касались конкретно меня и моей родни.

Так вот, несмотря на все вышеперечисленное, я начал прокладывать себе путь к эпицентру битвы. Природа слепила меня малым покладистым и даже, можно сказать, миролюбивым. Нет, право слово, в совершенно трезвом виде я даже гоблина не обижу, хотя не всякий человек или там еще кто другой упустит шанс дать пинка этой малявке. Но сегодня вечером я... пил. Точнее будет сказать — слишком много пил...

И не моя вина в том, что первый попавшийся под ноги субъект потерял ориентацию во времени и пространстве, после того как я швырнул его тушу по направлению к выходу из трактира... Поймите меня, пожалуйста, правильно — он мешал мне пройти. Каюсь, метание никогда не являлось моим коньком. Поэтому парень, воспарив над вопящей толпой, приземлился не в районе двери, а чуть-чуть левее, как раз на стене, после чего затаился на полу в надежде, что там будет поспокойней.

Наверное, именно этот полет и переключил внимание толпы на меня. Мысленно взвесив меня и тролля, большая часть народа ринулась ко мне в поисках бранной (во всех смыслах) славы, так как другая просто не смогла отцепиться от гиганта по причине его нежных объятий. Не хочу сказать, что я слыл мелким парнем — в нашей деревеньке я занимал по росту и весу скромное второе место между моим братцем Дуди и самым мелким троллем из Ближнего Угла. И все-таки толпа сочла меня более легкой добычей. Я не стал ее в этом разубеждать, тем более что я хотел украсить свои первый выход в столицу нашей державы каким-нибудь таким ярким впечатлением или воспоминанием, о котором можно будет потом рассказать домашним за бочонком доброго пива, обсуждая повадки и обычаи городских жителей. Посудите сами, что бы вы могли сказать об обычае налетать на противника всем табором, мешая друг другу и нанося себе увечий больше, чем сам противник?! Когда этот беснующийся клубок тел, оружия и перегара приблизился ко мне на расстояние вытянутой (моей) руки, я сделал большой шаг в сторону. После соприкосновения людей и стены потолок таверны заметно присел, и я уже доставал его макушкой. Однако народ не успокоился и проявил недюжинную находчивость и смекалку, обстреливая меня издалека всякими разными тарелками, выломанными или выпавшими из стен камнями и другими стрелами и снарядами.

Всякому терпению рано или поздно наступает конец, а тут мой нервы были просто на пределе, ибо ведь не каждый день можешь наблюдать целую кучу пьяного сброда, жаждущего вина и твоей шкуры. Вот тут-то я и решил перейти к более крутым мерам, а именно начал раздавать оплеухи направо и налево, невзирая на звания, морды и лица.

Вскоре вокруг меня образовался этакий стонущий круг, в центре которого гордо возвышался я сам, собственной персоной. В принципе на этом все можно было и закончить, если бы Большой Оз в пылу победы и бегства врага от нас, безобидных, не вlepил свой

коронный удар прямо мне в затылок, после чего с криком «Лукка! Спасать!!!» выскочил на улицу, расшвыривая все на своем пути, но мне уже было все равно...

Больше всего на свете я люблю поспать и не люблю просыпаться, особенно с такой больной головой и жаждой в горле. Хотя подозреваю, что за больную голову надо благодарить моего друга тролля, так удачно приложившегося к ней накануне. Жажду могу объяснить только тем, что горе-трактирщик наверняка добавлял в свою сивуху какую-нибудь дрянь, иначе я просто не могу поверить в то, что опьянел с каких-то... скольких, скольких кружек?! Голова почему-то закружилась, а к горлу подкатил большой и неприятный ком, который, казалось, вот-вот выскочит наружу.

Я застонал и повернулся на живот, надеясь, что дышать станет хоть чуточку легче.

По мере того как я приходил в себя, обнаружилось, что я валяюсь прямо на голом полу в какой-то полутемной камере.

— Что, великан, плохо? — раздался хриплый голосок.

Я даже не сразу сообразил, что обращаются именно ко мне.

— Кто здесь?! — выдавилось из глубины пропитанного пивом и брагой нутра.

— Я...

— Кто «я»?! — я попытался приподняться на локтях.

— Ну, если тебе это что-то скажет, то зовут меня Дож — Дырявый Мешок.

Свет разума мелькнул в похмельном мозгу.

— Гном, что ли?

Рядом послышался шорох уползающего живого существа.

— Ну вот, сейчас начнется... Не с первой попытки я принял более-менее горизонтальное положение.

— Слышь, как там тебя... Мешок! Ползи сюда, не трону... Да не бойся, слово даю!

— Знаю я вас, людей, — гном копошился где-то в соломе, — слово дал, слово обратно взял.

— А что, так люди и делают? — Я был искренне поражен.

Тишина затянулась, как мне показалось, минут на пять. Затем он материализовался прямо у моего искусанного сапога.

— А ты сам-то человек?

Ком из горла наконец-то направился в желудок.

— Если сказать по правде, то сказать это... трудно, в общем...

Попытка рассмотреть гнома привела к тому, что все вокруг поплыло, закачалось, ринулось куда-то вбок, то раздваиваясь, то соединяясь. Черный Троль его знает, с какого раза, но все-таки я умудрился разглядеть его. По грудь или чуть ниже среднего человека, рыжей окраски традиционная борода в две косы, в неновой, но опять же традиционно-красочной одежде. Обычный такой гном. Традиционный...

— Понимаешь, э-э-э...

— Дож, — услужливо подсказал гном.

— Да, Дохт...

— Меня зовут Дож, — терпеливо поправил гном, — иногда еще добавляют Дырявый Мешок.

Комок застрял на полпути к месту предназначения.

— Я понял... Так вот, Дожжжжжж...

Меня качнуло, и я понял, что теряю равновесие в сторону гнома. Тот ловко нырнул под

вытянутую для упора руку и всплыл откуда-то сбоку.

— Я здесь и весь внимание.

Комок, по всей видимости, тоже потерял равновесие и медленно поплыл в желудок.

— Так вот, гном... — Слова, как и мысли, давались мне с большим трудом. — О чем мы это?.. А! Ну да!.. Какой я народности... Так вот, люди из Низины называют нас троллями.

— Кем, кем?! Троллями?! — По-моему, у гнома случилась самая натуральная истерика. — Троллями! Боги Небесной Горы! Вы слышали это? Он — тролль! Тролль! Самый настоящий тролль! — Он повалился на спину и задрыгал ногами, ухватясь за свое колыхающееся брюхо. — Тролль! Тролль!!! Ой, все, не могу! Не могу больше!!!

И этот тип начинает кататься уже по всему полу, давясь и лопаясь от смеха, будто его целую неделю кормили сушеным мухомором, а потом показали палец.

Несмотря на полный бардак, царивший в моей башке, до меня вдруг дошло, что смеются, собственно говоря, надо мной.

Похмелье похмельем, но на ноги я взлетел, как старина Вили, после того как ему сообщили, что его женушка разродилась сразу четырьмя, и причем всеми девчонками. По крайней мере, уж взревел я точно, как он.

— КАК ТЫ... — тут меня всего качнуло в сторону, — СМЕЕШЬ... — затаившийся в желудке комок рванул в район горла, — НАДО МНОЙ... — меня уже не качало, меня всего трясло, — РЖАТЬ!!!

Если бы я не был так возмущен происходящим, то, честное слово, я бы заметил старичка в бантиках с парой солдат по бокам, но мне было не до того. Расшвыривая солому, я метался по камере в поисках насмешливого гнома, дабы он смог мне объяснить, что в сказанном мною, собственно говоря, было смешного.

— Эй, громила, изволь стоять на одном месте, когда имеешь счастье предстать перед очами Справедливейшего! — Этот комариный писк сопровождался довольно чувствительным пинком копьа в спину.

От неожиданности меня развернуло к источнику звука. В это время тот самый комок, не дававший мне покоя все утро, решил, видимо, оставить меня, довольно ретиво перекочевав из глотки в пространство между щеками. Понимая непреодолимость происходящего, я в испуге запахнул ворота своей пасти, подперев их руками.

— Ну-с, молодой человек, — старичок сделал шаг в мою сторону, — позвольте, так сказать, представиться — я губернатор нашего великого города и по совместительству также несу нелегкое бремя властителя этой страны. А, собственно говоря, кем являетесь вы?

— М-м-м-м... — Что-то явно мешало мне говорить.

— Вы меня хорошо слышите?

— Мг-м-м-м... — Я усиленно закивал, и, кстати, зря — от поднявшейся качки в трюме все забурило.

— Отвечай, деревенщина, когда с тобой изволит разговаривать Владыка! — Вопль солдафона сопровождался новым пинком копьа, но уже в живот.

От такого обращения руки непроизвольно разжались, и все то, что так жаждало вырваться... вырвалось... таким... ну... фонтаном... наружу... В камере повисла очень нехорошая гробовая тишина.

— Однако весьма удачно! — радостно подал голос Дырявый Мешок. — Прямо в яблочко, так сказать... Ну что, великан, надеюсь, тебе уже лучше?!

— Так вот, когда гоблины ушли из наших краев...

— ...не выдержав конкуренции, так сказать. Извини, что перебил, Лукка, — Дож сыто рыгнул, дожевывая кусок солонины.

— А? — Я не очень понимал гномий диалект, но признаваться в своей недалекости было почему-то не очень приятно. — Ну, да, да... кто ж такое выдержит, вот... Ну и когда они, эти гоблины, короче говоря, сбежали, наши старейшины сошлись с вождями троллей и решили жить вместе. Посуди сам: пастбищ хватало для всех наших коровок и овечек, дичи в лесу бей не перебьешь, а в озерах рыбы — как душ на небе. И опять же — когда мы сошлись с перворожденными, к нам перестали пещерники заходить...

— Пещерные тролли? — не переставая жевать, уточнил гном.

— Ага, они самые, будь им пусто!

— Что, не ладите с ними?

— Да как тебе сказать... Сами-то пещерники нашим, то есть равнинным, вроде как родственниками приходится, да только, сам знаешь, родственник родственнику, как кувшин кувшину, рознь. Во-первых, пещерники — они маленько на ум слабоваты, ну по сравнению с нами, то есть с нашими.

— Что, серьезно? — Дож недоверчиво уставился на меня. — Куда уж еще-то!

— Это точно, — тяжело вздохнул я. — А во-вторых, пещерники — они... мясо жрут.

— Это что, преступление? — поперхнулся гном.

— Ты не понял, друг... троллье мясо... ну и человеческим не брезгают.

— А... — гном что-то хотел сказать, — а...

— Ага! — закончил я за него.

Гном долго молчал, видимо переваривая то, что услышал. Если честно, то мне самому было как-то... я даже не знаю, как описать это чувство... Мне кажется, что-то подобное могла испытать эльфийка, заглянувшая в стойбище гоблинов во время брачного периода. Что делать — правду, как и хвост собаки, никуда не спрячешь.

Молчание могло затянуться надолго, и поэтому я решил продолжить свой рассказ как ни в чем не бывало.

— Так вот, я и говорю, что, несмотря на родство, равнинные с пещерниками не уживались. Наверное, как раз из-за этого они и взяли нас под свое крыло. Было это лет триста — четыреста назад. Не знаю, много это или мало, но что было, то и было. Наши старейшины и старейшины троллей говорят, что спустя пару поколений после Дикого переселения люди, которые жили бок о бок с равнинниками, начали рожать детишек, чуть-чуть уступавших по росту и силе самим перворожденным троллям. Может, поэтому нас тоже стали называть троллями. И знаешь, Дож, я горжусь этим! Нет, правда! Это для жителей Низины тролль — это свирепое, вечно голодное, тупое существо...

— ...и знаешь, парень, они не очень ошибаются на этот счет... — в очередной раз перебил гном, хитро прищурившись.

— Не знаю, приятель, для кого как, а для нас называться троллем — это честь. Не каждый человек может похвалиться этим.

— Ты еще скажи, что тролль — это звучит гордо! — радостно ощерился гном.

— Дож! Ты — умник! Я обязательно передам нашим твои слова, когда вернусь домой. Карлик подсел ко мне.

— Лукка, друг мой, а почему ты решил, что ты вообще... — Он перешел на шепот: — Когда-нибудь... вернешься обратно домой... в свою деревню, что стоит среди Вечной Долины?..

Самое интересное было в том, что я не знал и не понимал значения этих слов: «казнить,

казнят, казнь». Но само их звучание настораживало и несло в себе что-то холодное и колющее на ощупь.

— Насчет себя я не уверен, а вот насчет тебя, громила, извини... Местный властитель никогда не забывает тех, кто критикует его в Сенате, редко прощает тех, кто посмел оскорбить его, а уж о тех, кто посмел... ну, в общем, то, что сделал вчера ты! Это, знаешь ли...

— А что я такого сделал?

— А это, сын мой, тебе объяснят на Небесах. — Мы и не заметили, как в камеру вошел монах в сопровождении пятерых стражников. — Или в преисподней. Впрочем, как посмотрит на тебя начальство.

— Вы имеете в виду Бога? — влез Дож — Дырявый Мешок.

— Да, гном, именно его я и имел в виду. Кстати, так как мы не нашли гномьего священника, тебе придется исповедоваться мне, — благодушно промолвил монах.

— Надо же, какая честь! — пробурчал Дож.

— А что делать, — блаженно пособлезновал священник, — наш правитель, храни его Господи, трепетно относится к вопросам религии и вероисповедания своих граждан, кем бы они ни являлись. Впрочем, к вопросам морали, нравственности и этики он относится не менее трепетно, — скосил он взгляд в мою сторону.

— Нет, господа люди! Я могу понять все, кроме этого! — взвился гном. — Меня-то, меня-то за что?! Мой проступок не столь тяжек, чтобы за него ложиться на плаху.

— Сын мой... — начал было монах.

— Я не ваш сын, ПАПА!!! Я сын своего народа! Слышишь, ты, переросток в сутане!!! — взорвался гном.

— Это уже мелочи, — сдержанно проговорил священник, — все мы дети Господа нашего, ибо созданы Им по воле Его.

— Ты еще скажи по образу и подобию Его! — хлопнул себя по брюху гном. — По воле родителей моих, идиот! Или уж на худой конец по воле богов Небесной Горы! То есть наших богов. И раз уж ваш губернатор-маразматик так трясется над религией, так пусть предоставит мне счастье говорить с нашим священником.

— Я полностью согласен с тобой, малыш, — священник соболезнующее улыбнулся, — но обстоятельства таковы, что у нас, то есть у Владыки, просто нет времени на поиски.

Я стоял как истукан, медленно, но верно переваривая их перепалку. Начну с того, что я тупо не понимал, чего так бесится гном по поводу священнослужителя «из своих». Насколько я помню, у гномов просто не было обряда исповеди или отпущения грехов. Жрецы у них, конечно, есть, кто об этом спорит. Но, как мне объясняли, со своим народом они как-то напрямую и не общались, а тихо и мирно молились за своих мертвых и живых оптом, так как проследить за всей этой кочующей по свету огромной толпой просто невозможно, тем более определить, кто еще жив, а кто уже нет. И уж не все ли равно самому гному, казнят его с отпущенными грехами или с ними в нагрузку, ведь у них там нет ни гномьего рая, ни ада, а просто одна большая пещера, где пиво рекой, а столы ломаются от обилия еды. И уж там точно всем все равно, насколько тяжки были при жизни твои грехи. Главное — сколько раз ты успел нагрешить и чтобы рассказ об этом был интересен собутыльникам.

Скорей всего, гном просто тянул время. Хотя и непонятно зачем... Как мне думалось, виной всему было то, что славилось как «гномья упрямость».

В этот мир меня вернул рык гнома:

— Так в чем же я виноват — объясните мне!

Судя по ухмыляющимся, еле сдерживающим смех рожам стражников, я пропустил массу интересного. Прав был старина Вили, говоря, что «если тролль задумался, то добром это не кончится».

— Понимаешь ли, гном, ты прав в том, что твой проступок не столь велик, чтобы за него умереть. Просто, дружок, — священник опять соболезнующее улыбнулся, — ты оказался не в том месте и не в то время. Если хочешь, я даже принесу тебе извинения... Надеюсь... — он сделал паузу, — тебе будет легче?

Дождь — Дырявый Мешок закатил глаза и завернул по-эльфийски что-то насчет вороньих глаз и невыплаченных долгов. Стражник, приставив к его затылку самострел, потянул гнома наружу.

— Пусти меня, ты, жертва случайной неосторожности! Потомок Великого Кроила может идти и без твоей помощи. Пусти, говорю, по-хорошему! Сам дойду!

— Ну, а когда мы наконец-то избавились от этого недомерка, сын мой, — как-то нехорошо улыбнулся монах, я бы сказал, даже хищно улыбнулся, — настала твоя очередь.

— Что, — встрепнулся я, — куда-то надо идти?

— О нет. Пока еще нет, — монах доверительно взял меня под руку, — сначала тебе надо исповедоваться.

— Думаете, стоит?

— Уверен, сын мой! Абсолютно уверен. — Монах махнул рукой остаткам стражи, и та вышмыгнула за дверь. — Итак, каешься ли ты в грехах своих?

— А в каких именно?..

— Неужели их так много, сын мой?

— Ну, смотря что называть этим словом...

По-моему, преподобный Хари (так звали священника) начал косеть, когда я закончил рассказывать о том, как накануне Праздника Зимнего Равноденствия спер у мамы пирожки с начинкой из крольчатины с брусникой. Не торопясь, как подобает настоящему троллю, со всеми подробностями я каялся второй или, может быть, даже третий час.

К этому времени монах, облюбовав кучу соломы, на которой я провел ночь, страдальчески подвел глаза к небу и, судя по усердно шевелящимся губам, воздавал Небесам молитву за мои проступки, прося их простить меня. Я прекрасно его понимаю, ведь то, что вытворялось мною в детстве, ни в какие рамки не лезло в образ приличного тролля, каким себя я, собственно говоря, считал и по сей день считаю.

Только спустя еще один час, когда лицо священника из ярко-пунцового стало совсем уж багрового оттенка, я неожиданно для себя заметил, что моя... нижняя часть спины разлеглась прямо на копытах церковника. Наверное, это случилось, когда ему стало нехорошо после моего наиподробнее рассказа о невинной забаве нашей детворы (ну, когда я еще входил в число этой самой детворы) на Празднике Весны.

Видимо, когда преподобный Хари уселся на ту самую кучу, крестясь и поминая всех святых через слово, я решил, что стоять, в самом деле, не стоит, и уселся рядом. К сожалению, не заметив при этом, что прижал к полу пару чужих конечностей.

Извиняясь и чистосердечно прижимая руки к груди, я вскочил, давая священнослужителю отдышаться.

Сначала он лег на живот... затем стал на четвереньки... затем, даже как-то неприлично,

издавая нечленораздельные звуки, попытался встать... затем, отмахиваясь от кого-то или от чего-то головой, начал уж совсем непристойно пыхтеть и шипеть.

Полный сострадания к ближнему, я как можно осторожнее приблизился к нему:

— Мож, надо чего?

В ответ — утвердительный кивок.

— А чего надо-то?

— С-с-с-сс...

— Ой, я даже и не знаю... — почесал я репу. — Нет, мне в принципе не зазорно. «Интересно, я правильно употребил данное слово?». Но вы ведь не дитя малое, чтобы справлять нужду со сторонней помощью. Но уж если вы так хотите... — Я пододвинулся к нему.

Из последних сил преподобный сиганул от меня, как гном от дракона.

— Уб-б-бери руки, м-м-му...

Видимо, у него совсем помутилось в голове, потому как дальше он просто зарылся носом в солому.

— Что, что-то не так? Ну, а чего тогда надо? В ответ тишина, перемешанная с шуршанием высохшей травы.

— Мож, позвать кого, а?

Преподобный яростно закивал, не обращая внимания на то, что его башка находилась в опасной близости от каменного пола.

— А кого?

— С-с-с-сс...

— Ну вот, опять! Нет, ну вы можете нормально говорить или нет?!

— С-с-с-стрр-р-rrrr...

— Послушайте, уважаемый, если вы желаете говорить по-звериному, то есть по-лесному, надо быть или эльфом, или зверем. И если первым вам не суждено быть от рождения, то вторым надо становиться постепенно, глоток за глотком, кружка за кружкой. Я так понимаю, что надо сбегать за вином? Вы, собственно говоря, какое предпочитаете? Или, как говорил один знатный лорд, «все равно какое, лишь бы много»?

— С-с-тр-а-а-жу по-зо-вии... ид-д-д-иот!..

— А, стражу! — Наконец до меня дошло его шепелявое бормотание. — Да за-ради бога. Щас!

Раз Хари-преподобный так просит, почему бы и нет. Дверь камеры не заперта (и как я раньше не заметил!), стражу так стражу...

Следующий шаг был для меня последним в этой жизни... спокойной, тихой жизни... Начиналась новая, полная забот, тревог и волнений. И больших удивлений... Все началось с того, что я увидел.

Там, в коридоре, прямо на голом полу, сидел гном по имени Дож — Дырявый Мешок. Чем он занимался? Рубился со стражниками в карты. И, по-моему, очень успешно, так как у парней остались только исподние рубахи, а кольчуги, оружие, не говоря уже о такой мелочи, как кошельки с деньгами, скромно лежали рядом с гномом.

— А, Лукка, друг мой! — радостно отвлекся гном от игры. — Не желаешь присоединиться? Тут парни так классно играют! Присоединяйся, дружище, тебе понравится!

— Да нет... — Я немного растерялся. — Я тут по другому делу... Там, это, стражу зовут...

— Давно? — ехидно уточнил Дож.

— Минут пять... Стражники переглянулись:

— Это, как его, это... ну, в общем, гном, дело такое — служба, понимаешь...

— Чего-чего? — не понял Дож.

— Служба, говорю тебе, гном... Идти надо... Карлик аж подлетел:

— Нет, парни, я что-то не понял!!! — С губ карлика слетала пена праведного гнева. —

Нет! Боги, вы послушайте, что шепчут эти досточтимые гархэз своего рода!

Служивые выстроились в шеренгу и, вытянувшись, едва дыша, внимали каждому слову гнома.

— Я трачу последние дыхания своей ни за что загубленной жизни на этих, этих... — Гном еле дышал, его глаза пылали багровым. — На вас еще куча тряпья, а вы хотите улизнуть при первом же ничтожном поводе!!! Пусть я прожил недостаточно праведно и на моей душе грехов больше, чем самоцветов в Голубой Горе, но, Отродье вас всех побери, я хочу уйти из этой жизни красиво и так, чтобы меня запомнили надолго. И поверьте, ваши голые задницы рядом со мной, гордо идущим на смерть, запомнят надолго!..

Во время всего этого выступления Дож — Дырявый Мешок прыгал, как та собака, мучимая тучей взбесившихся блох. Наверно, все то, что хотел сказать гном, просто никак не выговаривалось словами. Надо было видеть, как он размахивал руками, выражая то, что не смог выговорить! Глядя на это беснование, служивые бледнели, краснели и готовились к худшему, кажется совсем потеряв голову от происходящего. К жизни нас вернул клочок бумаги, бабочкой выпорхнувший у всех на глазах из рукава гнома. Дож замкнул пасть и вместе с остальными проводил взглядом карту до пола. Говорят, что такая тишина бывает только в могиле. Не знаю, не бывал... Но по лицам стражников понял, сейчас буду... в качестве свидетеля.

— Нет, парни, раз надо, так надо. — Карлик сделал шаг назад. — Что я — не человек, что ли?

Я удивленно вытаращился на Дожа. Он продолжал пятиться.

— Я все понимаю: надо — значит, надо. Служба — она ведь не ждет, она, так сказать, зовет, вот... Ну а если вас зовут, тем более такой человек, как преподобный Хари, вы, мужики, поспешите. А то всякое бывает, мож, ему плохо совсем там, помощь какая нужна. Вы себе идите, а я здесь постою, посторожу мою... — Старшина потянулся за проигранным копьем. — Я хотел сказать, нашу... — Стража дружно сделала шаг вперед. — ВАШУ!!! одежду...

Всю дорогу к площади гном отчаянно отплевывался кровью и, прихрамывая, тихо ругался.

— Дож, а за что тебя схватили? — почему-то захотелось спросить.

Дырявый Мешок пальцем попробовал шатающийся зуб и, снова сплюнув красным, нехотя процедил:

— За жестикуляцию...

Я уважительно взглянул на карлика:

— Это очень тяжело?

— В смысле? — повернул голову Дож.

— Ну, если честно, то ни я и, больше чем уверен, никто из наших о таком проступке даже и не слышал.

Опасный преступник, невнятно помянув всех святых и не очень, удостоил начинающего

урку поучающим ответом:

— Смотря сколько на кону и...

— И?... — начал постигать я секреты совершенного преступления.

— ...И какая карта у тебя на руках, — с глубокой печалью вздохнул гном.

Оставшуюся часть пути мы шагали молча, каждый думая о своем.

Рыночная площадь встретила нас радостным гулом, огромным помостом, увенчанным двумя виселицами, и разношерстной толпой. Кого здесь только не было! Людей я не считаю, они здесь составляли общую массу, на фоне которой особо ярко выделялись пяток-другой соплеменников Дожа — Дырявого Мешка; парочка вечно подозрительных орков, нервно сжимающих рукоятки мечей за поясом; десятка два мелких гоблинов, шарящих радостными взорами по нам, обреченным, заодно не забывая проверять и карманы высокорослых разинь. Был там и разный другой народец, о котором я знал только по картинкам. Больше всего мое внимание привлекла одна парочка — здоровенный, с хорошего лося, седой кентавр и восточный эльф. Как я уже сказал, кентавр был просто огромным экземпляром, да к тому же совершенно седым. Хотя, как подсказывала мне интуиция, копыта человеколошади могли пронести свою тушу много миль без всякой остановки на отдых, а мускулистые руки в рукопашной могли бы оставить немало отметин на память о незабываемой встрече. Про эльфа можно было сказать только одно: эльф он и в пустыне эльф. Высокий, волосы длинные и белые. Не седые, а именно белые, что и отличает восточных эльфов от остальных собратьев. Уши заостренные, смазливое такое лицо. Недаром по земле начало шастать новое, пока немногочисленное племя полукровок. Кое-кто в больших городах даже стал поговаривать о всемирном эльфийском заговоре, упирая на найденные скрижали мудрецов горы Син. По моему разумению, все это чушь, хотя бы потому, что прочитать то, что там нацарапано, не смогли, а саму эту глину никто и в глаза не видел. Я так думаю, что просто млеют девки при виде высоких и светлых, а у них самих, у эльфов то есть, нутро не из камня.

Осмотр окрестностей и ход размышлений прервал хороший пинок в бок. Как видно, гном уже потерял всякое терпение в надежде добиться моего внимания и перешел к более радикальным методам, а именно начал лупить меня своими кулачками в бочину.

— Лукка, отца твоего за ногу! Ты меня слышишь или ты уже переправился в другой мир?!

— А, что?.. Прости, Дож, задумался.

— О боги, он все-таки иногда думает! Парень, признайся, ты наконец задумался о побеге! Скажи, что это так, пролей бальзам.

— У меня с собой ничего нет... Гном покраснел и, похоже, даже задымился, но все же тихо и кротко произнес:

— Лукка, друг мой, конечно, прости меня, старого, великодушно, но не смог бы ты мне, ничтожному, — Дырявый Мешок вдруг сорвался на крик, — разъяснить, что сейчас здесь будет происходить, тупая твоя башка!!!

Я удивленно посмотрел на гнома.

— Честно говоря, не знаю. Но мне кажется, что весь этот народ собрался просто посмотреть на нас. Так сказать, полюбоваться нами... И я их за это не осуждаю, — гордо выпятил я грудь, — здесь есть на что посмотреть.

— Ты так думаешь?

— Ну, я не совсем в этом уверен. Папаша говорил мне, что обитатели больших городов имеют довольно, странные, порой просто необъяснимые повадки, в смысле привычки. И не

дело порядочному троллю обсуждать, а тем более осуждать их.

— Хорошо, — фыркнул гном, — даже если это и так, как ты говоришь, то неужели тебе не претит, что весь этот разношерстный сброд будет смотреть на тебя как в зоопарке. А они будут так делать, поверь мне! Они будут смаковать каждое движение, наслаждаться твоей агонией...

— А что такое «зоопарк»?

— ...в деталях рассматривать твое... ЧТО?! Что ты спросил?!

— Я спросил, что такое «зоопарк», и хотел бы узнать, что такое «агония». И по поводу «всякого сброда» хотел бы заметить, что вон там стоят несколько твоих соплеменников, которые, как ты сам сказал, «будут стоять и наслаждаться» происходящим.

— Роковое совпадение, — пробурчал гном, взглядом отыскивая своих. — О, эти будут! Поверь мне, Лукка, эти будут. И еще как!

Совершенно неучтиво наш разговор прервал рев труб.

Посреди площади находился помост с двумя балками-виселицами. А на другом конце площади, украшенная цветочками и гирляндами, прямо из стены торчала штука, как потом мне сказали, именуемая балконом.

Меня с гномом в сопровождении той самой стражи вывели на дощатый помост и оставили на попечение двух по пояс голых крепких мужиков в красных колпаках с дырками для глаз. Без особой суеты они связали нам руки за спиной, чем вызвали очередную вспышку ярости гнома, отозвавшегося вслух новым для меня ругательством «палачи». Что до меня, так в этот знаменательный, полный событий день их действия не произвели на меня совершенно никакого впечатления. Все происходящее я воспринимал как обязательное условие представления, вроде того, что дают бродячие артисты, заглянувшие в нашу деревню в Вечной Долине. Не говоря уже о том, что те ниточки, которыми они связали мои лапы, я мог разорвать, если бы захотел, за один вздох.

На балконе появился старичок, который навещал нас в тюрьме. Все так же разодет, как праздничное дерево, весь в бантиках и кружевах. Его сопровождали двое перезрелых парней в черном и выдра с голыми плечами и в белом.

Почему выдра? Потому что мамуля называет таких девах выдрами.

Сама длинная, волосы белые, крашенные, гладко зализанные назад, не худая, но и не толстая — в теле девка. Я никогда не претендовал на роль впередсмотрящего, тем более что до цели было не более двадцати локтей, но скажу одно — это, как его... лицо той дамы... я даже и описать-то не могу! Короче — либо она рассолу опилась, либо, как прошипел гном, «презрение, презрение, брезгливость, и еще раз все по кругу». Извините, но по-другому сказать о данном предмете не могу.

— Это кто, его дочь?

Гном, низко наклонив голову, ответил, еле шевеля губами:

— Жена.

— Нет, что, правда?!

— Что здесь такого, он может себе это позволить.

— Молодец, парень! У нас в деревне на молодой вдове Кряж женился. И что ты думаешь, баба уже вторым брюхата, а ведь деду уже под сотню годков будет! А у этого, как его там, ну у... гупернатора ребятишки есть? Сколько?

Не знаю, что я такого сказал, но эти двое в капюшонах тихо заржали. Потом один из них шепотом окликнул нас:

— Ребят, вы там потише, а то точно повесят.

— Что, есть шанс? — встрепнулся Дож.

— Ну, случаи разные бывают.

— Интересно, с чего бы такая лояльность?

— Гном, что до вас обоих, то вы нам оба по барабану — нам уже заплатили.

Снова заревели трубы, и к нам на помост легко выскочил плотный, широкий книзу мужичок лет сорока пяти — пятидесяти.

— А это кто? — толкнул я гнома.

— Массовик-затейник, — процедил тот. — Прокурор, адвокат и судья в одной роже, в смысле лице.

— Судья Джошуа к вашим услугам, друзья мои, — повернулся этот тип к нам, широко улыбаясь.

— Отродье и все боги! — сплюнул гном. — Ушастый Джо собственной персоной. Ну, все, великан, можешь молиться, ибо теперь нам точно...

Улыбка Джошуа стала еще шире:

— Как спалось-ночевалось? Крепок ли был сон? Придумали ли последнее желание? Как прошла исповедь? Не отвечайте, ребята, уже наслышан. Во всех подробностях, хе-хе... А тебя, гном, я помню, помню. Как бишь тебя зовут? Имя такое дурацкое, его не помню, а вот прозвище запомнил, запомнил — Вшивые Лохмотья, по-моему, так, да?

— Дож — Дырявый Мешок, кретин! — рявкнул гном.

— О, как тебя жизнь скрутила! — Ушастый сделал невозможное — улыбнулся еще шире.

— Теперь твое прозвище стало еще длиннее, к нему надо добавлять еще и титул. А вот скажи: «кретин» — это что-то вроде графа или маркиза, да? Хе-хе-хе... Ну и ладушки! Извините, ребята, — работа, хе-хе!

— Встречались как-то, лет пять назад, — ответил на мой молчаливый вопрос гном, — растет *жакхе*, а ведь простым стукачом был.

Палачи, уже никого не стесняясь, ржали во все горло.

Ушастый, отвесив низкий поклон в сторону балкона, начал свою речь:

— Приветствую вас, господа и дамы! А также и вас, народ малый — лесной, степной и горный, к нам в гости зашедший! Позволю взять на себя смелость и поздравить вас всех с праздником. Ибо не каждый день наш город становится чище. А именно сегодня он станет чище, так как на ваш суд предстали два закоренелых преступника.

— Ты хотел сказать, три, — уточнил гном.

— Тяжесть их проступков велика и ужасна. Погрязшие в распутстве и пьянстве, жестокости и насилии, они, ведущие беззаботный образ жизни, и это в то время, когда народ не покладая рук трудится на благо нашего государства, устраивают беспорядки, подговаривают слабых на свержение законной власти...

— Дож, ты не знаешь, что я там вчера наплел спьяну?

— Мне-то откуда знать — меня там не было.

— Они осквернили наши идеалы, наш строй, — продолжал надрываться Ушастый, — они даже предприняли попытку покушения на жизнь самого Владыки нашей великой страны.

— А, твой ржавый молот! Помирать так подыхать, — прошептал гном и заорал во все горло: — Да простите вы нас, люди добрые, народ честной! Каемся мы в проступках своих,

каемся в помыслах, по незнанию да недомыслию они. Признаем свою вину, каемся!

Правду сказал этот человек, всю правду выложил, как она есть, гад! Не солгал он, сказав о покушении на Величайшего. Лукка, друг мой, — вдруг обратился он ко мне — расскажи, как оно дело было.

— Дож, а чего рассказывать-то?

— Что в камере тогда было, ну, про Владыку, старичка этого.

— А-а... — дошло до меня, но искра сомнения закралась в грешную душу: — А это не будет, ну-у...

— Не будет, не будет! — заверил Дырявый Мешок. — Поверь мне, Лукка!

Я поверил. Собрался с мыслями. И, раздирая горло и легкие, честно и откровенно, со всеми подробностями и разъяснениями, как подобает настоящему троллю, все как есть рассказал...

Когда я закончил свое повествование, площадь окутала гробовая тишина. Владыка, красный как рак, попытался встать, но, видимо, ноги не послушались его, и он плюхнулся обратно. Уж как там получилось, сказать не могу, но это кресло выскочило из-под него, а сам Владыка рухнул на пол с таким грохотом, будто упала не куча старого мяса и костей, а лавина в горах.

Все бы еще и ничего, но, падая, старичок попытался удержаться за первое, что попало под руку, то есть за свою жену, а если сказать точнее, то за ее платье. А так как она, в смысле супруга, в этот самый миг вздумала встать, то ее платье вместе с муженьком оказалось на полу.

Перила балкона были не очень высоки, и, следовательно, Владычица предстала перед своим народом в первозданном виде. Единственной деталью одежды была какая-то широкая тряпка, обернутая вокруг пояса (как мне потом объяснили, называемая не то кастетом, не то корсетом).

Над площадью раздался довольный рев кентавра:

— А ничего титьки-то!

Что здесь началось!

Вся площадь дружно, от души захохотала, заулюлюкала, повторяя слова кентавра. Я даже немного оглох от этого шума.

Не знаю, чего добивался гном, но превращения казни в посмешище добился бесспорно.

Сквозь рокот всенародного веселья прорвался истошный вопль Ушастого Джо:

— ВЕШАЙ!!!

Палач (второй, усевшись на плаху и стащив колпак, ржал, вытирая слезы) в судорогах неудержимого смеха непонимающе воззрился на Джошуа:

— Кого вешать-то?

— Идиоты, вешайте их, быстро! Приказ Владыки! Оглохли, скоты! А-а-а!!! — Ушастый подскочил и накинул петлю мне на шею.

— Эй, эй! — кинулся было гном. — А последнее желание?!

— По прибытии в ад, — выдохнул мне в лицо Джошуа и, отскочив в сторону, рванул рычаг, торчащий из дощатого пола помоста.

Подо мной раскрылась дыра люка, и, естественно, я в нее рухнул. Веревка захлестнула мне шею, стягивая глотку. Грудь что-то сжало, глаза полезли из орбит, ноги искали точку опоры, я вращался вокруг себя, как поросенок на вертеле. Руки наконец разорвали путы, и я схватился за раскачивающуюся веревку, на которой меня болтало. Узел петли находился

прямо за левым ухом, и я сдуру попытался его распутать. Конечно же ничего не получилось. Я перехватил веревку в кулак и попытался подтянуться. Это мне немного помогло. Свободной лапой попытался расслабить петлю на шее. Не вышло — видно, освободил мало места. Подтягиваюсь еще, наматывая эту чертову веревку на кулак. И чувствую, что вместо того, чтобы освободить себя, я просто себя душу. В глазах стало темнеть, сердце стучало так, что было готово, проломив грудь, выскочить наружу. Воздух в легких кончался, я судорожно пытался разорвать петлю. Вокруг все поплыло, в голове забил протяжный глухой колокол. «Неужели все так и закончится?» — пронеслось в моей голове.

Треска рвущейся веревки я не услышал.

Ноги ударились о землю, затем рухнуло все остальное, то есть я сам. Голова кружилась, все тело было каким-то ватным и неестественно тяжелым. Падая, я перевернулся на спину и вот лежу самым счастливым троллем на этой земле и, разрывая петлю на шее, как в жару воду, огромными глотками хватаю воздух. Пытаюсь приподняться, но кашель прибавляет к земле.

Падающий из люка свет перекрывает чья-то тень.

— Боги Небесной Горы! Чтоб я наконец сдох! Эй, великан, ты жив?!

Через минуту-две сверху спускают лестницу.

— Лукка, отца твоего за ногу! Если ты там еще жив, поднимайся скорее!

Весь в опилках, в мусоре, я пытаюсь подняться на ноги, а когда мне это удастся, начинаю карабкаться по лестнице.

На улице все так же светило солнце, только было до жути тихо. Толпа, пришедшая поглазеть на казнь, молчала. На четвереньках вываливаюсь из люка и, поддерживаемый гномом, поднимаюсь во весь рост. Передо мной навтыжку белей белого стоял Ушастый Джо. Меня качнуло в его сторону. Он сиганул от меня, как пескарь от щуки. Тыча указательным пальцем своей клешни в меня, неубитого, он провизжал что есть мочи:

— Подлог, подлог! Владыка велит начать все сызнова!

— Вот брешет, а! — проревел кентавр. — Твоего... .... Повелителя уже гаргульи сожрали. Отпустить парня, как того обычай требует, или, клянусь всеми богами сразу, я первый подниму копыто в его защиту.

Один из соплеменников Дожа, выделявшийся из своих ярко-рыжей бородой, проорал во все горло:

— Эй, братва! Это что ж такое! Боги смилостивились над парнем и перегрызли его веревку. Все это видели. А этот, отца его за печень, шут вознамерился во что бы то ни стало придушить малого! Проклятие падет на голову тех, кто прет супротив воли Небес! Отпустить парня! Свободу ему, сво-бо-ду!!!

Джошуа, прямо как я сам, окунем глотал воздух.

— Это и называется «молот и наковальня», — съехидничал Дож. — Ушастик, ты бы отпустил парня, а? Общественность произвола не потерпит, набьет баки, как пить дать, и, знаешь, будет в чем-то права!

Джошуа истуканом пялился на меня в оба глаза. А гном продолжал гнуть свою линию дальше:

— Слышь, Джо. У твоего Владыки и так проблемы с народом, а тут такой случай! Оказать свое почтение древним обычаям и публичному мнению. Ты сам подумай. Зачем лить против ветра? А сегодня он вообще штормовой! Джошуа, ты меня слышишь? Подай слово — публика волнуется! Вон, гляди — мои уже топоры доставали.

— Да пошли вы все к... — Джошуа — Ушастый Джо, развернувшись на каблуках, подошел к краю помоста.

— Властью, данною мне... — Он с таким сожалением посмотрел в сторону пустующего балкона! — Властью, данною мне Повелителем и народом королевства Бревтон, для свершения справедливого суда во благо королевства объявляю этого человека невиновным, ибо Небеса вмешались в земной суд, дав свой знак, чему свидетелями вы были. Я отпускаю его на все четыре стороны, как того требует древний и священный обычай!

Подойдя ко мне вплотную, он прошептал, брызгая слюной:

— Чтоб до захода солнца твою задницу в городе д собаками не нашли. Понял?

— А мою? — пискнул гном.

Таким взглядом убивают на месте, прожигают дыры в стене и заставляют уста замереть навечно.

— Аналогично...

— Понял, — с деланной покорностью вздохнул гном, потом, взяв меня за руку, скорбно произнес: — Пошли отсюда, *Висельник!* Хотя до захода солнца еще и далеко, а Повелителю сейчас не до нас, но он может вспомнить о нас, грешных, и спустить наши шкуры, как платице своей горячо любимой женушки...

На ночь мы остановились на постоялом дворе «Южный Тракт». Лично у меня не было ни монеты, но гном, уходя из столицы, ухитрился умыкнуть у зазевавшегося стражника «честно выигранный» кошелек, так что с оплатой за еду и ночлег проблем не было. Гном распорядился подать «достойный наших желудков» ужин, а в придачу к еде лично для меня заказал кварту горячего красного вина. По его словам, это должно было помочь моему «шейно-глотательному отделу». Я не спорил, тем более что горячий напиток действительно позволял дышать свободнее и глотать легче.

На улице быстро, по-осеннему, темнело, в помещение внесли свечи. Расправившись с ужином, гном приказал принести пива, а для меня отвара из мяты и чабреца.

Потягивая янтарную жидкость и выпуская ароматные дурманные дымные колечки из своей глиняной трубочки, гном, прищурившись, как-то по-отцовски поглядывал на меня, хлебавшего чай.

— Ну, и куда ты теперь? — после очередной затяжки спросил Дож. — Как шея? Не болит?

— Шея нормально. Глотать только еще больно. — Я отхлебнул отвара. — Не знаю... Надо бы найти Большого Оза и убраться на родину.

— Кстати, а куда девался тролль? — Гном, откинувшись на спинку стула, сладко потянулся. — Хорошо... боги, как хорошо...

— Оз? Не знаю даже. Когда он саданул меня по голове и я отрубился, он, не сообразив, кого, собственно, уложил, кинулся по городу на мои поиски.

— Пробегав до рассвета, он умудрился оказаться за городской стеной, где очутился в сточной канаве, в коей счастливо провалялся до второй половины дня. Затем, очнувшись, не был пропущен обратно в столицу. После чего присоединился к выходящему из города торговому каравану и сейчас направляется все дальше и дальше на юго-восток, с полной уверенностью, что возвращается на север, домой, в родное стойбище. Что вас, господа, еще интересует?

Мы с гномом молча уставились друг на друга. Затем медленно повернули репы в сторону голоса.

В торце стола сидел кто-то в черном плаще с капюшоном, надвинутым на лицо.

— А ты... Вы, собственно, кто, простите?.. — нахмурился гном.

Человек откинул капюшон, представив нам на обозрение свою физиономию.

Лицо было наимерзжайшее, или наимерзавейшее, или... Короче, харя еще та! Маленькие, бусинками, глаза, мешки под ними; сухая белая кожа, покрытая глубокими морщинами; узкий, кривой на левую сторону, в вечной усмешке рот. Полное отсутствие волос на темени, средней длины, черная, с сединой, борода «а-ля козел». Самое интересное, что, несмотря на отталкивающее обличье, голос новоявленного соседа был красивым, глубоким и, казалось, наполненным мудростью веков.

— Впечатляет, — вздохнул гном и, сделав большой глоток пива, продолжил: — Ну и дальше что?

Незнакомец внимательно посмотрел на гнома: «не разыгрывает ли?», затем распустил шнуровку плаща, удерживающего ворот.

На горле, почти на челюсти, красовалась разноцветная татуировка скорпиона вокруг черно-красного кружка, разрезанного кривой линией надвое.

— Отродье и все святые! — отшатнулся гном. — Мастер Скорпо!

Несмотря на боль в горле, мне надоело молчать:

— Может, кто-нибудь мне объяснит, в чем здесь, ВАШУ БОГУ ДУШУ, дело?!

Гном, не отрывая взгляда от парня в черном, прогундосил:

— Лукка, перед тобой один из самых сильнейших колдунов на свете, один из Круга Двенадцати, мастер черной, белой и бог знает какой еще магии по имени Скорпо.

— Спасибо за информацию, гном по имени Дож — Дырявый Мешок, — откинулся на спинку стула колдун. — Пожалуйста, продолжай. Интересно послушать, как представляет тебя простой люд.

Откашлявшись, гном продолжил:

— Значит, мастер Скорпо. Отшельник. Живет, естественно, один. Учеников не берет принципиально. Говорят, имеет зуб на существующее правительство. Хотя, по тем же слухам, имеет какое-то родственное отношение к ныне правящей верхушке.

Скорпо кивнул:

— Увы, ты прав, гном. Я родной брат нынешнего Владыки королевства Бревтон.

Гном поперхнулся. Колдун между тем спокойно продолжил:

— А что здесь такого? Брат брату, как... Как там у вас говорят, тролль, «кувшин кувшину — рознь», не так ли?

На этот раз поперхнулся я сам — знать расхожие слова моего народа — это, знаете ли, ну...

Скорпо с видимым удовольствием взирал на то, как мы переваривали услышанное.

— Предупреждая ваши вопросы о моих взаимоотношениях с семьей, ограничусь лишь следующим: да, нынешний правитель действительно мой родной старший брат. И каждый из нас желает смерти другого больше, чем вы могли бы себе представить, и, поверьте, на это у нас есть очень веские причины. Почему я это вам рассказываю? Объясняю — мне нужна ваша помощь, господа. И вы мне ее окажете, так как вы оба с сегодняшнего дня мои должники.

Гном шевелил лохматыми бровями, гоня мысли в своем чердаке, а у меня неожиданно возник один вопросик, и я его задал:

— А с чего бы это, а?

— Не понял, — почему-то хором ответили колдун и гном. \

— Ну, я хочу спросить, с какого перепугу мы сегодня стали вашими должниками? — разъяснил я непонятливым собеседникам. — Вроде мы с гномом ничего у вас такого не брали и не занимали. Или все совсем не так и я что-то пропустил?

Дырявый Мешок молча рассматривал показавшееся дно в его кружке. Колдун усмехнулся:

— Видишь ли, в чем дело, Висельник. Вы должны были сегодня утром умереть, но остались живы. И причиной этому — мое искусство. Я спас вас, господа. Я подарил вам жизнь. И думаю, что жизнь не такая уж и мелочь, которая могла бы быть для вас лишней. Поправьте меня, если я ошибаюсь.

Скажу честно: для меня все услышанное было неожиданным. Но была одна вещь, которая ну... интересовала, что ли... нет, именно беспокоила!

— Дож, ты ему веришь?

— В смысле? — Гном поднял голову.

— Он сказал правду? Я верю в магию и ее силу, но... я не знаю... — я задумался, подбирая наиболее понятные слова, — как она выглядит.

Гном, сделав последний глоток из кружки, пододвинул к себе сразу весь кувшин.

— Я понимаю, о чем ты думаешь. Есть одна деталь, которая подтверждает правоту сказанного и заставляет меня ему верить: веревка... Веревка, на которой нас должны были повесить, привезена с Южных Гор.

— Ну и что?

— Ее делали гномы, сынок. Она выдержит пятерых таких, как ты. А она оборвалась... Парень, он действительно спас нам жизнь, а следовательно, мы должники этого человека.

Гном посмотрел в глаза колдуна:

— Что вы хотите от нас, мастер Скорпо? Волшебник, накинув капюшон обратно на голову, сделал знак трактирщику принести вина.

— То, что я сделал сегодня, было сделано не только из одной «любви» к братцу. Грядут большие перемены, господа, и они коснутся каждого. Мне нужны расторопные ребята, как вы, например, ибо есть вещи, которые я при всем моем искусстве и силе не могу сделать лично сам.

— Надеюсь, мы не должны кого-либо убивать? — прервал гном.

— О боги! Конечно, нет!.. Ну если только в порядке самообороны.

— Спасибо, — снова уткнулся гном в свою кружку.

— Итак, я повторяю: грядут события, в которых мне ни в коем случае нельзя «светиться», то есть быть на виду, — перевел он мне сказанное. — Господа, если вы заметили, то даже ваше «спасение» я обставил как «несчастный случай».

— А что, были другие варианты? — усмехнулся Дож.

— Почему нет? Например, просто растворить вас в воздухе, как утренний туман. Или неожиданно объять вас пламенем и в грохоте «кары небесной» перенести вас ну... допустим, прямо сюда, в этот трактир. Эффектно? О да! Но что бы тогда произошло? Простой народ убедился бы во власти, силе, правоте своего сюзерена. И, видя, как Небеса сами расправляются с врагами Владыки, поверил бы, что этот трон, эта власть, этот правитель находятся под сенью богов! А вкупе с событиями, связанными со скорой сменой правительства в конкретно данном королевстве, именно эффектный, «красивый» способ вашего «спасения» мне просто невыгоден. Поэтому все было тихо, мирно, почти само собой,

и опять же «Небеса» подпортили авторитет нашего Властелина. Ну и как вам?

— Хорошо изложено, — прищурился гном, — красиво...

— Благодарю, — шутовски поклонился колдун.

— А я, если честно, ни хрена не понял! — громко вздохнул я.

— Этот колдун мог спасти наши задницы только так, по-другому не мог — нельзя было.

Теперь понятно? — повернулся ко мне Дож.

— Более-менее... — кивнул я.

— Если я вас правильно понял, господин колдун, то вам нужны наши услуги, так сказать, в знак благодарности за наше спасение, ведь так?

— О да, мой друг! *Aquila non captat muscas!* — капюшон колдуна съехал назад, и мы могли видеть его довольную морду.

— Я не понял вас, господин волшебник. При чем. здесь мухи?

Мне показалось, что колдун осекся.

— Это древняя пословица, гном. Очень древняя... И, надеюсь, ты понял ее правильно.

— Я немного знаю этот язык, маг. Я *multi* путешествовал, *multum* видел...

Лично для меня разговор начал терять всякий смысл, в то время как эта парочка просто прожигала друг друга глазами, как те два бойца на поединке.

Не знаю, сколько бы еще они играли в гляделки, но вдруг из темноты зала вынырнула невысокая, на голову выше гнома, фигура, закутанная с ног до головы в плащ. Она наклонилась к Скорпо, что-то нашептывая ему на ухо. Под тканью плаща слышался приглушенный звон металла, а еще от этой фигуры несло... как из свинарника.

— Орк, — одними губами произнес Дож, в то время как рука тянулась к голенищу сапога, где гномы прячут свой *штоск* — средней длины обоюдоострый нож с широким лезвием.

Не думаю, что дело могло дойти до мордобоя, хотя бы потому, что свинорылый, видно, знал мага, по крайней мере, тот его внимательно, не шевелясь, слушал. Наконец орк отвалил так же неожиданно и быстро, как и появился. Гном с облегчением выпрямился и не спеша принялся выколачивать пепел из своей трубочки.

Неожиданно рассмеявшись хриплым голосом, маг обратился к Дырявому Мешку:

— Гном, тебе что-нибудь говорят имена: Огненная Борода, Железный Лоб, Потухший Горн, Крох-Пьянчуга?

Сейчас Дож больше всего был похож на деревянного идола у Сорочьего Озера.

— Ну...

— Как только что ты видел, ко мне подходил соглядатай. Ты понял все правильно — он из племени орков. А еще он из племени тех лихих ребятишек, что не любят работать при свете дня. Для этого они предпочитают другое время суток. Надеюсь, ты понял, о ком именно идет речь. Увы, иногда я пользуюсь услугами существ такого сорта, племени и профессии. Так вот, гном, — мастер Скорпо тяжело вздохнул, — минут через десять эти бравые гномы, о которых доложил орк, окажутся здесь, в добропорядочном трактире «Южный Тракт». И, как я понял, они ищут какого-то пройдоху, который выиграл у них, да еще не совсем честно (как оказалось), все деньги и в придачу уволок мешочек с чем-то жизненно важным для этих мужественных и честных парней. Ты *случайно* не знаешь этих добропорядочных ребят, Дож — Дырявый Мешок?

— Кто? Я? Первый раз о них слышу. Мастер Скорпо, господин маг, а разве мы не трогаемся в путь?

— Куда? На ночь глядя! Дож, друг мой! На улице сейчас темно и холодно, да и после такого плотного ужина просто необходимо посидеть у пылающего камина, погреть старые кости.

— А вот мне говорили, что после хорошего плотного обеда просто НЕОБХОДИМА прогулка для улучшения пищеварения и самочувствия!

— Думаешь?.. Ну, я не знаю. — Колдун опять тяжело вздохнул. — В принципе ты прав, но вот шея Лукки.

Из простого человеческого сострадания я бы не посмел тащить его в такой холод — сегодня просто ужасный ветер.

— Правда?! Странно. Когда мы заходили, был полный штиль.

— Погода, ничего не поделаешь!

— Господин маг, поймите правильно, мне просто необходимо, я бы даже сказал, жизненно необходимо тронуться в путь!

— Даже и не знаю, что сказать, гном. Надеюсь, такая поспешность никак не связана с твоими соплеменниками, которые рыщут в поисках какого-то шулера и вора?

— Ну что вы, ваша светлость! Я бы и сам с наигромادнейшим удовольствием помог этим несомненно достойным гномам в поисках и поимке негодяя. Но, увы, обеты, данные мной ранее, не позволяют мне, сударь, выполнить долг чести по отношению к вам, а также дожидаться моих соплеменников, как подобает благородному гному.

Не помню, говорил я или нет, но я уже совсем запутался и ничего не понимал.

— Дож, ты вроде никуда не торопился? — решил я на уточнение обстоятельств происходящего.

— Лукка, дружок, ты просто запамятовал! — прошипел карлик.

— Да, судя по всему, кто-то из вас двоих действительно что-то запамятовал, — неизвестно кого поддержал маг.

Повисла неловкая тишина. Видимо, каждый думал о своем. Я, например, о том, с чего вдруг Дожу понадобилось уносить ноги, да еще так скоро. Вспомнилась сцена в коридоре тюрьмы, когда гном буквально раздел стражников... Стоп, стоп! Это что ж получается, неужели тот, кого ищет ватага гномов... и есть мой новый друг?

— Ну, я пойду, наверное... — привстал Дырявый Мешок.

— Конечно, конечно, — усмехнулся колдун.

— Хочу вас заверить, господин маг, что, как только я выполню свои обеты, я, без всякого сомнения, найду вас для оказания услуг вашей светлости.

— Без всякого сомнения! Гном вышел из-за стола.

— Вы позволите сказать несколько слов моему другу?

— Пожалуйста, только, надеюсь, ты не забыл, что времени остается все меньше и меньше для... выполнения обетов?

— О да! Я все прекрасно помню. Лукка, пожалуйста, отойдем.

Когда мы отошли в сторону, гном яростно зашептал:

— Висельник, прости меня за то, что бросаю тебя одного, но мне надо уходить. Поверь и еще раз прости. Обещай мне, что будешь осторожен, хорошо?

— Ну, если ты об этом просишь... — растерялся я.

— Парень, как только я закончу со своими делами, я обязательно найду тебя.

Мне стало грустно, как будто я прощался с ним навек.

Гном сжал мои локти (до плечей он просто не доставал).

— Удачи тебе, дружище. И я с тобой не прощаюсь Скоро свидимся.

Волшебник постучал пальцем по столу:

— Ты торопился, гном!

— Да, да, конечно. *«Кастрел ман'эк тер баир таем унго ваирох тайве»*. — Гном повернулся и, закинув на спину дорожный мешок, быстрыми шагами ушел с постоянного двора.

Было грустно. Тихо потрескивали свечи, от камина шло тепло. Я рассматривал кольца древесины на столе, колдун думал о своем. Трактир начал заполняться народом, ищущим ночлег и выпивку.

— Ну, что, парень, пора бы и нам на боковую. Завтра вставать ни свет ни заря. Я так понимаю, гном заплатил за комнаты?

Говорить не хотелось, я молча кивнул.

— Ты иди, я здесь еще посижу немного, подумаю. А ты давай, ступай — у тебя был насыщенный день.

Я встал и пошел к лестнице, ведущей наверх, к комнатам для гостей.

— Эй, мастер, — вспомнил я, — а как же те гномы?

— Какие гномы? — поднял маг голову.

— Те, что кого-то ищут.

Колдун пожал плечами и нехорошо улыбнулся:

— Понятия не имею — здесь Перекресток Семи Дорог, откуда я знаю, куда свернут эти недомерки!

К обеду мы подъехали к Заблудшему Лесу. Оказывается, колдун притащился за нами на повозке, запряженной двумя мулами. Раньше я думал, что колдуны, ведьмы и другая волшебная братия все как-то больше передвигаются по воздуху, о чем и сказал Скорпо. Маг отвечал, что все это суеверия и предрассудки и что даже для самого мелкого волшебства нужны время и подготовка. Затем он спросил, а что знаю о магии я сам. Я честно и откровенно, как полагается настоящему троллю (об этом я уже упоминал), сказал, что знаю о волшебстве только из легенд, сказок и рассказов очевидцев. Колдун, удовлетворенный ответом, заявил, что принципиальной разницы между этими источниками нет, так как это все слова, а не «предоставленные неопровержимые факты, подтвержденные научной и материальной концепцией». Из всех его слов я ничего не понял, но сами слова, их подбор заставили меня задуматься о бренности жизни и надвигающейся зиме в плане заготовки запасов. Не вижу здесь ничего странного, ведь нет «ничего хуже долгой зимы и голодного тролля вдали от стойбища». На это мастер Скорпо сказал, что подобный вопрос никогда не был для него большой проблемой, так как у него всегда есть запас золотишка, а с ним не пропадешь. Когда же я поинтересовался, как и с чем его готовят, то получил хороший приступ головной боли, выслушав подробнейший рассказ о попытках приготовления золотых слитков из свинца, ртути и еще всякой разной несъестной дряни, после чего убедился в правоте сразу двух изречений. Первое: «От науки сыт не будешь». Второе: «Нуднее разговарившегося тролля может быть только разговарившийся ученый».

На вопрос о том, какая служба мне предстоит в ближайшем будущем, мастер Скорпо уклончиво ответил, что всему свое время и не стоит торопить события, так как надо решать проблемы по мере их поступления, а не спешить им навстречу. На что я заметил, что в принципе с ним согласен, но хотел бы попасть домой до наступления собственной старости хотя бы потому, что дома уж точно будут волноваться, если меня не будет очень долго.

— Не бойся, Лукка, по прозвищу Висельник, я отправил орка с весточкой для твоих домашних.

— Боюсь, что в наших краях его просто не поймут, так как трупы не страдают большой разговорчивостью. И не потому, что наши отличаются негостеприимством, все дело в простой нетерпимости к этому племени, в давних обидах и паре-тройке набегов свинорылых в наши края.

— О, теперь я понимаю, почему этот хряк спросил с меня тройную оплату за этот, как мне казалось, пустяк...

— Да. И еще... Мастер, вы меня не дослушали. Мои будут волноваться не за меня (я уже более-менее взрослый мальчик), а за окружающий меня мир и его обитателей.

— Ты буйный?!

— Нет, просто я пошел в своего дядю по материнской линии, в дядюшку Ашура. А у него были проблемы с крепкими напитками.

— Сильно пил?

— Да нет, не очень, просто когда все кончалось, он только тогда начинал пьянеть. А уж когда доходил до кондиции, все ему казались гоблинами и орками.

— И что дальше?

— Я уже объяснял вам, мастер.

— А, ну да... ну да...

Этот разговор проходил у входа в пещеру, «в наше временное, но надежное жилище». Я сгружал с повозки тюки и складывал их у самого входа. Маг все еще сидел на месте возничего и курил из неимоверно длинной трубки, в то же время перебирая четки.

— Поосторожнее с этими двумя ящиками, дружок, — я уже думал, что колдун заснул, — там стекло. Я молча кивнул, не прерывая работы.

— Про орков и ваших ты мне объяснил, — мастер Скорпо задумчиво выпустил кольцо сизого дыма, — а с гоблинами-то какие проблемы?

— Мастер, если честно, это не у нас с ними, а у них с нами.

— И в чем это выражается? Я же сказал: осторожней с ящиками!

— Если хотите, я все объясню.

— Конечно, — кивнул маг, — заканчивай со всем этим, и я с удовольствием тебя послушаю.

Быстренько, часа за два, я закончил свое повествование.

Несмотря на то что пещера была просто огромна, маг определил мне комнату почти у входа, а сам быстренько смотался в глубину «надежного убежища» Мое чуткое ухо насчитало около четырех защелкивающихся механических замков и лязг двух тяжелых засовов. Забегая вперед, хочу сказать, что колдун вскоре перестал меня пугаться, видимо, выставляя защитное заклятие, и разместил меня потом недалеко от своей комнаты.

Первую неделю я занимался только тем, что добывал что-нибудь «на пожрать», рубил дрова, ремонтировал повозку, привел свою комнату в приемлемый для проживания вид. За все это время Скорпо даже ни разу не появился из своей комнаты, но его присутствие выдавали жуткие запахи, проникающие из-за двери. Как и чем он питался, я даже представить себе не могу, не иначе как тем самым, от чего временами так жутко воняло и нехорошо кружило голову. Если так оно все и было, то могу сказать о нем только одно — повар он никудышный.

Пока волшебник сидел в добровольном заточении, я волей-неволей занимал себя тем,

что лазил по близлежащим окрестностям Судьба забросила меня в довольно красивое место — вековой лес, выросший у подножия скал. Так что пещер в округе было — как сот в пчелином улье. Любопытства ради я заглянул в некоторые из них, ничего особенного там не нашел. Только одна из них привлекла мое внимание (я назвал ее про себя «красной» из-за ярко-красного, почти багрового, камня внутри). Дело в том, что к ней единственной была проложена уверенная широкая тропа, украшенная давнишними следами конского навоза. Далеко внутрь пещеры я заходить не стал: там было просто жутко холодно. Причем если у входа в нее воздух был нормальный, теплый, то по мере продвижения внутрь первая же мысль была о зимнем тулупе и о кувшинчике забористого внутрисогревающего.

С дичью в лесу проблем не было: можно было найти практически любую зверюшку, которая могла пойти на хорошее жаркое. Уже на второй день пребывания в Заблудшем Лесу я смастерил себе подобие хорошего тролльего лука. И теперь каждый мой поход за хворостом я совмещал с небольшой, но весьма прибыльной охотой.

Спустя неделю после приезда колдун наконец-то высунул свою морду на улицу.

Самое интересное было в том, что где-то за час до того, как он вышел проветриться, к нашему дому из лесу вышли два знакомых мне мула Сами по себе, без всякого сопровождения они пришли к нашей пещере и молча устроились на травке, явно кого-то ожидая. Вскоре появился мастер Скорпо. Обозрев пришедших, он удовлетворенно кивнул и приказал запрягать, а сам тем временем вернулся в пещеру.

Как только я затянул последний узел и застегнул последний ремень сбруи, маг снова появился, таща в своей клешне среднего вида, но довольно увесистый мешок. Я хотел помочь, но маг, отстранив меня, сам, причем очень осторожно, положил груз в повозку.

— Знаешь, Висельник, а я уже было подумал, что ты дал деру.

Я гордо промолчал.

— Я знаю твой народ, Лукка. Я знаю, кем ты, как и твои соплеменники, себя считаешь. Троллем. Вы живете по их законам и образу жизни. И это оставило свой отпечаток. Вы стали похожи друг на друга. Правда, еще недостаточно для того, чтобы вас можно было спутать — кто на самом деле рожден троллем, а кто человеком. Ваша людская часть племени уже догнала своих побратимов по силе и росту. Наверное, вы хорошие воины. Этого я не знаю: за последние двести лет ваше племя не участвовало ни в одной войне, хотя вербовщики и пытались заполучить хотя бы пару ваших ребят. Но я отвлекся. Вы, люди, стали троллями. Ты сам называешь себя троллем. Ведь это так?

Все, что он говорил, было чистой правдой.

— Да.

— Отлично. Значит, если тролль не сдержит свое обещание, нарушит данное слово, то он перестает быть троллем. Это тоже так?

— Да.

— А кем же он тогда становится? Скажи мне, Лукка.

— Тенью. Своей собственной тенью. Потому как душа его никогда не причалит к Берегу.

— Я спас твою жизнь. Ты мой должник, Лукка. Я хочу, чтобы у нас все было по-честному. Я хочу, чтобы ты помог мне в моем деле, в моей мести. Обещаешь ли ты служить мне, пока я не скажу тебе: «Ты свободен от своего слова» — и не вознагражу тебя за твою службу, твоё послушание и терпение?

— Да...

Скорпо, шагнув ближе, протянул ко мне руки ладонями к небу. Глубоко вздохнув, я положил свои лапы в его ладони.

— Даю слово...служить тебе., мастер... пока смерть... или вы сами... не отпустите меня...

Пара мулов укатила восвояси, увозя с собой колдуна. Мастер Скорпо не оставил совершенно никаких распоряжений, кроме как отдыхать, набираться сил и запасов продовольствия. Сам он обещался быть через день-два и очень просил не скучать в его отсутствие. Можно было подумать, что прошедшую неделю я в гордом одиночестве веселился до упаду.

Но ближе к вечеру я неожиданно заскучал. К тому же заморосил дождик, и я, забившись в свой угол, начал всерьез подумывать, где бы добыть вина или хорошего собеседника. Хотя одно без другого, насколько я понимаю, в мире никогда не водилось. Сидя на валуне у входа в пещеру, рассматривая раннюю Старшую Сестру — первую из двух лун — и в размышлениях о несбыточном я задремал, в каком состоянии провел время почти до утра.

Солнце еще и не думало вставать, но на востоке уже можно было различить первые сполохи протирающего глаза светила. Было прохладно, и мне пришло в голову, что пора бы вплотную заняться своим гардеробом, так как безрукавка из кожи буйвола — вещь, несомненно, хорошая, но не настолько, чтобы спасти от утренних, а затем уже и от надвигающихся зимних холодов. При мысли о холодах вместе с мыслью об одежде я вдруг вспомнил, что подходящий материал для моей еще не сшитой душегрейки нахально бродит рядом. Буквально накануне я наткнулся на совершенно отчетливый медвежий след недалеко от красной пещеры.

Прикинув, что к чему, я решил не дожидаться, пока действительно наступит утро, а потихоньку отправляться в путь-дорогу за своей одеждой, а заодно и за своим завтраком, обедом и, надеюсь, ужином. А если учесть, что совершенно рядом, в трех шагах, стоит дерево с выводком пчел, то можно представить себе, какое пиршество я мог себе закатить.

Смахнув слюну, отряхнув и оправив одежду, я начал наряжаться на охоту. Проверив лук и запас стрел, я отыскал моток хорошей веревки. Веревка была гораздо хуже той, на которой пытались повесить нас с гномом, но для моих сегодняшних целей вполне подходила. Отбирая по степени годности стрелы, я неожиданно подумал о том, что совершенно не помню величины следов, а следовательно, не знаю и величину зверюги. Разумно было предположить, что здесь одними стрелами дело могло и не обойтись. Поэтому колун, до этого служивший только для рубки дров, отправился со мною на освоение нового для него ремесла.

И вот я, вооруженный, в меру голодный и холодный, отправляюсь в путь. Утренний лес всегда сквозил чистотой и прохладой. Зверюшки еще не высунулись из своих нор, а птицы не покинули гнезд в поисках пропитания. До пещеры, откуда я решил начать охоту, было не так уж далеко, но временами я просто так останавливался, любясь радующими глаза и душу местами.

Я еще не вышел к красной пещере, как недалеко послышался треск ломающихся веток. Наверняка моя шубейка-душегрейка была разбужена каким-нибудь пройдохой или просто была не допущена домой ввиду позднего прибытия. Так или иначе, она перла почти на меня, сопровождаемая шумом и недовольным ворчанием.

Прикинув путь зверя, я бросился наперерез, чтобы он уж наверняка не проскочил мимо. Продираясь сквозь чащобу, я вскоре выскочил на небольшую поляну, пересеченную тропой.

Приглядевшись, я понял, что дорожка вела к той самой пещере, от которой я и собирался начать поиски.

Резонно прикинув, что если что-то и делается, то наверняка к лучшему, я приготовился к встрече. Судя по звукам, зверюге надоело ломать ветки, и, как все приличные люди, она топала по дороге прямо на поляну. Не теряя времени даром, я воткнул с десяток стрел прямо перед собой в землю, чтобы не тратить времени потом. Колун предусмотрительно я так и оставил висеть на поясе. Как только последние приготовления были закончены, в начале тропы появился хозяин леса.

Довольно крупный экземпляр медведя шел прямо на меня, пригнув голову. Великан явно шел по следу, и я про себя воздал хвалу Небесам, что это был не мой след. Когда бурый вышел на самую поляну, он почуял мое присутствие. Я поднял лук и, натянув тетиву, прицеливался в косолапого, выжидая подходящий момент. Конечно, можно было рискнуть и попытаться попасть прямо в глаз. Но я не настолько меток, чтобы с двадцати — двадцати пяти шагов зазря тратить стрелы.

Медведь поднял голову и уставился злыми черными глазками на меня. Мамуля всегда говорила, что терпение — это не мое качество. Тренькнула тетива, и стрела понеслась. Все-таки было далековато — зверь мотнул головой, когда что-то, врезавшись прямо в лоб, отскочило в сторону, только поранив кожу. Справедливо решив, что причиной пчелиного укуса был я, зверь заревел и ринулся на меня.

В считанные секунды я израсходовал весь стоящий передо мной часток стрел, украсив косолапому всю достигаемую для обстрела шкуру. Теперь он был похож на возмущенного жизнью, разожравшегося дикобраза, который, переваливаясь с боку на бок, со скоростью хорошего гуся неся на меня. Я отбросил лук в сторону, чтобы в предстоящей свалке его, не дай бог, не испортили. Выхватив топор, я встал в стойку, чуть-чуть присел и завел оружие слева.

Я никогда не слышал, чтобы медведи прыгали на свою жертву (тьфу, не сглазить!), я хотел сказать, на своего противника, подобно волку или какому другому тигру, льву и т. д. Этот прыгнул. Видимо, совсем одичал. До меня оставалось шага два, как он буквально воспарил над землей.

Единственное, что я смог сделать, чтобы не оказаться под тушей зверя, так это отскочить в сторону. Правда, я еще поддал «пролетающему» мимо топором по заднице, дабы тот знал, кто сегодня главный.

От такого отношения к природе медведь осатанел окончательно. Кажется, уже ничего не соображая, он поднялся на задние лапы и пошел на меня.

— А глаза у тебя действительно бешеные! — Хорошо, что у топора была длинная рукоять. Колун прошелся бурому по зубам, пробуя их на вкус.

Медведь мотнул головой, наверное прикидывая, чего и сколько во рту у него не хватает.

— Ты, придурок, давай договоримся! Шкуру мне, мясо оставь себе, и разойдемся по домам!

Я рубанул его еще раз, но уже по протянутой лапе.

Явно показывая свое несогласие, зверь умудрился сигануть на меня еще раз, и самое обидное было в том, что это ему удалось! Я внизу, он сверху, еще немного — и здесь такое начнется! Я пошел ва-банк. Окровавленные клыки зверя лязгали у самого моего горла. Каким-то образом я ухитрился вывернуть собственную левую и двумя пальцами въехать ему в глаза. Зверюга негодуя заревел дурным голосом, а я тем временем, несмотря на

хлынувшую мне в морду кровь, все двигал и двигал свою левую клешню вперед, в то же время высвобождая из его объятий правую, сжимающую удлинённый *штоск*, который по совету Дырявого Мешка я начал носить за голенищем.

Зверь лапами старался вытолкнуть мою руку из своего черепа, тем самым дав возможность поработать правой, вооруженной рукой. Взмах влево, взмах вправо — обоюдоострое лезвие вырывало клоки шерсти и кожи из горла противника, выпуская на волю реку жизни. Рев перешел в хрип, кости основательно затрепали под тушей обмякающего зверя. Моя кровь с разорванных рук смешивалась с медвежьей. Еще раз извернувшись, я змеей выскользнул из-под агонизирующего зверюги. Сжатые легкие буквально разрывались от долгожданного воздуха.

— Да что ж вы все меня придушить хотите!

Несмотря на то что меня просто безумно шатало, я подхватил валявшийся на земле топор.

Зверь еще дергался. С наступающим ужасом я понял, что этот громадный окровавленный кусок расстающегося с жизнью мяса просто жаждет забрать своего убийцу с собой на Другую Сторону Великой Реки.

Никогда не думал, что мой голос может быть подобен рыку раненого медведя:

— ДА СДОХНИ ЖЕ ТЫ, *жакхе* ОТРОДЬЯ!!! — Колун врезается в голову зверя проламывая кости, разбрызгивая кровь и мозги.

Солнце уже основательно решило встать, когда я наконец очнулся. Тошнило, хотелось пить. Видимо, Удар, прикончивший зверя, лишил меня всех сил. Его неподвижная туша валялась у самых моих ног. Я привстал, опираясь на топор. «Надо бы не забыть найти стрелу», — это последнее, что пронеслось у меня в голове до того, как я увидел ЭТО.

На восточной стороне поляны стоял белоснежный единорог. Восходящее солнце било из-за скал над красной пещерой ярким белым светом. И в этих лучах божественное создание просто светилось небесным, неземным. Такое существо могло родиться только на благословенной земле, среди облаков, окутывающих пики гор, возвышающихся над бренным миром по недосмотру богов. Ибо нельзя пускать на грешную землю такую красоту. Иначе не сможет земля жить и дальше так, как будто ничего и не видела. Не сможет — умрет... Умрет, как умирают люди, достигшие высшего знания, понимая, что больше незачем жить...

Я встал на колени, не поднимая глаз. Моя душа сжалась до размеров мотылька. Я еле дышал от восторга и страха.

На мою окровавленную голову, обогранные плечи опустилось дыхание морского ветра. Не смея дышать, я приоткрыл глаза.

В упор на меня смотрели самые прекрасные в мире огромные карие глаза. Я читал в них все: мудрость, сострадание и боги знают, что еще...

Мне стало стыдно:

— Не корысти ради, а токмо волею...

Единорог, глубоко вздохнув, отошел от меня и, не поворачивая головы, горделиво ступая, пошел прочь от красных скал, обогральной травы, от смерти, посетившей лесную поляну в это утро.

Почему-то жить больше не хотелось...

Спустя пару дней, когда я уже заканчивал свою душегрейку, явился мастер Скорпо. Маг прибыл в явно приподнятом настроении.

— Эй, Лукка, ты здесь не заскучал без меня?! О, да я вижу, ты не теряешь времени даром — готовишься к зиме. Молодец, молодец! Зимы здесь холодные. Ладно, прикрывай свою портняжную мастерскую, у нас сегодня маленький праздник. Там, в повозке, специально для тебя, изголодавшегося, парочка-другая кувшинчиков доброго зерстского красного вина.

Я взглянул на весельчака исподлобья. Не спеша, отложив работу, подошел к повозке, вытащил объявленные предметы.

— Куда нести-то, мастер?

— Парень, что с тобой? На тебе лица нет! Что-то произошло? Или ты обиделся, что меня долго не было?

— Да нет, все нормально.

Я подхватив сразу все четыре амфоры, поплелся в пещеру.

«Интересно, с чего он такой радостный? Либо Владыка ноги протянул?»

Через полчаса стол был накрыт, вино разлито по прозрачным маленьким кружкам. Подогретое мясо аппетитно дымилось на больших медных блюдах. Скорпо поднял свой стакан:

— Ну, за скорое свершение всего желаемого, тролль! — Маг, выпив вино, похлопал себе

по губам: — Крепкое, однако!

— Вино как вино, — проглотил я одним махом содержимое своего стакана. — Что там в мире творится?

— Суета, мой друг, сплошная суета. — Колдун приступил к жаркому. — Кто-то кого-то травит, кто-то кому-то изменяет. Помнишь женушку нашего Владыки, моего братца?

— Ну...

— Представляешь, наставила рога своему благоверному. И знаешь с кем? С сержантом городской стражи, стоявшим на посту у ее покоев. — Маг тяпнул по второй. — А когда их застукали, представь, она заявляет: «Этот благородный воин не мог допустить, чтобы вражеские комары и вши терзали мою бедную плоть, и достойно, мужественно гонял их по всей постели». Нет, каково, а! Скандал, скандал...

— И как он теперь, с рогами ходит или спилил их?

— Кто... с рогами... спилил... ходит... — запнулся маг, поднося следующую порцию ко рту.

— Как «кто»? Владыка, конечно. Вы же сами сказали: «наставила ему рога».

— А-а-а! Ты, мой друг, не понял — «наставить рога» — это такое выражение, словесно-речевой оборот, обозначающий, что один из супругов изменил другому. — Маг таки выпил.

— Что значит «изменил»? — Я налил вина в эту крохотулю, выпил, потом, плюнув на приличия, достал из-под стола свою кружку, набухал в нее винца, одним глотком выпил, еще раз наполнил.

— И сколько здесь? — уставился на мой сосуд маг.

— Кварта. Так что значит «изменил»?

— Ну, переспал, значит. — Маг стал раздражаться, а заодно и заплетаться. — Переспал, ну... вот... да... Я внимательно взглянул на волшебника.

— Сударь, да вы, кажется, немного пьяны.

— Кто, я? — Маг внезапно захохотал дурным голосом. — А кто я? Где я? С кем я?..

— Так, все понятно. — Я встал из-за стола и, подхватив колдуна на руки, понес в его берлогу. Однако немного же ему хватило.

— Отпусти меня, дурень, — промямлил Скорпо, тем временем умудряясь свернуться у меня на руках калачиком. — Я тебя в осла превращу, когдааа-аа... вссс-ёёё-ё...

Так как дверь в комнату Скорпо была закрыта, а мне было неловко лазить в поисках ключа по чужим карманам, то я свалил его прямо на пороге, предварительно подстелив клочок прошлогоднего сена. Их волшебное величество, сладко зевнув, сгребло под себя половину стожка и мирно захрапело.

Допив первую амфору и доев свою долю жаркого, я решил распрячь все еще стоявших в повозке мулов, а заодно разгрузить привезенные вещи.

Тюков было штук шесть, и, кстати сказать, довольно внушительного веса и размера, пара ящичков и один сундучок. Мне было интересно, что он всю дорогу таскает с собой. Но согласитесь, лезть в чужие дела не пристало приличному троллю. Поэтому я просто делал свою работу — брал, нес, укладывал на место груз, шел назад за следующим. Когда на повозке остался один-единственный ящик и сундучок, я решил не тратить времени попусту и отнести оставшееся за один прием.

Вскинув ящик на плечо, я прицепился к кольцу на крышке сундучка и пошел. Поставив все это рядом со спящим колдуном, я с удивлением обнаружил, что сундук открыт. Дело в том, что кольцо на крышке являлось и ключом-секретом: повернешь его определенным

образом — сундук и откроется.

Содержимое сундучка частично высыпалось на пол, частично осталось внутри. Я испуганно взглянул на Скорпо, но тот что-то тихо мямлил себе под нос, не забывая пускать бульки.

У меня под ногами валялись какие-то мешочки, баночки, пара свитков, в общем, ничего интересного. Встав на колени, я быстро сгреб все это, чтобы положить на место, открыл крышку и замер... Что-то слишком часто я в последнее время пугаюсь, поражаюсь и вообще. На этот раз в данное состояние меня ввергла книга, лежащая на дне. Большой кусок материи, в которую она была завернута, съехал в сторону, и с обложки на меня смотрело самое величайшее существо в мире — белый единорог.

Громкий стон поднял меня на ноги. Не разобрав спросонья, что к чему, но поняв одно: «беда, враги, проблемы, утро», я взлетел в оборонительную позу, выхватывая нож одной рукой и продирая глаза другой. По мере восстановления четкости зрения обнаружилось, что входная дверь заперта, а стонет и охает сам волшебник в своей келье. Не пряча ножа, как можно осторожнее я приблизился к двери и заглянул внутрь.

Мастер Скорпо лежал на широкой кровати с мокрой тряпкой на голове и выдавливал из себя звуки боли и жажды. Я зашел к нему в комнату, предусмотрительно спрятав руку с ножом за спину. Великий колдун приоткрыл веки и тут же уронил их обратно.

— Луккка-а... друггг-х мойййй-й... — колдун еле ворочал языком, — не могxxx-х бы ты...

Силы у мужика были явно на исходе. Да, а ведь совсем недавно и я был таким же. Значит, ночью он таки попал к себе через закрытую дверь да еще умудрился сотворить себе этот, как его, мудреное такое слово... компресс! Великая вещь магия. Трезвый ли, пьяный, а дело свое знает в любом виде! Пива у нас нет, но где-то был рассол. Плохая замена, но что есть. Ладно, сейчас будем лечить.

Через щелочки глаз маг смотрел так жалостливо, что я решил поторопиться. Собираясь идти за «эликсиром», я немного развернулся в сторону, опуская руку с ножом. Волшебник мгновенно открыл глаза и с истошным воплем перекатился через кровать. Вынырнул он оттуда уже в боевой стойке с мечом. Ножны, кстати, он так и оставил на клинке. Приоткрыв левый глаз, покачиваясь и нечленораздельно рыча, маг пытался сохранить равновесие. После недолгих колебаний он наконец обрел его на полу.

Я обошел ложе, додумавшись перед этим спрятать так напугавший волшебника нож, и взглянул на страждущего.

Один из Круга Двенадцати, мастер черной, белой и бог знает каких еще магий по имени Скорпо возлежал на проеденном молью ковре с закрытыми глазами, в луже чего-то мокрого и вонючего, с самой идиотски-блаженной миной на лице, смотрящий строго вверх, подобно флагштоку на башне, не выпуская из своих закостеневших рук меч.

Когда во второй раз колдун вынырнул из бадьи с холодной дождевой водой, его глаза обрели первые признаки разума. Чтобы маг не умудрился утонуть, я держал его за бороду, так как ухватиться было больше не за что по причине природной плешивости. Закрепляя успех возрождения, я повторил вынужденную экзекуцию несколько раз. Когда Скорпо начал плевать водой и пытаться размахивать руками, я выволок его наружу.

Больной обреченно смотрел в небо, выплевывая остатки воды. Перевалился набок, встал на четвереньки.

— Мастер, я вам тут рассолу принес. — Я старался сохранить видимость полного

сострадания и серьезности.

В первый раз за все время нашего знакомства маг предстал передо мной без своей мантии, в одном исподнем. Видок был еще тот! Льняная рубаха без воротника, не иначе как с помощью магии переходящая в обтягивающие штаны с кармашком спереди. Помимо этого чародей был мокр до неприличия. У меня еле хватило воли, чтобы не заржать, как лошадь. А тот молча встал и, пошатываясь, прошел мимо. Вот тут я зажал кулак между зубами, потому как сил не смеяться больше не было: костюмчик Скорпо дополняла квадратного вида деталька, болтающаяся внизу, совершенно не скрывая всей прелести престарелой мужской... ну, этой самой... Скажу одно: что бы там ни говорили про колдунов и ведьм, по крайней мере у этого хвоста не было!

Пока я приходил в себя от новых познаний в портняжном искусстве, колдун, скрывшись в пещере, развил бурную деятельность. Это было слышно по доносившимся оттуда звукам передвигаемых предметов и тихой ругани. Кого он там поносил и по какому поводу, я так и не понял.

— ЛУККА!!!

От такого рева можно зайкой стать, тем более что я никак не ожидал, что его глотка способна издавать звуки подобной громкости.

— Лукка, боги тебя за все подряд!!!

О, колдун, кажется, немного разъярен. Когда я появился на пороге, весь мой вид говорил о молчаливой покорности. Я даже подчеркнул это жестом, подсмотренным в заезжем балагане, — ковырял землю носком сапога.

Колдун уже успел натянуть на себя мантию, но что-то в его облике привлекло мое внимание, что-то еще, кроме дикого перегара и косящих в стороны глаз, было не так. Но что?

— Лукка, ты открывал этот ларец? — Колдун тряс его в руках (или его руки так тряслись?).

— И да, и нет, мастер, — вроде как виновато промямлил я, продолжая выворачивать пласт земли своей задней лапой.

— Не понял... — Скорпо перестало трясти.

Пальцы ноги уперлись в твердую породу, в камень наверное, и я перестал изображать смущенную эльфийку.

— Я вчера перетаскивал вещи, а эта штука возьми и откройся. Я подобрал упавшее и аккуратно сложил обратно. Вроде ничего не разбилось.

— А книга, она тоже выпала? Ты трогал ее?

— Нет, а зачем? Когда я складывал барахло, я, конечно, ее видел — тряпка сдвинулась, но так, конечно, нет. Может, я и из забитой деревни, но трогать магическую книгу! Я не самоубийца.

— Хорошо, хорошо, — поостыл Скорпо и тут же хитро прищурился. — А почему ты решил, что она магическая?

— Так там же единорог нарисован, а он, ну... — запутался я, — ну вы сами понимаете.

— Понимаю, понимаю, — кивнул волшебник, — теперь все понятно... Извини, Лукка, я немного перепугался за эти магические вещи. Ну и за тебя, конечно. Ведь никогда не знаешь, как та или иная магическая вещь отреагирует на *невошебника*. Извини, пожалуйста, просто я хочу, чтобы у нас с тобой все было хорошо. Лады?

— Да, конечно... — Честно говоря, я был немного растерян от такого потока

вежливости и заботы. — Я могу идти?

Волшебник улыбнулся:

— Иди, *и пусть будет правильным твой путь!* — Глаза у меня округлились. — Это цитата, мой друг, — слова другого великого человека или из произведения.

И тут до меня дошло, что необычного в Скорпо так привлекло мое внимание. Стараясь не улыбаться и принимаясь за разрытие второй ямки, я прошелестел:

— Мастер, вы мантию надели не только наизнанку, но и задом наперед.

Вечером Скорпо, сев за ужин, начал «серьезный разговор».

— Лукка, как ты уже понял, я, а точнее сказать, мы находимся в конфронтации с нынешним правителем. Тогда в «Южном Тракте» я признался, что нынешний правитель Бревтона — мой родной братец, который старше меня на двенадцать лет. Причина нашей вражды банальна, как мир, — месть. Справедливая месть.

— Итак... — Колдун, наполнив кружечку вином, пододвинул к себе жаркое. — Итак, я постараюсь быть краток. Много лет назад мой родной братец, тогда еще его звали просто Локо, взошел на престол нашего государства. Как он туда попал — пропустим, главное в другом: попал он туда не без моей помощи.

— Попробую угадать. Локо, став Владыкой, забыл о младшем братике, верно? Кстати, вы бы не пили больше, а?

— Завязал, — кивнул маг, добив свою порцию, и принялся за мясо. — А ты, оказывается, можешь быть умным парнем, тролль.

Мамуля всегда говорила, что «дураками рождаются только мертвые дети».

— Ты почти угадал, — продолжал колдун, — но он не забыл обо мне, наоборот, он хорошо обо мне помнил. Помнил, кто я и что я для него представляю. По устному, «братскому», договору мне отходила одна пятая королевства, причем именно та, которую выберу я сам. Когда пришла пора подписывать бумаги, меня просто выставили за дверь.

— Вот так просто взяли и послали?

— Увы, но это так!

— Но вы же маг, колдун, волшебник! Идти против вас — это хуже, чем лить против ветра! Мокрым уже не будешь! Будешь просто мертвым или еще того хуже — зверьком каким или ромашкой!

— Во-первых, наша мать. Она бы прокляла меня. Братец умудрился склонить ее на свою сторону. А если учесть то, что мама была очень сильной колдуньей, это было бы просто небезопасно. Во-вторых, Конклав Двенадцати стер бы меня с лица земли, потому как Локо умудрился запастись документами, опубликование которых доказывало, что его приход к власти состоялся с моей помощью. Магической помощью. Здесь уже вступает в силу этическая сторона: в самом начале организации Конклава маги наотрез отказались вмешиваться в большую политику. Дальше братец сделал очень крутой ход: он пригрел Конклав на территории Бревтона, и теперь мои коллеги на него просто молятся.

Рассказывая все это, маг не забывал отдавать должное ужину. Количество мяса на общем блюде уменьшалось с упомрачительной быстротой.

— Но теперь все изменилось. Мама умерла. В Конклаве наступил долгожданный раскол. У меня появился шанс не только вернуть свое, но и стать... — Колдун красивым жестом отправил в рот последний кусок жаркого. — Стать не только во главе Конклава Двенадцати, но и единственным конкретным магом на близлежащие восемь королевств.

Я вздохнул. Искренне и тяжело.

— Ну, не надо принимать все так близко к сердцу, Лукка, — с набитым ртом пророкотал колдун. — Поверь, все еще можно исправить!

— Да?! — воспрянул я духом.

— Уверен! — весело кивнул маг.

— Тогда выплюньте, пожалуйста, то, что еще не проглотили, а то мне сегодня ни хрена не досталось!

По замыслу Скорпо мне было необходимо пройти «путь воина», то есть научиться правильно проламывать головы и выламывать руки. Можно подумать, здесь нужно знать что-то особенное. У нас в деревне этим делом народ каждую зиму занимается. Не считая случаев скандалов в семьях и игр детворы. Но раз волшебник приказал — я обязан слушаться.

И вновь два мула тащат повозку по размытой осенней дороге. Завернувшись в новую душегрейку, я выслушивал последние поучения мага.

— Ты, конечно, очень сильный парень. Но, поверь на слово, сила без умения ее правильно направить подчас бывает просто бесполезна. Возьмем случай с медведем — тебя спасла только твоя сила и ловкость. Но представь, что, пройдя обучение, ты станешь еще более ловким, быстрым. А если бы ты познал некоторые приемы боевого искусства, то тогда бы не пришлось зашивать раны на руках — медведь просто не успел бы их нанести. Ты хочешь спросить, для чего это нужно? Отвечу: Живой и здоровый ты мне нравишься больше, чем мертвый или раненый. И еще, — вспомнил что-то маг, — ты там это... поосторожней как-нибудь, не покалечь никого...

По приезде в пригород Меридена колдун вручил меня маленькому, чуть больше гнома, шустрому дедку с узкими глазами.

— Вот ваш новый ученик, учитель Айдо. Надеюсь, вы сделаете из него грозного и дисциплинированного воина.

Айдо обошел вокруг меня, словно лиса вокруг курятника.

— Большой парень... Очень большой. Откуда родом?

Только я открыл рот, как вместо меня заговорил Скорпо:

Он из племени троллей, что живут в Вечной Долине.

Учитель Айдо недоверчиво уставился на мага:

— Мастер Скорпо, вы меня разыгрываете! Какой же это тролль?

— Я — тролль, — вставил я слово, покоробленный таким недоверием.

— Люди этого племени называют себя так, потому что уже не одно поколение живут вместе с настоящими равнинными троллями.

— Уж не хотите ли вы сказать, что передо мной *ханг фахтр*? — нахмурился узкоглазый.

Я не понял, что сказал коротышка, но звучание слов мне не понравилось.

— Думаю, что нет, хотя кто его знает, может быть, где-нибудь в самом начале совместного проживания. Но дело не в этом. Учитель Айдо, — маг взял его под руку, — мне не нужен свехубийца, просто научите его правильно драться, исходя из того, что он уже умеет.

— А оно что-то умеет?

— Уважаемый, прошу вас. Я прекрасно понимаю ваше негативное отношение к определенным племенам, но не надо это демонстрировать хотя бы перед ним.

— Ладно, ладно, я все понял. Сколько времени у меня есть на обучение?

— Как минимум до середины зимы, но вполне возможно, что и до весны. Я еще точно не знаю, когда мне понадобятся его услуги. Поговорим об оплате...

Кроме меня, учитель Айдо обучал еще двоих остолопов. Невысокого и тоже узкоглазого парня звали Ильд-Ми, а молодой восточный эльф со шрамом через все лицо назвался Ватгилем. Как стало известно позже, Ильд-Ми обучался у Айдо уже давно — лет восемь, а эльф попал к нему два года назад.

Парень жил с учителем в одном доме со смешной, в завитках, крышей, а меня поселили в одну хижину с эльфом. Первый день я занимался только тем, что наблюдал, как двое учеников под бдительным присмотром наставника мордовали друг друга. Честно говоря, я так и не понял, в чем суть этих козлиных прыжков, переворотов и звериных выкриков. В нашем стойбище все подобное происходило степенно и, что называется, за раз. Пять минут, и кому надо лежать — лежит, а кому не надо... ну, по-разному бывает. Ближе к вечеру учитель Айдо поинтересовался моими впечатлениями. Я честно и откровенно поделился своим недоумением. Коротышка ничего не сказал, лишь приказал приготовить ужин и заготовить топлива на ночь. Вторая, как и первая, ночь в Меридене прошла в полной темноте, но не в тишине. Ватгиль сразу же после ужина приходил в хижину и, упав ничком на циновку, отворачивался к стене. Мои потуги разговорить эльфа ни к чему не приводили. Парень, наверное, просто глор, когда ускользал от пристального вора учителя. А еще он кричал во сне. Попытка разобрать его бред приводила меня в трепетный ужас — такой ругани я не слышал даже от Дожа — Дырявого Мешка. Ночной треп эльфа пестрил разнообразием языков. Я умудрился, помимо эльфийского и немного гномьего, различить еще речь орков и даже гоблинов. И скажу одно: мой друг гном мог спокойно отдыхать, если бы в соревновании по площадной ругани участвовал бы Ватгиль. Особо заострило мое внимание то, что парень очень часто бурчал два имени, а именно: *Йавиэвэн* и *Лосдрауг*. Если первое, Йавиэвэн, он произносил с тоской и нежностью, то Лосдрауг он вплетал в такие словесные обороты, что я волей-неволей краснел в темноте.

Подняли меня пинками. Сначала я просто решил не обращать внимание, но потом мне врезали палкой по заднице, и я решил узнать, в чем, собственно, дело. Учитель Айдо, злой, а это было, похоже, его обычное состояние, и не в меру вспотевший велел выметаться на свежий воздух.

Солнце еще спало, а Младшая Сестра только собиралась на покой. Воздух был действительно свеж до неприличной прохлады, о чем я доложил учителю. Тот, несказанно удивившись, предложил согреться, пробежавшись до речки и обратно. Вспомнив слова Скорпо о подчинении и послушании, я, тяжело вздохнув, побежал. Видно, Айдо тоже немного подзамерз, так как составил мне компанию. И вот тут я понял, как мало все же знают нас люди. Типичный пример: для того чтобы по праву называться мужчиной, молодой тролль должен пройти ряд испытаний, и первое из них — он должен бежать до тех пор, пока в небе не появится первая звезда. Потом, вернувшись обратно к тому месту, откуда начал свой бег, пройти по вытянутой веревке с миской, наполненной до краев водой. Естественно, не пролив ни капли. Ради потехи ему составляет компанию почти вся мужская половина стойбища. Ладно, я отвлекся.

Мысленно прикинув расстояние до речушки (где-то с полчаса хорошего галопа), я решил поскорей отделаться. Когда Айдо наконец-то доковылял, я, искупавшись, смыл пот, а заодно успел наловить рыбки на завтрак. Для этого, пока никто не видел, я снял штаны и, завязав внизу, использовал их как сеть.

Едва учитель появился на берегу, я взял обратный курс. Ребята уже встали и лазили в поисках еды. Так как учитель безнадежно отстал, я принял командование по завтраку на себя. По прибытии старичка на место его обрадовали известием, что ему таки перепала пара рыбешек.

От такой нечаянной радости Айдо, скрипнув зубами, скрылся у себя в доме. Появился он через час, бодрый и веселый, в черном одеянии с поясом. Старик Кис-Бродяга рассказывал, что такие тряпки носят в столице в домах: зажиточных парней и зовутся они чудным словом — пинджама.

— Ну-ка, господин скороход, — вежливо обратился он ко мне, — посмотрим, что ты у нас за птица!

С этими словами он взвился в воздух. Босая пятка старичка врезалась мне в челюсть, а через мгновение другая угодила в лоб. Ощущение было такое, словно столкнулся с сосной по пути домой после четвертого кувшинчика ржаного самогона. Разница была лишь в том, что обычно сосна немного меняет свое положение относительно земли, а я устоял на месте.

Айдо, приземлившись, фыркнул и снова пошел в атаку. На этот раз он пустил в ход свои кулаки, быстро обработав мне торс и грудь, а напоследок постарался заплести косичку в моей гриве. Я решил не отвечать чисто из уважения к сединам противника. Не скажу, что его удары были безболезненными, но все-таки не такими, как у нас на «стеночной» потехе.

Учитель в принципе мог бы скакать вокруг меня и дальше, пока бы ему это не надоело, но меня задел за живое язвительный смех Ильд-Ми. Поэтому, когда учитель в очередной раз прыгнул, я просто немного отошел в сторону. Дед по инерции просвистел мимо (видно, он собирался все-таки уложить меня сегодня!) и так как в полете останавливаться просто не умел, то использовал для приземления лыбящегося ученика. Эльф, удивленный, бросил взгляд на меня и, одобрительно кивнув головой, отошел в сторону. Так, на всякий случай.

Старик, решив, вероятно, что был недостаточно быстр, прямо с места в прыжке ринулся на меня. Вот здесь я еле сдержался!!! Сразу вспомнилось, как отправляют на пару недель отдыхать зарвавшихся парней, стремящихся с размаху, с лету уложить противника, — здесь главное вовремя и по делу резко выставить кулак. И вместе с тем проскочили прощальные слова Скорпо: «Ты там это... поосторожней как-нибудь». Я стоял в позе заботливой матери, укачивающей младенца. Я не удержался и даже попытался промычать что-то вроде «баю-баюшки, баю...». Ватгиль не выдержал и взорвался высоким симпатичным смехом. Старик покраснел и щучкой вынырнул из моих нежных объятий — можно было подумать, что его так уж особо сильно удерживали.

— Так, хорр-р-р-ошо. — Айдо поманил меня ладошкой. — Теперь, медведь, твоя очередь. Нападай!

— Не буду, — я скромно потупился.

— Почему? — искренне удивился учитель, сделав шаг навстречу.

— Не буду, и все, — пробурчал я в ответ.

— Но почему, Отродье тебя раздери?! — Удивлению Айдо, похоже, не было предела.

— Мастер Скорпо велел никого здесь не калечить, а по-другому, боюсь, не получится... — пробубнил я.

— Что, что, что? — Дед подошел ко мне еще ближе, а я тем временем принялся за изучение облаков, проплывающих по небу.

— А мастер Скорпо не говорил тебе, что я здесь всем распоряжаюсь?! И что меня ты обязан слушаться и выполнять мои приказы, какими бы они ни были! Это тебе понятно,

кретин?! — разорался старик.

— Понятно, — вздохнул я. И хотя невежливое «кретин» относилось, как я считал, в этом случае не совсем ко мне, оно все же задело. — Понятно, — повторил я и резко вскинул руку, метя дедушке Айдо между глаз. — Чего тут непонятного!..

Пока я продолжал внимательно изучать облака, мирно проплывающие по небу, верные ученики доставали своего учителя из кустов акации, что росла рядом с поляной-площадкой.

Непобедимый Айдо выглядел так, будто по нему прошло стадо обезумевших бизонов. Костюмчик явно нуждался в капитальной штопке, пояс вообще где-то потерялся, морда, впрочем, как и все остальное, была расцарапана в кровь. Последним штрихом к портрету были вылезающие из орбит глаза и неприятного цвета синь или, точнее сказать, чернь, расплывающаяся вокруг глаз.

Пострадавшего со всеми почестями отнесли в дом. Причем старик Айдо все время пытался посчитать количество своих зубов, приговаривая при этом только ему одному понятное «жаль...». Через несколько минут после всего этого из дома, спеша, как на попойку, вылетел Ильд-Ми. Глаза его светились багровым, а в руках плясал длинный, чуть закругленный на конце меч. Я оставил изучение окрестностей на потом и приготовился. Прав был мой папаша, утверждая, что «страшнее дурака в праведном гневe может быть лишь обезумевший дурак».

Итак, Ильд-Ми приближался ко мне с поразительной быстротой, заноса свою железку все выше и выше, явно готовясь к смертоубийству. Мне не оставалось ничего другого, кроме как нырнуть под руку, когда он таки рубанул, и отправить обезумевшего парня по пути, ранее проложенному его ненаглядным наставником.

Его уже доставал я сам с помощью Ватгиля, который при этом все еще хохотал, как безумный. Если в самом начале обучения мне было, честно говоря, не до смеха, то здесь я не выдержал и тоже скупом усмехнулся. Не скажу, что мне было очень уж смешно, просто... ну просто за компанию, наверное...

Когда были наложены все повязки и смазаны все царапины, мы с Ватгилем решили немного потренироваться, так сказать, без присмотра старших. Для этого я зарезал и приготовил на костре небольшого кабанчика с хозяйского двора, а эльф в это время сбегал до самого Меридена за парочкой мехов вина, резонно рассудив, что для большой науки никогда ничего не бывает лишним, особенно если в кладовых пива по-нормальному хватит только на одного. На одного меня, разумеется.

Учеба закончилась далеко за полночь, причем Ватгиль умудрился натренироваться так, что его пришлось просто нести до постели. Наверное, первый раз за долгое время эльф спал молча и счастливо. Я же, поразмыслив, что не очень хорошо оставлять больных без присмотра, решил среди ночи навестить оных. И не моя беда в том, что к тому времени Ильд-Ми, не выдержав, надумал выползти, я повторяю — именно выползти во двор по малой нужде. Потом я честно и откровенно ему заявил, что без терпения и выдержки ни один воин не может стать настоящим мастером. Поэтому нечего орать на меня, размахивая под носом своими лубками. Я даже привел ему в пример учителя Айдо, который молча ходил под себя и не выступал.

Утро разбудило меня уже далеко не первыми лучами и задорным звоном стали. Не спеша потянувшись, я поднялся, вознамерившись объяснить Ватгилю, что по утрам нормальные люди вообще-то спят, а не занимаются самоистязанием на предмет боевой выучки. Выглянув на улицу, я обомлел.

Эльф, вооруженный двумя легкими мечами, отмахивался от толпы, человек в шесть, незнакомых мне парней. Причем отмахивался довольно лихо, судя по тому, что лужайку уже испортили своим видом три трупа. Все были настолько увлечены поэзией боя, что даже меня не заметили. Резонно рассудив, что бьют все-таки наших, я осторожно вернулся в хижину, отыскал свой лук, с которым сюда и приехал.

Как я уже говорил, он был подобием тролльего лука. Но очень хорошим подобием. Поэтому я не удивился, когда первая стрела, попав в голову одного из нападавших, просто снесла его с поля брани.

— Эй, Ватгиль, помощь нужна? — вежливости ради напомнил я о себе, накладывая на тетиву следующую стрелу. Эльф, ничего не ответив, продолжал орудовать мечами. — Нет, ты только скажи, может, ты хочешь сам их...

Стрела, коротко свистнув, швырнула второй труп на нападающего бандита. Тот споткнулся, потерял равновесие и раскрылся на свою погибель — меч эльфа достал его горло. Парень, выронив оружие, схватился за рану и медленно завалился набок, орошая землю рекой жизни.

В третий раз выстрелить я не успел. Один из этих громко хрюкнул (орки?!), круг рассыпался, и я в долю секунды усмотрел что-то, летящее в мою сторону. Увернуться я не успел. Острая сталь распоролла мне плечо и врезалась в дверной косяк за спиной. В дереве торчал странного вида нож — без ручки, с двух сторон — остро заточенные лезвия. Мало того, что эта штука разрезала плечо, так еще и умудрилась походя срезать мне тетиву. Хороший лук совершенно без всякой магии превратился в шест высотой с меня. Ладно, думаете, что этой штукой я пользоваться не умею. Нет, ну где вы видели тролля без дубины, а?

Ближайший супротивник потерял равновесие, когда я шестом врезал ему по ногам. Парень развалился на травке, неудобно подмяв под себя руку с мечом. Я не стал давать ему время на то, чтобы подняться, и хорошо звезданул прямо по шлему, скрывающему морду. Бандюган замер, видимо находясь в шоке от такого выпада, и в драку больше не вмешивался.

Тем временем Ватгиль, убив еще одного, вплотную перешел к выяснению отношений с оставшимся. Я хотел было помочь, но эльф прекрасно справился без меня. Бандюк яростно защищался, однако остаться в живых после такого града ударов, разносящих в щепки щит и броню? Видимо, под конец схватки Ватгилью захотелось произвести на меня впечатление, и он запустил голову противника свечкой вверх посредством одновременного удара двумя мечами сразу.

Покончив со своей жертвой, эльф повернулся лицом к лесу, Впрочем не забыв причудливым, но красивым движением стряхнуть кровь с клинков. Я подошел к нему, сжимая в руках шест.

— Думаешь, гости еще будут?

— Не знаю... — Ватгиль пристально всматривался в лесную чащобу.

— Ребята к тебе приходили?

— Не знаю... они напали сразу. — Он повернул ко мне обезображенное лицо. — Не представились даже...

— Непорядок, — согласился я. — По-моему, один еще дышит, если хочешь, можем пообщаться.

Когда с оглушенного супротивника сняли шлем, я не особо удивился, увидев перед собой хрюшку орка. Тот очумело водил глазами, прямо как учитель Айдо после

показательной схватки со мной. Эльф обыскал бедолагу, но не нашел ничего, кроме туго набитого кошелька и целой охапки перевязанных между собой шнурков. Такое макраме было не чем иным, как обыкновенным оркским письмом. К сожалению, ни я, ни Ватгиль не обладали необходимыми знаниями, чтобы его прочесть.

— Эй, мурло, — довольно вежливо обратился я к пленному, — говорить можешь?

Тот, гордо хрюкнув, обложил нас на довольно паршивом общем.

— Значит, можешь, — сделал я вывод. — А вот скажи-ка нам, мил чело... тьфу, прости меня, боровчик ты наш, хрюшечка недорезанная, а вот какого вы здесь со товарищами забыли?

Орк, гордо вскинув буйную головушку, попытался отвернуться, но наткнулся дырочкой пяточка на острие ножа, предупредительно подставленного Ватгилем. В поросячьих глазках родилась искра ужаса и тут же погасла.

— Так, понятно... Значитца, господин свинтус, — протянул я глубокомысленно, — говорить с нами брезгует...

— Наверное, полагая, и по справедливости полагая, — подхватил эльф, — что недостойны мы ни внимания его, ни беседы...

— Совершенно согласен! — кивнул я. — Брезгует, гад!

— Но я думаю, что мы-то им не побрезгуем... Я на пару с орком непонимающе уставился на Ватгиля.

— Лукка, ты говорил, что у нас проблемы с провиантом? — спокойно протянул эльф. — Мясо, говоришь, уже как дня три кончилось?

Орк, вывернув голову, с надеждой посмотрел на меня, ни-чего-здесь-не-понимающего. Эльф между тем продолжал:

— А еще ты говорил, что прекрасно готовишь свинину? Ведь ты же говорил, тролль?

— Тролль?! — хрюкнул было орк, но заткнулся под легким нажимом ножа.

— Ну, говорил... — Кажется, до меня начало доходить, к чему вел Ватгиль.

— Великолепно. — Эльф опустил на колено и, глядя прямо в глаза орка, с очень неприятной улыбкой процедил: — Тогда не будешь ли ты так любезен приготовить этого кабанчика на вертеле, зажаренного целиком. Только маленькая просьба — я люблю мясо с кровью, но чтобы корочка была очень-очень прожарена... на медленном огне.

— Не посмеешь, тварь, хрр-р, — наконец прорвало орка, — подавишься!

— Я пошел костер готовить. — Эльф поднялся на ноги. — Лукка, свяжи пока его.

— Ага. — Я тоже поднялся. — Эй, Ватгиль, а где у нас вертел и все приправы? Эльф недоуменно обернулся.

— И еще, — решил я уточнить, — ты как хочешь, а я эту дрянь под любым соусом жрать не буду. Извини, не смогу.

Ватгиль свесил голову на плечо:

— Да... ладно...

— И еще! Тебе его как? По-анширски, по-восточному, по-хлабустиански со сметаной и яблоками или просто так поджарить, без всяких затей, в смысле живьем?

— Раб тэндха! Чтоб ты сдох, недоносок! Да чтоб ты забыл дорогу домой, сосунок! Чтоб тебе... — Короче говоря, он выложил нам все.

Дело было так. Этот героический орк с ватагой друзей уже давно «работал по найму». То есть кто сам не может, тот и платит, ну а ребята всегда готовы протянуть руку, то есть копытце, помощи. За приличные деньги, конечно. На этот раз их нанял какой-то мужик в

черном плаще. Дело было в трактире «Семь Дорог». Кто он и что он — орк не мог вспомнить, несмотря на занимающиеся дрова. Целью оказался... Ватгиль. Кстати говоря, парень не особо удивился и не обрадовался, когда орк, кряхтя, назвал сумму гонорара.

Мы с Ватгилем рассудили, что задание они не выполнили, а значит, награду не заслужили, и деньги, естественно, переходят в руки несостоявшейся жертвы. И знаете, орк не протестовал и даже с удовольствием согласился с нашими рассуждениями.

Орка мы заперли в погребе. А сами, пересчитав деньги и собрав трофеи, отволокли трупы в лес, где и захоронили. Все это время Ватгиль молчал и все больше мрачнел. Смотреть на его постную морду у меня уже не было никаких сил, и, выбрав момент, я решил поговорить с эльфом.

— Дружище, — начал я издалека, когда солнце уже клонилось к закату и мы сидели в своей хижине, — мне кажется, нам надо объясниться. Начнем с того, что мне надоели твои ночные кошмары. Может быть, я лезу не в свое дело, но, с другой стороны, мы спим под одной крышей, и если тебе доставляет удовольствие орать по ночам, то у меня нет никакого желания все это слушать. Дальше. Сегодня... Опять же я лезу не в свое дело, хотя и прибыльное, но в то же время мне интересно, какого... ээ-э-э... В общем, парень, выкладывай, в чем проблема, хотя бы потому, что мне чуеться, что сегодняшний визит не последний и ты забрался в эту глушь не от великой радости. Короче говоря, рассказывай!

Ватгиль пожал плечами и ненадолго задумался.

— Лукка, ты прав уже в том, что это совершенно не твое дело. Было не твое дело. Но ты уже в него ввязался, когда не дал меня убить. И ты опять же прав в том, что сегодняшний визит не последний. Придут еще. Я знаю. А если так, то...

Эльф рассказывал всю ночь. Временами срываясь на крик и ругань, временами просто прекращая рассказывать. А дело было так.

Жили-были эльфы. Два племени, то есть два клана. Клан *скворжо* и клан *вито*. Все было хорошо, пока не прибили по пьяни сына вождя клана *вито*. А так как кто-то должен быть виновным, то в смерти парня обвинили Ватгиля и его брата, которые совершенно нехстати в тот день, в том месте и в то время шлялись рядом. Как признался покрасневший эльф, они пошли договариваться о свидании с прекрасной Йавиэвэн, которая приходилась убиенному какой-то двоюродной родственницей. Пока шли словесные разборки на тему «кто же это все наделал», вообще дальний родственник, седьмая вода на молоке, некий Лосдрауг, сколотив ватагу, пошел войной на соседей, «мстя за любимого братика». В ход пущены были мечи и стрелы, полилась кровь. Война затянулась на долгие пять лет. Уже на второй год вождем *вито* стал этот самый Лосдрауг, так как вождь со всеми родственниками мужского пола скоростижно погибли в неравных схватках с врагом. Вызывало сомнения только то, что ребята не все умерли в бою, а кто-то в постели, кто-то на поминальном пиру, подавившись элем. Как сказал бы Дож — Дырявый Мешок: «полный набор, на любой вкус и цвет».

К третьему году войны Лосдрауг вдруг предложил перемирие. А чтобы мир был крепче, решили поженить Ватгиля — младшего сына вождя *скворжо* и ту самую Йавиэвэн. Все равно голубки в минуты затишья бегали друг к другу миловаться и мечтать о светлом будущем. И вот в Ночь Звезд, на церемонии помолвки, на которой присутствовали вождь *скворжо* и его близкие родственники с одной стороны и Лосдрауг с компанией с другой, налетели лихие парни в масках и всех покромсали. Точнее, почти всех. В живых остались только сам Ватгиль, его нареченная Йавиэвэн и Лосдрауг с компанией. И тут до

Ватгиля дошло, в чем, собственно говоря, дело. Лосдрауг просто решил стать во главе *вито*. А так как право трона по наследству ему не грозило, он и затеял опасную игру. Убив сына вождя, он, обвинив соседей, начинает войну. И под шумок убирает конкурентов. Когда грязное дело было сделано, до Лосдрауга дошло, что рано или поздно война закончится, настанет мир и есть реальный шанс, что соплеменники поймут, что нынешний вождь пришел к власти не совсем честным путем. И только боги знают, чем все это может кончиться. Мир невыгоден, но он близок. Настает Ночь Звезд, которая кончается резней. Вожди кланов мертвы. Одни обвиняют других и наоборот. Война продолжается. Но той же ночью Ватгиль умудряется остаться в живых. До своих ему дойти не дают, отрезав все пути и объявив на него охоту. Лосдрауг дает понять молодому эльфу, что если он обронит хотя бы полслова правды, то оставшаяся в заложниках Йавиэвэн умрет. Недолго думая Ватгиль исчезает. Но, как оказалось, о нем не забыли. Его помнят, и его ищут...

Когда эльф закончил свое повествование, наступило утро.

— И вот я пришел к мастеру Айдо, он взял меня учеником, не подозревая, кого он принял. Остальное ты знаешь.

— И что ты думаешь делать дальше?

— Не знаю... может, уйду. Наверняка найдется место, где меня не найдут.

— А девушка? Она жива?

— Да. А еще я знаю, она ждет меня... — печально улыбнулся эльф, свесив голову.

— Нехорошо. — Я тоже улыбнулся.

— Что плохо? — откинул волосы со лба Ватгиль.

— Нехорошо девушку заставлять ждать! Ладно, вставай, пошли!

— Куда? — не понял потерпевший.

— Как куда?! Набить рыло этому Лосдраугу, а заодно жениться на Йавиэвэн. Чего ты уставился, поднимайся, или ты думаешь, у меня так много времени?! До середины зимы мне еще нужно вернуться обратно!

С учителем Айдо мы договорились быстро. Он даже не возражал. Только что-то невразумительное просипел и опять, отвернувшись, заснул. Правда, Ильд-Ми попытался возникнуть, но я поинтересовался состоянием его лап, и он больше не возникал.

Прежде чем отправиться в Талат-Гален, родину Ватгиля, мы зашли в Мериден на предмет закупки провизии, оружия и того, на чем побыстрее добраться.

Поначалу эльф предложил купить верховых лошадей, но я со стыдом признался, что ездить верхом не умею по той причине, что ни одна лошадь меня просто долго не выдерживает. После долгих споров, точнее будет сказано, уговоров купили хорошую четверку лошадей и крытую повозку. Следующий наш визит был нанесен местному оружейнику. Вот здесь эльф показал, что не зря корпел у Айдо целых два года. Два легких кривых меча, эльфийский лук, кольчужка, целый набор метательных обоюдоострых ножей и много еще чего, — в общем, арсенал Ватгиля состоял из легкого вооружения и разных штучек, предназначенных для метания. Я выбрал самый настоящий троллий лук, который хозяин лавки не мог продать, поскольку редко кто мог оттянуть тетиву хотя бы наполовину. По совету эльфа хозяин подобрал мне хороший боевой посох, а я, не поборов искушения, приобрел свою мечту — тяжелый боевой топор и опять же тяжелый цеп.

Когда покупки были сделаны, хозяин не удержался и спросил, на какую войну мы собираемся. Я честно признался, что никакой войны нет, просто я с другом собрался на свадьбу, и предложил хозяину составить нам компанию. Мужик отказался, сославшись на

занятость и торговлю. Мы же, в свою очередь, не стали настаивать.

На второй день пути мы подкатили к знакомому мне трактиру «Южный Тракт», тому самому, где я в первый раз столкнулся с мастером Скорпо.

За время моего отсутствия трактир совершенно не изменился. Первым делом после обустройства с ночлегом я поинтересовался у хозяина насчет моего друга гнома. Увы! Никаких весточек мне не перепало. Скромно перекусив, мы рано легли спать, чтобы встать вместе с солнцем. А вот с утра у меня кружилась от счастья голова, пело сердце и болели бока.

Когда наша кибитка приблизилась к знаменитому Перекрестку Семи Дорог, то... сначала я не поверил своим глазам! В самом центре, прямо на земле, сидел этакий тролль на перепутье, а именно сам Большой Оз! Я остановил коней прямо около тролля и, перевесившись с козел, кротко поинтересовался:

— Эй, громила, а не кажется тебе, что тебя вместе с твоей большой задницей давно уже ждут дома!

Оз неторопливо повернул голову, и его радостный крик испугал лошадей:

— Лукка! Нашел! Лукка!

Лошади отпрянули и понесли, эльф матерился так, что рев тролля был еле слышен:

— Спасать! Лукка! Спасать!!! Когда лошадей кое-как осадили, а тролль наконец-то догнал нас, мы обнялись.

— Лукка... живой... — шептал Большой Оз мне на ухо, не забывая слизывать горькую мужскую слезу, выкатившуюся из глаз, — искал... за тебя боялся... Жрать есть?

— Есть, есть, — выдохнул я, стараясь выбраться из тролльих объятий, — конечно, есть!

Дорогу в Талат-Гален мы коротали уже втроем. Я, решив, что Оз будет хорошим шафером на предстоящей попойке, взял парня с собой, несмотря на молчаливый протест эльфа. Счастливый тролль болтал весь путь, рассказывая о своих приключениях.

— Ты пропасть, я волноваться. Начал искать. Заблудился. Злые люди выгнали Оза из города. Оз обиделся. Оз побил злых людей. Пошел искать домой помощь. Шел долго. Опять заблудился. Встретил гном. Хотел съесть. Славный гном сказал, куда идти. Оз поверил. Пошел обратно. Пришел туда. Куда идти, не знаю. Злые люди опять смеяться над Оз. Оз побил злых людей. Есть хочу. Сидел ждал. Ты пришел. Я наелся. Я тебя люблю. Куда едем?

Когда тролль все это рассказывал, эльф тихо мрачнел и бледнел.

Не выдержав, я обернулся к Ватгилю:

— С тобой все в порядке?

— Нннеет! — выдавил тот из себя.

— И в чем же дело?

— Ты хоть понимаешь, кого ты тащишь с собой? — полушепотом, полурыком выдавил эльф из себя. — Он же, он же... — парень задохнулся, — гоблин и тот умнее.

— ГДЕ ГОБЛО?! — плотоядно озираясь, радостно подскочил перворожденный. Повозку накренило, лошади второй раз за день нацелились понестись куда глаза глядят.

— Показалось, Озик, просто показалось! — успокоил я оголодавшего, предусмотрительно натягивая вожжи и укоризненно глядя на эльфа.

— По поводу ума я, к сожалению, согласен с тобой, — с горечью вздохнул я. — Но, во-первых, впредь я советую выбирать слова, во-вторых, он мой родич...

— Родич?! — совсем задохнулся бедолага.

— Дальний. Но не в этом дело. Начнем с того, что, несмотря на внешний вид и речь, он

не так глуп, как сначала может показаться. Он все слышит и понимает. А еще он просто незаменим в обороне, не говоря уже об атаке, и так же хорошо разбирается в пиве, элэ и...

— Хрр-п-птт-ё! — глубокомысленно отвечивал эльф, закрывая глаза.

А повозка тем временем катилась все дальше и дальше, пока под конец недели не прикатила в Талат-Гален.

Талат-Гален представлял собой, по-моему разумению, самый большой, дремучий и непроходимый лес на свете. Я даже немного засомневался в правдивости слов Ватгиля по поводу стремления того самого Лос-друга к власти. Нет, ну подумать только, кем здесь можно править?! Мухоморами и поганками? Хотя, если вспомнить, сколько на столичном рынке просили за полгорсти *фэла*. — сушеного мухомора... Короче, Ватгилю я все же поверил. Да и сама Власть, говорят, штука такая... нужная. И, по тем же рассказам, даже в чем-то приятная.

— Что делать? — первым не выдержал Большой Оз, когда наша кибитка остановилась у края леса. Я толкнул думающего о своем эльфа:

— Что дальше делать, знаешь?

— Нет... — отрицательно покачал головой Ватгиль. — Надо бы найти кого-нибудь из *скворжо*, узнать, чего да как. Но, если меня узнают, боюсь, об этом станет известно Лосдругу и моей невесте просто перережут горло.

— И что же нам делать? — Я повернулся к троллю: — Оз, как думаешь?

— Идем в гости, — ответил тот без колебаний.

— Ну, ладно... Ватгиль, куда ехать-то?

Ватгиль устроился на дне повозки. Чтобы парень до поры до времени не отсвечивал своей красотой, его закидали разным барахлом. Оз сидел за кучера, я же выполнял роль впередсмотрящего, временами согласовывая с эльфом наш путь. Парень умудрился найти дырочку в борту повозки и в промежутках между общением со мной наслаждался видом окрестностей.

Когда по идее мы должны были миновать полпути, наш караван тормознул отряд дозорных. Штук семь эльфов, и, как успел шепнуть Ватгиль, *вито*, выстроились стеной на лесной дороге, дружелюбно изготавив для стрельбы луки.

Четверка запряжных лихо остановилась, и я встал во весь свой рост, не столько приветствуя лесных братьев, сколько демонстрируя полное отсутствие оружия и доспехов. Эльфы молчали, ощупывая взглядом нас и наш транспорт. Первым заговорил я сам, пытаясь направить переговоры в нужное русло:

— Горячий привет, парни! Мы немного нездешние. Вот в гости решили заглянуть. Кто у вас тут главный? Нам до Лосдруга добраться надо.

Старший неохотно разжал зубы:

— Кто вы и что вам нужно от вождя?

— Надо же, Лосдруг уже вождем стал! — изобразил я искреннее удивление. — А ведь был же полным заср... тьфу, — к месту поперхнулся я, — был простым воином. А нужно немного — подарочек передать да на свадьбе погулять (Ватгиль, скрипнув зубами, издал нечленораздельный стон).

Эльф удивленно вскинул брови:

— О какой свадьбе ты говоришь, чужестранец? Подражая вопрошавшему, также вскидываю свои надглазные заросли:

— Я не понял, нам, что, не нальют? От моего возмущенного тона подпрыгнул не только

Ватгиль, но и Большой Оз:

— Вот козел!

Эльф, растерявшись, замигал очами.

— Наверное, вы имеете в виду свадьбу прекрасной Йавиэвэн? Но не думаю, что...

— И правильно, — грубо перебил я, — мой папаша всегда говорил, что «думать очень вредно для здоровья, особенно для ног и других конечностей». Поэтому ты, парень, давай подсаживайся к нам, проводишь до Лосдрауга, а то еще кто-нибудь привяжется, а у нас и так времени..

Что было такого в моем голосе, в моей позе и негодующем взгляде Оза, я не знаю, но этот эльф поехал с нами.

Только повозка скрылась за поворотом, как у горла нашего нового попутчика невесть откуда появилось острозаточенное лезвие *стоула* — длинного кривого эльфийского ножа.

— Мир тебе, о Пинвол, — мягко произнес Ватгиль, — да продлятся твои дни и не вспомнят тебя дурным словом.

Оз подстегнул лошадей, и наша компания покатила намного веселей.

— Знаешь, Пинвол, этот тролль страсть как любит хорошую скорость. А на этой лесной дороге просто море ям и ухабов. Так что, надеюсь, ты не будешь в большой обиде, если я вдруг немного поцарапаю твою прекрасную нежную кожу?

— Знаешь, Ватгиль, — в тон отвечивал эльф, — я не думаю, что ээ-э... «поцарапанным» буду нужен тебе больше, чем... «непоцарапанным». Я даже думаю... — тут мы с Озом на пару хмыкнули, — я думаю, что ты бы очень меня обязал, убрав этот *стоул* подальше, и приветствовал меня, как подобает сыну вождя... — Повозка вдруг подскочила, наехав колесом на кочку. — И останови эту телегу!

Когда нож был убран, а кибитка остановлена, мы с Озом удивленно взирали на дружеские объятия двух эльфов.

— Эй, Лукка, Оз! — со смехом вскрикнул Ватгиль. — Позвольте представить вам славного Пинвола, кузена прекраснейшей Йавиэвэн.

Тот, учтиво поклонившись, весело взирал на нас, маленько обалдевших.

— Нас должны были наспиговать стрелами, как только вы ляпнули о предстоящей свадьбе. Ну, да ладно! Все хорошо, что хорошо кончается!

— Господа, — отсмеявшись, Пинвол заговорщически подмигнул, — здесь есть прекрасная поляна. Думаю, там мы, будучи в безопасности, сможем нормально поговорить.

— Увы, Ватгиль, — после первого кубка задумчиво произнес эльф, — к сожалению, должен тебя огорчить. Свадьба действительно будет.

«Женишок», поперхнувшись красным скамским, пролил почти полкубка на траву. Оз с сожалением тяжело вздохнул.

— За кого? — откашлявшись, выдавил из себя эльф.

— Ты его не знаешь. Старейшины после той Ночи Звезд долго не могли найти вождя. Потом, отыскав какого-то сосунка, буквально заставили его принять клан под свою руку. Самое смешное в том, что его родня совершенно от этого не счастлива. Ну, а Лосдрауг решил закрепить мир между кланами этой женитьбой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А Йавиэвэн, как она?

— Как? Да никак! Помнит, думает, тоскует. Но Лосдрауг через родню и Совет нажал на нее. и она, как эльфийская девушка из приличной семьи... Даже старейшины пикнуть не

посмели.

— Гад, — глубокомысленно выдал Оз, наливая себе шестую кружку.

Пинвол, с интересом взглянув на тролля, допил свою порцию и продолжил:

— Он политик и, к нашему большому сожалению, имеет право на законную власть.

Почему все молчат?

Вы не знаете наших законов, наших обычаев. Ни один эльф не сможет пойти против истинного перворожденного. — Хитро прищурившись, эльф налил себе еще. — Конечно, если тот не опозорит себя бесчестным или ну очень нехорошим поступком.

— А если он вдруг того, умрет? — задал я напрашивавшийся вопрос.

— Тогда дети его будут вождами. А если их нет, то в самом худом случае — женщины, родственницы последнего вождя по старшинству крови.

— Значит, Йавиэвэн — последняя, кто имеет законное право возглавить клан *вито*! — уточнил Ватгиль.

— Как и ты, сын вождя *скворжо*. Ватгиль задумался. После очередного круга вина Пинвол решился продолжить:

— Это не все плохие новости. В наших краях появились отряды орков, и, судя по всему, они подчиняются Лосдраугу.

— Что?! — Эльф буквально подскочил на месте.

— Но неявно, — спокойно продолжал Пинвол. — Ходят, бродят. То исчезают, то появляются. Вреда не делают. Я так думаю, их нанял сам Лосдрауг. На всякий случай. Самое мерзкое в том, что в их отрядах видели гоблинов, а это уже...

— Гоблины?! Где? — с надеждой второй раз за день подскочил Оз.

— Он их... — Я запнулся. — Не любит.

— Ну... — хотел меня поправить тролль.

— НЕ ЛЮБИТ! — категорически заявил я.

— Что, совсем? — на всякий случай уточнил несчастный.

— Пока да.

Ватгиль с Пинволом непонимающе уставились на нас.

— Старая история, — застеснялся я, — потом расскажу. Давайте лучше еще понемногу, а?

Ближе к вечеру мы были пьяны в стельку. В смысле эльфы были пьяны, а я с Озом так, ничего. Когда мы прикатили в самое эльфийское стойбище, то бишь в деревню *вито*, там уже было все готово к предстоящему свадебному торжеству. Не хочу сказать, что все случилось, как в сказке, — вовремя. Но ведь так действительно получилось! Эльфийская свадьба — самая долгая и нудная церемония на свете. Один только выкуп невесты продолжается дня три-четыре. Мы прибыли на второй день.

Забыл упомянуть про то, что все это праздничное действо происходит ночью, когда солнце уходит за горизонт. Не знаю, почему все так задумано, я не силен в чужих религиях и обычаях.

Небесное светило ушло на покой, когда наша полупьяная телега буквально ворвалась в центр процессии. Молодой эльф, разодетый, как еще та девица, в сопровождении совершенно трезвых сотоварищей вяло выкупал вход в деревню. Лосдрауг, весь из себя, с кислой миной на морде стоял, как того требовал обычай, на входе в деревню и тупо выпрашивал у жениха, а зачем он, так сказать, приперся, требуя калым соболями и песцами.

Повторяю, наша полупьяная повозка, разбрасывая все на своем пути, ворвалась в

деревню *вито*. Думаете, нам обрадовались? Нет! Сминая свиту, четверка лошадей прорвалась в центр поселения и гордо замерла там.

— Что это значит, о славный Пинвол? — Лосдрауг, отойдя от процессии, явно нервничал. — И кто эти... — Он запнулся, всматриваясь в сумерках в лицо Ватгиля, укрытое капюшоном плаща.

— А хрен его... — Пьяный в умат эльф свалился с козел. Но все-таки, встав перед правителем клана, пошатываясь и глупо улыбаясь, проорал: — Подарочек вот-вам, тебе припё... привез..

— Да ты пьян! — несказанно удивился Лосдрауг.

— Кто, я? — Пинвол, отвернувшись, быстренько проблевался. — Да ни в одном глазу!

На Лосдрауге лица не было. Он подошел вплотную к Пинволу и прошипел в отдающее жутким перегаром лицо:

— Будто мне не хватает забот в эти дни без тебя. Кто этот тролль и иже с ним?

Пинвол качнулся, но, удержав равновесие, представил нас:

— Это? Это тролль по имени Большой Оз из Вечной Долины и его родич Лукка по прозвищу... — Он мотнул башкой, разгоняя качающийся воздух. — По прозвищу Висельник, и тоже из тех же мест... соо-о-о-ответсссс-твенно...

— Тоже тролль, да?

Эльф нетрезво, но утвердительно качнул головой:

— Да.

— Пьянь поддорожная!..

— Кто? Я? А я не пьян. Я даже очень почти трезв! И вообще: пошел *всхад*, узз-зурп-п-пф-фаторр!

— Что?! — выкатил глаза глава клана.

— А что слышал, — из последних, сил крикнул эльф и свалился прямо на руки вождя.

Пока шла разборка по понятиям, к нам набежала куча разных других эльфов. Лосдрауг буквально кинул счастливо дышащее тело одному из соплеменников и обратился к нам, брызгая слюной:

— Я, Лосдрауг, глава клана *вито*, племени эльфов. И я спрашиваю вас, кто вы и какого стада вы здесь?

Мамуля говорила: «Не грубите троллю. Никто не знает, чем все это может кончиться... И когда».

Большой Оз, прыгнув с повозки, схватил Лосдрауга за плечи и, не обращая внимания на толпу эльфов и их оружие, вмазал лбом в лоб, после чего начатметодично, тем же способом, вдавливать эльфу основы вежливости и такта:

— Я — тролль! Хочу пить. Хочу жрать. Хочу домой. Зачем грубить. Зачем мешать мне мой путь?

Друзья потерпевшего рьяно кинулись на его защиту. Большой Оз отмахнулся от первой волны тем, что было у него в руках, — Лосдрауг истошно завопил. Появились первые жертвы. Решив, что традиционная свадебная драка без меня не будет значимой и запоминающейся, я ринулся всей своей тушей в толпу.

Кого-то снесло, кого-то просто придавило. Я работал кулаками и ногами до тех пор, пока вокруг меня не образовалась некоторая пустошь.

Весь в чужой крови, исцарапанный и недобитый, я гордо стоял спиной к Озу, который, подобрав из кучи тел Лосдрауга, продолжал его воспитывать:

— Зачем ругаться? Зачем грубить? Ты меня слышишь? Зачем молчишь? — Каждая реплика тролля сопровождалась неприятным глухим шлепком.

— Оз, смотри не убей малого! Он нам еще для разговора нужен. Слышишь?

— Слышу, слышу! — отозвался тот.

На землю рухнуло что-то тяжелое и мокрое.

А вот это, кажется, было сделано немного зазря! Как только тело Лосдрауга встретилось с землей, Большой Оз удивленно вытащил из ляжки первую стрелу. Стрела была тяжелой и совершенно черной.

— Орки!

Большой Оз сиганул под защиту повозки. Сам я, не теряя времени, кинулся в ту же повозку за оружием.

Что больше всего меня удивило в тот вечер, так это наши лошадки. Они даже не дернулись от свиста летящих стрел и гомона вокруг. Наверняка тот раздолбай, гордо именующий себя торговцем, даже и не подозревал, что продал нам самых что ни на есть настоящих боевых коней.

Из повозки я вылетел с посохом в руках. Ватгиль, подав первые признаки протрезвления, тормозил Пинвола, уговаривая его встать.

Я вертел посохом перед собой, как мельница, — очень быстро, как учил старик Вул. И спасибо за науку ему, покойному. Тяжелые стрелы, что летели в меня, просто отбивались обожженным деревом. Ну, если не считать тех двух, которые все-таки зацепили меня.

По мере того как напор летящих снарядов ослабевал, я медленно, но верно продвигался к тому месту, откуда велась стрельба. Когда осталось не более полусотни шагов, навстречу гурьбой высыпали орки. (

Большой Оз, успев вооружиться топором, пошел громить левый фланг, а я бросился расчищать пространство перед собой. Более-менее протрезвевшие Ватгиль с Пинволом атаковали правую сторону, забирая к центру. И мне ничего не осталось, как лупить встречных и других в шерсть и в гриву.

Ватгиль здорово орудовал своими мечами, Оз, как заправский дровосек, вырубал просеки в рядах орков, Пинвол после многих лет молчаливой покорности и трезвости вновь почувствовал вкус к жизни и колошматил свинорылых подобранным копьем.

Махаловка была еще та! Ватгиль, в очередной раз оправдывая свою добровольную ссылку к Айдо, творил чудеса. Что только не выделял эльф с похмелья! Парил птицей над противником, отбивал стрелы, шел в атаку один против десяти, выныривал, как призрак, с тыла, не забывая помогать товарищам. Под конец орки просто щемились от протрезвевшего, а мечи эльфа без устали забирали свинные жизни.

Кстати, сами эльфы в битве почему-то не участвовали, а просто, отойдя в сторонку, наблюдали за мордобоем, подбадривая дерущихся выкриками и лозунгами.

И вот все кончилось. Последний орк, дергаясь в судорогах, сдох. Ватгиль, стряхнув кровь с лезвий мечей, принял красочную позу. Большой Оз, перестав дубасить мертвеца, вытянул стрелу из плеча, разъяренно уставился в глубь леса, надеясь найти, на ком еще излить свой гнев. Сам я, отряхнувшись от вцепившегося в меня намертво дохлого полухряка-получеловека, оглянулся на эльфов, с любопытством и страхом взиравших на нашу бригаду.

— Ну, мож, хоть скажете что?! — проорал я. Пинвол, кряхтя и пошатываясь, поддержал меня:

— *Вито* Приветствуйте Ватгиля — вождя *скворжо*, пришедшего к вам, дабы правый

суд свершился!

Оставшиеся *вито* вылезли из своих закутков и как по команде разом, очень дружно затагнули:

— Ватгиль! Ватгиль! Наш вождь Ватгиль!

Тот прямо-таки расцвел, а толпа, войдя в раж, скандировала все громче и дружнее, буквально становясь на колени:

— Ватгиль! Ватгиль! Ватгиль!

Сын вождя стоял посреди деревни, весь в крови, пьяный, и не только от победы. Мне было очень неудобно, но я все-таки подошел к нему:

— Парень...

— А?.. — отвлеченно повернул тот потное, но светящееся лицо.

— Парень, мне очень неудобно тебя отвлекать, но... — Я запнулся.

— И что там еще?.. — размяк эльф.

— Лосдрауг ушел...

Поддерживаемые *вито*, мы прочесали лес. Злыдень ушел, прихватив с собой Йавиэвэн. Ватгиль рвал и метал, Пинвол кусал в кровь губы, Большой Оз, тихо рыча, на ходу выковыривал ножом наконечник орочьей стрелы из плеча. Меня же теребила одна неприятная мысль. Поймите меня правильно, но орков было как-то мало. Я ожидал намного больше. Выходит, если я не ошибаюсь, то Лосдрауг с уцелевшей ватагой и девушкой за компанию либо уйдет из Талат-Галена, плюнув на все, либо спрячется и будет выжидать, подстрекая орков к вылазкам.

Стоп! А почему орки вообще слушаются этого эльфа? Да еще как слушаются! Дрались за него как обезумевшие. Просто преданы телом и всем остальным. Что у них с Лосдраугом может быть общего? Деньги? Очень даже может быть. Но хряки их быстро тратят на жратву и выпивку. Выпивка? Но Талат-Гален закрыт для купцов, а сами эльфы народ малопьющий, сегодняшняя попойка тому пример. Вроде крепкие ребята, а умудрились нализаться так, будто... будто... О боги, мои и чужие! Я со всех ног кинулся к Пинволу.

— Слышь, эльф! Тут грибов много?!

— Каких грибов? — не понял тот.

— Каких, каких! Разных. — Я был очень раздражен такой непроходимой тупостью эльфа. — Поганки, мухоморы всякие.

— Да навалом, а что?

— Ты ведь лес должен хорошо знать. Если здесь есть пещера, то рядом должно быть просто поле, засеянное этой пятнистой дрянью.

Пинвол, на минуту задумавшись, вскинул голову:

— Эгей! Есть такое место!

— Веди! Да побыстрее. Оз, Ватгиль, давайте за нами. — Я поддал Пинволу под зад для ускорения. — Орки не уходят отсюда из-за *фэла* — сушеного мухомора. Они его рабы. Лосдрауг там.

Чудная штука этот *фэл*. Изготовить — мозгов много не надо, все, что нужно, — мухомор, костер, вода, а потом ветер для просушки. Солнце и огонь не годятся — может рвануть. Кто раза два-три подряд попробовал — все, считай, раб этой дряни. Говорят, хуже гномьей водки отравы нет. Есть! Фэл.

Может, я и ошибаюсь, но у орков есть одна слабость — пьянь. Ну, а эта штука в такой рай кидает, что, если не устоишь потом, все, считай, пропал. Давай еще и еще! Сам я не пробовал — дорого очень, но у нас, в Долине, был один такой. Под конец возомнил себя птицей певчей и попробовал взлететь. Уже два года где-то летает.

Лучи просыпающегося солнца, пробиваясь сквозь кроны вековых деревьев, кое-как осветили вход в пещеру, недалеко от которой в засаде устроились мы.

— Оз, видишь что-нибудь? — *Рожденные троллями* очень хорошо видели в темноте.

— Нет. Чую, — отозвался громила. — Орки. Много. Внутри. Жрать будут.

— И что у них сегодня на завтрак? — с ухмылкой спросил Пинвол.

Троль глубоко втянул в ноздри воздух и мечтательно улыбнулся:

— Грибы...

Неожиданно ухнула сова. Поздновато для этой птахи, вон уже *Младшая Сестра* ко сну собирается. Словно в ответ из пещеры показал рыльце орк. Осмотревшись, что-то хрюкнул и скрылся обратно. Готов поспорить, далеко от входа он не ушел. Зато с другого конца опушки разом вынырнули два орка, тяжело таща большой кожаный мешок. Эльфы потянулись за стрелами.

— Погодь, мужики, успеете еще! Ватгиль, ты можешь пропороть этот мешок, но не очень сильно?

— Ну... — недоуменно протянул эльф.

— Так давай!

Пожав плечами, эльф выудил из рукава метательный нож и, почти не целясь, запустил его. Острое лезвие точно попало в мешок и застряло в нем. Но даже отсюда было видно, как тонкой струйкой на землю посыпался какой-то порошок. Ха, какой-то?! *фэл*, собственной персоной, или я не троль! Ничего не заметившие орки скрылись в пещере.

— И что дальше? — Пинвол заметно нервничал.

— Дальше? Готовимся к бою, парни!

— Я ничего не понимаю! — сорвался Ватгиль. — Что это за дрянь? Что ты задумал. Висельник? Как смог, я быстро все объяснил.

— Теперь все понятно? Говорю еще раз: готовимся, парни! Сейчас здесь будет столько свинорылых, что мало не покажется. Оз, доставай кремни!

Троль достал требуемое, и мы запалили маленький факелок. Эльфы готовились к предстоящему сражению. Вот здесь я и увидел знаменитый эльфийский веер. Лучник приготавливает не одну, а сразу три стрелы. Одна нормальная, а две других с хитрым оперением, позволяющим лететь не прямо, а в стороны. Получается этакий очень эффективный при штурме или при засаде веер.

Так вот, когда все было готово, я приготовился, прицелился, размахнулся и...

— Момент! — вдруг воскликнул Пинвол. — Но ведь там же не только орки, но...

...И я выкинул факелок прямо на дорожку порошка.

— ...Но и девушка, — печально провожая взглядом летящий огонек, закончил эльф.

— Ага, — подтвердил Оз.

Порошок вспыхнул и, торопясь, побежал на ранний завтрак в глубь пещеры. Ватгиль, весь какой-то побелевший, оглядывался на всех нас сразу.

Минута-другая, и из пещеры вылетели клубы дыма, затуманивая всю поляну.

— Завтрак горит. Да? — уточнил Оз.

— Вроде того. — Из пещеры показалась первая парочка шатающихся орков. Эльфы разом вскинули луки, но стрелять не стали, ожидая настоящий наплыв дичи.

Свинорылые, не заставив себя долго ждать, высыпали наружу сразу всем кагалом.

— Пинвол — слева, я — справа! Лукка, поддержи! — скомандовал Ватгиль.

Коротко свистнув, стрелы уложили сразу пятерых. Пока эльфы готовились к новому залпу, я выпустил одну за одной две стрелы. Добрый троллий лук не подвел меня. Орки буквально воспарили над землей, сносимые тяжелыми стрелами. В третий раз я выстрелил сразу вместе с эльфами. Большой Оз, не думая оставаться в стороне от потехи, вытащил пращу и с азартом метал снаряды по одуревшим от дыма *фэла* оркам.

Бойня продолжалась недолго. Хряки сами находили свою смерть, нанизываясь на стрелы. И вот все стихло. Не говоря ни слова, Ватгиль кинулся к пещере, на ходу отбрасывая в сторону лук и вынимая мечи. Пинвол спешил следом, доставая палаш. Оз веселился вовсю, не отставая от эльфов, с гортанным кличем вращая над головой топор.

Почему я остался на месте? Да пояс развязался! А бегать, рискуя потерять в самый неподходящий момент штаны!.. Ну уж нет! Да и без меня ребята пока справляются. И точно, вот они сшиблись с последними выжившими, разбросали их. А вот, а вот...

А вот в одно мгновение вся троица остановилась как вкопанная. Точнее, остановились только эльфы, а тролль, не сразу сообразив, в чем дело, сначала еще попытался продолжить свой путь, но, поняв, что «что-то не так», остановился, двигая глазами по замершим бойцам...

У входа в пещеру стояли Йавиэвэн и Лосдрауг, и этот *жакхе* держал нож у горла девушки. По губам Лосдрауга бежала струйка пены, его качало. Сама же девушка была э-э-э... как бы это сказать? не в себе что ли... Она была весела просто не в меру.

Лосдрауг, грязный, как свинья, ко всему остальному еще и с вытекающей из ушей кровью, проорал во всю глотку:

— Ватгиль — последний из рода, и ты, предатель, бросайте оружие! — Видя замешательство парней, он зашелся в крике и уже буквально сипел: — Ублюдки| вы что, оглохли?!

Клинки упали в траву.

— И ты, тролль, тоже!

— «Тоже» что? — не понял Большой Оз.

— Брось топор, фахтр!

— А надо? — даже не обиделся тролль.

— Брось, дубина, — прошипел Ватгиль.

— Дубины нет, — категорически заявил Оз. — Топор есть. Его бросить?

— Да! Да! — Эльф был близок к истерике. Тролль, пожав плечами, бросил топор.

— Отлично, — зло усмехнулся Лосдрауг, — а теперь, Ватгиль... подойди-ка сюда.

Ватгиль обреченно сделал шаг вперед. Второй. Третий. Я опомнился и поднял лук, прицелившись в негодяя. А парень шел себе да шел, пока не остановился в двух шагах от Лосдрауга. Слава Небесам и богам на них, Ватгиль не загораживал собой свободный полет стрелы.

— Думаешь, ты победил, Ватгиль? — Тот стоял с понурой головой, от безысходной ярости сжимая кулаки. — Ватгиль, зачем ты вернулся? Решил, что с моей смертью все

кончится? Нет!.. Все только начнется. Тебе достанется очень беспокойное хозяйство, замешенное на крови и мести. Я бы смог вернуть мир в Талат-Гален, а ты нет. Молчишь?

Ватгиль молчал, исподлобья глядя на *стоул* у горла любимой.

— Я всю жизнь шел к этому. Я смешал свою кровь с кровью орков, дабы заручиться их помощью. Я продал душу, дабы эти свиньи пошли на смерть ради меня... или хотя бы ради еще одной понюшки *фэла* — В этот момент на другом краю поляны появились эльфы из *вито* и стали молча взирать на происходящее. А Лосдрауг говорил и говорил, не видя никого, кроме своего соперника. — Я убил всех тех, кто стоял на моем пути. Я затеял эту войну между кланами, дабы укрепиться и убрать мешавших. Я много еще чего сделал... Но ты, последний из рода, спутал мне все карты. Выжил, хотя должен был сдохнуть. Ты вернулся, хотя не должен был возвращаться. Но знаешь, что ты не сможешь? Кто сможет помешать мне сейчас убить тебя? Никто... Ты умрешь... Слышишь, ты! Я этого хочу!!! Подойди ко мне, ублюдок!

Тонкая струйка крови зазмеилась из-под ножа по горлу эльфийки. Ватгиль, зачарованно глядя на лезвие *стоула*, сделал широкий шаг к Лосдраугу, наверное мысленно ступая на *Чужой Берег Великой Реки*. Рука с ножом метнулась к глотке парня...

И вот именно в этот миг моя стрела с дробящим чмоканьем врезалась в череп убийцы, как раз туда, куда я и метил — прямо в глаз Лосдрауга. Эльф рухнул на землю, заваливая с собой и девушку. Ватгиль, подскочив к ним, ногой выбил нож из рук умиравшего, рывком поднял девушку, прижал ее к себе.

Не спеша я вышел из-за кустов и направился к влюбленной паре, не забыв на всякий случай снова зарядить лук. Оз и Пинвол уже стояли около них, я молча встал рядом.

Посреди зеленой поляны, обезображенной кровью и трупами, на которые уже садились зеленые мухи, среди запаха смерти, под священным оком стояла сама Любовь.

Он держал ее в своих объятиях, крепко прижимая к себе. Слезы радости текли по щекам изгоя, смешиваясь с кровью любимой. Весь мир перестал существовать для него, кроме того маленького пространства, где царили нежность и конец разлуки.

— Йавиэвэн, Йавиэвэн... — шептали губы, когда они касались любимого лица. — Йавиэвэн! — пело его сердце.

Эльфийка смотрела на него глазами, в которых бродил туман любви. Он схватил ее за руки, стал целовать их и прижимать к своим щекам.

— Йавиэвэн, любимая, — сердце эльфа готово было разорваться, — скажи, скажи что-нибудь! — Ватгиль просто задыхался от нахлынувших на него чувств. — Родная, милая, скажи что-нибудь, не молчи...

Прекрасная Йавиэвэн молчала, глядя в глаза возлюбленного. Ее грудь тяжело вздымалась, глаза блестели. Она обвела нашу компанию мутным взглядом, коралловые уста разомкнулись, и мы услышали голос ватау — птицы любви, поющей только один раз в своей жизни:

— Вау! Какие мальчики!..

Когда надыхавшуюся фалом Йавиэвэн наконец откачали, когда Ватгиль вернулся к нам из истерики, а Пинвол перестал ржать, как лошадь, Большой Оз спросил:

— Так нам нальют или где?

Гуляли на свадьбе эльфов недели две. Пиво, эль и вино лились рекой. Два примирившихся клана, поняв, в чем суть да дело, быстренько добили остатки орков и гоблинов (вот где Оз отвел э-э-э... душу!) и радовались жизни напропалую. Короче, к концу

гулянки были вынуждены объявить еще о нескольких свадьбах.

Больше всего на этом пиршестве оторвались я и Оз. Если я пил много и раза четыре терял и находил себя только под вечер следующего дня, то что можно было сказать о тролле, глотка которого была предназначена природой специально для питья.

Ладно, все это было! Но прошло... Праздник кончился. Ватгиль с головой окунулся в дела племени и семейного быта. Пинвол, став правой рукой вождя, носился как угорелый между кланами, помогая Ватгилью разрешить старые обиды и т. д. Большой Оз в последний день свадьбы так укушался (и это не считая того, что было выпито до этого), что не мог подняться целую неделю.

После очередной неудачной попытки привести тролля обратно в наш мир за час до отъезда я пришел к Ватгилью. Молодой вождь был полон забот, но меня таки принял.

— О Лукка, друг мой и друг эльфов! Что хочешь от меня и племени лесного? — закатил он речугу в духе этикета вождя эльфов.

— Да я это... — почесал я затылок, не зная, как понятнее объяснить вождю свои тревоги. — В общем, у меня это... просьба.

— Проси, что хочешь, ибо нет тебе отказа. Ведь эльфам помог ты войну закончить.

Его говор, в смысле наречие, потихоньку начал выводить меня из себя.

— Ватгиль, ты можешь без этих... ну, говорить нормально, а?

Эльф стрельнул глазами — нет ли кого — и продолжил:

— Лукка, у тебя проблемы? Что надо сделать? Говори.

— Уф, — выдохнул я с облегчением. — А что говорить?! Я сейчас уезжаю, а мой дружок тролль до сих пор пьян.

Ватгиль улыбнулся.

— Я тебя хочу попросить. Когда он проспится, ты это, отправь его домой.

— Это есть вся твоя просьба? Я вздохнул:

— Ватгиль, *проводи* его домой. Так будет лучше для всех нас.

Эльф встал со своего кресла из резного дуба, подошел ко мне, обнял за плечи.

— Друг мой, для *тебя* и за *тебя* я готов сделать все, что угодно, а уж о такой мелочи я даже говорить не хочу!

— Ватгиль, прошу тебя, сделай это точь-в-точь, как я сказал, и, что самое главное, — не ради меня.

— А ради кого же? — удивился вождь.

— Ради безопасности окружающего мира. — У эльфа отвисла челюсть.

В шатер вошел Пинвол и еще пара эльфов, Ватгиль сразу же переключился на *вождевский* диалект:

— И будет просьба твоя, о тролль, законом для меня. И знай, прошу тебя, что где бы ни был ты, скажи только слово, дай только знак, и я приду к тебе и в радости, и в горе. Тому даю я слово. Слово эльфа и — вождя, и ныне, и присно, и во веки веков... — Самое последнее слово я не разобрал.

По первому снегу я приехал в Мериден. Без всяких происшествий и только с одной остановкой в «Южном Тракте».

Когда мои лошадки наконец-то остановились у дома Айдо, вокруг царила настоящая зима.

Ильд-Ми с учителем, голые по пояс, упражнялись в прыжках и увертках, когда я вошел на территорию школы. Первое, что сразу бросилось в глаза, так это то, как медленно они

двигались и та неподдельная радость, с которой они меня встретили.

За обедом я поделился впечатлениями о свадьбе, выделяя, по настоянию Айдо, те места, где его ученик пользовался умениями, приобретенными в школе.

— Так, значит, Ватгиль вернул свое... — задумчиво протянул старик за чашкой бурды, названной зеленым чаем. — Это хорошо... хорошо... — Учитель долго еще что-то думал, а затем выдал: — Ну, что ж, Лукка. Сегодня ты спишь, а завтра мы начнем.

И началось. До середины зимы Айдо натаскивал меня, как собаку. Мечом драться я так и не научился, а вот боевой топор, шест и лук! Если до этого я мог надеяться только на зоркость и силу (не считая азов, связанных с шестом), то уже через месяц мог спокойно, правда при полном безветрии, всадить одну стрелу в другую, а имея в руках топор и ничего больше, помахаться сразу с несколькими супротивниками.

Драться голыми руками Айдо меня, конечно, пытался учить, но, увы, бесполезно. Мне все как-то не удавались эти прыжки, увертки, хитрые удары. Правда, учитель обнадежил меня, сказав, что «за всего ничего — года так за три-четыре — смог бы слепить из меня приличного бойца, но, имея то, что есть — силу и быстроту, уже сейчас я мог выступать на каком-нибудь юношеском турнире». Он даже хотел воплотить эту идею в жизнь, но тут за мной приехал мастер Скорпо.

— Рад видеть тебя живым и здоровым, парень! — Колдун, как всегда, криво улыбался. — Надеюсь, ты по мне уже соскучился, хе-хе-хе!

Я готов был поклясться, что маг немного того, на поддаче.

— Ладно, собирай свои манатки. Я быстренько поговорю с Айдо, и в путь. — Глаза мага нездорово блестели. — Нас ждут великие дела.

Ильд-Ми со мной попрощался довольно сухо. За время моего пребывания в обучении я так и не нашел с ним общего языка. Учитель на прощание посетовал, что «вот, все его ученики разбегаются, но он тешится надеждой, что когда-нибудь снова сможет заехать мне пяткой в лоб во время учебного боя». Ну что здесь можно сказать? Воистину душевный старик! Мне тоже было жаль с ним расставаться!

Когда до Заблудшего Леса оставалось два дня пути, мастер Скорпо, до этого дремавший всю дорогу, проснулся и объявил, что нам надо срочно поворачивать в сторону Уилтавана — столицы Бревтона. Я не стал спорить и повернул. Но опять же, когда до Уилтавана осталось всего полдня тряски, Скорпо снова проснулся и с пеной у рта велел править в обход города на север, пока не доедем до деревушки с названием Ре-пьевый Куст. После дачи указаний маг снова завалился храпеть. На следующий день мы уткнулись в ту самую деревню.

Дело было уже к вечеру. Местные жители встретили нас очень прохладно, лишь увидев Скорпо, не произнеся ни слова, ткнули пальцем в сторону холма за околицей поселения. Я, пожав плечами, повернул повозку в указанную сторону. Оказывается, нас там ждали.

Едва только мы подъехали к подножию холма, как нам навстречу молча вылезла пара северных эльфов с луками наперевес. Складывалось впечатление, что вокруг вообще все заткнулось, онемело. Вон птички и те не поют, даже лошади фыркать перестали. Я решил не нарушать обычая и тоже помолчать, как говорится, хором.

Вот такая, понимаешь, картинка. Эти два блондина стоят молчат, и я, как придурок, тоже... сижу... молчу.

Наверное, именно эта тишина и разбудила Скорпо. Он вылез из-под навеса повозки, продирая глаза и отряхивая с мантии солому, на которой спал.

— О чем задумался, Лукка, неужели о вечном? — попытался сострить волшебник, но,

увидев северян, сразу же выпрямился во весь рост и, быстренько распутав шнуровку мантии, показал эльфам татуировку на шее. Те так же молча, но не ослабляя тетиву, опустили луки и расступились, давая дорогу.

— Трогай, Висельник, — прошипел Скорпо. Я дернул вожжи, и лошадки не торопясь покатали повозку по дороге вверх на холм.

— И побыстрее! — рявкнул мне на ухо маг.

От неожиданности и громкости приказа я со всех сил хлопнул вожжами по крупам лошадей.

Повторяю — со всех сил.

Лошади понесли.

Дорога вела прямо на верхушку холма, увенчанную огромной башней. Лошади вынесли нас прямо туда. Всю дорогу наверх мастер Скорпо отчаянно матерился и яростно пытался удержаться на козлах кибитки. Я, в свою очередь, схватившись одной рукой за доску сиденья, а другой ловя пытающегося вылететь за борт колдуна, старался остановить испуганных коней с помощью своего голоса. Я просил по-хорошему, в унисон магу поливал их отборной руганью, подхваченной из лексикона Ватгиля и Дырявого Мешка. Но не то лошади не понимали моего рева, то есть наречия, не то совсем потеряли голову, короче говоря, впереди ясно завиднелись ворота башни, а эти непарнокопытные решили взять эти самые ворота на таран.

— Лукк-кк-каа! — подпрыгивая, проорал Скорпо. — Сделааай что... — лязг зубов, — нибуддд! Раззооо-бьеемсяяяяя!

Оценив ситуацию, я решил, что колдун совершенно прав. Улучив момент, — кстати, до ворот оставалось всего ничего, — я перестал хвататься за вываливающегося на ходу колдуна и ухватился за вожжи. Уперевшись ногами в дно повозки, я поднялся и натянул на себя вожжи. Под ногами хрустнуло дерево, передняя пара лошадей вдруг резко встала на дыбы, заваливаясь в сторону. Вторая пара споткнулась о них, тоже встала на дыбы, разрывая на себе сбрую. Разогнанная повозка, споткнувшись об эту кучу, резко остановилась, начала переворачиваться, задирая задние колеса. Зацепившись левой лапой за края проломленной дыры, я буквально воспарил над землей, а затем уточкой нырнул в мешанину конских тел, грив и копыт. С криком совы надо мной пронесся мастер Скорпо. Последнее, что я увидел, были лоскутки его разодранной мантии, развевающиеся по воздуху.

Черной молнией мелькнув высоко над землей, по пути прихватив деревянную решетку, колдун влетел в окно второго этажа башни, в то время как меня накрыло повозкой. Сверху в ответ на грохот ломающегося дерева и рвущейся ткани раздался дребезжащий звонкий голос:

— Чтоб меня разорвало! Скорпо! Поздравляю! Я вижу, вам таки удалось найти заклинание, позволяющее передвигаться по воздуху! Отлично! Думаю, в следующий раз вы доведете его до совершенства и вам не придется совершать посадку с помощью подсобных средств!

Почти у самых ворот башни стоял маленький уютный домик. Едва я выполз из своей кучи малы, как дверь домика открылась, и на пороге появился дюжий мужик с белой окладистой бородой. Бородач осуждающе посмотрел на меня, покачал головой: «непорядок», сплюнул наземь и закрыл глаза. У меня закружилась голова, и я понял, что сижу опять на месте кучера в нашей нераздолбанной кибитке. Лошади, вещи, сама повозка, как и я сам, — все это было в полном порядке и на своем месте. А мужик открыл глаза, удовлетворенно кивнул и не спеша пошел к воротам.

— Ну, заходи, что ли... — пробурчал привратник? — Лошадей в конюшне поставишь, потом наверх поднимешься. Там увидишь, куда тебе надо.

Створки ворот раскрылись, и я въехал.

— Спасибо, отец, — кивнул я ему, проезжая мимо.

— Да пожалуйста. — Пожав плечами, тот вернулся в сторожку.

Поднявшись по лестнице в огромный зал, я увидел мастера Скорпо в окружении десятка других магов и дюжины юнцов, семенящих рядом.

— И все-таки, Скорпо, признайтесь, ведь вам для этого заклинания пришлось использовать какой-то ингредиент! Что это *было*? Кровь грифона, глаз дракона или...

— Вы не поверите, господа. — Маг, криво усмехнувшись, сделал многозначительную паузу. Все сразу стихли, внимая ему. — Мозги тролля!

— Небеса и все, кто на них! — не выдержал один из присутствующих. — Помилуйте, Скорпо, вы изволите опять дурачить нас. В прошлый раз вы заявили, что для заклинания дождя вы использовали хвосты древесных лягушек, в результате чего мастер Либра истребил всю популяцию в окрестностях Вольфснейза, тем самым нарушив экологический баланс, но не добился успеха хотя бы потому, что у лягушек просто нет хвостов...

— Удивляюсь, как многоуважаемый мастер Либра не заметил этого сразу. Но не об этом сейчас речь. Вопрос. — Мой хозяин усмехнулся кривее обычного. — А у головастика, то есть у будущих лягушек, хвосты есть? — хмыкнул Скорпо.

— А по-нормальному нельзя было сказать? — проворчал здоровый мужик с посохом, увенчанным фигуркой весов.

— Ну, милостивый государь, может, вам еще и рецепт продиктовать, а? — подчеркнуто вежливо выдал маг.

— Согласен, — продолжала сторона обвинения. — А что же тогда не понял бедный Акариус, когда вы порекомендовали ему для безопасного путешествия по Океанам Кристалла слепить корабль из помета дракона. Только не надо говорить, что вы отталкивались от мудрости, что «дерьмо не тонет»! Мало того, что Акариус вычерпал всю силовую энергию из острова Твилис для перемещения, так сказать, материала (который, кстати, не так уж и просто было найти в нашем мире!) к месту постройки, так еще местный правитель предъявил счет Конклаву за нанесенный моральный и экономический ущерб в связи с восстанием туземцев, не выдержавших этой газовой атаки.

— Уважаемый мастер Лео и вы, присутствующие здесь маги, — трагично начал Скорпо, — мы знаем друг друга уже много лет, и вы должны согласиться с тем, что между нами идет жесточайшая здоровая конкуренция. Но в силу правил и профессиональной этики мы все-таки должны обмениваться информацией. Поэтому подчас мы даем друг другу

советы, но в несколько завуалированной форме, а пользоваться или не пользоваться ими — это дело каждого. Если я не прав, то... — маг пожал плечами, — поправьте меня.

Все согласно молчали.

— Теперь о данном... э-э-э... инциденте. Уважаемый Акариус, не помните ли вы, в каком месяце я дал вам этот совет? Не напрягайтесь, я вам подскажу — в июле. А чем был знаменателен этот месяц три года назад? Землю посетил метеоритный дождь, пришедший к нам из созвездия Дракона! И что вы еще от меня тогда хотите? Только не надо говорить о том, что осколки метеоритов тонут! Присутствующий здесь мастер Тауру даст вам все необходимые объяснения по данному предмету.

— И все-таки молодец этот Скорпо, — услышал я шепот за спиной. — Мало того что очень удачливый волшебник, так еще и не прокололся ни разу. Все знают, что их водят за нос, а толку!..

Тем временем маги расселись вокруг стола, а я с молодежью пристроился около стеночки на длинной лавчонке.

— Итак, господа, — когда все расселись, пробасил мастер Лео, — ежегодное собрание Конклава Двенадцати объявляю открытым!

От всей той неторопливой, медленно выговариваемой бредятины, которую я, не перебивая, слушал, меня сморило в сон. Да, я просто задремал. А вот проснулся уже от криков и возгласов за круглым столом. Меня даже посетила мысль, что все уже кончилось и мужики перешли к основному вопросу, то есть к жратве. Но, приглядевшись и прислушавшись, я уразумел, что дело обстоит немного по-другому. Верховодил все тот же мастер Лео. Для начала он добился тишины, а потом испортил ее своим скрипящим голосом:

— Я не буду оригинален, сказав, что мы, господа, не молодеем. И уж тем более отнюдь не вечны. Да, разработки по данному вопросу идут, как и раньше, но все же... — Он горестно вздохнул. — Жаль, что мы так и не сможем найти эликсир вечной молодости — это работа не на одно поколение... — В зале воцарилась полная тишина. — Итак, господа, я хочу, чтобы вы представили собранию своих учеников, которые после соответствующего испытания в будущем займут ваши места. Возьмут себе имена, которые носите сейчас вы. Так было всегда, будет и потом...

— Прошу начать вас, мастер Ариес.

С кряхтением «Ариес, Ариес! Первым всегда Ариес!» поднялся сухопарый дед в белой мантии, расшитой золотыми козочками, овечками и барашками. «Овцевод», — хмыкнул я про себя. Между тем Ариес знаком подозвал к себе миловидного высокого стройного юношу с копной черных завивающихся волос. «Барашек», — закончил я раздачу званий про себя.

«Барашек» низко поклонился магам, высокомерно кивнул ученикам.

— Ну-с, молодой человек, — снова проскрипел мастер Лео, — о ваших способностях говорить не будем. Приятно это вам или нет, но они и так нам очень хорошо видны. Поэтому сразу к делу. Сколько лет вы в обучении у мастера Ариеса?

— Четыре года, — скромно потупил взгляд «барашек».

— В принципе немало. И что вы можете? — За столом недвусмысленно захихикали, покосившись на Ариеса. — Я имею в виду искусство магии, а не... — Колдун запнулся под убийственным взглядом «овцевода». Хихиканье плавно перешло в откровенный смех, прикрываемый ладонями.

Парень, зардевшись, как та девица, начал перечислять высоким красивым голосом:

— Искусство предсказания судьбы по звездам, линиям руки и внутренностям животных. Искусство управления погодой и дыханием земли. Искусство принятия чужого образа и перевоплощения в другую личность. Искусство...

— Ну, для работы при дворе царствующих особ вы уже созрели, — прервал парня Скорпо, — а как насчет настоящей магии? Продемонстрируйте нам что-нибудь этакое!

«Барашек» молчал, исподлобья распиливая вопрошавшего надвое. Как всегда, криво усмехаясь, Скорпо подкинул мальчишке идею:

— Ты что-то там говорил насчет управления погодой, малыш? Конечно, это не настоящая магия, но... Сегодня так холодно, метель просто ужасна, а я, например, так соскучился по хорошему летнему дождику! Сынок, ты бы его сообразил, а? — Вспомнив, что он здесь далеко не единственный колдун, Скорпо призвал коллег по ремеслу: — Надеюсь, уважаемые маги будут не против?!

Все, кроме Ариеса, были не против. Ученик волшебника, взмахнув руками, невнятно забормотал. Пацаны, сидящие рядом со мной, засуетились, что-то объясняя друг другу. А «барашек», заскулив, зачмокав, запричитав, начал активно разгонять перед собой невидимых комаров. Что-то, через силу крикнув, выжало на каменный пол пару невнятных луж.

— М-да... — проронил Лео.

— Согласен, — подключился к обсуждению Скорпо, — очень неплохо. Но я бы сказал, что как-то... пресновато.

Красный, как вареный рак, паренек умудрился покраснеть еще больше. В отчаянии взмахнув руками, он начал выводить плоткой заутреннюю серенаду голодного волка, не забывая при этом буравить взглядом присутствующих.

Я думал, что от такого грохота оглохну на хрен! Маги пригнулись к столу, будто спасаясь от *эльфийского веера*, а в залу обрушился настоящий ливень. Кто-то, по-моему Акариус, вскинул вверх свои две клешни, и над столом возник прозрачный купол, защитивший собрание от потоков воды. Молодежь — кто спрятался под лавку, кто начал возводить свои купола. Я же натянул плащ на голову, не напрасно сшитый заботливой мамулей из кожи буйвола. А разбушевавшийся «барашек» тем временем все гнал и гнал воду в зал башни, видимо возжелав наполнить ее водой до самого верха. Нет, но кто знал, что парень разойдется до такой степени! Я уже было потянулся за своим *штоскоы*, дабы попытаться охладить ученика мага, когда что-то, огрев меня по макушке, смачно плюхнулось в воду на полу. Скосив глаза, я просто открыл рот, не в силах от удивления его закрыть — передо мной сидела, удивленно вытаращив глаза, огромная, самого наимерзкого вида желто-зеленая жаба. Рядом с ней хлюпнулась вторая, третья... А затем пошел самый настоящий жабий дождь!

— Bravo, Ариес! Bravo! — проорал Скорпо. — Мы видим, ваш ученик решил поправить экологический баланс в Вольфснейзе, который наш дорогой Либра умудрился испохабить в позапрошлом году! Боги! Как это благородно с вашей стороны! Но только один момент — как все это вы будете перетаскивать в Вольфснейз, а?!

Наконец-то прокашлявшись от дыма, оставленного после выступления предыдущего ученика, стряхнув с головы пепел и убрав взглядом обугленный ковер, Лео обратил взор на моего мастера:

— Скорпо, пришел ваш черед!

Легко вскочив, колдун вышел на середину зала.

— Уважаемые коллеги, позвольте представить вам моего ученика. Лукка, подойди

сюда, пожалуйста!

То, что я стал еще каким-то учеником, было для меня, мягко говоря, новостью. Но, подумав о том, что это может быть (я так надеялся!) какой-нибудь, например, военной хитростью, я не стал возникать, оставив разъяснения на потом.

Совершенно без всякого желания, а потому не особо спеша я направился к магу. По рядам учеников прошелестело что-то непонятное: не то восхищение, не то негодование. Старички были намного спокойней. Я встал рядом со Скорпо, безразлично разглядывая собравшихся, а те буквально сверлили меня взглядами. Все это продолжалось очень долго, пока все эти маги, перестав таращиться на меня, уставились Скорпо.

— Ну, что... — ехидно начал тот. — Нашли что-нибудь?

— Скорпо! Надеюсь, вы не изволите издеваться над Конклавом?! — вскочил было со своего места Акариус, но удержавший его за плечо Лео взял вожжи в свои руки:

— Милостивый государь, соизвольте объяснить достопочтенному собранию, что вы хотите этим сказать, — сдержанно начал говорить мастер Лео, но тут же взорвался: — Он же пустышка, не имеющая ровным счетом никаких возможностей и предпосылок к магии!

Скорпо, снисходительно улыбаясь, успокаивающе вытянул вперед ладони:

— Господа, господа! Дайте мне возможность сказать, и я все вам объясню.

Когда буря гнева за столом улеглась, он продолжил:

— Уже некоторое время ваш покорный слуга стал замечать какое-то недоверие в свой адрес, порой граничащее, я бы сказал даже, с откровенной насмешкой и ненавистью. Я могу только догадываться, чем данный факт можно объяснить. Но сейчас речь не об этом. — Маг скорбно вздохнул и после паузы продолжил: — Речь о том, что все мои действия, все мои слова подвергаются жесткой критике, а подчас банальному сомнению. Ей-богу, порой я себя чувствую третьесортным фокусником на сельской ярмарке — ты выкладываешься в своем искусстве, а крестьяне, недоверчиво вкушая представление, меж собой собираются предать тебя костру. Так, на всякий случай. Невежество? Да! Страх перед неизведанным и непонятным? Еще раз да! Но, господа, это — крестьяне, а вы... вы мои братья по ремеслу. Я устал оправдываться и доказывать очевидное. Кто-нибудь из вас, присутствующих, хоть раз поверил мне на слово? Нет! Сегодня я представляю вам того, кто, возможно, займет мое место, и что же?.. Хорошо! Мастер Либра, не могли бы вы помочь мне?!

— Кто, я? — Вызванный маг настороженно и, по-моему, с надеждой покосился на сидящих рядом.

— Да, вы! — Скорпо шагнул к нему. — А кто же, как не вы, единственный из всех нас, даже во вред себе говорящий правду и от природы не способный на ложь! Ведь так, господа?! Недаром все государства в этой *Грани Кристалла* борются за этого человека, суля ему огромные богатства, лишь бы он служил при их дворе в качестве справедливого и неподкупного судьи. Итак, прошу вас: будьте сегодня судьей, ибо вас просто невозможно обмануть, вам этот дар дан свыше — вы видите обман, в отличие от всех нас.

Либра с неохотой подошел к нам и встал рядом.

— Итак, господа! — Скорпо, потирая руки, сделал шаг в сторону. — Итак, Лукка! Ответь мне, пожалуйста, на один... э-э-э нескромный вопрос. Кем ты родился?

Я недоуменно посмотрел на мага, тот пояснил:

— Кем ты называешь себя? Ты и твой народ? Пожав плечами, я ответил:

— Троллем...

Скорпо развернулся к Либре:

— Он врет?

Тот, не спуская с меня глаз, выдавил из себя:

— Нет...

— Уж не хотите ли вы сказать, что это тот самый тролль, чьи мозги вы использовали для заклинания полета? — раздалось со стороны.

— Ну, если честно, — Скорпо скромно опустил голову, — то можно сказать и так. Его мозги! Мастер Либра, ведь я сейчас не солгал, так?

— А что, только Лео дозволено лепить гомункулов, да? — отпихиваясь, что есть мочи орал Скорпо. — Нет, это вы меня послушайте! Никакой черной магии, никакой медицины, даже швов не осталось! Настоящий человек! Не то что эти вылепленные из глины и серы эльфы, сторожащие ворота башни, с интеллектом дебилов, способные только на одно — далеко не вовремя спустить стрелу! И, Отродье вас побери, оденьте моего ученика! Ему же холодно!

Они бросили меня лапаты и обстукивать и дали мне возможность одеться. Еле сдерживая себя, чтобы *не разнести всю эту халабуду вдребезги пополам*, как хотелось тому менестрелю, я оделся, злобно поглядывая на окружающих. На протяжении двух часов эти полоумки сначала раздели меня, а потом стали «*обследовать*», вплоть до самой задницы. Наверное, вот здесь я и почувствовал по-настоящему причину *нелюбви* гоблинов к нашему брату. Если бы не Скорпо, я бы... я бы... эту... этих.... А эти тем временем спорили, ругались, вот только разве не дрались, как на базаре.

— Скорпо, отца твоего за все подряд! — разрывался один из магов. — Ты понимаешь, что ты затеял? Да, он человек, но внутренне все равно останется троллем! И ты хочешь вложить в его куриные мозги искусство магии?! Не будет ли проще всунуть в руки пьяной обезьяне Кристалл Мертвых, если ты так жаждешь, чтоб этот мир перевернулся и настал конец света!

Мне надоел этот крик, мне НАДОЕЛО молчать.

— Что ты тут орешь, как гoblin на Празднике Весны! — У мага округлились глаза. — Не знаю, что ты там имел в виду, говоря о моих мозгах, но мне это ОЧЕНЬ НН ПОНРАВИЛОСЬ! Я уже не говорю о «пьяной обезьяне» и каком-то там кирпиче!

В зале стало тихо, окружающие отступили, оставив нас в круге, как на поединке. По крайней мере я так все и понял... Нам, что, решили устроить бойцовский поединок?! Ну и ради богов! У меня так чесались кулаки и зудело все внутри от безвыходности, ярости, унижения! Я сделал шаг вперед, мысленно прикидывая, чего с ним сотворить — просто набить ему морду или все-таки попробовать разорвать его пополам. До мага наконец-то дошло, что дело принимает очень неприятный для него поворот, и он начал разводить перед собой руками, словно учитель Айдо перед тем, как раскрошить пяток кирпичей. Только этот еще что-то шептал себе под нос. Не знаю, что он там надумал сотворить со мной. Просто мне объясняли, что если что-то началось, то началось. И будет лучше, если первым начнешь ты сам! Я, значит.

Для начала, вспомнив об эффективности разговора Большого Оза с Лосдраугом и решив не изобретать ничего нового, я подлетел к *опроненту* и, ухватив его за грудки, вмазал ему лбом в лоб. Тот перестал шептать и, удерживая глаза подальше от моей переносицы, попытался освободиться от меня. Я влепил ему еще разок и проорал во все горло:

— Кого ты назвал пьяной обезьяной, а?! — Я встряхнул его над собой, мысленно прикидывая, в какую сторону его запустить. — Я — тролль, слышишь, ты, развалина в

халате! Я — тролль, и я НИКОГДА не пьянею...

Ко мне кинулись сразу два сопляка, и я швырнул дедулю им в головы. Пацанов снесло на *схад*, придавив сверху причитавшим дедулей.

— ...Ну почти никогда! — закончил я прерванную фразу. — И вообще, чтоб ты знал, *жакхе*, для того чтобы перевернуть этот мир, мне не нужен ваш долбанный кристалл, для этого я просто найду точку, слышишь, *фахтр*? — блеснул я знаниями.

— Какую точку? — сделал шаг вперед мастер Лео.

— Опоры, конечно, — не отрывая взгляда от поверженных парней, еще рыча, объяснил я ему, — и еще хороший рычаг будет нужен.

В зал влетели два северных эльфа, числящихся в сторожах. Я повернулся к новым противникам, запуская руку за голенище сапога.

— Прекратить! ПРЕКРАТИТЬ, Я СКАЗАЛ!

От голоса Лео сверху посыпалась штукатурка и кусочки потолка. Маг вскинул в стороны руки, что-то шикнул, и в зал возвратились полный порядок и чистота. Единственное, что напоминало о прошедшем, так это мутный взгляд того мага, которого я маленько отгладил.

Лео вместе с Либра и еще каким-то колдуном сгрудились, что-то обсуждая. Эльфы, не спуская с меня неестественно немигающих глаз, сжимали луки с накинутыми на тетиву стрелами. Скорпо встал рядом со мной, другие маги выстроились вдоль стены.

— Слушай, Лукка, — прошептал колдун, — удовлетвори мое любопытство. Откуда ты знаешь про этот фокус с рычагом и точкой опоры?

— Это что, такой большой секрет?

— Нет, ну...

— Года два назад к нашему стойбищу один дед причалил. Имени не помню. Немного того, сумасшедший — все вино водой разбавлял. Когда напивался, кричал, что перевернет мир, если ему дадут эту самую точку. А когда его пытались утихомирить, орал, чтобы «мы не трогали его *чертей*». Бредил, наверное...

— Может, чертежей?

— Может. И что «мы все *извраткленцы*». Это что за звери такие, не знаешь, мастер?

— Потом объясню, — усмехнулся Скорпо, всматриваясь в совещающихся. — А где этот дед ныне?

Наконец мастер Лео с теми двумя магами, насовещавшись, решили «сделать заявление».

— Все мы, здесь собравшиеся, присутствовали при... — Лео запнулся. — Господа, честное слово, я в растерянности! Много чего было на наших собраниях. Было и такое, когда уважаемые маги, забыв все на свете, выясняли отношения друг с другом с помощью кулаков, как последние пьянчужки. Было! Были и магические поединки прямо на собрании Конклава и потом, за пределами замка. Было и такое... Но сегодняшний инцидент! Когда какой-то ученик бросается с кулаками на уважаемого волшебника, старца!.. Боюсь, подобного я не найду даже в протоколах Конклава за всю историю его существования. Несомненно, это не останется безнаказанным. Мастер Скорпо, вы понимаете, что ответственность за поступок вашего ученика будете нести именно вы.

— Угу... — хмыкнул тот.

— Но это не единственное, о чем идет речь... Сам... ученик. Не вдаваясь в долгие споры и дискуссии, предвидя все разногласия по поводу появления данной особи, я ставлю на общее голосование вопрос о праве на существование этого индивидуума. Разговор не о том, человек он или кто иной. Перед нами результат научного и магического опыта. И этот

«результат» претендует на место среди нас. Несмотря на то что он не был рожден человеком, а этот факт не вызывает сомнения, он стал или становится оным. И это не проблема — среди людей многие «достойны» потерять это звание и при этом и дальше существовать совершенно беззаботно, а подчас и безбедно. Но проблема не в этом. Проблема в вас, дорогой Скорпо.

— А что я? — удивился колдун.

— В смелости своей вы дерзнули на деяния Бога. Вы решились подарить слепку из глины не только разум, но и запретное искусство. А вы задумались о том, так ли идеален результат вашего эксперимента? Не была ли допущена роковая ошибка, которая потом сыграет свою, не побоюсь сказать, фатальную роль? Вы уверены в том, что через некоторое время в его разуме...

Я опять начал закипать. Скорпо предупредительно положил руку мне на плечо, что не утаилось от Лео.

— Вы видите, видите?! Он параноидален, он готов убить каждого, кто только смеет заикнуться о его умственных способностях, а это первый признак неспособности адекватно оценивать свои действия. И вы, сударь, решили сделать его магом, волшебником, колдуном?! Скорпо, вы отдаете отчет в своих действиях? Не молчите, ответьте!

Скорпо как-то по-детски шмыгнул носом:

— А что? Идея, по-моему, была не так уж и плоха, вы только вдумайтесь! Кто есть ваши ученики? Люди... Люди со всеми своими плюсами и минусами. Кто из вас, известных магов, может поручиться в том, что тот или иной ученик пришел к вам только из убеждения нести в мир свет и добро, помочь людям? Кто из вас, господа, сможет поручиться в чистоте замыслов своих питомцев? Ну, кто?! Вот! А здесь? Вот он, создание, — вчерашний тролль, сегодняшний человек, с чистой душой, огромным сердцем, большим и здоровым телом. Кто сказал, что его голова пуста? Да, она пуста... — колдун сделал паузу, — пуста... А точнее будет сказать — чиста от грязи и скверны, которой пропитан каждый человек. Мастер Писке, вопрос к вам. Вы идете по дороге и видите, как грабят прохожего человека. Ваши действия?

Мужик в голубом балахоне, разрисованном на тему речной живности, мудро покачал головой:

— Ну... э-э-э... смотря сколько нападающих, э-э-э... какого сословия и возраста пострадавший, есть или нет угроза его жизни, э-э-э... ну также...

— Достаточно! — прервал его Скорпо. — Лукка, друг мой, надеюсь, ты слышал вопрос?

— Это про путника и бандюков, что ли?

— Да. Я хочу спросить, а что бы сделал в этой ситуации ты?

— Как что? Надавал бы тем гадам по головешкам. А потом бы проводил того парня, пока наши пути не разошлись бы.

— Вот! — Скорпо, склонив голову набок, победоносно смотрел на собрание. — Вот вам и ответ, господа. Вы вопрошаете, достоин ли он жизни? Отвечаю — да! Способен ли он к обучению магии — это мое и только мое бремя. А что будет потом... и кем он будет... Время, господа, самый лучший судья. Я закончил.

После долгого молчания слово взял тот же самый мастер Лео.

— Несмотря на все доводы, приведенные мастером Скорпо, я все же ставлю вопрос о существовании данного ученика на всеобщее голосование. Ввиду сложности и важности данной темы при? имаются только «да» или «нет», варианты «или», «не знаю» приниматься

не будут. Естественно, голосуют только маги, без участия мастера Скорпо как лица заинтересованного. Голосование состоится здесь, в этом зале, через два часа. А пока прошу всех разойтись по вашим комнатам для принятия честного и справедливого решения.

Колдуны с учениками рассосались по своим углам. Как только мы с мастером тронулись к себе, за нами увязались те два эльфа с мертвыми Лицами. Скорпо вопросительно глянул на Лео. Тот вроде как смутился:

— Ну, так... на всякий случай... Мало ли что...

Плечо к плечу (если так, конечно, можно было сказать) мы со Скорпо двинулись по коридору.

— Мастер, — шепнул я магу, — у нас что, проблемы? Что с нами собираются сделать?

Впереди замаячила дверь нашей комнаты. Скорпо оглянулся через плечо, эльфы не отставали, двигаясь на расстоянии двух шагов.

— Только обещай мне ничего не ломать и никого не калечить, по крайней мере пока.

— Ну... — согласился я.

— И прошу тебя, пока не войдем к себе в комнату, ничего не предпринимать.

— Хорошо, хорошо!

— В общем, Лукка, нас, то есть... тебя, собираются немного убить...

— Убить, в смысле казнить, да?

— Да... можно и так сказать.

— Казнить? Казнить?! — У меня закружилась голова. — ЧТО, ОПЯТЬ?!

Дверь открылась, и к нам вошел маг в темно-зеленом плаще с капюшоном, накинутым на голову. При его появлении Скорпо встал со своего кресла и сделал шаг навстречу. Они молча пожали друг другу руки, мастер указал гостю место напротив себя, и только когда тот сел на предложенное место, уселся обратно в кресло.

Лежа вроде как в полудреме на кровати, я все прекрасно видел и слышал со своего места. Гость кивнул в мою сторону:

— Я могу говорить при нем?

— А почему нет? Или вы тоже, как и эти... господа, убеждены в его непроходимой тупости и также за его ликвидацию? Простите, мэтр, но от вас я этого никак не ожидал. Он не только мое создание, мой ученик, он также и мой напарник. — Скорпо скрестил перед собой руки. — Просто сейчас парень отдыхает и, по-моему, даже спит. Я так понимаю, что вам, сударь, это только на руку.

— Да.

Гость взмахнул рукой, и перед магами появился маленький столик со жратвой и высоким кувшинчиком ароматного вина.

— Дорогой Скорпо, я никогда не сомневался в вашем таланте и в вашем искусстве, — продолжил колдун, — но мне кажется, что здесь вы немного перегнули палку. Боюсь, Конклав не только по-настоящему не оценит ваш опыт и поступок, а наоборот... не так его оценит. Особенно мастер Писке. Зачем вы его оскорбили, Скорпо? Вам что, своих врагов мало? В принципе это ваше дело. Оставим. — Колдун, пригубив вина, ущипнул ягоду винограда. — Я принес то, что вы просили, Скорпо.

Сквозь щелочки глаз я увидел, как гость передал мастеру какой-то пергамент, свернутый в трубку. Скорпо развернул его и начал вчитываться. Гость не спеша прихлебывал вино, аромат которого призывно щекотал мне ноздри даже на расстоянии. Начитавшись вволю, Скорпо обратил свое внимание к магу.

— Сударь, я не так силен в разных календарях, гороскопах и астрономии вообще, как вы. Не будете ли вы так любезны подсказать, какой сейчас месяц? Я имею в виду по зодиаку Лиу-Аноа.

— Вам удалось прочесть этот *свиток*, Скорпо?! Вы меня удивляете все больше и больше. Но не буду злоупотреблять вашим терпением. По зодиаку Лиу-Аноа сейчас заканчивается месяц Серебряного Плюща года Льяного Орла.

— Хорошо. — Скорпо надолго задумался. — Следующий год, который наступает через две недели, будет называться годом...

— Следующий год будет называться годом Бархатной Утки, — услужливо подсказал гость.

— Правда... — задумчиво протянул мастер, водя пальцем по пергаменту. — А когда же тогда наступает месяц Деревьев?

— Точнее будет сказать — месяц Бриллиантовых Деревьев. Он наступает через три месяца.

— Вы уверены?

— Скорпо?.. — В голосе гостя прозвучал укор.

— Простите, простите. — Скорпо откинулся на спинку кресла, что-то прикидывая в уме. — И последний вопрос, мэтр. Когда последний раз был год Аиста? По-моему, точнее сказать — год Мертвого Аиста.

— Плохой был год. — Собеседник мастера налил себе еще вина. — Войны, неурожай, постоянные волнения по всей планете, мор. В тот год я чуть не погиб... Это было семнадцать лет назад. 9253 год от создания миров, если быть точным.

— Семнадцать лет назад, семнадцать лет... — Скорпо вновь углубился в изучение свитка.

— Я чем-нибудь еще могу помочь вам, мэтр?

— Нет, спасибо. Вы и так сделали невозможное, мой друг...

— Я не спрашиваю вас, для чего все это вам нужно, хотя любопытство просто пожирает меня. Единственное, в чем я хочу быть уверен, что этот документ, как и все то, что вы от меня узнали, не принесет вреда миру. Следующий год по всем признакам и астральным предсказаниям несет с собой большие изменения, есть угроза катаклизма, который может повлечь за собой гибель миров.

— Я знаю, мэтр. Могу вас уверить, что мои изыскания и действия никоим образом не будут способствовать этим предсказаниям.

— Отлично. — Гость встал. — С вашего позволения я откланиваюсь. Боюсь, что мое отсутствие будет замечено, а в присутствии Либра я не смогу утаить истинные причины данного факта.

— Конечно, конечно. — Скорпо также встал, провожая таинственного гостя, лица которого я так и не смог разглядеть из-за капюшона. — Огромное спасибо.

— И еще, — задержался в дверях пришелец, — откуда парень знает про рычаг и точку опоры? Ведь если бы не эта фраза, его бы просто сожгли прямо в зале. — Я так и не понял, почему Лео этого не допустил, наверное, старик разглядел в нем что-то такое... я не знаю, как это и выразить-то...

— Я же говорил, что он не гомункул. Он нормальный разумный человек. А откуда знает... — лицо Скорпо просто светилось правдой, — понятия не имею.

— Еще раз сожалею, но вопрос уже решен. Жаль, что он исчезнет. Пропадет такой

труд...

— Вы уверены?

— Абсолютно, Скорпо, абсолютно. — Маг кивнул в мою сторону. — Отличная работа.

Это я вам говорю!

Как только дверь за колдуном закрылась, мастер прошипел:

— Лукка, хватит притворяться. Подъем! Я привстал на локтях:

— Мастер, я делал все так, как вы приказали. Молча лежал, делал вид, что сплю.

Слушал все то, что вы там себе буровили, хотя ни хрена и не понял.

— Это не важно. Важно то, что нас хотят прикончить.

— Что, все так серьезно?

— Увы, да. Что делать, что делать?! Надо думать, думать... — Маг, нервничая, заходил по комнате. — Думать, думать надо...

Я не выдержал, глядя на, это метание пескаря по ручью.

— «Что делать?! Думать надо!» — передразнил я его. — Сматываться надо!

— Лукка, ты уверен в том, что ты сейчас делаешь? — проскрипел маг, глядя на то, как я связываю лохмотья, найденные в шкафу.

— Мастер, у вас есть другие предложения? — Я сорвал темно-синюю, с золотистым узором здоровенную тряпку с окна. — Я думал, что мы сможем выйти отсюда через дверь, как все приличные люди ходят.

— Ага, и попасть под магическую атаку одиннадцати магов, не считая столько же, плюс-минус человек пять, учеников. Я даже не сомневаюсь, чем все это может кончиться.

— Хорошо, убедили. — Я, затянув очередной узел, попробовал его на разрыв — тот выдержал. — Ну а спустить нас вниз, как то перышко?

— Замок под наблюдением на случай применения магии. Как только я попробую воспользоваться энергией местной силовой линии, так сразу та же самая толпа магов окажется здесь. Дальше по циклу.

— Уф! — Я тяжело выдохнул, вставая с колен, на глаз измеряя длину веревки. — Должно хватить и, надеюсь, выдержать.

— А если нет? — подал голос колдун-тихоня.

— До земли метров десять, чуть больше. — Я выглянул в окно. — Убиться, мож, и не убьемся, но покалечимся только так.

Скорпо, выглянув на свежий воздух, прошептал что-то неприличное, но к месту.

— Ладно, — выдохнул он, — действуй!..

— Мастер, а это что у нас здесь? — указал я на какую-то железку, стоявшую навтыжку возле самого окна.

— А это у нас труба отопления, по-моему, — предположил Скорпо, — только она какая-то очень уж тонкая.

— Да? — Ухватившись за предмет обсуждения, я дернул его на себя в полсилы. — Бедно люди живут, нормальный очаг сделать не могут.

Я приладил один конец «веревки» к этой самой трубе, а другим быстро обмотал мага вокруг пояса.

— Что? Зачем? — испуганно отшатнулся колдун.

— Вы по канату лазить умеете? — Тот отрицательно мотнул головой. — Значит, спущу вашу светлость, как паука на нитке.

Быстро что-то прикинув, колдун кивнул и полез на подоконник. Услышал он или нет, а

может, слышалось только мне, но за дверью прошаркали чьи-то шаги.

Когда Скорпо оказался за окном, меня посетила очень соблазнительная и приятная мысль: достать нож и перерезать веревочку. Колдун бы грохнулся и... и как бы я тогда мог нормально дальше жить, зная, что моя совесть отягощена нарушением слова... слова тролля...

Очень тяжело вздохнув, я, слегка подтравливая, начал спускать мастера. Когда маг достиг земли, шорох за дверью повторился — кто-то очень резко удалялся от нашей комнаты. Скорпо, развязав веревку, молча махнул мне рукой, мол, «давай спускайся». Еще раз проверив узел крепления веревки, я, мысленно помянув Небеса и жителей на них, начал резко спускаться вниз.

Преодолев чуть меньше половины пути, я услышал какой-то шорох далеко под ногами и сразу же почувствовал неприятное жжение наподобие пчелиного укуса в районе собственной задницы. Скосив глаза книзу, я узрел пару полудохлых эльфов. Один из них держал на прицеле бледного мастера Скорпо, а второй, вообразив меня яблоком или, может, грушей, прицеливался в меня, не иначе как решил поупражняться в меткости стрельбы.

Погода была хоть и прохладной, но солнечной и безветренной. Легкий морозец пощипывал щеки, снежинки плавно летели к земле. Умирать почему-то не хотелось... Когда полудохлик разжал пальцы, спуская тетиву, я, оттолкнувшись обеими ногами от стены, попытался отпрыгнуть-отлететь в сторону. Стрела, тонко пропев, чуть-чуть задев мне ухо, чиркнула о стену, не забыв... В общем, этот *фахтр* мне веревку перебил!

Веревочка неприятно треснула, и я камнем рухнул вниз. Очень неудачно развернувшись в воздухе вокруг себя, я приземлился на живот. Боль была такая, что меня замутило, в то время как подо мной что-то грянуло, ухнуло и потекло.

— Лукка, вставай быстрее!

Кое-как взлетев на ноги, я поскользнулся на чем-то липком, что меня и спасло. Стрела просвистела прямо над плечом в то время, когда я, удержав равновесие, сиганул в сторону, поворачиваясь на ходу в направлении стрелка. Эльф, отбросив лук в сторону, выхватил меч и, подтянув к себе свободной рукой мага, приставил к его горлу клинок. Где-то это, причем совсем недавно, я уже видел!

Мертвые глаза то ли эльфа, то ли мертвеца вперились в мои. Скорпо стоял полным чурбаком, боясь пошевелиться. Сколько бы мы так стояли, я не знаю, но тут сверху раздался голос, по-моему, мастера Лео:

— Приказываю! Колдуна оставить в живых, его спутника умертвить!

Проделав ногами нехитрый финт, слуга Лео отправил Скорпо на землю полежать. А сам, клинком выписывая в воздухе сложные узоры, пошел на меня Облегченно вздохнув — задача намного упростилась, я выудил свой *шток* и приготовился к обороне, наматывая на другую руку обрывок веревки, которую, оказывается, так и не бросил.

Эльф все шел и шел на меня, ускоряя движения мечом. Для затравки я метнул ему в ноги свой обрывок. Не сбавляя скорости движения и не прекращая крутить мечом, эльф просто подпрыгнул кверху, пропуская веревку под собой. Немного огорченный такой прытью, я повторил, правда с тем же результатом, попытку захлестнуть ноги противника.

Клинок полудохлика был раза в два с лишним длиннее моего ножа. Рассудив, что просто так ничего не дается, я решил немного побегать, рассчитывая измотать этого типа, а там, глядишь, он и какую ошибку сотворит! Я сделал назад шаг-другой и только собирался кузнечиком уйти в сторону, как моя задняя левая предательски скользнула, и я всей тушей опять рухнул на того эльфа, который неожиданно для себя послужил мне подушкой для приземления.

Пока я скользил ногами по заледеневшим камням, забрызганным черной кровью, эльф одним прыжком кинулся ко мне, видимо рассчитывая быстренько прикончить меня, почти безгрешного. Все поплыло перед глазами.

Перед моим умственным взором предстал маленький дедок, сидевший на облезлой повозке, запряженной мышастого цвета лошадкой. Он строго посмотрел на меня и погрозил пальцем, укоризненно покачивая головой:

— Ты, что ж, сукин кот, делаешь? Спишь на ходу?! И чему тебя только учили...

Острые меча пропело у самого моего носа, пелена спала. Эльф еще раз махнул мечом, но его лезвие споткнулось о мой *шток*, заблаговременно выставленный поперек удара. Противник качнулся, выпрямляясь во весь рост, готовясь к новой атаке. Выворачиваясь, насколько это было возможно, я таки умудрился захватить его ногу веревкой и дернуть на себя. Слугу Лео просто подбросило вверх, он выронил меч. Прямо с земли я кинулся на него, не давая подхватить упавшее оружие. Мы сцепились. Этот тип был намного ниже меня, легче и, по-видимому, слабее, но он умудрился оказать мне достойное сопротивление. Под конец он уже не молотил меня своими кулачками, а просто душил, сильнее и сильнее сжимая мое горло жилистыми крепкими пальцами.

Как я только поднялся на своих двоих — ума не приложу. Да еще с этим на шее! Если бы Небо знало, как он мне надоед! Стремясь поскорее закончить наш разговор, я со всей мочи врезал коленом эльфу между ног. Хоть бы бровь у того дернулась! Хорошо! А как насчет приемчика «Большой Оз — Лосдрауг»? Здесь уже произошли подвижки, в том смысле, что у соперника двинулись глаза на улицу, но, если честно сказать, тут же вернулись на свое место. Немного разъярившись, я плюнул на все правила и просто плюхнулся на землю, подмяв под себя эльфа. Хватка значительно ослабла. Освободив одну из рук, я ухватил противника за волосы и от всей души приложил его затылком к камням. И так несколько раз...

Не суди строго, учитель Айдо...

Когда тело эльфа вытянуло судорогой, подал свой голос Скорпо:

— Голову, Лукка! Быстрее снеси ему голову!

Мастер зря говорить не будет. Я поднял меч и одним махом отправил голову подальше от туловища побежденного.

Скорпо, весь в грязном снегу, держась за грудь, выполз на поле боя:

— Так, дружок, а теперь бежим, пока эти не пришли... — Он тяжело дышал и кашлял.

И мы побежали. Позабыв про повозку и лошадей, про съестные припасы и теплую одежду и даже забыв как следует пообедать, мы что есть мочи удирали от этого замка. Яростный и гневный рев ударил в наши спины. Я обернулся и остановился как вкопанный — два тех самых безголовых эльфа пытались на пальцах что-то сказать в свое оправдание главе Круга Двенадцати мастеру Лео.

Уже потом Скорпо растолковал мне, что эти парни действительно не были эльфами. Они были порождением магии, и самое страшное заключалось в том, что они никогда не умирают, если только не предать их огню. А для того, чтобы их обезвредить, необходимо просто лишить их головы, что я и сделал.

Прошагав по лесу с полдня, колдун замерз, изрядно натрудил себе ноги, а я, в свою очередь, хорошо проголодался. Но делать было нечего, и мы молча шли и шли, пока вечер не приютил нас в большой деревне у самой окраины леса. Добрые люди, ничего не говоря и ничего не спрашивая, позволили нам привести себя в порядок, дали нам еды и место для

ночлега. Мы оба свалились замертво в доме зажиточной вдовы, в коем мирно прохрапели аж до самого обеда следующего дня.

Полуденное солнце растолкало нас запахом вкуснейшего обеда. Дородная вдовушка пригласила нас, чистых и отдохнувших, к столу. А стол меж тем просто прогибался под тяжестью яств и напитков. Если вчера вечером мы были в силах влить в |Себя только по стаканчику вина, после чего усталость скосила нас, то сегодня... Кушали мы много, не спеша, наслаждаясь жизнью и вкусом по-домашнему приготовленной еды, прекрасно понимая, что в следующий раз нам придется заполнять свои желудки какой-нибудь вечно пере— или недожаренной жратвой в придорожном трактире.

Разговор за столом был, как говорится, ни о чем. Вдова жаловалась на неурожай, плохую погоду, чрезмерные налоги, тяжелую бабскую долю, которую вынуждена делить с любимым котом и соседями. Не забывая рассказывать сплетни и новости из сельской жизни. Я, расправившись с поросенком в сметане, потягивал янтарное пиво. Скорпо, прикончив своего карпа по-деревенски и отведав рюмочку душистой настойки от простуды, потягивал ароматный липовый чай с медом этого года вприкуску с толстым яблочным пирогом. А Грета заливалась канарейкой, украдкой и томно поглядывая поочередно на нас.

— И все бы хорошо, да только одна беда. Вдовствую я, — наверное, десятый раз за обед пожаловалась Грета. У нее, похоже, все сельские байки начинались с этого. — Вам это не понять, святой отец, — обратилась она к Скорпо.

Я прикрыл улыбку кружкой, делая здоровый глоток. Черную мантию мага она приняла за рясу монаха, но мы особо и не возражали, только хитро перемигивались друг с другом.

— Не понять вам этого, святой отец, — вдова теребила скатерть, — а по ночам-то как страшно! То волки воют, то какие нелюди на постой попросятся, а бывает, и не просятся — помятся в дверь — вот пусти их, и все. И ведь ничего не боятся: ни гнева Божьего, ни милиции сельской добровольной. Одно спасение — волшебник, что с холма, заглядывает иногда. Он да привратник его. Зайдут, порядок с пришлыми наведут да опять уедут. Провизии себе купят, нам животинку какую подлечат, детей опять же там, взрослых...

Что у меня пиво, что у Скорпо чай — все это застряло в горле. Слава Небесам, Грета этого не заметила, а маг впервые за вечер взял слово:

— Спасибо, хозяйюшка, за обед. Давно так не откушивал, очень давно.

Вдова смущенно зарделась. А Скорпо, налив себе в пустую кружку из-под чая вина, неторопливо начал выяснять, куда и во что мы вляпались.

— А позволь, любопытства ради, узнать, как зовут волшебника этого?

— Лео, святой отец, мастер Лео. Я-то сама его близко не видела, все издалека как-то, а вот Арин-рыбачка говорит, очень интересный мужчина.

— Хозяйюшка, мы вчера по ночи заблудились немного, даже не знаем, как село ваше зовется. Или секрет это, а? — с испариной на лбу улыбнулся маг.

— Да какой же здесь секрет, гости дорогие! — во весь рот улыбнулась вдова. — Только наше село по-смешному зовется — Репьевый Куст. Говорят, что...

И Грета вдохновенно начала рассказывать историю с названием села и его жителей, а я со Скорпо, подперев челюсти руками и сверля друг дружку глазами, размышляли, как же так все вышло. Значит, вчера, удрав из замка, мы умудрились наvertеть круг и вернуться к тому месту, от которого удирали со всех ног. Право слово, если бы это случилось не со мной, я, наверное, просто бы умер от смеха.

Рассказ вдовы прервал стук в дубовую дверь, и в комнату вошел... привратник замка

Лео... Челюсти можно было уже не подбирать — что-то грохнулось на пол. Глупо думать, что он зашел просто так. Я молча ругнулся, обматерив себя самыми последними... ну это не важно. Мой нож и трофейный меч были в другой комнате, а этот мужик уже сейчас одним только взглядом пригнул нас к столу, не давая пошевелиться. — О, господин привратник! — подхватила Грета. — Какая честь для меня. Прошу вас, присаживайтесь к столу, отобедайте. Может, вина или пива? Вы же знаете, какое у меня пиво — самое лучшее в округе. Вот святой отец... — У привратника брови прыгнули вверх от удивления, Скорпо тяжело сглотнул. — Вот святой отец и друг его, молодой господин, уже оценили мою стряпню. Не обижайте бедную вдову, прошу вас, присаживайтесь...

— Охотно, госпожа Грета, охотно. — Слуга Лео, сняв тулуп, подсел к нам. — Мне того красного вина, что мы у вас с... — он сделал долгую паузу, — мастером Лео на позапрошлой неделе покупали.

Кивнув, вдовушка наполнила ему бокал, впрочем не забыв и о нас.

— Что привело вас в нашу деревню, господин привратник? Вы решили пополнить запасами кладовые замка? Что бы желала ваша милость? — по-базарному затараторила Грета.

Привратник, насмешливо поглядывая на нас, не спеша потягивал вино и молчал. Просто молчал, рассматривая поверх своего бокала нас, обалдевших от произошедшего. Не знаю, сколько бы это могло продолжаться. Я уже не выдержал и решил привести наш бессловесный поединок к какому-нибудь... ну, хоть к чему-нибудь!

Я попытался привстать, чтобы, чтобы... что... о-о-о-о-о!!! Моя задница намертво прилипла к скамье, как, впрочем, и колдуновская. Мы сидели, не в силах даже пошевелиться, а господин привратник как ни в чем не бывало душевно лопотал с вдовушкой, не забывая отдавать должное вину. Надо еще сказать о том, что наши языки также не могли пошевелиться.

В общем, положение еще то! Не двинуться, не ругнуться и — что самое главное и обидное — не выпить и не закусить! Яростно моргая, Скорпо что-то тихо и нудно мычал то в мою сторону, то в сторону привратника. Тот от души мел языком и пододвигал к себе блюдо с закуской, якобы не замечая, что происходит.

— А что это у нас святой отец ничего не кушает? — вдруг очнулась вдова..

— Так пост нынче, матушка.

Кто знал, что этот гад ответит именно так?!

— Вот те раз! — удивилась Грета. — А до вашего прихода ничего, нормально скромное ел...

— Он теперь еще и молчать будет — пост у него страшный с полудня начался. Ни слова сказать, ни еду в рот отправить. — Привратник сочувственно улыбнулся. — А что делать, это мы с вами, сударыня, люди грешные, а они... — Он так сочувственно вздохнул, что у меня и у вдовы на глазах выступила непрошенная слеза. — А они люди Божьи. Ну да выпьем, матушка, за них, за их здоровье и помыслы.

Чокнувшись, они хлопнули по одной. Потом по второй... третьей... четвертой... Грета предложила сходить за подружкой, тоже вдовой — молодой и красивой, чтобы было веселее. Мужик вежливо отказался, сославшись, что дел еще сегодня много и до захода солнца ему нужно быть в замке — хозяин, поди, уже заждался. Хозяйка с нескрываемым сожалением и блеском в глазах, получив список продуктов, поплелась в погреб, оставив нас одних.

Мастер Скорпо, траурно промычав, закрыл глаза, а я про себя дал слово, что, как только

смогу свободно двигаться и говорить, перво-наперво набью этому мужику морду за то, что он позволил себе жрать из моей тарелки мое мясо, а потом dokonчу этот кувшин вина — уж очень пить хотелось. А привратник меж тем спокойно, никуда не торопясь, закурил, достал из-за пазухи кошелек, отсчитал деньги и, не удержавшись, хлопнул еще один бокальчик, закусив узкой полоской ароматно пахнущего мяса. В ответ я и Скорпо дружно и громко сглотнули. Привратник удивленно, как будто впервые видит нас, обернулся в нашу сторону. Он смотрел на нас долго и молча, словно вспоминая, откуда мы такие здесь взялись, пока не вошла Грета.

— Готово, господин привратник, все, как вы просили.

— Пойдемте, сударыня, проводите. — Мужик встал, толкнул пальцем деньги и... не оборачиваясь, ушел.

Я попробовал двинуться с места — никак, повернуть голову — снова никак, умоляюще зыркнуть на Скорпо — получилось, но легче не стало.

— Ох и намело, намело нынче! — отряхиваясь от снега, вошла вдова. — И как вы только поедете, ума не приложу. Может, останетесь, а? Я баньку приготовлю, там и ужин поспеет. А поутру двинетесь...

Мы злобно и беспомощно молчали, всем своим видом пытаясь показать, что, мол, на все согласны, только бы...

— Молчите, да... — Грета села напротив нас. — Ну, раз надо — так надо... — Селянка ковырнула остывшую рыбу. — Смотрите, мужики, воля, как говорится, ваша. Ну хоть лошади у вас добрые (?!), довезут. — Она подняла глаза. — А что, господин привратник вам ничего не сказал? Забыл, наверное. Он же лошадей ваших с повозкой привел. Сказал, что вы их в темноте потеряли. Вот страсти-то какие! Святой отец, расскажите, и как с вами такое могло приключиться, а?

— Как? — неожиданно переспросил Скорпо.

Я почувствовал боль в занемевшем теле и попытался встать. Вот только почему-то это у меня не получилось. Сверху на меня свалился мастер Скорпо.

Я гнал коней всю ночь, стараясь подальше убраться от этого места. Лишь под утро, когда на обочине дороги засветились окна трактира, я сбавил бег лошадей и растолкал задремавшего мага. Скорпо велел остановиться, дабы дать лошадам отдышаться, а спинам нашим найти покой на чем-нибудь более мягком, чем куча соломы на дне повозки.

Колдун, как, впрочем, и я сам, так и не заснул. Предупрежденный трактирщик вошел к нам в канун обеда, объявив, что лошади отдохнули, а также накормлены и напоены. Мы спустились вниз и, усевшись в уголке, отдали дань трапезе. Хотя, если честно, кусок в горло просто не лез.

— Мастер, — решился я наконец спросить, — объясните, что же произошло? Нас не только не убили, но еще и вернули нам наших лошадей.

Скорпо молчал, уткнувшись в тарелку.

— Выходит, мастер Лео все знал, ведь так? — Колдун поднял голову. — Скажите что-нибудь, мастер!

— Что я могу сказать тебе, друг мой... — Взгляд мага был полон печали и задумчивости. — Нам подарили жизнь. Радуйся...

— Глядя на вас, нельзя сказать, что вы рады до безумия.

— Ты прав, Лукка. Сейчас я попробую тебе кое-что объяснить. — Скорпо налил себе пива. — Мне, точнее сказать, нам с тобой дали понять, что в этой игре главные не мы.

Я пожал плечами.

— Ты совершенно прав, сказав, что мастер Лео все знал. Он знал, что мы собрались бежать из башни, не дожидаясь решения собрания. Он знал, что мы вернулись в окрестности замка, заблудившись, сделав круг по лесу... Как? Обыкновенная магия. А вот для чего все это? Ведь если об этом узнают другие маги Конклава, ему придется очень туго. Однако он сделал это, сохранив нам жизни, отпустив подобру-поздорову. Я так думаю, что, продемонстрировав свою силу и власть и сделав нас своими должниками, он готовит нам какую-то роль в своей игре. И знаешь что, Лукка, — он наклонился к моей башке, — я не люблю плясать под чужую дудку.

— Вы предпочитаете петь, да?

— Ты издеваешься, что ли?! — Маг внезапно разъярился. — Забыл, с кем говоришь, слуга!

В этот миг я пожалел, что не перерезал веревку.

— Пойду, лошадей запрягу. — Я встал, во рту все пересохло. — Ехать далеко... — И, больше не говоря ни слова, вышел на улицу.

Вскоре показался маг. Он сел рядом на козлы.

— Ну, извини, Лукка, вспылел. Нервы на пределе. Так много всего случилось. Извини. К тому моменту я уже остыл.

— Да ладно, мелочи... — И легонько хлестнул лошадей, выезжая на дорогу. — Едем домой?

— Нет, мой друг, нам сегодня совершенно в другую сторону!

Надо сказать, что с самого начала мы поехали не в сторону Уилтавана, а рванули аж на запад, но Скорпо особо не расстроился, заявив, что видит в этом руку судьбы, так как нам надо двигаться именно в данном направлении.

Итак, нашей целью стал город Кинблоу, что у самого подножия Голубых Гор, известных своими гномами — мастерами на все руки, а также самым высоким пиком — горой Син, на склоне которой торчит, как чирей на лбу, городишко Веза-Влау, наземная столица все тех же гномов.

Чем дальше на запад, к горам, тем все нетерпеливей становился мастер Скорпо. Бывало, он сам садился за возничего, давая мне поспать, лишь бы мы не останавливались ни на мгновение. Мы потратили половину наших денег, доплачивая за свежих лошадей. Короче, он делал все, чтобы день приезда в Кинблоу наступил как можно скорее. Его даже не остановил двухдневный буран, тормознувший нас на полпути. Скорпо буквально исходил все стены в трактире «Ночь Запада», а когда ветер и снег чуть-чуть притихли, сам побежал запрягать лошадей. И даже не пикнул, когда я орал на него словами Отродья, проклиная его колдовскую задницу и все остальное, вытаскивая повозку из очередного сугроба или из обочины, куда мы въезжали по причине полной невидимости из-за снега, который залепливал глаза.

Так или иначе, но наступил тот день, когда на горизонте появились первые вершины Голубых Гор, а в дорожной гостинице «Полдня Пути» подтвердили, что к вечеру мы действительно будем в Кинблоу. Вот здесь Скорпо неожиданно объявил «небольшой антракт в нашем Путешествии». На мой недоуменный взгляд он отвечал тем, что сейчас поспешность будет лишней и что мне надо отдохнуть после такого путешествия. И вообще, ему надо оглядеться, а туда ли мы, собственно говоря, прибыли.

Колдун ушел под вечер. Дабы не скучать и развеяться, я решил спуститься в зал, где,

судя по звукам, начиналась какая-то вечеринка. Слава Небесам, Скорпо догадался оставить мне кошелечек «на карманные расходы», попросив при этом «не гулять особо сильно, так как завтра, скорей всего, придется подниматься ни свет ни заря».

И вот моя первая самостоятельная вечеринка. Почему самостоятельная? Ну, раньше я пил с кем-то, то с Большим Озом, то с Ватгилем, то с самим Скорпо. А здесь меня никто не знает, и я, в свою очередь, отвечаю всем полной взаимностью.

Зал «Полдня Пути» был полон всякого сброда и другого разношерстного народа — с большим перевесом со стороны гномов. Оно и понятно, все же здесь их территория обитания!

С большим трудом, стараясь никого не раздавить, я пробрался к стойке, где гулянкой заведовал трактирщик с парочкой смазливых девчушек, закидывающих посетителей кружками с пивом и другой, радующей сердце отравой. По самому трактиру, уверенно петляя и уворачиваясь от падающих и качающихся тел и туш, носилось еще штук пять-шесть девах, обслуживая гуляющих за столами. Посетители пили, жрали, ругались, кто-то пытался заплетающимся языком подхватить застольную песню, заведенную с помоста пятеркой гномов под грохот барабанов, вой волынки и рожков. Над всей этой разнорослой толпой ночным туманом висел дурманивший чад табака.

Когда мой отощавший живот воткнулся в край стойки, хозяин, не говоря ни слова, швырнул в меня огромной кружкой ледяного пива и умчался дальше. Рядом со стойкой возвышались потертые деревянные чурбаки разной высоты, предназначенные, как я понял, для парней, не желающих отходить далеко от места розлива. Все эти места были заняты гномами, кроме двух, явно предназначенных для типов вроде меня и просто людей. Вооружившись кружкой, я взгромоздился на одно из них.

Только-только показалось дно кружки, как ко мне подбежала деваха и проорала что есть мочи:

— Яичница. Мясо. Курица. Вино.

Я непонимающе пожал плечами. Та, кивнув, исчезла, а через мгновение, вынырнув из ниоткуда, выставила перед моим носом сразу две кружки пива и огромное деревянное блюдо с пахнущим съестным.

— ... Со всем, «Вечерня», — представила она мне это и ускакала к колотящему кулачком по стойке гному.

«Вечерня» представляла собой мешанину из всего, что, по-видимому, нашлось на кухне — куски жареного мяса и колбаски пополам с картошкой и фасолью, кружки лука и помидоров и чего-то там еще. Все это было щедро заправлено, наверно, дюжиной взбитых яиц. Одолев примерно половину блюда и докончив под это дело последнюю кружку, мне пришлось на ум, что подобный омлет я не ел, кажется, никогда в своей жизни, о чем незамедлительно захотелось сказать хозяину, заодно заказав еще пивка или чего покрепче.

Чуть не сорвав голос (и это с моим-то горлом и легкими!), я решил последовать примеру тех парней, что вызывают к себе хозяина с помощью кулаков. Тем паче что этот способ был для меня наиболее приемлемым.

Я стал колотить по стойке, призывая обслугу к себе. Но она, причем вся, сгрудилась у дальнего конца, о чем-то споря с пьяным вдрабадан гномом. Не переставая колотить по стойке, я с удивлением заметил, что попадаю в такт песне, орущейся на весь кабак сотней глоток:

Пейте, парни! Пейте, гномы! Завтра утром будем дома! Завтра утром встретят горы,

Завтра...

Вот здесь я поперхнулся и замолчал, начав было подпевать, ибо в следующей строчке говорилось о том, что сделают эти brave молодцы с теми нехорошими пацанами, что встретятся им на пути домой поутру. Моя рука зависла над стойкой, глаза скромно потупились, а щеки обожгло красным. Невесть откуда взявшаяся служанка недоуменно зыркнула на меня, впрочем не забыв выставить еще пару пива. Спешно опрокинув обе кружки и все еще чувствуя смущение, я ненароком стырил у уткнувшегося в стойку рыжебородого гнома огромный, величиной с самого гнома, кувшин вина и практически одним глотком опустошил его. На сердце и душе стало легче, а щеки почти перестали пылать. Еще через несколько мгновений, когда долгожданная волна хмеля таки докатилась до черепа, я поневоле начал подпевать вслед за радующейся жизни толпой.

А гулянка все набирала и набирала обороты. Уже кого-то вынесли на улицу, в дальнем углу спорщики самозабвенно таскали друг друга за бороды. Подоспевший вышибала, из людей, ростом чуть уступающих мне самому, несмотря на протесты присутствующих, выволок драчунов за шиворот наружу. Пятерка гномов-музыкантов орала такую похабщину, что... ну... Но мне все это нравилось!.. Мне нравилась эта безудержная гулянка, это веселье! Мне все это просто дико нравилось!

Вышибала пролетел до середины зала и, завалив собой нескольких пирующих, улегся на полу. Присутствующие, в том числе и я, оглянулись на вход. Дюжина громил из людей в сопровождении орков, числом, вероятно, восемь, недружелюбно высматривали кого-то среди толпы. Стоявший напротив меня за стойкой хозяин скрипнул зубами, чуть слышно помянув все нехорошее в этом мире сразу.

— Ватага Шера... — выдохнул кто-то рядом, — ну, сейчас начнется...

Самый крепкий из этих, на первый взгляд бурая смесь человека и орка (и такое встречается!), спокойно, не торопясь, вступил в зал. Широкоплечий, ростом с меня, мож, даже и чуть-чуть повыше, длинная спутанная черная грива, стянутая пучком на затылке, свисала конским хвостом. Морда самая что ни на есть гоблинская, то есть воровская, — густая щетина плохо скрывала многочисленные шрамы, на левый глаз натянута тряпка. Ко всему этому от папы-хряка парню досталось что-то такое... свинское. Не знаю, как это объяснить, но так оно и было.

Пока я разглядывал этого типа, сам он, спокойно идя по залу, разглядывал притихшую толпу. Наконец он дошел до трактирщика, спихнул на пол мешавшего ему пройти спящего гнома и, облокотившись на стойку, поманил к себе пальцем хозяина. Тот подошел с явной неохотой.

— Что угодно господину Шеру?

— Для начала кружку вина. — Голос у бандита был сиплым. Трактирщик выставил требуемое, а Шер, даже не взглянув на вино, продолжил: — И того, которого я ищу.

Трактирщик прямо взглянул в глаза разбойнику:

— Его здесь нет.

— Вижу... — Шер с деланным сожалением вздохнул. — Ну, нет так нет. Я вот что думаю... — Он сделал глоток. — А что я думаю? А я думаю, что раз зашел сюда, то, наверное, ведь не просто... — Он вроде как задумался. — Общак вот отошал, ребята без дела застоялись... — Трактирщик побагровел. — Да не переживай ты так сильно! Ну что теперь делать?! У тебя своя работа, у нас своя. Да и образ поддерживать надо, а то совсем уважать перестанут... Ты там это... выручку собери, с гостями мои парни сами поработают.

Шер обернулся к своим:

— Начинай, мужики, помаленьку! — Затем, повернувшись, прошипел: — Что застыл, скотина, поторапливайся!

Бандиты под прикрытием изготовившихся стрелков стали обходить резво трезвеющий народ. Атаман, отхлебнув еще немного, обратил свой взгляд на меня. Осмотрев меня так, будто собирался купить, он удовлетворенно хмыкнул.

— Чем занимаешься, парень? Сообразив, что обращаются лично ко мне, я честно и откровенно ответил:

— Пиво пью...

— Остряк... — качнул головой Шер. — По жизни чем занимаешься?

— А тебе какое дело? Живу! — Я не люблю, когда ко мне лезут разные типы с подобными расспросами, поэтому стараюсь сразу ставить их на место. — Живу и не мешаю жить другим.

Шер долго буравил меня своим глазом, затем, снова хмыкнув, продолжил:

— Имя у тебя есть или ты считаешь, что и это не мое дело?

— Лукка. Лукка-Висельник. И это не твое дело.

— В принципе согласен, — повернулся он ко мне всей тушей. — Мне просто интересно, вот и все. Ведь это не преступление, так?

— Ну, так.

— Вот видишь, мы уже с тобой говорим, как нормальные мужики. И как нормальный мужик, я хочу поинтересоваться, нет ли у тебя желания сменить профессию? Мне нужны крепкие ребята, которые не будут знать, что такое бедность, и не будут пухнуть с голоду, и уж тем более не будут надрываться на вредной работе.

— Я не надрываюсь. И уж тем более не голодаю.

— Но ведь, чтобы поддерживать в форме такое мощное тело, нужно немало лавэ, ведь так? Как у тебя с деньгами, Лукка?

— Не жалуюсь... — Этот тип начал меня раздражать. — И больше чем уверен, что оплатить свой счет мне будет по карману.

— Это славно... — Шер, казалось, задумался. — Славно. Значит, ты не жаждешь присоединиться к моей ватаге?

— Спасибо, нет, — тем временем часть бандитов завязла с одним гномом, не желавшим отдавать свои сбережения.

— Ну, как хочешь. — Вожак был явно разочарован. — Я спрашивал, как у тебя с деньгами, приятель? Или ты думаешь, раз уж я соизволил с тобой говорить, так уж ты уйдешь отсюда *неподелившимся*? Только не говори мне, что ты уже все пропил — не люблю брехни.

— Во-первых, я еще не расплачивался. — Я начал закипать. — Во-вторых, *я никогда не брешу*, слышишь, *жакхе*? И в-третьих, если ты сейчас же не убереешься от меня подальше... — В моих глазах побагровело.

Легче на сердце стало только тогда, когда мой кулак встретился с его челюстью.

Вожак слетел на пол. Свистнув, рядом со мной в стенку стойки чмокнулась стрела. На мое удивление (в сознании, бродяга!), Щер с пола вскинул руку:

— Не стрелять! Я сам!

Покачиваясь, он неторопливо встал, отстегнул пояс с мечом и, выудив из сапога длинный нож, шагнул ко мне. Я пожал плечами, слез с чурбака, на котором все еще сидел, и

достал свой штоск.

— Я вижу, ты знаком с гномами, приятель. — Атаман, сплюнув кровь, указал на гномий нож. — Надеюсь, ты не их родственник, а то мне придется перерезать всю эту толпу, дабы избежать кровников.

— Не, не родственник, просто друг одному из них...

— Да? — Шер, слегка согнувшись, сделал движение в сторону. — Хоть это несколько и меняет ситуацию, но... — От пробного замаха я легко уклонился. — Положение дел это не меняет.

Я не нападал, выжидая, что еще интересного может сделать противник. А тот, особо не мудрствуя, еще раз махнул своей железкой, но уже более угрожающе — острое пронеслось прямо возле глаз. Мою пару зрячих спасло то, что руки у полуорка были коротковаты. Не в пример моим. Я ухватился левой за его запястье, маленько рванул на себя и саданул *штоском* под дых. Бандюга подло обманул меня, перехватив руку с ножом и вывернув ее на себя. Мысленно согласившись с ним, я повторил его прием со своей стороны. Вот так мы и стояли, дружно выворачивая друг другу руки.

— Ставлю на громилу, — раздался голос слева.

— На которого?

— На того, у которого еще оба глаза!

— Сколько?

До чего там гномы договорились, я так и не расслышал. Шер каким-то образом изловчился подпрыгнуть и сразу двумя ногами пнуть меня в грудь. Кто сказал, что я его отпустил от себя? Ага!.. Мы оба упали на пол и принялись кататься по нему, стараясь подмять противника под себя. Причем не обращая внимания на толстопузика, так неудачно очутившегося прямо под нами и орущего, как тот гоблин. Кажется, к концу схватки он заметно похудел в обхвате, но при этом раздался вширь.

Что происходило вокруг, я даже и не смотрел — не до того было. На данном этапе жизненного пути моей задачей было отделаться от этого парня. И как можно скорей, так как мне... ну... это... В общем, если учесть количество и качество выпитого пива, то мне было СРОЧНО НАДО на свежий воздух!!! Первым моим шагом к достижению цели была попытка зафиксировать Шера под собой, что в принципе мне почти удалось — мы разлеглись боком прямо на живой, маленькой, но очень визжащей подстилке. После этого стали опять-таки дружно колошматить друг друга черепушками. Интересно, если Небеса и боги на них предоставят мне еще раз случай немного подраться, я и тогда буду гвоздить противника своей головешкой? Хотя дед Архи говорил, что «голова и ее содержимое есть наиболее могучее и эффективное оружие в мире. Если, конечно, пользоваться ею по уму». И, оказывается, старик был прав!

Долго разлеживаться мы не стали. В какой-то момент мы, будто сговорясь, разлетелись в стороны и вскочили на ноги. Толстый гном, кряхтя и охая, быстро-быстро, как только мог, на четвереньках уполз с места схватки. Однако я тут же, как учил Айдо, подскочил к Шеру и мощным взмахом ноги выбил у него тесак. Судя по звериному воплю бандюги, я ему еще и переднюю лапу при этом попортил. Во всяком случае, вожак ватаги отскочил назад, схватил левой первое, что ему попало под руку, а именно немелкий такой табурет, и запустил им в меня.

Чисто инстинктивно, а может, по глупости, что скорей всего, я защитился от летящего снаряда вооруженной *штоском* рукой. Конечно же клинок выбило у меня из рук, и он

закатился под лавки. Следом за табуретом налетел Шер. Очень неудачно, надо заметить. Моя правая лапа дико болела, а левой действовать было неудобно, и я выставил вперед левое копыто. Короче, лягнул я его на лету. Отлетел полуорк ненамного, но шумно, захватив с собой кучку зрителей и болельщиков. Ругань, мат-перемат прозвучали для меня как полное одобрение этого хода. Развивая успех, я подскочил к Шеру и, ухватив его за грудки, раскрутил в четыре оборота и отпустил восвояси. После приземления атаман попытался приподняться из вороха тел и обломков, но подоспевшие вовремя мои кулаки упростили его больше не вставать. Он любезно согласился.

Ватага побитого недоуменно взирала то на меня, то на молча лежащего вожака.

В жизни каждого мужчины случаются минуты, когда сил на терпение просто не остается. И такая минута для меня наступила!

С ревом быка я бросился к дверям. И не моя вина в том, что эти полтора десятка прожженных в грабежах и ненастьях мужичков решили, что я жажду их шкур и крови. Кто-то попытался встать на моем пути и был смят, а кто-то показал мне свою мужественную спину, дав пройти по ней к выходу из кабака.

Когда я раскрыл тяжелую двойную дверь, пропустив вперед себя пинком под зад одного из грабителей и свежий морозный воздух встретил меня, на моем пути возник целый отряд одетых в казенное синее гномов, числом под тридцать.

На выставленные пики рухнуло оглушенное тело ватажника. Гномы невольно подались назад.

— Дорожная стража Кинблоу! — представился один из них. — У вас там что, проблемы?

Я молча пролетел мимо до ближайшего дерева и встал за ним, лихорадочно развязывая ремень на штанах.

И как только я начал свое грязное дело, так один из этих «синих» заглянул ко мне за ствол.

— Я спросил, у вас там пробле... — Он осекся, исчезнув туда, откуда взялся.

Мой голос был полон блаженства и необычайной легкости:

— У меня — уже нет. Там, внутри, похоже, уже тоже...

Тех, кто так и не смог подняться самостоятельно, стража выносила наружу, складывая по кучам — своих в одну, ватажников в другую. Я сидел за стойкой и разговаривал с капитаном синих. Тот угощал меня пивом за счет Кинблоу, а точнее сказать, за счет трактира.

— Сказать, что я благодарен вам, сударь, это значит ничего не сказать! — гундосил гном. — Мы гоняемся за этой бандой с прошлого лета, но безрезультатно. И вот совершенно случайно проходим мимо — и что! Вся эта бригада упакована, будто специально к нашему приходу! Хотя, если честно, я даже не могу предположить, какого Отродья они здесь забыли. Обычно они не делали налетов на подобные места, все больше по дорогам или на подступах к городу на худой конец.

Я оторвался от кружки и, смахнув пену с губ, подсказал мысль:

— Искали кого-то, вот и зашли.

— Да? И кого? Я пожал плечами:

— Не знаю, вожак ихний, Шер, так говорил. — Краем глаза замечаю, как заметно побледнел трактирщик.

— Господин капитан, — подал тот голос, — позвольте вас на два слова.

— Охотно. — Гном резво вскочил с места и пошел шептаться с хозяином.

Я доканчивал свое пиво, не без гордости рассматривая место побоища. Бардак еще тот! Почти вся мебель переломана, гости, правда, не все, но побиты. Бардак! Бардак!!!

— ЛУККА-А-А!!!

Я аж поперхнулся. В дверях стоял мастер Скорпо, и лицо его с поразительной быстротой становилось то красным, то белым. Видимо, эта смена цветов происходила при мысли о том, что здесь произошло и как, в какую сумму это побоище обойдется.

— Лукка, отца твоего за... — дальше шло такое, что вслух повторять просто не стоило. — Я тебя, как... оставил, а ты... ТЫ!!! — Колдун захлебывался яростью и слюной.

— Все в порядке, сударь! — вынырнул наперерез разбушевавшемуся магу гном. — Я, право сказать, не знаю, кем вам приходится этот парень, но могу вас уверить, что у Кинблоу нет к нему никаких претензий.

Сзади мучительно засопел трактирщик.

— И у заведения «Полдня Пути» также нет никаких претензий к вам, — добавил служивый.

— Ну... — протянул было хозяин.

— Более того, — с легким нажимом в голосе продолжил гном, — вы можете не платить за ночлег и еду. Все это за счет города...

— Да?! — обрадовался трактирщик.

— ...И за счет заведения, — закончил капитан, повернувшись к хозяину.

Тот сник и, повесив голову, ушел на кухню.

— Ну, ежели так... — протянул Скорпо.

— Именно так, господин... маг, если не ошибаюсь. — Гном просто светился от радости улова и победы.

— Да-да, именно так. — Колдун был заметно растерян. — Лукка, друг мой, по-моему, нам пора на боковую.

Морда Скорпо изображала смесь удивления, непонимания и неподдельной радости по поводу удачного разрешения проблемы, которая еще местами стонала, а местами требовала капитальной чистки и ремонта.

— Пойдем к себе, дружок, — елеинно пропел волшебник, — там мы с тобой посидим, поговорим. — Тут у Скорпо произошло *перемутив* в мозгах. — И ТЫ МНЕ ОБЪЯСНИШЬ ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИЗОШЛО!!!

Путь в Кинблоу был знаменателен тем, что мы совершили его под стражей. Точнее, вместе с ней. «Синие» тормознули первый попавшийся торговый караван и, как сказал Скорпо, «экспроприировали часть гужевого транспорта, и теперь лошадки тащили не товары, а закоренелых бандитов и остатки их тел». Крыж, капитан гномов, просто светился от счастья и, как тот малец, бегая вдоль конвоя, без усталости пересчитывал пленных. Наша со Скорпо повозка тащилась в самом конце. Маг, как обычно, улегся в ее глубине, завернувшись в шкуры и одеяла, под шумок стыренные из того же каравана. О его присутствии напоминали то неразборчивая ругань, то бормотание, похожее на подсчет чего-то, то тихое сопение и похрапывание. Когда за поворотом показались ворота города, неутомонный Крыж радостно доскакал до нас.

— Господин Лукка! Господин маг! — затараторил гном. — Подъезжаем! Надеюсь, вы предстанете перед нашим правителем? Он просто не простит мне, если не познакомится с героем, в одиночку скрутившим банду Шера!

Скорпо высунул наружу свою заспанную физиономию:

— Капитан, вы считаете это обязательным? У нас много дел.

— Сударь, вы даже не представляете себе значения всего происшедшего! Я больше чем уверен, что, помимо торжественного пира, который состоится сразу после показательного суда и казни, вас ждет солидное денежное вознаграждение за поимку Шера и его оравы!

— Вознаграждение... — задумчиво потеребил бородку колдун.

— Вы изволите сомневаться, сударь? Я думаю, что три тысячи золотом не будут для вас лишними!

— ТРИ ТЫСЯЧИ?! — Не то у меня, не то у Скорпо что-то полновесно звякнуло голове.

— Да. И по триста за каждого члена банды. Можно золотом, можно драгоценными камнями с королевского рудника.

Бриллиантовый дым туманом заслонил дорогу и, закружив голову, сразу же расступился, вызвав волшебное видение. Огромное пивное озеро, возле которого паслось стадо целиком зажаренных поросят, предстало пред моими глазами. Выводок копченых куриц носился над янтарной поверхностью, выискивая неутомонный косяк сушеных рыбок. А из благоухающих *фэлом* камышей на сахарный берег выходила мечта мужчины и тролля — статная эльфийка под ручку с еле передвигающим ноги гоблином.

— Тревога! Тре-во-га!!! — Истошный крик разрушил дурманивший мираж. — Тре-во-га! Поо-беег! — Туман перед глазами резко сгустился и рухнул вниз на притоптанный снег.

— А... что?..

Я наконец пришел в себя. Крыжа рядом не было. Скорпо сидел на козлах и, как и я сам минуту назад, прикрыв глаза и чуть склонив голову, медленно, со вкусом, хватал губами воздух, прям как окунь, но урча при этом, как котяра.

— Ула, Улл-лла... Улячка... — смог я разобрать в этом мартовском сопении.

— Эй, мастер, — легонько толкнул я его.

— А... что?.. — кто из нас двоих это сказал?

— Ничего. Тревога — у «синих» кто-то сбежал.

— Кто? — Скорпо, видимо, еще не очнулся, блаженно улыбаясь.

— Не знаю. Пойду посмотрю. — Я спрыгнул с повозки и зашагал вдоль остановившихся телег и кибиток. Скорпо, наконец сообразив, что что-то не так, подобрал мантию и пустился следом.

Возле телеги, загруженной трофейным оружием и чем-то еще, стояли, вглядываясь в придорожную стену леса, два служивых гнома.

— Парни, что случилось? Кто сбежал? — взмахнув рукой в знак приветствия, обратился я к ним.

— Шер, чтоб ему!.. — Гномы, узнав нас, опустили поднятые боевые топоры.

— Опс-с... — выдохнул пар колдун. — И как же это, а?..

Один из гномов, сплюнув на мерзлую землю, ответил сквозь зубы:

— А, Отродье его знает как! Капитан с вами базарил, его клетку, Шера то бишь, везли отдельно, двое наших стерегли. Они там с ним все время ругались. А потом тихо стало. Сержант глянул — наши без чувств лежат, а того и след простыл. Утек, как сквозь камень прошел, ни следа, ни запаха!

— Говорю тебе, — присоединился второй служака, — без колдовства здесь не обошлось. Думаешь, просто так, ни с того ни с чего говорили, что он пять лет у какого-то

колдуна на Востоке в услужении был? Говорю тебе, колдонул он. В комара обратился и улетел сквозь решетку.

— Комар на таком морозе не взлетит, замерзнет, — резонно решил я вслух и пошел посмотреть на место побега — интересно ведь. Скорпо захрустел рядом.

— Думаю, парень подкупил стражу, та его и выпустила, — предположил колдун.

— Может быть, и так, а может, и нет. — Я остановился возле той самой телеги. Двоих гномов, бывших сторожей, откачивали товарищи. Колдун пошел туда. Про себя я подумал, что здесь Скорпо совсем не прав — помимо гномской упрямости, карлики славились еще верностью и неподкупностью. Хотя... времена проходят, все меняется...

На вид телега как телега, только с огромной решеткой, превращающей ее в передвижную клетку. Я такую позапрошлой осенью видел, когда к нам бродячий балаган заходил. Так вот, прутья решетки на первый взгляд на месте, замок тоже. Вот только солома... Меня что-то осенило. Кажется, мысль. Солома не была разбросана по всему полу, как это бывает от тряски во время езды. Сколько раз Скорпо матерился, собирая ее по всей повозке, когда она «расползалась» из облюбованного им угла. А здесь она возвышалась ровной кучей в одном месте, почти в самом центре днища телеги.

— Сотрясение мозга у обоих, — подойдя, объявил Скорпо, — еще не очнулись, но оба дышат.

— Значит, жить будут, — сказал я, опускаясь на корточки посмотреть, что там интересного под самой телегой.

— Будут, куда им деться, — подтвердил маг, присаживаясь рядом, скорей всего, так, за компанию.

Нашим взорам предстало днище телеги с торчащей из нее... втиснутой в добротные кожаные штаны чьей-то задницей...

— Слышь, Шер, — обратился я к ней, — а вот если гномы не плюнут и будут искать тебя до самого вечера, ты так долго сможешь провисеть?

В нас вперился единственный глаз получеловека.

— В прошлый раз, три зимы назад, я провел в таком положении целые сутки, — спокойно ответил бандюк. — Знаешь, парень, когда на карту поставлена твоя шкура, сделаешь все что угодно, чтобы палач не испортил ее.

— Это точно, — вклинился колдун. — Ну а как ты ушел в тот раз? Дождался, когда тебя оставили одного, и сделал ноги?

— Да нет, — выдохнул Шер, — в тот раз кибитка так и осталась на виду у всех. И так же, как сейчас, меня застукали.

У меня на загривке начала подниматься шерсть. Творилось что-то неладное, а Скорпо увлеченно продолжал выпрашивать:

— И что ты тогда сделал?

— А сделал я тогда так... — начал было рассказывать беглец.

Дальше все произошло почти в одно мгновение. Шер рухнул вниз спиной и, перекатившись на другую сторону телеги, запустил нам в морды снегом. Я инстинктивно уклонился в сторону всем телом, но моя задняя лапа совершенно нелепо умудрилась зацепиться за колесо, и я рухнул на землю, проклиная свою неуклюжесть на чем свет стоит. Скорпо, разматерившись так, что вздрогнули лошади, пытался прочистить глаза от снега. А полуорк, перекатившись на обочину, вскочил и со всей мочи рванул в сторону леса. Увидавшие это дело гномы, даже не думая соревноваться с ним в скорости, быстренько

подоставали самострелы и недружным залпом послали болты ему в спину.

Вот он, настоящий воин. Я бы так точно не смог! Парень на бегу (а он наверняка не мог слышать звук спускаемых стрел) резко упал на снег, пропуская летящие снаряды над собой. Затем, когда последний болт впился в землю, вскочил и припустился дальше к гуще деревьев.

— Ушел! Ушел, гад! — Это Скорпо, наконец отчистив свою рожу от снега, попытался высмотреть атамана среди заснеженных стволов.

— Пойдемте, мастер. — Я встал, отряхиваясь. — Поехали отсюда, пока нам соучастие в побеге не пришили.

— Упустили, да?! Упустили! — К нам подлетел Крыж. — Как вы могли, ведь он был у вас в руках!

— Ну что теперь делать. — Я не спеша оправлял одежду. — Ну ушел, ну не удержали. Убить нас теперь, что ли, за это? Вон остальные-то еще на месте. За ними бы следили.

— А ты мне не указывай, слышишь, ты! — вскипел гном. — Забирай свою разбитую телегу, и чтоб духу вашего здесь не было!

— А вот в подобном тоне мы говорить не будем... — прошипел Скорпо. — И вообще, независимо от того, что здесь сейчас произошло, Кинблоу должен нам за поимку этого разбойника. А то, что он сбежал, так это нас, сударь, не касается. Вы должны нам, так извольте платить...

— Что платить? — недоуменно махнул бровями капитан.

— Как «что платить»? — передразнил колдун «синего». — Награду. Золотом или драгоценными камнями из королевского рудника. На сумму три тысячи...

— ТРИ ТЫСЯЧИ ПИНКОВ!!! — взревел гном. — И если вы сейчас же не уберетесь отсюда, вы, господин волшебник, на пару со своим другом займете место сбежавшего арестанта! Вы хорошо меня поняли?!

Гномы еще долго прочесывали лес в надежде найти беглеца. Или его следы. Следы нашлись. Все остальное, естественно, нет.

На башне городской ратуши пробил полдень, когда мы остановились недалеко от центральной площади, в гостинице с разрывающим сердце названием «Королевский Рудник». Оставив в конюшне лошадей, перенеся вещи и приведя себя в более-менее нормальный вид, мы отправились на вылазку.

Вылазка состояла в том, что мы чего-то искали. Точнее будет сказать, искал Скорпо, а я наступал ему на пятки. Мы бродили по длинным узким заснеженным улочкам Кинблоу, останавливаясь почти у каждой лавки, торгующей то книгами, то магическими принадлежностями. Колдун даже не заходил внутрь, а, прочитав название, пускался дальше, пока улочка не кончалась тупиком или районом жилых домов. Иногда мы останавливали кого-то из местных, колдун что-то спрашивал. Гномы вели себя по-разному: одни недоуменно пожимали плечами и продолжали свой путь дальше, другие, испуганно отшатываясь, просто бросались наутек, и только редкие коротышки пускались в долгие подробные объяснения.

Часов через пять, когда я начал чувствовать легкое раздражение, замешенное на усталости, однообразии и чувстве голода, колдун со своей неразлучной кривой ухмылкой остановился у большой лавки, увенчанной эмблемой книги в двойном кольце.

Поправив капюшон и стряхнув с мантии снег, мастер Скорпо вступил на порог.

Нас встретил полумрак и запах пыли. Все полки лавки, как я смог рассмотреть, были

заставлены книгами и свитками.

— Эн грахе вга ухка роа? — проскрипело что-то или кто-то из темноты.

Этим кто-то оказался на редкость старый и странный гном. Во-первых, он был без бороды. Ну, не совсем чтобы. Какие-то ошметки болтались на дряблом подбородке. Во-вторых, все гномы, которых мне приходилось видеть, стриглись коротко. У этого пакли седых волос спускались почти до пола. И в-третьих, одет гном был в длиннющий балахон, чем-то схожий с мантией мага, но с плетеным кожаным пояском, конец которого, как и балахона, волочился по неметеному полу.

— Что я могу вам предложить, господа? — снова проскрипел гном. — Что вас интересует? О, я вижу здесь мага!.. вас, наверное, интересуют манускрипты Сио? Их спрашивают все, кто занимается этим ремеслом. Какого цеха, периода? Или что-то еще привело вас сюда?

— Так оно и есть, — прищурился Скорпо, — мы ищем встречи с гномом по имени Рофэх-Фа. Не сможете ли вы нам помочь?

— Вы ищете Рофэх-Фа? — удивленно переспросил коротышка. Он долго молча смотрел на Скорпо. — Ну что ж, ступайте за мной.

Нас привели в большой кабинет, также до потолка забитый книгами. Гном сел за стол, заваленный бумагами, и указал нам на табуреты.

— Прошу вас, господа, присаживайтесь. Значит, вы ищете Рофэх-Фа?

— Да, — кивнув, подтвердил волшебник.

— И чем я могу вам помочь, господа? Если честно, то я и не предполагала, что кто-то еще помнит старую женщину.

«Старую женщину»?! Так это же просто гном! Женщина-гном! Ух, и чего только на свете не увидишь! В отличие от меня, нисколько не удивившийся Скорпо взгромоздился на табурет и, порывшись у себя за пазухой, достал маленький черный кошелек.

— Для начала, сударыня, я хотел бы отдать вам этот долг. — Он перебросил кошелечек гномихе на стол.

— Вы мне что-то должны, господин маг?

— Слава Небесам, не я. Сам я всегда плачу долги. И вовремя... За редким исключением, правда. Это долг некого Катт-Арра. вам что-нибудь говорит это имя?

— О, да! Конечно, — оживилась Рофэх-Фа. — Я уже и не думала, что когда-нибудь еще раз услышу это имя. Не говоря уже об этом... — кивнула она на стол. — Воистину сегодня день воспоминаний.

— Надеюсь, что сегодняшний день будет также и днем приятных неожиданностей. И прибыли заодно!

— Так вы что-то хотите купить? Покупатели редко заходят в мою лавку...

— О, уважаемая Рофэх-Фа, поверьте, мы очень редкие покупатели. В том смысле, что вряд ли у вас спрашивают товар, который нельзя унести в руках.

— Прошу прощения, сударь, не могли бы вы изъясняться конкретнее?

— Конечно! Но сначала... — Скорпо лукаво улыбнулся. — Один небольшой рассказ, так сказать, вступление к моей покупке. Двести, а может, и больше лет назад один очень могущественный восточный король женил своего сына. Брак был хорош уже тем, что он не только сулил выгоду королевству, но также был заключен по любви молодых. В то время, как и в нынешнее, это была большая редкость! Королевство было очень богатым, и его владыка решил, что называется, шикануть! Устроить такую свадьбу, чтобы о ней говорили и спустя многие годы. При его дворе служила некая особа, которая и взялась за устройство данного мероприятия. Все прошло как по маслу, и об этой свадьбе действительно говорили еще лет двадцать. Такого красочного, торжественного и величественного мероприятия не могли себе представить миры. Говорят, даже боги многие годы обсуждали все изыски и нюансы этого торжества. Но вскоре другой король решил женить своих детей и для подготовки и проведения свадьбы всеми правдами и неправдами умудрился привлечь ту самую особу, о которой я упоминал выше. Королевство было победней, но торжество все равно удалось. И тут началось! Заказы на подготовку и проведение свадеб, а также других торжеств просто посыпались на нашу знакомую. Иногда ей приходилось буквально разрываться между предложениями. Как вы сами понимаете, это умение, талант и стали основным источником достатка и дохода в ее жизни. Ее работой. Она сколотила себе очень неплохое состояние. Была в курсе рождений и смертей во всех королевских фамилиях, ведь это был ее хлеб. Но!.. Вскоре она пропала. Почему? Зачем? Неужели в нашем грешном мире перестали рождаться, жениться и умирать короли? Достопочтенная Рофэх-Фа, может быть, вы сможете это объяснить? Колдун сделал большую паузу.

— Рофэх-Фа, почему вы оставили это занятие?

— Видите ли, уважаемый маг, — гномиха с трудом улыбнулась, — на это были две причины: первая тривиальна и скорбна, ибо ее никогда и никто не сможет избежать из нас, смертных. Возраст. К тому времени, когда я решила расстаться с этим ремеслом, я уже была не так молода. Ревматизм, сердце, постоянное давление, опять же склероз... Эти неразлучные спутники жизни ходят с каждым из нас и рано или поздно поселяются у нас дома, после чего понимаешь, что не ты, а именно они становятся хозяевами под твоей крышей. И вторая причина: долги. Мой первый хозяин, король Гиер Четвертый, когда отпускал меня на проведение второй свадьбы, заключил со мной договор. Я была молодой и глупой и подписала его, даже не потрудясь как следует изучить. И вот, когда я уже была богата и, как мне казалось, независима, ко мне явились судебные приставы и выложили счет, по которому я была должна своему бывшему властелину, точнее его внуку, очень кругленькую сумму с процентов от моих гонораров. И плюс неустойки за несвоевременную их оплату. Вот так, господа! Говорят, что Гиер Шестой довел свое королевство до ручки, а проще говоря, разорился. Вот он и собирал деньги с должников своих отцов. Короче говоря, я оказалась практически ни с чем. Денег, оставшихся После уплаты долгов, хватило на то, чтобы купить себе дом и открыть в нем лавку с книгами, как простыми, так и магическими... — Рофэх-Фа подняла на нас глаза в паутине морщин и сразу же их опустила. — Я много ездила по странам, собирала разные диковинки, ну и... — Или у меня перепой, или *бабка* действительно покраснела. — Катт-Арр оставил мне большое наследство, перед тем как *вернуться в путь*. А... — Она замялась. — А откуда вы знаете его, господин волшебник?

— Это было уже после того, как он покинул вас. — Скорпо замялся. — Мы познакомились с ним в Заблудшем Лесу, когда он искал некий важный артефакт. Лет десять назад. Он был очень болен... — Колдун помолчал. — Там его тело и было предано огню...

— Прошу прощения, господа. — Рофэх-Фа встала и, пошатываясь, вышла из комнаты.

Вернулась она очень скоро — я еще и дремать не начал. Она вошла, села на свое место и, перебирая толстенькими пальчиками материю кошелька, так и лежавшего на столе, обратила свой взгляд на нас, вставших.

— Итак, чем я могу помочь вам, господин маг? Более того, я обещаю выполнить любую вашу просьбу...

— Уважаемая Рофэх-Фа, — Скорпо так и остался стоять, — моя просьба носит свойство пикантного характера, и если бы не крайние обстоятельства, то я бы никогда не посмел обратиться с ней к вам, — тут он почтительно склонил голову.

— Спрашивайте, мэтр, я слушаю вас.

— Семнадцать лет назад. 9253 год...

— Год Мертвого Аиста?

— Сударыня, вы меня поражаете', — удивился Скорпо, — я даже не мог предполагать, что вам известен зодиак Лиу-Аноа!

— Уважаемый маг, это летосчисление до сих пор в ходу у гномов Юго-Востока. Я родом из тех мест.

— Я должен был об этом догадаться, когда вы упомянули манускрипты Сио, — кивнул мастер.

— И все же, что у вас за интерес к этому году?

— Точнее будет сказать, меня интересуется год Мертвого Аиста, месяц Водяного Тополя, первая его декада.

Старушка нахмурилась и долго-долго пристально рассматривала Скорпо.

— Я могу даже с уверенностью сказать, какой именно день вас интересует, если правильно поняла вашу просьбу.

— Я хочу попросить вас сказать мне, кто именно из королевского сословия родился в этот день.

— Дочь короля Гиера.

— Кого?! — Скорпо сел.

— Дочь короля Гиера Одиннадцатого... Винетта Ви-льсхолльская. Пра-пра-какая-то-там-внучка того самого Гиера Четвертого. А что вас так удивило?

— Просто я еще раз убедился в том, как тесен наш мир! Я и думать не мог, что отпрыск вашего *разорителя* и бывшего хозяина может привлечь мои интересы.

Бабуля продолжала хмуриться и, как мне показалось, стала немного злиться. Скорпо это тоже заметил.

— Поверьте, сударыня, до прихода сюда я и не предполагал, что мои интересы и интересы людей, которых я представляю, в какой-то мере пересекутся с вашим прошлым и, я бы даже сказал, настоящим. — Он указал на помещение лавки. — Если хотите, я даже отвечу на ваши вопросы, дабы разрешить ваши сомнения по поводу того, как вести со мной разговор дальше.

Рофэх-Фа выудила из ящика стола длинную деревянную трубку, не спеша набила ее табаком и закурила. Выпустив несколько раз сизый дым, она отложила ее в сторону.

— Никак не могу бросить. Несмотря на удовольствие, легкие-то уже не те... Гномы, как и эльфы, живут долго по сравнению с вами, людьми, но... Поверьте на слово, бывают моменты в жизни... Просто устаешь жить и начинаешь ждать наступления дня, когда на твой порог вступит паромщик, чтобы отвезти тебя к твоим предкам за праздничный стол... — Рофэх-Фа опять затянулась. — А когда этот день наступит? Сегодня, завтра, через век... Господин маг, скажите, Гиеры сильно провинились?

— Да не так чтобы очень... Просто, как говорится, в миру они «оказались не в то время и не в том месте», вот и все!

— Значит, судьба... — Старушка в раздумье поскребла пальцами сукно стола. — А девушка? Потомок королей?

— Скажу вам честно и откровенно. С ней не случится ничего плохого. Как я уже намекнул, я представляю здесь не только свои интересы, но и интересы группы людей, а точнее Круга Двенадцати. Вы ведь наверняка что-нибудь слышали о нас?

Гномиха утвердительно кивнула.

— Если вы владеете знаниями Лиу-Аноа, то вы, несомненно, должны знать, что следующий год несет угрозу катаклизма. Последствия могут быть фатальными. Конклав тайно, чтобы не поднимать панику среди обитателей мира, отправил меня к вам, дабы найти ту, которую Небеса избрали орудием предотвращения катастрофы.

— Боги, мои предположения подтвердились, — прошептала гномиха, — а я так надеялась, что туман веков затмил мой разум...

Она закрыла глаза и начала дребезжать голосом балаганной прорицательницы над волшебным шаром на ярмарке:

— Я прочла путь звезд. Мертвые поднимутся из могил, Отродье войдет в другие миры, когда завоюет этот. Все живое встанет на колени перед Властителем Тьмы. Боги Кристалла не смогут помешать ему. Даже слуги Отродья — орки и гоблины, и сыновья его —

вурдалаки, вампиры и другая дрянь просто сдохнут, когда их хозяин превратит наш мир в прах. И только один смертный и друзья его смогут встать на его пути...

Больше всего в эту минуту я жаждал вина... И побольше!

— Когда это начнется? — проснулась старуха.

— Месяц Бриллиантовых Деревьев. Утром девятого дня.

— День Волхвов. Меньше, чем через два месяца... Вы не успеете, хотя... — Она вскинула на нас глаза. — Хотя вы же маги!

— Все осложняется тем, что мы не можем пользоваться своим искусством вплоть до начала девятого дня. Ни один из нас сейчас не смеет тревожить силовые линии земли, чтобы не нарушить баланс миров, а сейчас он как никогда шаток.

— Как здесь все запущено...

Скорпо лишь виновато пожал плечами в ответ.

— Все эти два с чем-то месяца вы убьете на дороге туда и обратно, рискуя не поспеть к сроку. Кстати, где будет происходить ритуал предотвращения? В Замке Двенадцати?

— Нет, намного южнее. В горной гряде Заблудшего Леса.

— Это еще дальше, чем Перекресток Семи Дорог?

— Да.

— Хорошо, с доставкой на место и обратно я вам помогу.

— Простите, сударыня, а разве девушка не находится в Вильсхолле?

Старуха хитро зыркнула на мага:

— Не совсем. Она в монастыре Королевы-Мученицы, что вблизи Северного Вильсхолла.

— И что она там делает? Ведь ей уже исполнилось шестнадцать! Ее должны были забрать родители.

— Мэтр, вы плохо слушали. Гиер Шестой разорился. Территория королевства уменьшается в размерах каждый год. И его потомки с тех пор так и не смогли поправить дела. А гонору у них, в отличие от капиталов, никогда не убывало Положение обязывало дать дочери достойное воспитание. Вот Гиер Одиннадцатый и отправил Винетту в монастырь. А так как за содержание не было заплачено ни гроша, ее до сих пор там и держат. Сумма долга довольно круглая.

— И сколько, если не секрет?

— Две тысячи.

— Им бы Шера словить, — проворчал я, — еще бы на пиво осталось.

Ни гномиха, ни колдун даже не обратили внимания на мое замечание.

— Рофэх-Фа, простите меня, но, — Скорпо склонил голову набок, — откуда вы все это знаете?

— Мэтр, я же профессионал. Пусть уже и не у дел. Это раз. А во-вторых, кто знает, чем кончится ночь, когда наступит день?

Обратно в трактир мы со Скорпо летели буквально со всех ног. Маг на бегу что-то подсчитывал на пальцах и довольно хихикал, как ребенок. Как только мы открыли дверь «Королевского Рудника», колдун во все горло объявил, что мы сегодня же отбываем, поэтому приказал приготовить коней, провиант, счет и ужин перед дорогой. Хозяин заикнулся было о том, что на улице уже почти ночь и скоро будет темно так, что мы имеем возможность сбиться с пути, но Скорпо об этом и слышать не желал.

В отличие от меня, всегда отдававшего дань уважения еде, мастер все проглотил, почти не жуя, правда запив огромным количеством пива. Поэтому, когда мы спустились во двор к лошадям, колдуна пошатывало, а сам он пытался затянуть песенку про цветочки и листочки.

Наша повозка поплелась к восточным воротам Кинблоу, маг кивал головой в такт мерному стуку копыт. Заметно холодало, и я потягивал из кожаной фляжки нерокское вино, славящееся своей крепостью и чрезвычайно горьким привкусом. Городской стражник недоуменно попытался выяснить, куда это мы собрались на ночь глядя, но когда я, дыхнув на него, попытался начать требуемое разъяснение, «синий», ни слова не говоря, бросился открывать ворота. Скорости ему прибавила нечленораздельная просьба мага «ускорить открываемость ворот». Гном с товарищами, открыв створки, пожелали нам счастливого и приятного пути и, как мне показалось, с облегчением закрыли за нами город.

Каково же было мое удивление, когда, буквально чуть-чуть отъехав от Кинблоу, Скорпо «проснулся» и велел «особо не спеша» доехать до первого же перекрестка тракта и там остановиться.

До самого этого перекрестка он молча сидел со мной рядом, вглядываясь в ночную тьму, чуть разбавленную первыми звездами и серпом молодой луны. Морозный ветер продувал насквозь, и хотя, как мне поначалу казалось, было не так уж холодно, но скоро мороз начал пробирать и меня. Вот только тут до меня дошла причина быстрого протрезвления волшебника. Если я был облачен в толстые кожаные штаны и душегрейку из медвежьей шкуры, то что мастер Скорпо носил под своей мантией, было известно лишь ему самому. Судя по тому, как вскоре заклацали его зубы, а потом он перехватил у меня флягу с нерокским, ни хрена у него там не было.

— Ничего, ничего, — откашлявшись после хорошего глотка, шептал он, — скоро отогреемся, скоро будет тепло...

В самом центре перекрестка повозка остановилась. Волшебник, велел мне не слезать с козел, умудрился спрыгнуть аж на обочину, провалившись по колено в густой снег. Кое-как выбравшись из сугроба, он вытащил заранее приготовленный факел и, путаясь в полах мантии, обошел вокруг повозки, проводя огнем по замерзшей земле. Когда он замкнул след на снегу, получился круг чуть растопленного подкопченного снега. Колдун взлез обратно ко мне, достал из-за пазухи толстую трубку свернутой бумаги. Развернув ее и прочтя заглавие, он кивнул: мол, это именно то, что нужно. Затем быстро свернул рукопись обратно и поджег. Моментально запахло сладковатым запахом растопленного жира. *Свиток* вспыхнул синим огнем, колдун отбросил его в сторону с тем расчетом, чтобы тот не улетел дальше вычерченного круга.

— Держи лошадей, парень, — не сводя глаз с костерка, прошипел Скорпо, — и покрепче держи.

И тут же вспыхнул огненный круг. Доставая небеса, синее пламя стеной обступило нас, обдавая жаром. Лошади встали было на дыбы, но, готовый к этому, я все-таки удержал их на месте. Скорпо вцепился руками в доску сиденья и, не отрываясь, смотрел на бушующее пламя. А стена огня поднималась все выше и выше, будто и вправду стремилась добраться до самого хрустального купола, пока не сомкнулась там, высоко вверху, одним взмахом спрятав от нас серп луны, звездное небо, богов, спящих на чернильных облаках.

Стало жарко. Пот струился по лицу, не хватало воздуха. Лошади заржали, испуганно плача, словно чуя гибель. Я заорал, вторя им, не в силах больше удерживать рвущую упряжь четверку. Огонь колыхнулся и пошел по кругу в магической пляске хоровода, завывая и разбрасывая в стороны капли растопленного снега. Вдруг синь огня метнулась к земле и, накрыв собой, растворила нас во мгле снежной равнины.

Стало тихо... Я открыл глаза... Лошади, кто припав к земле, кто на взмыленном боку тихо ржали, устало дергаясь на холодной широкой дороге. На еле гнущихся ногах, мокрый от пота, я заковылял к ним, чтобы успокоить и помочь им встать. Скорпо стоял в нескольких шагах от нас, разглядывая огоньки дома на обочине.

— Ну что, Лукка, завтра к вечеру, а может быть, даже и к обеду будем у себя, в Заблудшем Лесу! — Он обернулся, радостно ощерясь. — Можешь мне не верить, но мы на Перекрестке Семи Дорог, а перед нами славный трактир «Южный Тракт», Отродье побере мою грешную душу!

Первым делом, после того как передал лошадей конюху и попал под крышу «Южного Тракта», я влил в себя столько самого крепкого вина, что мой разум расстался со мной и прошлялся где-то до позднего утра. Насилу растолкавший меня маг заявил, что, «конечно, он прекрасно понимает мое состояние, но прошедшая ночь еще не повод для подобной пьянки, не говоря уже о попытке повторить вчерашнее волшебство с помощью гостиничного камина и вовремя не увернувшегося гоблина в качестве манускрипта Сио». В какой-то мере колдун был, разумеется, прав, поэтому, более-менее приведя себя в приличный вид, я спустился вниз с целью облегчить тело от лишнего и залить сушь в горле кувшинчиком холодного пива. А заодно извиниться перед пострадавшими от вчерашнего, если таковые неожиданно еще попадутся на моем пути.

После выполнения первой части задуманного я поплелся в сторону стойки, на которой, как я таки разглядел, буквально возлежал опухший от бессонницы и еще от чего-то трактирщик.

Когда произошло столкновение с твердым, я разомкнул веки и чуть-чуть тронул пальцем лежащую на поверхности длинного стола взлохмаченную голову хозяина. Она приподнялась, выставив на обозрение красные, воспаленные глазищи на багрово-синем лице. Спустя мгновение вся эта смесь цвета, красок и перегара рухнула на пол, увлекаемая бесчувственным телом. Освободившееся место моментально занял бойкий паренек лет двенадцати.

— Пива?

— Мгм... да... — бодро кивнул я.

Когда первая волна живительной влаги докатилась до самых укромных уголков желудка и светом разума вернулась в голову, глаза разлепились, и я увидел мир в утреннем свете.

Этот свет обнажил передо мной полный разгром, какой бывает после прохождения урагана в высохшем от времени лесу. Весь трактир теперь явно подлежал сносу и постройке на его месте новой, комфортабельной забегаловки. По степени разрушения разгром,

учиненный мной и Шером в «Полдня Пути», просто рядом не стоял с тем, что я увидел здесь.

— И... кто это... у вас... тут... — прохрипел я после очередного затяжного глотка.

Малец, недобро зыркнув, с готовностью доложил:

— Добрый злой волшебник и чародей, тролль Лукка-Висельник.

Последний глоток фонтаном прыснул на пол.

— Что... вот он сам, да?

— Ага, — кивнул парень, — своими руками.

— Круто... — Мне захотелось куда-нибудь спрятаться и не показываться до самой смерти.

— Вообще-то мы на него не в обиде, — непринужденно заявил пацан. — Если бы не упертость папули, то мамуля с моими двумя братиками давно бы уже перестроила этот трактир. Но папуля встал на дыбы и объявил, что их мечта осуществится, либо когда он отдаст концы, либо когда какой-нибудь приезжий учинит здесь классную веселуху, вплоть до разноса здания до основания.

— А что, папа... отдал? — У меня снова пересохло в горле, но всевидящий мальчуган тут же выставил мне добавку.

— Нет, слава Небесам, он жив, хотя... — На полу что-то или кто-то заворочалось, хрюкнуло и попыталось перевернуться набок. — Хотя и не совсем здоров. Но я уверен, что лишь временно. Так что... Может быть, господин маг...

— *Господин маг* желает подкрепиться перед дальней дорогой и получить счет. — За моей спиной стоял Скорпо и недобро ухмылялся во всю морду.

Пока малый кричал кухарке о завтраке для нас, колдун, ни слова не говоря, ушел в комнату собирать пожитки, а сам я схватился за голову, стараясь привести мир в горизонтальное положение. К сожалению, мне это так и не удалось, поэтому я решил пойти вслед за мастером, надеясь, пока тот будет ворчать и собираться, немного полежать. Первый шаг дался мне с большим трудом. Второй вызвал колебание почвы в желудке. На третьем я остановился.

— Эй, тролль, — раздалось мне в спину, — может, еще пивка?

— Лукка, я считаю, что ты слишком много пьешь, — отчитывал меня Скорпо, трясясь рядом. — Согласен ты со мной или нет, но многие твои проблемы от чрезмерного употребления алкоголя. Вот, к примеру, с чего началось наше, так сказать, «знакомство»? Ты со своим другом троллем упился в Уилтаване. И что случилось дальше? Ты попал в городскую тюрьму и чуть не погиб. Если бы не я, то тебя бы уже давно склевали вороны.

— Тут вы не совсем правы, мастер, — резонно возразил я, — упился не я, а Большой Оз. Просто я полез разнимать в целях сохранения здоровья и конечностей окружающих. А Оз, не разглядев, кто перед ним, саданул меня по башке. Мэтр, там была такая толчея!

Однако это не уняло Скорпо, и он продолжал «учить»:

— Ну а следующая твоя пьянка привела к резне в Талат-Галене. Сколько эльфов полегло в той сече? Не знаешь?! Мне рассказали. После твоего приезда туда, говорят, трупы жгли целыми стогами.

— Что, правда? — Я был искренне поражен. — Странно, я и не думал, что на той свадьбе полегло столько народа. — Меня вдруг посетила нехорошая мысль: — Выходит, они после моего отъезда еще продолжали гулять? Тогда сколько же они все выпили! Или Оз, очнувшись, навел там свои порядки, по привычке меня «спасая»?!

— Парень, ты о чем? — опешил маг.

— А вы?

Возникла длинная неловкая пауза.

— Разберемся, — вслух решил Скорпо.

— Обязательно разберитесь, мастер! — поддержал его я. — А то что же это такое! Не то Ватгиль выпивку зажал, не то Оз делов там натворил! И так и так какая-то хрень получается!

— Да-да... — отрешенно кивнул маг, — получается... Впереди показались макушки Заблудшего Леса.

— Хорошо, а погром в Кинблоу? Тебе не хватает лавров «ночного охотника» — ловчего преступников? Или для полного счастья тебе захотелось иметь в числе врагов самого известного разбойника Семи Дорог?

— Вообще-то это был честный поединок. И если мы там чего-то походя разнесли, я разнес... так это... — Вот тут мои аргументы кончились. Почти. — Все равно к нам никаких претензий не предъявили! Так чего же вы, мэтр, расшумелись! По поводу вчерашнего? Ну, расслабился немного, ну, голову потерял. Так ведь не каждый же день такое. Да и здесь к нам вроде никаких претензий не было. Даже «спасибо» сказали.

— Оправдания алкоголика, — пробурчал Скорпо.

— Между прочим, — обиделся я, — кто бы говорил!

— Ты это о чем? — отодвинулся колдун.

— Кто нализался в Заблудшем Лесу, а наутро очнулся в бочке с водой, не помните? — Я нагло вперился в колдуна. — А уходя из Кинблоу, не помните, кто еле волочил ноги?

— Так ведь холодно было, я весь замерз! — начал защищаться колдун.

— Не повод, — грубо отрезал я, — одеваться теплей надо, а не шляться в одной простыне!

— Я маг, и я просто обязан носить такую одежду! — взревел Скорпо.

— Господа, может, перед тем как драться, вы сойдете на грешную землю и уже там будете выяснять свои отношения, а?!

Оказывается, наша кибитка стала посреди дороги, а у ее колеса, весело прищурившись, стоял гном Дож-Дырявый Мешок.

— Рад тебя видеть, дружище! — хлопал меня гном по локтям (выше он просто не доставал). — Вижу, ты все еще жив и здоров. Только не дыши на меня так сильно — с тобой постоишь — уже закусывать надо!

— Дож, — мою грудь распирало от радости встречи, — как тебя долго не было! А знаешь, я справлялся о тебе! Думал, ты уже никогда не появишься.

— Но я ведь здесь! — Гном отстранился от меня и промаршировал к слезшему наземь Скорпо. — Приветствую вас, господин маг! Я здесь и готов служить, как и обещал!

— Вижу, — промолвил колдун. — Хотя, честное слово, уже и позабыл о тебе. Но все равно рад тебя видеть, хотя бы потому, что ты как нельзя вовремя.

Дырявый Мешок ощерился в ответ:

— Что, появилась работенка? Так это ж хорошо! Скорпо предупредительно выставил руки:

— Дорогой гном, я действительно рад тебя видеть. Более того, твое появление еще раз подтвердило то, что на ваше племя всегда можно положиться. И поверь на слово, как только ты с троллем поможете мне закончить мое предприятие, вы будете вознаграждены по достоинству и заслугам.

Скорпо слегка поклонился. Гном глубоким кивком отвечал ему.

— Мужики, мож, поедем, а? — вмешался я. — Ноги мерзнут, да и жрать охота.

— И пить, — шепнул гном, влезая на козлы вслед за волшебником.

Уже в жилище-пещере Скорпо объяснил суть проблемы. Начал он издали:

— В первую нашу встречу я вам сказал, что нуждаюсь в ваших услугах. Простите, что напоминаю еще раз, но волею Небес и силой моей магии вы стали моими должниками. Да, в любой момент вы можете подняться и уйти. Лукка, ты уже очень мне помог. Спасибо тебе. В принципе ты свободен. Я все понимаю, ты уже невесть сколько не был дома. Не видел родных и близких. Однако я тебя очень прошу... — Голос мага заметно дрогнул, он опустил глаза. — Я тебя очень прошу, осталось совсем немного, и ты мне очень нужен. Пожалуйста, останься и помоги мне.

Где-то за стенами пещеры волком завывал холодный ветер, задувая внутрь крупинки снежинок. Было зябко. Костер догорал, потрескивая, будто умоляя дать еще пищи для продолжения сладких минут своей жизни. Я подкинул немного хвороста и, глядя, как огонь радостно схватил предложенное, вспомнил дом. Дома всегда было хорошо. Дом — это дом! Дома мамуля с папулей, непоседы братишки, сороки-сестрички. Наверное, мамуля сейчас замешивает тесто для пирожков, прикидывая, какой же начинкой удивить сегодня семейство. Сколько себя помню, мама всегда была на кухне. А папуля вместе с Дуди что-то мастерили, строили или чинили, прерывая свое занятие лишь на промочить горло да потрепаться с соседями, зашедшими в наш двор. Скоро весна, зазеленеют луга, с гор подует ветер, очищая небо от зимних туч, принося взамен светлые легкие облачка. Папуля говорил, что это души тех, кто погиб этой зимой в горах. Сейчас они смотрят на живых и радуются за них, следя за тем, чтобы они не натворили чего нехорошего.

А еще я вспомнил Ватгиля, его красавицу жену и Пинвола. Интересно, как они там? Странно, но еще недавно я даже и не знал об их существовании, а вот теперь думаю, волнуясь за них. А ведь если так рассудить, если бы не Скорпо, то я бы никогда не узнал об этих замечательных ребятах.

Я взглянул на Дожа. Тот сидел напротив, ковыряя хворостинкой угли костра. Наши взгляды встретились, и его глаза сказали: «Решай сам». И я решил.

— Я остаюсь, мастер. — Гном быстро бросил взгляд на меня и сразу же вернул его к пламени. Скорпо облегченно вздохнул и, заметно оживясь, начал говорить:

— Хочу быть честным с вами. Конечной целью моего, а следовательно, и вашего предприятия является свержение Локо — Владыки Бревтона. Подняться против него явно — нет ни соответствующих средств, ни сил. Использовать магию? Конклав просто сотрет меня с лица земли, хотя бы потому, что большая часть волшебников зависима от Локо и поддерживает его. Да и ни один разумный человек не поверит в то, что, как только моя жажда мести будет удовлетворена, я успокоюсь и, передав законную власть Уле — супруге Локо, просто отойду в тень. Право слово, мне не нужна власть над Бревтоном, как бы неправдоподобно это ни звучало. Мне достаточно знать, что моя месть свершилась и в моей душе воцарился мир.

Возникает вопрос, как же я собираюсь достичь цели? Лет десять с лишним назад в этих краях я встретил гнома по имени Катт-Апп. Бедняга был плох и буквально умирал на глазах. Его привели в Заблудший Лес поиски некоего артефакта — Книги Биано. По своей мощи и силе воздействия он превышал все известные предметы этого рода. Уже умирая, гном объяснил, как и когда заполучить его. Сам артефакт находится здесь, рядом, в Заблудшем

Лесу. Уже в этом я увидел перст судьбы. Похоронив бедолагу, я принялся искать по всему свету то, что поможет мне завладеть им. И вот наконец все стало на свои места. Через несколько недель наступит День Волхвов, в который возможно извлечь книгу из тайника. Для этого, помимо всего, нужна девушка. Девушка проклятого королевского рода. Она послужит ключом для входа в помещение, где хранится книга. В Кинблоу — городе гномов я узнал, кто она и где она сейчас.

— Рофэх-Фа подсказала? — встрял Дож.

— Да. Она самая. Итак, имя «ключа» — Винетта Вильсхолльская. Отпрыск рода Гиеров, что правят Вильсхоллом. Сама девица находится в монастыре близ Северного Вильсхолла.

— Что так? — усмехнулся Дож. — Девочка так всех достала, что ее решили убрать с глаз подальше?

— Да нет, как выразилась достойная Рофэх-Фа, «положение обязывало дать дочери достойное воспитание». Самое интересное в том, что она там в качестве заложницы или пленницы.

— Господин маг, — расхохотался гном, — но мы с Луккой как-то не тянем на роль спасителей принцесс!

Сначала Скорпо вроде как не понял, а потом также расхохотался.

— Это точно! Но сразу разочарую тебя, Дож, там не будет злого колдуна или прожорливого дракона. Все намного прозаичней. Гиеры разорены. Они просто не могут оплатить содержание дочери, вот она там и сидит в надежде, что вот-вот привезут деньги.

— Вы предлагаете... — Дырявый Мешок аж привстал со своего места.

— Ну да... — Скорпо потербил бородку. — Гиер Одиннадцатый просто так нам ее не отдаст. Либо потребует свою долю, а аппетиты у него еще те, либо навяжет свои условия, что в принципе одно и то же! Просто мы заплатим за девушку, представившись настоятелям монастыря посланниками короля.

— А доверенное письмо?

— Дож, думаю, она им так надоела, что, бьюсь об заклад, они спихнут ее первому, кто заплатит хотя бы половину долга!

Оказалось, что такой суммы наличных у колдуна не было. Но Скорпо «успокоил» нас, заявив, что все предусмотрено. И вот мы грузим кожаные мешки с «товаром» в повозку. Всего семнадцать объемных мешков. Не очень тяжелых, но к последнему я отмотал себе лапы. Под бдительным руководством мага все было аккуратно сложено и закреплено, а сверху еще укутано двойным слоем бычьей кожи. На вопрос, что в мешках, Скорпо негрубо, но конкретно заявил, что чем меньше мы знаем, тем лучше для нас. Мало того, он еще потребовал с нас слово, что мы ни под каким предлогом не вскроем их и, тем более, не будем изучать или пользоваться их содержимым. Что-то где-то тревожно заскребло у меня внутри от этих инструкций, но гном предупредительно шепнул, что «не только у великих бывают заскоки». Короче, поживем — посмотрим.

Наутро колдун вывел нашу повозку на ближайший перекресток и, перед тем как приступить к нашей отправке в Северный Вильсхолл, дал последние наставления:

— Значит, так, ребята. Через несколько мгновений вы окажетесь на перекрестке, вблизи нужного места. Но для начала вам нужно будет найти трактир «Берлога Вурдалака». Спросите Кривого Ра. Он хозяин трактира. Скажете, что от меня, и передадите товар из рук в руки. Он должен заплатить за каждый мешок по сотне. — Гном тихо присвистнул от

удивления. — Итого: тысяча семьсот. По идее, должно хватить. Но все-таки попробуйте выклянчить еще хотя бы пару сотен в виде аванса за следующую партию. Не даст — ну и сход с ним. Так! Говорю сразу — будьте любезны, без грубостей! Это относится к вам обоим. Хозяин — орк, так что прошу потерпеть.

Мы молча пожали плечами, вроде того что «ладно, грубить не будем, постараемся потерпеть».

— Далее. — Скорпо перевел дух. — Далее двигайте в монастырь Королевы-Мученицы за девушкой. Дож, обращаюсь лично к тебе. Мужик ты головастый, что сказать и как, думаю, догадаешься. Вроде все... Удачи вам!..

После того как маг завершил огненный круг вокруг нашей повозки и начал поджигать манускрипт Сио, я шепнул гному:

— Слышь, Дож, ты случайно с собой выпивку не захватил?

— А что?

— Просто... — Зажженная бумага упала под копыта лошадок и вспыхнула синим светом. У меня пересохло в горле, и я начал потихоньку наматывать на лапы вожжи. — Просто так...

Когда я выжимал из меха последнюю каплю вина, из придорожных кустов, на ходу утирающий бороду, выскребся до смерти бледный Дож. Мотая головой, как загнанная лошадь, он прокачался до кибитки и молча залез внутрь. Вскоре за моей спиной послышалось тихое бульканье. Я не выдержал и обернулся. Славный гном, улегшись прямо на мешках, огромными глотками уничтожал содержимое кожаного сосуда.

— Что уставился?! — оторвался гном от процесса. — Не видишь, что ли, худо мне.

— Прекрасно вижу, — посочувствовал я, — и прекрасно тебя понимаю. Видел бы ты, сколько я выпил после того, как Скорпо перенес нас из Кинблоу на Перекресток Семи Дорог. Честное слово, так я никогда в своей жизни не напивался! И — что самое удивительное — наутро вообще ничегошеньки не помнил. Представляешь, оказывается, мало того, что я там весь трактир разнес, так еще и до гоблина какого-то до-МАГался.

— В смысле? — не понял Дож.

— Ну, в смысле я *нагнуть* его хотел. Глаза карлика заметно округлились:

— Знаешь, Лукка, вот от кого-кого, а от тебя я такого даже не ожидал.

— Не ожидал чего? — уже в свою очередь не понял я.

— Ты чего с *маленьким* хотел сделать?

— Если честно, то просто не помню. Но Скорпо утверждает, что я хотел его куда-то там применить...

— В качестве кого, — поперхнулся Дож, — или чего, надеюсь?

— В качестве той самой бумажки, которой нас колдун сюда зашвырнул.

— А-а-а... — понимающе вздохнул гном. — Прости, я уж невесть что подумал. Кстати, а где мы?

— А кто его знает! — Я недоуменно огляделся. — Скорпо обещал нас доставить куда-нибудь между Северным и просто Вильсхоллом. А вот где здесь что... куда дальше идти... — я оглянулся вокруг, — не сказал...

Только ближе к вечеру проезжающий мимо селянин объяснил нам, где здесь что. Оказывается, «Берлога Вурдалака» находилась прямо по дороге в нескольких милях от того места, куда нас закинуло заклинание Скорпо. Северный Вильсхолл находился действительно на севере от искомого трактира. Только за полночь мы добрались до своей цели.

Первое, что мне сразу в нем не понравилось, это то, что он немного горел. Точнее, догорал. «Берлога Вурдалака» горела обыкновенным ярким пламенем, отсвечивая во тьме на многие мили. Никаких следов погрома или другого набега, в смысле трупов, не было. Хотя вру! Один висит. Я не художник, но по достоинству оценил колыхающееся на ветру тело толстого орка на фоне догорающего здания. Особо выделялась на этом фоне весьма колоритная парочка — блондин эльф и южный гость наших холодных краев — здоровенный кентавр.

Стоп! Где я их уже видел?

Перед глазами всплыла базарная площадь в Уилтаване, помост висельницы и жжение петли на шее.

Наша кибитка подкатила прямо к парочке. Дырявый Мешок взял на себя роль заплутавших путников.

— Приветствую вас, парни! А что, гостиница сегодня совсем не работает или все-таки стоит немного обождать?

Кентавр широко улыбнулся:

— Хочешь, жди, гном, хочешь, дальше езжай. Я так думаю, что откроется она теперь не скоро. Видишь ли, с некоторых пор она требует ремонта. Да и хозяин нынче немного в отлучке. Боюсь, придет он теперь тоже не скоро. — Кентавр кивнул на повешенного.

— Эй, — подал я голос, — а как свиноголового при жизни звали, часом не Кривой Ра?

— Может, и так, — откликнулся эльф, — мужичок-то действительно кривоват был.

— Ваша работа, ребята? — нахмурился Дож.

— Он тебе что, друг али родственник? — выступил вперед кентавр.

— Ни то ни другое. У нас к нему поручение было. — Гном, достав трубочку, не спеша начал ее раскуривать. — Если бы не это дельце, то лично я даже поучаствовал бы в этом увеселении. А что, трактир жечь было обязательно?

— Так получилось, — застеснялся вдруг кентавр.

— Ага, мой друг, — кивнул эльф на лошадо-челове-ка, — замерз и устал. А горе-трактирщик наотрез отказался предоставить ему комнату, упирая на то, что э-э-э... лошадям место в конюшне. Только Дио, — вновь кивнул эльф на товарища, — был совершенно иного мнения. Вот так: слово за слово, оно и...

— Поймите правильно, парни, — пробасил кентавр, — если бы мы знали, что эта хрюшка вам понадобится именно сегодня, то мы подождали бы до вашего приезда!

— Ладно, проехали. — Дож обернулся ко мне: — Что будем делать, Лукка? Какие мысли?

— Если ты по поводу ночлега, то здесь уже ничего нам не светит. А если по поводу денег... — Я призадумался. — Я вот что думаю: если наш товар тянет на нужную нам сумму, то какая разница, отдадим мы ее деньгами или самим товаром?

— А что у вас там? — присоединился к разговору эльф.

— А *схад* его знает! — честно ответил гном. — Тут ситуация такая. Мы попали в услужение к одному магу, а он нам поручил продать это Кривому Ра. Но перед тем как нас отправить в эти места, маг запретил нам в каком-либо случае ковыряться в мешках. Заклятие на них наложено или еще чего там. Вырученную сумму мы должны потратить на выкуп одной девицы из монастыря Королевы-Мученицы. Вот такая картина.

— Ну и не ломай себе голову, гном, — высказал свое мнение Дио. — По-моему, твой дружок прав: какая разница — заплатите вы за нее деньгами или товаром! Главное, я так

понимаю, эту девку вытащить из-за стен, ведь так?

— Так, — в один голос согласились мы.

— Так какие проблемы! Езжайте в свой монастырь и делайте там, что вам велено. И, как говорится, — удачи на дорогах.

Я, тяжело вздохнув, глянул на Дожа и слегка подхлестнул лошадей. Кибитка покатила. На душе было голодно и тоскливо из-за несбывшихся надежд на нормальный ночлег и добрую посиделку с хорошим знакомым.

— Ты их хоть узнал, Лукка? — прервал мои душевные завывания Дырявый Мешок.

— А то! Они были в тот день на нашей казни. Это ж кентавр орал во все горло, что разнесет все вдребезги, если нас не отпустят.

— Точно, — усмехнулся гном, — было такое... — И замолчал, вороша свои мысли.

Не успели мы проехать и пару миль, как нас догнали эти двое.

— Парни, мы вот что подумали, — отдышавшись, прохрипел эльф, — в какой-то степени мы, конечно, виноваты в таком обломе...

— Точно! — подхватил кентавр. — Мы так прикинули: до весны мы совершенно свободны, а мужики вы вроде ничего. Да и дельце у вас интересное. Короче, если вы не против, то мы с Купом едем с вами. Ну, как?!

Кстати, настоящее имя эльфа было не Куп. Это мне Дож на ушко объяснил, а потом и кентавр подтвердил. С чего так решил гном, я все равно не понял. Он сказал что-то про созвучие букв и звуков, мол, есть такая наука. И, судя по ней, имечко эльф думал себе сам, а вот зачем, для чего — непонятно. На это я ответил, что у каждого из нас могут быть свои заскоки и проблемы и это еще не повод лезть к кому-то под рубашку. На том мы и порешили. Хотя поутру кентавр обратился к эльфу не иначе как — сейчас попробую произнести — *МалЙавиэУиал*, во как его звали. Дали же родители пацану имечко! Да если бы меня так обозвали, я бы тоже переименовался.

Спустя пару дней наша бригада прикатила к монастырю. Не хочу сказать, что к тому времени мы уже были не разлей вода, но взаимное доверие и уважение таки родилось. Дио с Купом все время подтрунивали над нами, памятуя «казнь» в Уилтаване, а мы, в свою очередь, пытались отшучиваться по поводу того, что смерть от веревки нам уже точно не грозит, а у них все еще впереди.

С первого взгляда монастырь Королевы-Мученицы представлял собой громадную стену, которая могла бы посоперничать с оборонительными стенами города-крепости где-нибудь на Юго-Востоке.

— Был я там как-то лет десять назад, — начал рассказывать Дио, — жуткое, но интересное место. Местные только травку да зерна едят. Чтобы выпить чашку чая или чего покрепче, целый обряд вытерпеть надо. Кому как, а я, помню, однажды все копыта отсидел! Гномы там в основном живут. Нормальные пацаны, добрые, но вспыльчивые. Маленькие такие, а все помнят: зло не прощают, добро не забывают, постоянно мстят кому-то. — Дож важно кивнул, подтверждая сказанное, а кентавр продолжал: — В общем, сами они не злые, конечно, но память, как говорится, у них хорошая! А уж подраться!!! Так это за милую душу, только давай. Так о чем я? А? О! Живут *науги*, юго-восточные то есть, в основном по деревням или в больших городах. Сами знаете, что любые гномы мастера своего дела, об этом даже разговору нет! А науги еще и конкретные строители. Они там такие стены вокруг своих *таувнов* понавтыкали! Я не специалист, но к этой стеночке *науги* руки приложили.

Мы с уважением взглянули на *стеночку*. Добрых метров двадцать, чуть больше. Из

крупных камней. Причем самый мелкий был размером с Дожа, а остальные... Сам монастырь окружал широкий, метров в десять, ров.

— Интересно, а кто у нас в пруду живет? — протянул эльф. — Могу спорить, что водица не без зверушек. Кого здесь держат? Малолетних преступников?

— Малолетних принцесс и других особей королевского рода, — объяснил положение дел Дырявый Мешок.

— При определенном стечении обстоятельств это одно и то же, — рассудил Дио. — Девочки, говоришь. Ну-ну... — Он поскреб подбородок, хитро поглядывая на эльфа.

— Ладно, давайте поищем мостик или калитку какую. Должна же эта коробочка как-то открываться!

Через час хождения вокруг да около мы пришли на то же место, откуда и стартовали.

— Круто! Честное слово, круто! — ликовал Дож на пару с Дио. — Точно, науги строили. Гномская работа!

— И чему вы радуетесь? Как внутрь попадем? — возмутился я.

— А куда спешить? — резонно заметил Дож. — Это им деньги нужны, а не нам. Я так думаю... Куп, Дио! Наливай!

— Чего?! — это мы хором.

— Чего, чего... — Гном полез в кибитку. Вылез он оттуда с мехами вина. — Разводи костерок — обедать будем. Мож, у них сейчас тихий час или еще чего. Так что ж, мы теперь должны голодными сидеть?

Разводить *маленький* костер у кентавра, наверное, никогда не получалось. Конечно, огонек он развел мелкий, по сравнению с тем, что он устроил на месте «Берлоги Вурдалака», но дым стоял такой, что, наверное, в Заблудшем Лесу виден был. Отдав должное обеду, мы перешли к десерту, а так как «ничего такого» у нас с собой не было, то мы ударили по винцу, закусывая доброй беседой. Кентавр с эльфом пытались выудить у нас описание дочери короля Гиера Одиннадцатого Винетты Вильсхолльской, а мы с гномом, в свою очередь, выбивали у них признание, чем наши новые товарищи зарабатывают себе на жизнь и конкретно за что они так разъярились на Кривого Ра вместе с его заведением.

На самом интересном месте, то есть когда мы вот-вот собирались переходить на личности, а дымок костра окутал верхушки монастырских стен, в наш тесный круг ворвался бойкий дедок с громадными мешками под глазами и спутанной белой бородой под мышкой.

— Мужики! Вы че, охренели?! Вы что здесь устроили! — поздоровался с нами дед. — Али не понимаете, где находитесь! Нашли место для пикника, хег! Здесь же девки молодые, не эээ-э-э... короче говоря, девки ешо! А вы здесь пиво жрете, разговоры кричите! — Дед воровато оглянувшись на стену. — Курить есть?

— Ну, ты, дедуля, даешь! — после минуты всеобщего молчания первым, не выдержав, расхохотался кентавр. — Подсаживайся, отец, посиди с нами, выпей!

— Какой я тебе отец, жеребец. — Дедок ловко выдернул из-под Купа щит, на котором тот сидел, и, взгромоздившись на него, скрестил ноги. — Налить обещали? Давай! Слышь, гном, к тебе обращаюсь! В последний раз по-хорошему спрашиваю, курить есть?! А то я в этом *цветнике*, прости меня, Господи, скоро уже буду чай дымить. Гони отраву, бессердечная твоя душа!

— Вот тебе и здрасьте... — с улыбкой проворчал Дож, но сам все же полез в карман за кисетом. — На, держи, травись на здоровье.

— Благодарствую, родной. — Дед, шустро набив трубку, запалил ее и с видом знатока

очень медленно выпустил дым тонкой струйкой. — Кинблоунский табачок-то, а, гном? Прям со склона гор, ведь так? Хорош, хорош... Ну а пьем нынче что? — Дедок потянулся за вином, тем временем как ни в чем не бывало пряча кисет гнома в свой карман. — Ай! Ты что, коняга, делаешь!

Дио удивленно поглядел на свое правое переднее копыто, под которым птичкой в силке дергалась рука деда.

— О! А это чье? Дед, твое? Ну, извини... — Кентавр, нагнувшись, легким движением выхватил гномий кисет и перебросил его хозяину.

— Жалко, да? Жалко? — захныкал дед, потирая освобожденную руку и умудряясь при этом подтянуть к себе ногой мех. — Вам хорошо, вы люди вольные. Захотел — выпил, захотел — покурил, а я здесь даже побриться не могу — устав не позволяет. Ух ты, — нюхнул дед вино, — твилиское! А закусывать чем? Что!!! Уже все подъели?! Ну вы и гады-ы-ы... Чего ржете? Вот чего вы все ржете, а?

— Ты, дед, собственно говоря, кто? — смахнув с глаз слезу, приступил к правильному разговору Дож.

— Как кто? Этот, как его... привратник, во! Ну там еще починить чего. Это... за покупками съездить или поручение там, письмишко отвезти опять же... Мать-настоятельница (бога душу ее мать!) меня здесь за всех, понимаешь, там держит, вот... Я ведь единственный мужик, а куда в хозяйстве без мужика-то?! Бывает, девки подерутся там али заспорят, так она меня кличет: «Пойди разними, приведи...» Вот так вот!.

— Значит, ты здесь... за мужика, — хитровато подмигивая, спросил эльф. — За мужчину то есть, ведь так?

— Ну да! За него само... ТЫ О ЧЕМ, ОХАЛЬНИК?! — подскочил с места дед.

— Сядь, сядь, — успокаивающе опустил руку на плечо старика гном, — парень молодой, резвый. Только одно на уме.

— А есть он, ум-то, а? — уселся на место старик. — Или все в штаны перетекло?!

— Это другой вопрос. Ты лучше скажи, как нам в монастырь попасть?

— А зачем? Какое у вас дело? К кому?

— Вот все тебе знать надо!

— Затем и прислан. Во! — поднял дед указательный палец.

— Кем прислан? — придвинулся ближе эльф.

— Как «кем»? Матерью-настоятельницей. Она у нас здесь за главную! Тут как получилось-то, вы вот тут сидите, отдыхаете... А там, за стеной, все слышно, да и дым от костра прет такой, что монастырскую повариху изжога скрутила. Вот меня настоятельница и послала узнать, кто вы да что вы. Мож, вам надо чего, а нет — так выпроводить вас восвояси.

— Вот так просто взять и выпроводить, так, да? — прищурился Дио.

— Истинно. — Дед, высмотрев где-то кусок недоеденного мяса, ухватил его и быстро-быстро, чтобы не отняли, засунул себе в рот. — Пережарено.... — недовольно прочавкал привратник.

Так, — нахмурился Дож, — доел? Ну и умница. А теперь... БЫСТРО ПОДНЯЛ СВОЮ ТОЩУЮ ЗАДНИЦУ И ТАК ЖЕ БЫСТРО ДОЛОЖИЛ МАТЕРИ-НАСТОЯТЕЛЬНИЦЕ, ЗДЕСЬ ПОСЛАННИКИ КОРОЛЯ ГИЕРА ОДИННАДЦАТОГО, КОТОРЫЕ ПРИВЕЛИ ВАС. ВЫКУП ЗА ВИНЕТТУ ВИЛЬСХОЛЛЬСКУЮ!!!

Я и не думал, что глотка гнома способна своей мощью распугать ворон и заставить наших лошадок вздрогнуть и попытаться от греха подальше убраться отсюда.

— Чего орешь? — мотнул головой дед. — Не мог спокойно сказать? Счас доложу, — и побежал прочь. Оказавшись на достаточном расстоянии от нас, безобидных, он обернулся — ПСИХ! — и побежал еще быстрее.

— Действительно, Дож, а чего ты так разорался? — вытряхнул я из головы временно наступившую глухоту.

— Для понта... — спокойно ответил гном, выбивая об каблук пепел из трубочки. — Если ты, мой друг, хотя бы иногда оглядывался, то заметил бы, что на монастырской стене уже минут пять как засела парочка соглядатаев. А мы все-таки посланники короля, к тому же очень гордого и хамовит ого. И если наш властелин такой, каким я его только что описал, то какими же должны быть его люди?

— А если настоятельница нас не впустит, — вслух размышлял эльф, — то придется брать эту коробочку на abordаж. Дио, как полагаешь, на эту стену возможно взобраться без спецснаряжения?

— Довольно сложно, можно копыта сломать. Я бы построил катапульту — лес тут рядом, канаты можно из вожжей смастерить. Вот только как быть с посадкой? Вряд ли монастырский двор усеян подушками и матрасами. Больше чем уверен, что там сплошь камень и ни одной сориночки.

— Можно укутаться в кучу тряпок, это смягчит удар при посадке.

— Чушь! Надо что-нибудь более разумное.

Дырявый Мешок рассеянно рассматривал спорщиков:

— Ребят, вы что, это все серьезно? Бросьте глупостями заниматься, вон уже посланники за нами идут.

Действительно, к нам двигалось что-то крупноватое, закутанное с ног до головы в черное.

— Тьфу! — разочарованно сплюнул эльф. — А у меня такая идея появилась!

— Куп, ты лучше туда посмотри! — толкнул его кентавр.

— Вах! — выдохнул эльф.

На нас перло (по-другому сказать не могу) штук десять немелких особей женского пола. Все они были как на подбор — рослые, широкоплечие, с недюжинной силой веры в глазах и двойным, а то и тройным квадратным подбородком. Они встали вокруг нас полукругом, хитроумно пряча за спинами колья, цепи и что-то еще в этом роде.

— Амазонки, — благоговейно покачал головой Дио. — Сбылась мечта идиота.

— Теперь ты счастлив? — толкнул его плечом эльф.

— Еще не знаю... — томно шевельнул бровями кентавр.

— Вы посланники короля Гиера? — пробасила самая крупная тетка с золотым пояском на... ээ-э... на теле, короче.

— С кем имею честь? — выступил вперед гном, фривольно подмигивая монахине.

— Ступайте за нами. Мать-настоятельница примет вас.

Только мы сделали шаг, как старшая предупредительно выбросила руку вперед:

— Лошадь останется здесь!

— Которая? — не понял эльф. — У нас здесь целая четверка запряжных.

— Вот эта, — тычок пальцем в сторону Дио.

— Я не лошадь, — обиженно проревел кентавр.

— Молчи, ошибка природы!

— Девушка, вы себе льстите!

— Я не девушка!

— Вижу!

— Стоп! Стоп! — ворвался в круг ругающихся Дож. — Сударыня, вы не могли бы объяснить, что вы имеете против нашего товарища, который также входит в число посланников короля?

— Он лошадь, — отрезала монахиня.

— И что с того? Вообще-то, это с какой стороны на него посмотреть. Если с верхней, то он вполне тянет на человека.

— Правильно, — вступила в разговор другая тетка, — с одной стороны, он подобие человека, но с другой... Вы видите сами. А данная смесь есть не что иное, как результат кровосмешения. То есть греха. Значит, он не человек и не имеет право вступать на освященную землю.

— Так. А то, что мы *все* немного *не люди*, вас это не смущает?

— Церковь еще не ввела запрет на полулюдей. Только на нечисть и на результат греховного кровосмешательства, например на лошадей с частью человека.

— Боги! — устало смахнул пот со лба эльф. — Куда мы попали? В дом скорби?

— В дом святости! И не выводите меня из терпения своей болтовней!

— Хорошо, хорошо, — опять вступил в разговор гном. — А то, что *данное создание* входит в число посланников коронованной особы, ставленника Господня, это вас не смущает?

— Неисповедимы пути Господа.

— Все, хватит! — не выдержал Дио. — Останусь здесь, за стеной, только вы там недолго, ладно?

— Э, нет, братуха, так не пойдет! — пошел на принцип Дож. — Или мы ползем туда все вместе, или эта девчонка останется здесь еще на неопределенный срок, пусть хоть до конца жизни, а эти блюстители чистоты крови без монет! Все! Я сказал!

Монашки растерялись. Это было сразу видно по трясущимся подбородкам и глазам, которые метались, как непривязанные. Наконец та, с золотой бечевкой, издала звук готовой к спариванию гадюки.

— Прощу за мной... дорогие... посланники. — Судя по выступившему поту, последние два слова дались ей с огромным трудом.

Мы молча двинулись всем табуном к воротам. Оказалось, что они были искусно вделаны в стену, так, что с первого взгляда и не заметишь. Конечно, Дож с Дио тут же стали утверждать, что они сразу заметили эту калитку, просто им хотелось, чтобы им устроили торжественный прием как лицам, приближенным к телу императора. Особенно вопил гном, восхищаясь строевым шагом монахинь, эскортирующих нашу ватагу на флангах ровной колонной.

По перекинутому через ров мостику мы дружно промаршировали внутрь. Кентавр оказался прав в том смысле, что действительно двор был буквально вылизан. На ровных камнях монастырского подворья не было даже ни единой снежинки. И это после обильного утреннего снегопада!

Нас встретил уже знакомый дедок с хитрющей ухмылкой. Кстати, эта улыбка была единственной радужной деталью во всем монастыре. Здоровое, в три этажа, серое здание в центре, по бокам от него два продолговатых барака вообще черного цвета.

— Центральный корпус — там кабинет настоятельницы, учебные классы, кухня и все

такое. В тех двух бараках обитают ученицы, послушницы и просто монахини. По идее, там, сзади, еще садик с огородом должны быть. Вполне возможно, что даже и оранжерея с теплицами... — одними губами объяснил Куп.

— И все-то вы, МалЙавиэУиал, знаете, — ухмыльнулся кентавр, — везде-то вы побывали...

Грохот закрывшихся ворот заставил нас вздрогнуть.

— *Жакхе!* Прямо как в Тавер-Сикх! — ругнулся гном. Встретив мой непонимающий взгляд, он пояснил: — Тюрьма есть такая, сынок. Не самое приятное место на свете...

— И все-то вы... — начал было по новой Дио.

— Брат Анисим, — прервала нас старшая тетка, обращаясь к деду-привратнику, — доложите матери-настоятельнице, что посланники прибыли и ждут ее здесь.

Тот шустро смотался в тот серый дом, оставив вместо себя еле слышный, но вполне уловимый запах свежего перегара. Мы все, включая конвой, поморщились, кто с сожалением, а кто с осуждением глядя Анисиму вслед.

— А что, девушка... сестра, простите, — осекся было Дырявый Мешок, — что у вас сегодня на обед? Я слыхивал, что монастырская кухня славится своими рецептами, а...

— ...А подвалы тонкими монастырскими винами, — закончил за него эльф, молитвенно подняв глаза к небу.

— Может, вам еще и кровать постелить? — гневно рыкнула старшая.

Вот зря она это сказала. Эльф с кентавром прямо как с цепи сорвались.

— А что, можно, да? А где нас поселят? А во сколько здесь отбой? А тихий час? Сеструха, давай напрямую: симпатичные девчонки здесь вообще есть? А они это?.. Ну, ты понимаешь!..

«Сеструха» пошла пятнами. Сзади нее кто-то рухнул, раздробив камень мостовой, остальные «гвардейцы» с глазами, горящими огнем праведного гнева, подняли свое «оружие» и медленно пошли на сближение.

— Мать Элизабет... — прибежал обратно Анисим. — Ой... а чего это у вас здесь, а?

— Так, обед отменяется. — Гном сделал шаг назад, упираясь спиной в повозку, неспешно расчехляя свою секиру.

— Угу, и все остальное, похоже, тоже. — Кентавр с кислой улыбкой вынул из кибитки шест, подобие моего. — Стыдись, Дож, на женщин... с оружием...

— ОТСТАВИТЬ! — Я чуть было не оглох.

К нам спешила старушенция, ростом ничуть не уступающая досточтимой Рофэх-Фа. Вместе с ней шла очень симпатичная девица рыжей окраски. При их появлении монахини смиренно отступили, склонив головы.

— Сестра Рони, объясните, что здесь происходит? — проскрипела настоятельница.

— Мать Элизабет, эти господа посмели насмехаться над нами и нашими правилами. Мы хотели проучить их. Так сказать, научить хорошим манерам...

— А кто будет учить хорошим манерам вас, сестра? Ладно, сама разберусь. Господа, следуйте за мной. И на будущее... — Настоятельница махнула рукой, дав знак монахиням разойтись. — Два наряда вне очереди!

— Оп! — оглянулся на нас гном. — Ребята, а вы уверены, что это точно монастырь?

Мы стояли в небольшой, но вместительной беседке монастырского сада, как раз позади главного корпуса. Мать Элизабет восседала на принесенном сюда Анисимом деревянном кресле, обитом выделанными звериными шкурами. Сам же брат Анисим с сестрой Рони и той девицей выстроились позади настоятельницы.

— МалЙавиэУиал-младший, — с легким поклоном, но не сводя глаз с Винетты, представился эльф, — друзья называют меня Купом.

— Дио. Диондолл-Странник, — выпятил широкую грудь кентавр.

— Дож из Науг-Аэлина, по прозвищу Дырявый Мешок.

— Лукка, — объявил я в свою очередь, — тролль, и совсем недавно меня стали называть Лукка-Висельник.

Настоятельница долго обводила нас взглядом.

— Видишь, дочка, — обратилась она к своей спутнице, — до чего дошел твой *достопочтенный* отец. Мало того, что он довел свой город, свое государство до ручки и, естественно, не смог вовремя заплатить за твое обучение и содержание, так еще и прислал за тобой не гвардейцев своей свиты, а... Я даже и не знаю, как правильно назвать этих посланников! Кто у нас здесь? Алкаш-гном. Распутник-эльф. Ошибка природы — кентавр. И шизофреник, считающий себя троллем!

Монашка на пару с дедком противно захихикали, Винетта опустила голову. Могу поспорить, что воздух вокруг пропитался влагой. То ли от слез девушки, то ли от пота моих сотоварищей, еле сдерживающих себя, чтобы не разорвать эту *мату* на части.

— Ну да ладно... — скорбно продолжила настоятельница, — теперь к делу это совершенно не относится. Дочь моя, скажи мне в последний раз, ты еще хочешь уйти в мир? Ты не надумала постричься в монахини?

Девушка подняла голову. На ее глазах действительно блеснули слезы.

— Нет, госпожа...

— Ну, смотри... — Элизабет тяжело вздохнула. — Итак... дорогие посланники, если я правильно поняла, вы привезли деньги, которые нам задолжал ваш король. Так? Надеюсь, вы привезли достаточную сумму, чтобы покрыть долг и проценты по нему?

— Насколько я помню, — сделал шаг вперед гном, — речь идет о двух тысячах, ведь так?

— Не знаю, не знаю... — Настоятельница повернулась к Винетте: — Ты не передумала?

— Что она к ней прицепилась с этим монашеством? — тихонько толкнул я эльфа.

— Если она станет монахиней, то после смерти ее отца все земли и имущество, отходящие ей как единственной прямой наследнице, перетекут в лапы монастыря, — также шепотом объяснил Куп.

— Но там же брать нечего! — тихо возопил я. — Ее папаша — разорен!

— А это уже третий вопрос! — подвел итог нашему спору кентавр. — Либо это не совсем так, либо мать-тюремщица имеет свои виды на это королевство. Вполне возможны и другие причины — месть, например.

— Ты не передумала? — уже более громко повторила свой вопрос мать Элизабет.

— Нет... — Девушка с надеждой взглянула на нас.

— С короля Гиера Одиннадцатого, — старушенция развернулась к нам, — девять тысяч, гном.

— Ни... — поперхнулся Дио, — ...чего себе!

— Конечно, учитывая нынешнее состояние королевства, я могу снизить сумму до семи тысяч, но... Поймите меня правильно, я и так иду на уступки, сбрасывая целых две тысячи...

— Разговор шел о двух, — резко прервал ее гном. За деревьями сада мелькнула ряса монахини, второй, третьей...

— Я иду на уступки, сбрасывая две тысячи, — повторила настоятельница, — но остальные семь будьте любезны заплатить... Если, конечно, они у вас есть, господа.

— Мы заплатим больше, сударыня, — вдруг ошарашил всех гном.

— Больше?

— Да. Если вы, сударыня, конечно, действительно желаете отпустить, — гном ухмыльнулся, — бескорыстно желаете... отправить Винетту Вильсхолльскую к ее отцу.

— Сударь! — вдруг поднялась на ноги мать Элизабет. — Что вы имеете в виду?

— А чего это вы так вскипятились? — спокойно ответил Дырявый Мешок. — Если я где-то, в чем-то не прав или был груб и неучтив, ради всего святого, прошу меня извинить! Я не хочу ни с кем ссориться, я просто хочу выполнить свой долг. Я хочу вернуть дочь отцу, как того требует совесть гнома, и сделать для этого все возможное и невозможное, строго следуя инструкциям и опираясь на полномочия, данные мне.

Кентавр будто невзначай толкнул эльфа:

— Куп, как полагаешь, стены этого монастыря выдержат долгую осаду?

— Безусловно!

— А изнутри?

Настоятельница аж задохнулась от такой наглости, а тут еще и меня что-то дернуло немного помечтать вслух:

— Парни, конечно, это, можно сказать, и ваше дело. Но я обязан вас предупредить, что все мое оружие осталось в повозке, а голыми руками я драться категорически отказываюсь. Вам, разумеется, все равно, но лично мне «Южного Тракта» по горло хватило. Его и так теперь перестраивать придется!

— А что это такое — «Южный Тракт»? — пискнул Анисим.

— Трактир, — спокойно глядя в глаза настоятельнице, объяснил гном. — Был такой трактир на Перекрестке Семи Дорог. Там неделю назад мой друг, тролль, ночевать изволил.

— Неужели вы посмеете... — прошептала сестра Рони. — Боже мой, боже мой...

— Если ты угрожаешь, гном, так это напрасно. — Мать Элизабет уселась обратно в кресло. — Впустую все это. Вряд ли вы посмеете поднять руку на женщин, несущих бремя послушания и молитв.

Из-за ствола ближайшего дерева высунулась рука, умело сжимающая короткий лук с накинута на него стрелой.

— Я думаю, мы сумеем договориться, — сделала первый шаг к примирению хозяйка монастыря.

— Абсолютно с вами согласен, госпожа, — учтиво поклонился гном.

— Итак, сколько вы привезли с собой?

— Честно говоря, я и сам не знаю, — рассмеялся гном, — как-то пересчитать недосуг было.

Монастырская братия (хотя из братьев был только один Анисим) во главе с

настоятельницай, ну и с нами заодно, сгрудилась около повозки. Настоятельница молчала и тихо метала молнии. Оно и понятно — гном умудрился уличить ее, точнее сказать, намекнуть на заинтересованность в оставлении здесь наследницы династии Гиеров. Как шепнул мне кентавр, «теперь эта тетка уцепится за любой предлог, только бы не взять деньги и отказать нам в выдаче девушки». И вот мы всем кагалом сгрудились возле кибитки, и две дюжие «амазонки» вытаскивали один мешок за другим.

— Я что-то не слышу звона металла, — прищурилась мать Элизабет, — надеюсь, Гиер не набил эти мешки просроченными векселями?

— При случае я с удовольствием передам ваши слова королю, — церемонно поклонился Дырявый Мешок, за что заработал еще один довольно неласковый взгляд. — Но спешу озадачить вас еще больше... — Гном обернулся на нашу ватагу, будто проверяя, кто где стоит. — Заранее прошу прощения, но... Милостивая государыня, дело в том, что нам вручили этот «товар», даже не удосужившись пояснить, что там, в этих мешках. Честное слово, я знаю только то, что за это можно выручить намного больше, чем Гиер Одиннадцатый вам задолжал. Мы должны были продать *этот товар* одному *достопочтенному* купцу, но, увы, смерть от руки... — Он многозначительно посмотрел на кентавра с эльфом, которые дружно изучали облака. — Смерть от руки разбойников прервала его жизненный путь. Мы застали только руины его дома и его самого, так сказать, в подвешенном состоянии.

— Интересная история, интересная... — вымолвила настоятельница. — Все выгрузили? — Это она уже к монастырским. Получив положительный ответ, она отдала простой, но в то же время почему-то неприятный приказ: — Вскрывайте мешки!..

Анисим вытащил кривой ножичек и вонзил его в бок мешка. Когда лезвие с хрустом вошло в кожаную тушку, что-то *очень несимпатичное* пробежало по моему нутру. Что-то очень холодное и, соответственно, неприятное.

На обледеневшие камни мостовой тонкой струйкой посыпался серый, со сладковатым и очень знакомым запахом порошок. Гном, закрыв глаза, пробормотал проклятие, а кентавр почесал затылок. Настоятельница совершенно спокойно смотрела на эту струйку, быстро сбегающую на землю в аккуратную кучку.

— Это что, пряность? Какая? Очень своеобразный запах, — наконец открыла она рот.

Анисим, опустившись на колени, зачерпнул пригоршню этого добра и, осторожно поднеся к лицу, понюхал, попробовал чуть-чуть на язык... еще раз... и еще!.. Когда через минуту он поднял голову, его глаза блестели, а лицо выражало самое настоящее блаженство. Вот тут-то мать Элизабет и почувствовала неладное.

— Брат Анисим, что это?

— Кого, простите?

Лично для меня его ответ послужил только подтверждением догадки. В груди, слева, защемило и тяжестью опустилось в низ живота. Ну, Скорпо, ну...

По всей видимости, ответ привратника был для монахини таким же ясным, как день для слепого.

— Брат Анисим, я спрашиваю еще раз. Что это такое? И что, собственно говоря, с вами?

— А что со мной? Со мной все хорошо! Я бы даже сказал, что у меня все просто... — Тут он объяснил свое состояние таким словом, какое я и выговорить-то не смогу: язык отсохнет. А этот заторчавший дедуля как ни в чем не бывало не спеша объяснил собравшимся суть дела:

— Это, матушка, что ни на есть самый настоящий *фэл* — сушеный мухомор, однако! И, должен вам доложить, самого отменного качества. — Он широко улыбнулся, выставляя напоказ ряды полусгнивших зубов. — Ну, че ты вылупилась, карга старая? На, нюхни — мож, ангелочков еще при этой жизни увидишь!

Судя по всему, в смысле по опустившейся челюсти и вытаращенным глазам матери-настоятельницы, ей уже не надо было разъяснять, что же это такое мы сюда привезли, как это называется и для чего вообще это нужно.

— Интересно, — шепнул кентавр, — нас сначала выслушают или сразу отправят к праотцам? Куп, ты как полагаешь?

— Сейчас узнаешь... — Эльф очень медленно полез себе под подол.

— Милостивая государыня, — проскрипел гном, — видите ли...

— МОЛЧАТЬ! — взревела старушенция. — Сестра Рони, сестра Киви, сестра Элга Ситуация четыре-два, быстро!

Монахини во главе с вышеназванной троицей, отлажено быстро отпихнув за спину мать Элизабет, взяли нас в полукольцо. Брат Анисим, заржав козлом, обнял мешок и буквально залез туда головой. Когда монашка мощной, недетской рукой вытащила привратника на свежий воздух, его лицо было покрыто пеной и счастьем.

— Его что, едят? — не понял Куп, делая шаг назад.

— И едят, и нюхают. — Кентавр подтолкнул меня к кибитке: — Давай, парень, доставай свои... А, гаргульи Ада! — На нас смотрело с полсотни стрел, заботливо натянутых «коричневыми амазонками» на стенах.

— Вот *жакхе*! Ребята, спокойно! Дио, Куп, отцов ваших за ноги и кишки! Успокойтесь немедленно, или нас сейчас перебьют, как волчат! Делай, как я! — Гном развел руки в стороны, демонстрируя что-то типа миролюбия.

Настоятельница из-за спин сестер отдавала приказы:

— Окружить! Свободные от дежурства и молитв на стены! Бить только по конечностям — Господь желает раскаяния грешников, а не их смерти! Но если что, отпускаю грехи заранее!

— А матушка-то раньше, никак, в армии служила, — вслух восхитился Дио, глядя, как из ближайших казарм к нам неслись сестры в коричневых и черных одеждах.

Лично мне было не до смеха. Всей своей шкурой я чувствовал, что вот-вот начнут свистеть стрелы, полетится кровь. Причем не только наша, но и этих озверевших баб! Вряд ли мои друзья будут безропотно подставлять себя под отточенные лезвия стрел! Не то воспитание, не монастырское! А сестры уже заламывали гному руки, перевязывали запястья эльфу, разматывали веревку, чтобы стреножить Дио. Дело принимало уже совсем неприятный оборот! Это я понял по тому, как меня схватили за плечо, начали выворачивать руку. Я взглянул на гнома, тот, перехватив мой взгляд, отрицательно мотнул головой. Ну, нет так нет. Я не стал дергаться...

В общем, повязали они нас! Как прокомментировал дальнейшее Дож, мать Элизабет устроила «показательный суд». Нас построили вдоль монастырской стены, недалеко от ворот. Рядом, прямо на снег, сложили в кучу все семнадцать мешков с *фэлом*, а подле них поздравляющего всех с Праздником Весны и Любви брата Анисима.

Настоятельница долго хмурила брови, явно не зная, с чего начать. Монахини толпились возле, точь-в-точь повторяя рожицы своей начальницы.

— Вы понимаете, в чем ваша вина? Осознаете свой поступок? — наконец-то

разрешилась она.

Мы, не сговариваясь, дружно пожали плечами:

— Нет... — И, словно подтверждая нашу правоту, в смысле невиновность, Анисим оторвал голову от распоротого мешка:

Виновата ли я, виновата ли я,

Что мой голос в коленках дрожал!

— Видите, что вы сотворили с добрым братом Анисимом?..

— Можно подумать, мы ему насильно *фэл* в ноздри зачихнули!

— Это был покладистый, добропорядочный, хороший человек, отзывчивый муж и прекрасный работник. Никто даже не мог представить себе, во что он превратится после вашего прибытия!

Анисим поднял голову, дабы мы все могли узреть, во что он умудрился превратиться. Выставив напоказ свою довольную рожу, он торжествующе хрюкнул и, снова припав к мешку, начал украдкой ковырять там новую дырочку.

— И, зная, до чего может доводить ваш, так сказать, товар, вы смели думать, что я — мать этих детей, — она обвела рукой собравшуюся толпу дородных теток, — приняла бы от вас в качестве выкупа отраву душ человеческих?

— Живет моя отрада! — заголосила жертва, проковырявшая наконец себе источник радости и счастья.

— Так слышите: я вам не судья. — Она гордо задрала голову. — Я ОРУДИЕ СУДА ГОСПОДНЕГО, ибо нет в нашем мире места для этой дряни! В огонь ее, в огонь!

— Сейчас что-то будет, — шепнул я гному.

Тот, быстро оглянувшись на товарищей, что-то им шепнул. А монахини уже несли факелы, пытались оттащить в сторону несчастного, но в то же время блаженствующего брата Анисима. Тот, окрыленный таким вниманием со стороны женщин, пытался заглянуть им в глаза и за узкие воротники ряс:

Я люблю вас, девочки!

Я люблю вас, мальчики!..

Тьфу, прости меня, Господи!

Его кое-как подняли на ноги, он уставился мутными глазами на происходящее. Когда сестра Рони широко размахнулась и швырнула факел в сторону мешков...

— Нет, нет! Наша преллессссть!!! — Дед, проявив недюжинную сноровку, вывернулся таки из цепких лап соратниц по монастырю и, прыгнув, попытался перехватить летящий факел в воздухе.

Сестра Киви поймала летящие мимо нее старые кости и попыталась убаюкать, успокоить плачущего страдальца. Но тут факел добрался до своей добычи. Дож умудрился пихнуть меня в бок так, что я отлетел под колеса кибитки, куда следом за мной прилетела вся остальная бригада.

Теперь я доподлинно знаю, что испытали орки Талат-Галена, когда *фэл* взорвался у них в пещере под самым их носом.

В ноздри ударил едкий противный запах желто-серого режущего глаза дыма.

— Не дышать! — прохрипел Дырявый Мешок, наматывая себе на морду шарф.

Клубы вонючего дыма заволокли землю, на расстоянии шага практически ничего не было видно. Кто-то кричал, ругался, кашлял и вроде молился. Слышался топот ног, шмяканье туш и тел о мерзлые камни. Среди всего этого неожиданно, по крайней мере для меня, мать

Элизабет затянула совершенно новую для этого заведения литургию:

Черный ангел, что ж ты вьешься над мое-е-е-ююю головой?

Дырявый Мешок, пнув меня в ляжку, кивнул «на выход». Я, впихнув на место вылезавшие глаза, начал перебираться через полузадохнувшегося эльфа, временами стучаясь об днище кибитки головой. Наконец-то мы вылезли наружу. Больше всех, конечно, не повезло кентавру. Если мы с парнями были все-таки одеты, то одежду Дио составляла лишь толстая душегрейка на той части тела, что еще принадлежала человеку, а вот конская... Я вообще не понял, как Диондолл-Странник умудрился втиснуть себя под повозку. Может быть, по причине того, что нашему жеребчику действительно хотелось жить долго и счастливо, весь его круп был исцарапан и полон заноз. Во дворе монастыря Королевы-Мученицы царил полный разгром, густо замешенный на бардаке и веселье! Ни дать ни взять — Большой Оз с Висельником погудели! Первое, что сразу же бросалось в глаза, это дыра в стене. Взрыв *фэла* разрушил довольно приличный кусок в изгороди монастыря да еще задел ту ее часть, что прилагалась к башне ворот! Соответственно, эти самые ворота немного поломались, а мост через ров, освободившись от механизма крепления просто рухнул, давая возможность беспрепятственно покинуть монастырь всем, кто пожелает! Теперь о желающих... вот только чего желающих! Еще не развеялся дым, а ветер не разнес вонь, как нашему взгляду предстало живое кладбище... Весь контингент монастыря возлежал вповалку во дворе в самых красочных позах во главе с матерью-настоятельницей. Дож, поманив нас к себе, проорал сквозь шарф:

Ищите девку!

Мы (кроме Купа, которого мутило и с непривычки начало выворачивать наизнанку) разошлись по сторонам, переворачивая стонущие и просто ворочающиеся тела. Винетта Вильсхолльская обнаружилась в обнимку с сестрой Элгой, которая что-то щебетала на ушко наследнице престола. Винетта краснела и, кажется, даже млела от тех слов, что сладострастным ручьем вливались в ее чудную головку. Так как на вежливость времени не было, Дио молча вырвал Винетту из объятий святой сестры, за что немедленно получил в ухо.

— Грязный мужлан! Бесстыдный жеребец! Негодяй! Хам! — За каждой фразой следовал удар в голову кентавра (и это при его росте!).

— Нормально... — это было последнее, что удивленный Диондолл выговорил, перед тем как, осев на колени, завалиться набок.

— Лукка, закрой ему чем-нибудь пасть! — проорал Дырявый Мешок, сам, в свою очередь, хватая ртом отравленный *фэлом* воздух.

— Лукка-ахх... — Карлик споткнулся, схватившись за грудь. — Вот *жакхе!* — И свалился наземь, закрыв глаза.

Гному уже было не помочь, он наверняка глотнул дыма отравы. Много ли ему, маленькому, нужно! Да если буяннить начнет, утихомирить запросто можно будет. Другое дело, если то же самое начнет вытворять кентавр. Утихомирить эту лошадь... это я вам скажу!..

Я со всех ног кинулся к Дио, на ходу сдернув с бесчувственного Дожа шарф. Кентавр дрыгал всеми четырьмя копытами сразу, закатив глаза и выдыхая пену на черно-белую бороду. Пока я обматывал материю вокруг головы с тем расчетом, чтобы он и не задохнулся и не надышался чем лишним, по моей спине тихо, но настойчиво постукали. Свернув голову набок, я узрел... сестру Рони.

— Какие планы на вечер, парнишка?

— ЧЕГО?! — У меня все во рту пересохло!

— Так как? — Она как-то игриво подмигнула, подвигаясь поближе, упираясь мне в голову большой полной грудью.

— Мама... — почему-то вспомнил я.

— О, лапка, ты хочешь поиграть со мной в хорошего мальчика? Да ты затейник!

Отчего-то мне стало дурно, голову повело в сторону,

— Или ты хочешь быть плохим мальчиком? Я знаю и эту игру! — Она положила свои лапищи мне н плечи. — Ты как любишь, немного или очень, чтоб был больно?

— ДА Я НИКАК НЕ ХОЧУ!!! Рони скривилась в обиде и двинула мне кулаком промеж зубов.

— Плохой мальчик...

Одной рукой удерживая тряпку на морде, другой отпихиваясь от забалдевшей монашки, я попытался уползти в сторону. В результате я получил еще один пинок, уже в зад.

— Сынуля, ты пошто пирожки тырил? — противно облизывая губы, продолжала свое наступление послушница монастыря Королевы-Мученицы.

Не обращая внимания на новоявленную маму, я пробирался в сторону Дио, надеясь успеть до того, как кентавр, наглотавшись паров *фэла*, очнется и тогда... сердце щемило от мысли, надолго ли мы здесь можем застрять и почему. Когда до цели оставалось каких-то два-три шага, я, получив очередное ускорение от веселившейся напропалую сестры Рони, влетел головой в зад поднимающейся с земли другой святой сестры. Та с тычка спорхнула до кентавра и устроилась ему аж под задние копыта.

— БАБЫ! Здесь ТАКОЕ!!!

Может, от этого крика, а может, оттого, что пришла пора спасти свою шкуру и все, что к ней крепится, полужеребец вскочил на все четыре и ринулся галопом от поднимающихся вокруг женщин! Почти вся свора, числом под тридцать, а может, и больше, ломанулась вслед за удирающим кентавром. Причем часть из них посчитала своим долгом пройтись по лежащему без чувств гному. Того перекатило в сторону под бок матери Элизабет. Та, перестав орать дурным голосом, положила голову Дырявого Мешка к себе на колени и, запустив пальцы ему в бороду, начала расплетать косы.

— Люблю волосатых мужичков.

Гном, не открывая глаз, молча отдался на растерзание. Забегая вперед, скажу, что очнулся он только тогда, когда его рыжая гордость поредела примерно на четверть.

Пока Диондолл-Странник носился по двору монастыря, пытаясь улизнуть от улюлюкающих монашек, пока гном, еще того не осознавая, терпел надругательство над собой, пока я кулаками и уговорами пытался отцепиться от «мамули», на поле всеобщего бардака, слегка пошатываясь, с придурковатой улыбкой и блеском в глазах появился МалЙавиэУиал-младший. Где-то на задворках своей памяти и здравого смысла он еще как-то помнил о цели нашего визита в эту местность. Высоко выкидывая занемевшие ноги, он направился к голосившему у воронки от взрыва Анисиму. Тот лазил на четвереньках по почерневшему снегу, перебирая его руками в надежде найти остатки *фэла*, более-менее пригодного к употреблению. Подошедший эльф рывком поднял страждущего на ноги.

— Винетта Вильсхолльская. Дочь короля Гиера Одиннадцатого. Где она? — деревянным голосом спросил Куп.

Старик, глядя в строгое лицо эльфа красными от слез глазами, ухватил того за руки:

— Нас обманули... Зачем вы нас обманули... Почему не сказали, что привезли много-много *звездной пыли*... Как вы теперь сможете жить, зная, что вся она вернулась домой... — Тут старик поднял голову, вглядываясь в небо. — Скажи мне, добрый человек, — он снова уперся взглядом в эльфа, — она ведь еще вернется... ведь правда?

Не то голос и взгляд брата Анисима, не то Куп просто мало глотнул отравленного воздуха или, наоборот много, но все свелось к тому, что эльф обнял старика, как родного брата и, глядя его по небритой морщинистой щеке, начал что-то нашептывать тому на ухо. Старик отпрянул и, схватив Купа за рукав, потянул за собой в глубь двора, прямо к тому месту, где сестра Рони, подмяв меня под себя и не обращая внимания на мои оплеухи и тычки, рвала на мне одежду, явно не соображая, что делает! Краем глаза я видел, как эльф, проходя мимо, хлестанул ее по затылку плащом мечом. Тетка перестала дурить и затаилась на моей груди. Еле спихнув тушу с себя, я заковылял вслед за Купом и Анисимом.

Тут обнаружилось другое — Винетта вместе с сестрой Элгой пропала без вести. Ее и след простыл!

— Знаю! Я знаю! — Дед по-собачьи заглядывал в глаза Купа.

Подойдя, я оперся на плечо эльфа.

— Раз знаешь, так давай, вперед! — вытирая кровь с губ, приказал я.

Тряпка уже давно куда-то слетела, но либо *фэл* уже выветрился со двора, либо его не хватило на мои легкие... короче, я дышал свободно.

Дед потащил нас в одну из казарм. Дверь была нараспашку, из глубины здания доносились охи и ахи — судя по своеобразным звукам, кого-то от души лупцевали. Сразу за входной дверью была винтовая лестница, по которой мы и поднялись на второй этаж. Анисим подтащил нас к одной из дверей и сам заглянул в замочную скважину.

— Здесь! — радостно ощерился он и попытался открыть комнату. — Заперто... — с обидой оглянулся он на нас.

Я молча отодвинул дедка в сторону и налег всей тушей на деревянную преграду. Доски чуть-чуть затрещали, но не поддались Тогда, сделав шаг назад, я изо всех сил и веса прыгнул. Петли не выдержали, и я влетел в келью. Следом за мной ворвался эльф под прикрытием брата Анисима.

— Деревья Винг-Сая! Вот это да!..

— Твою-мать!..

Подняв голову, я с удовольствием присоединился к мужикам:

— *Жакхе* Отродья!

Подобные словоизречения для меня совершенно несвойственны, но то, что я увидел!

Винетта Вильсхолльская, без единой тряпки на теле, с закрытыми глазами возлежала на деревянной кровати. А по ней, как жук по ягоде, ползала сестра Элга, совершенно не отличающаяся от девушки в смысле количества одежды.

Не знаю, что именно ввергло в ступор Купа и Анисима, но для меня до сегодняшнего дня не было ничего омерзительней стада гоблинов под *фэлом* во время брачного периода. С этого момента... Мне захотелось согнуться пополам и вытряхнуть из себя все, что я ел за последние два дня.

Распущенные длинные седые волосы... Мокрый слюнявый рот... Безумные глаза... Желтая сморщенная кожа телес, свисающая с толстого престарелого женского тела...

Я сделал, что хотел. Прямо здесь. Эльф с чувством присоединился ко мне. Анисим, зажав себе рот двумя руками, ринулся из кельи на свежий воздух. Бабища подняла на нас

глаза, полные злобы:

— Скоты, убью! — С этими словами она прямо с кровати прыгнула на нас.

Мы дружно расступились, давая монашке пролететь мимо, прямо в дверь, на спину брату Анисиму, сходявшему по лестнице.

— Так, где ее вещи? — начал действовать Куп.

— На полу, наверное.

Чего больше всего мне сейчас хотелось, так это огромный кувшин ледяного пива. А лучше даже два.

Эльф наконец-то отыскал тряпки Винетты и попытался натянуть их на голое тело. Я было ринулся ему помогать, хотя о некоторых предметах ее одежды мог только догадываться. Внизу послышалась отборная ругань — видно, Элга в клубке с братом Анисимом наконец достигла первого этажа, и теперь, судя по некоторым фразам, дедушка безуспешно отбивался от сестры.

— Все, уходим, — сказал эльф, — берем ее как есть, а там разберемся!

По приближающимся звукам было понятно, что, помимо вышвырнутой тетки, сюда двигалось еще и подкрепление. Подхватив девчушку на руки, я ринулся по коридору в другой конец казармы, к окну, выходившему в сад. Эльф бежал сзади, вытащив из-за плечных ножен меч, готовый к любым неожиданностям.

Когда до цели оставался шаг или два, толпа полуодетых преследователей ворвалась в коридор. До земли в принципе не очень далеко — всего два моих роста, поэтому я решил прыгать. Единственным «но» в этом плане была добротная деревянная решетка с прутьями по толщине что моя рука.

— Так, слушай сюда. — Я передал Винетту эльфу. — Сейчас я спущусь вниз, а ты потом сбросишь мне ее на руки.

— А решетка? — принял ношу Куп, в то же время не выпуская меч из руки.

— Давай подробности потом.

Я возложил руки на прутья, затем, подпрыгнув, уперся ногами в стену около окна и попытался разогнуться. Как Куп, да еще груженный девушкой, умудрился вжаться в стенку коридора — ума не приложу! Я пролетел мимо него с остатками прутьев в руках и врезался в первую волну разошедшихся монахинь. Толпа уткнулась в меня, образовав небольшую запруду. Кто-то заехал мне по спине, укусил за ухо, не побрезговали и задницей. В ответ я, не глядя, отмахнулся рукой, стряхнул с плеча чьи-то зубы и с криком «Куп, я жду!» сиганул в окно.

Приземление пришлось на дерево, по-моему даже на ель. Врезавшись животом в ствол, я понял, что если бы немного правее, то о своих детях мне бы пришлось только мечтать.

Слетев по стволу, как по веревке, вниз, изрядно поцарапавшись и измазавшись, я проорал «Давай!» и, вытянув руки, занял место под окном.

Девушка вылетела из окна прямо ко мне в объятия, следом ее тряпки, удачно упавшие мне на голову, так что на время я просто ослеп. Когда я освободился от всего этого, то в окне уже гарцевал эльф ко мне спиной, видимо размахивающий своей железкой перед носом у противника.

— Куп, хорош там тебе! Прыгай, я ловлю!

То ли эльф, прыгнув, зацепился за подоконник ногой, то ли монашки постарались, но упал парень прямо головой вниз, заехав мне ею в лоб. Отмахнувшись от налетевших птичек и звездочек, я поставил парня на ноги.

— Уходим, — теперь уже командовал я, — иди впереди, не прячь меч, может, пригодится! И перестань ты искать землю — она под ногами. Вперед!

Такого сада я раньше не видел — помимо елей и просто фруктовых деревьев, как подобает быть в нормальном саду, здесь были такие породы, о каких я раньше и не слышал. Но больше всего меня поразили круги на песке с натканными рядом камнями разной величины. К сожалению, любоваться этим было некогда — мы спешили.

Впереди, чуть пригнувшись, шел эльф с мечом в одной руке и стоилом в другой. В хвост ему бежал я с девушкой на руках. Слава небесам, наш путь не был таким увлекательным и богатым впечатлениями, как поход за Винеттой в монастырские казармы. Девушка так и не приходила в себя, видимо, она, что называется, перебрала. Ладно, будем надеяться, что все обойдется...

Впереди замаячил монастырский двор, точнее, то, во что он превратился. Такую картину обычно рисует воображение под впечатлением описания осады и штурма какого-нибудь баронского замка. Дым, разбросанные лоскутки разорванных одежд, щепки, грязь, стонущие и молчащие тела. Да, кто-то повеселился сегодня на славу!

Переведя дыхание и быстренько осмотрев окрестности, мы кинулись к нашей перевернутой кибитке. Странно, что нас никто не преследовал, хотя, по моему разумению, за учиненный здесь погром кто-то должен был заплатить. Именно поэтому первое, что мы сделали, так это как следует вооружились. Мы оба достали луки и колчаны, а я еще прицепил на пояс свой топор. Эльф набросил на себя легкую, до колен, кольчугу и водрузил на голову остроконечный шлем, скрывающий полностью лицо переплетенными железными нитками.

Укрыв Винетту шкурами, мы решили сходить за нашими лошадьми, а заодно, если посчастливится, и за нашими друзьями. Конюшня находилась почти рядом, надо было просто пересечь двор, и все! Когда мы подошли к незакрытым дверям сарая, навстречу, шатаясь и отплевываясь, вышел Дырявый Мешок. Ощупывая изрядно поредевшую бороду, он недобро зыркнул в нашу сторону:

— Не ходили бы вы туда, ребята, — и, еле передвигая ноги, побрел к повозке.

Мы с эльфом переглянулись.

— Гном зря не посоветует, — начал Куп, — может, пока пойдем посидим где-нибудь, а когда все утихнет, заберем наших жеребцов.

— Всех пятерых? — Я с любопытством пытался заглянуть за открытую дверь, но внутри было темно и потому плохо видно. — Куп, дружище, я с тобой согласен, но мне бы хотелось унести отсюда ноги. И чем быстрее, тем лучше. Я так разумею, что, когда хозяева очнутся, нам выставят такой счет, что мы до самой смерти будем его отрабатывать.

— Это точно, — оглянулся эльф на царивший вокруг беспорядок. — Давай так: я схожу внутрь, а ты пока постой здесь на стреме. Хорошо?

— Знаешь, Куп, — предчувствие не очень хорошего заворочалось у меня где-то слева, — давай лучше никто никуда не пойдет, а? Давай походим, поищем нашего Странника в другом месте.

— Он ведь там, — непонимающе мотнул головой эльф в сторону конюшни.

— Я знаю, но пойдем поищем в другом месте... — Я попытался улыбнуться во все зубы.

— Лукка, с тобой все в порядке? — отступил на шаг Куп.

— Ну-у... — Я, замывшись, умоляюще поглядел на товарища. — Понимаешь, в чем дело, сейчас мне бы очень хотелось зайти в этот сарай, забрать нашего друга, а заодно и наших

лошадок. Но, с другой стороны, меня просто воротит от мысли заходить туда.

Брови у Купа удивленно изогнулись.

— Почему?

Собравшись с духом, я выпалил:

— Потому что я еще молод, чтобы увидеть то, что сейчас там происходит!

— Ты полагаешь... — прищурился эльф.

— Я не полагаю! Я знаю! Сейчас там происходит то, что происходит в стойбище *гархэз* гоблинов каждую весну! И, поверь на слово, не дело молодому порядочному троллю любоваться на это!

— А... — начал было эльф и тут же захлопнул пасть. Он долго вглядывался в мои глаза, будто хотел что-то спросить, а затем-таки задал вопрос: — А откуда ты знаешь, что у них, у гоблинов то есть, там происходит?

Я покраснел, побурел и отвернулся, не находя слов.

Здесь, словно мне на выручку, приоткрылась дверь конюшни, и из нее на свежий воздух выступила бабища в помятой коричневой рясе, обильно обсыпанной соломой, и туманом в припухших глазах.

— О! ребятки!.. — Она обвела нас мутным взором. — Вы за своим другом, да? Ну, так вы немного потерпите, его сейчас... — она захихикала, — скоро отпустят... — Она вдохнула воздух всей своей мощной грудью. — А вот если бы вы присоединились к нему, то вашего дружка отпустили бы намного раньше... — Монахиня, не удержав равновесия, сползла по стеночке вниз, раскинув ноги в стороны и завалив голову набок.

Минута молчания. Солидного мужского молчания. После чего, не сговариваясь, мы обнажили оружие и ринулись внутрь.

Как только мы миновали ворота, раздался призывный вопль Дио:

— Парни, сюда!.. Не могу больше...

Дальнейшее, в смысле того, что я успел увидеть, описать трудно, но попробую. Кентавр валялся стреноженным на дощатом полу, руки связаны за спиной, в потухших глазах слезы и ненависть. А вокруг... Где-то около полусотни разошедшихся от долгих постов и воздержаний полуодетых женщин.

Эльф, помянув всю нечисть миров разом, ринулся к другу, первым же ударом меча освободив его копыта от веревок. Дио попытался сразу подняться, но, видно, его конечности затекли — он рухнул на пол, придавив одну из насильниц.

На меня бросилась худющая старушенция, завывая, как орк, которому прижгли раскаленным железом зад. Я отстранился, пропуская ее за спину — она как раз угодила башкой в столб, подпирающий крышу. Взмах топора перед собой — и начавшие было идти молчаливой толпой одурманенные бабы замерли, понимая, что мне не до шуток — умрет каждая, кто приблизится на расстояние удара. Наконец Дио с помощью эльфа поднялся на свои четыре и двинулся восвояси. Кентавр шел, еле передвигая копыта, поминутно приседая на заднюю пару. Когда он дошел до ворот сарая, эльф развернулся и рванул мимо меня, не спуская при этом глаз с противниц.

— Лукка, придержи их немного, я лошадей выведу!

Молча кивнув, я подался вперед, сопровождая каждый шаг взмахом топора, загоня монашек в дальний конец конюшни. Те сбились в кучу, высматривая пространство для прорыва или атаки. Мерно застучали копыта, краем глаза я увидел, как Куп выводил наших лошадей.

— Уходим, тролль!

Я уже было собирался задать стрекача, как мою шею оседлала та старуха, которая пыталась снести подпорку своей головешкой. Визжа кошкой, старая неуспокоенная стерва, держась одной рукой за мое горло, другой полезла мне в глаза. Как по команде, ее товарки, сбивая друг друга, кинулись ей на помощь. Я крутанулся на месте, подставляя спину с беснующейся ношей под удар. Меня смяло, кинуло на землю, я выронил оружие, попытался освободиться от старухи — безрезультатно. В мою морду въехала сандалия на босу ногу, из носа хлынула кровь. Второй удар оглушил мне ухо, третий снова пришелся в нос. Меня начали катать по земле, избивая ногами. Удары сыпались отовсюду, я заревел, как медведь, пытаюсь поймать хоть кого-то за ногу.

Наконец удача подмигнула мне. Я зацепил одну из сестер и, изловчившись, подмял ее под себя, со всей силой припечатал к земле. Та замолчала и закрыла глаза, тут же обмякнув. Удары сразу прекратились.

— Убийца! Убиййцааа!..

Я так понимаю, что это была оглобля. Она врезалась в спину. Я вскочил было на четвереньки, но какая-то вконец озверевшая бабка, разогнавшись, вцепилась мне ступком аж в самый копчик. В глазах почернело... я почувствовал такую злобу и ненависть, что меня затошнило. Я вскочил с места, перекувырнувшись через голову, расшвырял толпу и дотянулся до рукоятки топора...

— Лукка, ты меня слышишь? Успокойся, парень! — Из мрака беспамятства вынырнули чьи-то руки, трясущие меня за плечи. — Лукка, вернись! Да успокойся, Отродье тебя раздери!

Туман расступился. Из него появился Дож — Дырявый Мешок, пытающийся поставить меня с колен на ноги. Я хрипел, как загнанная лошадь, сплевывая кровавую слюну. Голова кружилась, горькая слизь рвалась через нос и глотку наружу, слезы боли и бессилия текли по щекам, все тело тряслось, рвалось на части. Мгла опять сомкнулась, оставив боль...

— Поддержи его, Куп, не видишь, парню совсем плохо.

Сильные руки пролезли в подмышки и попытались меня вздернуть. Голова мотнулась, что-то липкое потекло за воротник. Я попробовал открыть глаза, но, кроме багровой пелены, ничего не увидел. В ушах противно звенело, и этот звук клонил обратно к земле.

— Гном, не издевайся, — прохрипел чей-то голос, — оставь его в покое, пусть малый отдышится!

— Да я что?! Только сначала пусть свой огрызок из рук выпустит, вцепился в него, как в...

Какой огрызок? О чем они?..

Мокрая тряпка прошлась по лицу, охлаждая и стирая липкий пот с глаз.

— Где кувшин? Дай его сюда.

Влага освежила пересохшие губы, влилась в горло, смывая горечь, попадая в легкие. Я поперхнулся и закашлялся.

— Бородатая дубина! Ты же его так утопишь!

— А? Что?! Ну, так помоги, эльфийская твоя рожа, или ты думаешь, что, ни хрена не делая, ты мне помогаешь?!

Меня повернули сначала на бок, затем на живот. Стало заметно легче. Чужие крепкие руки взяли мои кулаки и попытались их разжать.

— Лукка, отдай палочку, — шептал кто-то мне над головой, — все уже позади, она тебе

ни к чему.

Какую «палочку», о чем они? Наверное, бредят... Или это мой бред?.. Я что, умираю? Тогда где же белый тролль? Почему он не приходит, чтобы взять меня за руку и отвести к плоту, чтобы переправиться на тот берег? Или я успел натворить так много плохого, что мою душу решили оставить на вечное скитание среди живых до тех пор, пока все долги не будут выплачены?

О нет... Он пришел...

Сквозь черный свет омута пролезла бородастая, в две косы, голова. Ну и препоганейшая же у тебя рожа, подземный паромщик!

— Это чье лицо, достойное барельефов Хифгонда, ты посмел назвать рожей?

Я полностью открыл глаза. Солнечный свет резанул, отозвавшись молнией в голове, и все опять стихло, ушло. И только черный омут пересечений завертел свою воронку, засасывая мою душу, чтобы потом выплюнуть ее на другом конце мира...

Меня разбудил чей-то не первой свежести конский хвост, обмахивающий мое лицо.

— Тьфу! Чтоб тебя при этой жизни. — Я резко выпрямился и сразу же упал, пронзенный болью в пояснице. — Вот зараза! Больно-то как!..

— Очнулся? — влез в кибитку Куп. — Живой, значит! — Он, улыбаясь, подсел ко мне, сбросив с моей правой задней лапы копыто рядом лежащего (и как только сюда поместился!) кентавра.

— Добро пожаловать обратно в наш дерьмовый мир! — появился рядом Дырявый Мешок. — Ну и как тебе мир духов? Понравился, а? — И довольно захохотал.

— Где мы? — поднял я голову.

— На дороге к Перекрестку Семи Дорог, а потом в Заблудший Лес, соответственно Правда, до него еще неделька пути, — пустился в объяснения гном. — Мы буквально вчера вечером выехали из этого мм-м-м... монастыря и, по-моему, еще даже не пересекли границу Вильсхолла.

— А что со мной? — привстал я на локтях.

— А ты что, совсем ничего не помнишь? Я напряг мозги... Через туман забвения прорвалась мокрая обезумевшая морда, вопившая так, что уши вот-вот должны были лопнуть: «Убийца! Убиййй-цааа!..» Удары... боль... снова боль...

— Нет, ничего не помню, — признался я.

— Что, совсем ничего? — с надеждой уточнил эльф. — Ну, как мы с тобой ворвались в конюшню — помню, как ушел Дио — тоже, как ты вывел лошадей, потом, потом... — Я задумался. — Драка была, монашки, озверев, на меня перли всей толпой — было... а вот что потом...

— Потом, мой друг, кто-то из них дал тебе по голове, ты потерял сознание, а там и мы подроспели, — начал вспоминать Дож, — урегулировали конфликт, и вот мы в пути. Дио вон до сих пор еще страдает, но, думаю, к вечеру очухается. Девчонка, слава богам, спит. Она даже и не просыпалась. Так что, — гном подмигнул, — все хорошо, мы едем домой.

Я вопросительно взглянул на Дырявого Мешка.

— Почти домой, — уточнил тот.

— Ладно вам, мужики, — обнял нас эльф, — у меня есть предложение! Скоро будет деревенька, там есть постоянный двор. Предлагаю отметить успех самой сложной части, — он с улыбкой кивнул на лежащую под шкурами Винетту, — нашей операции!

— Единогласно, — выпалили мы с гномом в один голос.

— Алкоголики, — подал голос кентавр, — ну а загонному жеребцу перепадет хоть кружечка винца, а? За вредность, так сказать.

— Перепадет, — торжественно поклялся эльф, приложив руку к груди. — Скажу тебе больше, старый товарищ, я еще намерен заказать тебе самый большой омлет и самый большой кувшин красного, какой только найдется в этом уголке!

— Идет, — счастливо улыбнулся Дио, — а то все на сене да на соломе, так и копыта протянуть недолго!..

Четыре здоровых глотки разбудили тишину зимнего леса, унося прочь разноголосое эхо. Мы ехали, смеялись, шутили. Так к вечеру наша кибитка и въехала во двор постоянного двора «Прикордонье», стоящего у самой околицы пограничной деревушки. Там, за рекой, кончалась власть Вильсхолла. Там, за рекой, я уже видел Заблудший Лес и долгожданную дорогу домой, в Вечную Долину.

Колеса повозки замерли в трех шагах от входа в трактир, своими окнами помогающий звездам светить странникам в их пути. Я уже чувствовал вкус жареного мяса и янтарного пива, чувствовал мягкую чистую постель...

Первым слез гном, за ним я и эльф.

Куп пошел к заднику кибитки, чтобы подсобить кентавру вылезти наружу. Прямо из темноты к плечу эльфа протянулась длинная сухая рука в лохмотьях. Скрипучий голос, казалось, заглушил брехню деревенских собак:

— Однако отсыпать обещали...

— Брат Анисим, чтоб тебе спокойно на том свете не лежалось! — Кентавр, смеясь, хлопал старика по плечу.

— Как там девочка? — Брат Анисим наклонился над лежащей на куче сена бывшей послушницей.

— Ты, дедушка, за нами как — по делу или по зову сердца? — Дырявый Мешок, хмурясь, выколачивал пепел из трубочки прямо на пол комнаты, где разместил нашу компанию радушный хозяин.

Привратник недобро зыркнул исподлобья на гнома:

— А тебч... — Он вовремя запнулся, уловив посерьезневшие лица окружающих. — Тебе оно надо, гном? Вы девку умыкнули? Умыкнули! Монастырь разгромили? Вдребезги разнесли! Ворота поломали, стеночку раскурочили, контингент в искушение да в блуд ввели, а сами ноги сделали! А мне что, прикажете там на растерзание оставаться? Не, ребятки, я мечтаю умереть хоть и в конвульсиях, но в тепле и в уюте, а не под какой-нибудь...

— Хорош, хорош, — прервал раздухарившегося дедка Диондолл, — чего ты так разошелся, брат Анисим, али мы тебя чем обидели, слово худое сказали?

— А чего он... — по-детски всхлипнул старик, отворачиваясь к тихо бредящей во сне Винетте. Проведя рукой по спутанным волосам, он по-отцовски тяжело вздохнул и надолго замолчал.

— Лукка, — пихнул меня в бок гном, — отойдем, — подмигнул он всем остальным.

— Кто-нибудь... что-нибудь... — сказал гном, когда вся наша компания, вывалив в коридор, шепотом начала военный совет, — понимает? Прошу высказываться по росту.

— Я так полагаю, — высокопарно почесал в затылке кентавр, — что наш ворчливый друг каким-то образом связан с девицей. Я даже рискну предположить, что речь идет о родственных узах...

— Или вассальских, — влез эльф.

— Вполне вероятно, — кивнул Дио, — только чудится мне, господа...

Мы дружно замерли, внимая Страннику.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что здесь, господа... — Он сделал длинную паузу, всматриваясь в дальний конец коридора, будто там прятались ответы на абсолютно все вопросы на свете. — Что здесь какая-то тайна!..

— Тьфу на тебя! — выдохнул Куп. — Дио! Ты своими драматургическими гримасами нас всех раньше времени в могилу проводишь.

— Ладно. Лукка, какие у тебя мысли по этому поводу?

— Ну, я так думаю, что дед сам скажет, если вдруг там что-то есть. Ведь должен же он будет хоть иногда объяснять свои поступки...

— Согласен с троллем, — кивнул эльф, — но есть еще один вариант. А может быть, Анисим просто дал деру из монастыря. Под шумок. Наши пути совпали, ну а девочку ему просто жалко. Кстати говоря, как и мне самому, например.

— А как вам мысль о том, что дедуля подослан? — почесал заросли бровей гном.

— В смысле? Кем? Зачем?

— Ну, например, девушку выкрасть. Или, хуже того, убить ее. Мож, мать-настоятельница по вредности характера послала нам в отместку или еще чего. Не знаю, вариантов куча...

Мы надолго задумались.

— Короче, — подвел итоги гном, — предлагаю следующее: если старик желает идти с нами, запрещать не будем — просто бесполезно. Но глаз с него не спускать... пока, а там видно будет.

Мы пошли обратно в нашу комнату не спускать с Анисима глаз, как тут меня остановило:

— Парни! Мы же якобы посланники Гиера Одиннадцатого! И дедушка думает, что мы везем дочурку к отцу. Ведь так? Так! А на самом деле наш путь простирается немного южнее. И как мы это ему объясним?

Сотоварищи смотрели на меня, как... как... Ну я не знаю как! Но не очень хорошо. Одеревенения в мозгах добавил гном:

— Мы и так забрались на самую западную границу королевства, а дедок, уж точно, должен ориентироваться в местной географии!

Первыми дежурили я с Дожем. Мы разлеглись вповалку по всей комнате, слава Небесам и строителям, она позволяла нам всем в ней разместиться. Я долго пялился сквозь тьму на потолок, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь. *Ахаст* я положил рядом так, чтобы, если вдруг что, он оказался бы под рукой. Дырявый Мешок лег с другой стороны, также подоткнув свой топорик себе под бок. Сонное молчание прерывалось то всхлипыванием девушки, то мерным бормотанием старика, который не то молился, не то что-то подсчитывал полусшепотом-полухрипом. Кентавр на пару с эльфом то и дело выдавали рулады храпа, от которых дребезжали натянутые паутиной и пылью мутные искривленные стекла в окнах.

— Слышь, Лукка, — еле слышно шепнул карлик, — ты там еще не заснул?

— Дремлется маленько... А что?

— Я вот все хочу тебя спросить, почему ты не сбежал?

— В смысле?

— У тебя же были возможности дать деру. В Меридене, например. У эльфов мог остаться, в Талат-Галене. Тебя бы там приютили, обустроили, глядишь, делом каким занялся бы. А то помогли бы добраться и до дому, до Вечной Долины. А ты вернулся к Скорпо. Даже сейчас ты мог бы отсюда рвануть к себе. Всего две недели пути на север пехом. Я, ребята — мы бы поняли тебя. Но ты остался. Почему, Лукка?

Меня немного покорило, но я кое-как сдержался — друг все-таки!

— Я тролль, Дож. И я дал слово колдуну. Слово тролля, понимаешь? Может, ты не знаешь, но у нас считается самым тяжким грехом нарушение данного слова.

— А если это слово выудили у тебя обманом, ложью. Тогда как?

— Если бы это было действительно так, то я был бы свободен от данного обета. Но прежде наказав обманщика, конечно. А к чему все эти вопросы, гном?

— Понимаешь, Лукка, есть на свете этакая штука. Мозаика. Ты знаешь, что это такое?

— Нет.

— Кусочки разноцветного стекла или камней. Они составляют определенным способом, и в конечном итоге получается узор или картинка. Очень красиво. Вот и сейчас я составляю такую картинку.

— И где ты набрал здесь камней?

— Ты не совсем понял, друг мой. Я составляю картинку событий, используя факты и свои мысли.

— А! — до меня кое-как дошло, о чем он говорит. — И что получается?

— Вот это уже интересно. То, что он нас водит за нос, не говоря всей правды по поводу наших целей, это понятно, я бы даже сказал, естественно. Но Скорпо затеял какую-то хитрую и опасную игру. Временами мне кажется, что его слова по поводу *неиспользования* магии в этих делах просто блеф, обман. Сюда же он нас зашвырнул с помощью магии, ведь так?

— Ну... — Я не очень понимал, куда клонит гном.

— А нас якобы ищет Конклав. Значит, они отслеживают все вспышки и утечки силовых линий этого мира. А колдун даже не потрудился замаскироваться и отправил нас почти прямо от порога своего дома. Или он спешил, или все то, что он говорил по поводу коллег по ремеслу, выражаясь по-простому — брехня!

— К чему ты клонишь? — Я маленько опешил.

— Да, он опасается Конклава, это ясно, но по большому счету Скорпо на него... — кентавр неожиданно громко храпнул, заглушая последнее слово гнома, — ...с Пика Коуммы. Есть у меня мысль, что он мог бы проделать все то, что мы здесь вытворяем или вытворяли, сам, без нашей помощи. А взять это шоу с *фэлом*? Здесь у меня вообще все мысли кончаются! Чтобы известный колдун сотрудничал со всяким сбродом — бывает! Но чтобы уважаемый волшебник торговал дурью!..

— Он еще, по-моему, сам его и изготавливает, — задумчиво протянул я.

— Думаешь?! — привстал Дож на локтях.

— В первые дни в Заблудшем Лесу он просидел в своей пещере безвылазно целую неделю. А уже на второй день его отсутствия все вокруг просто провоняло. И теперь, Дож, я знаю, что это был за запах.

— Фэл?

— Или что-то очень похожее на него...

Мы долго молчали, каждый размышляя о своем. Буквально перед тем, как мои глаза окончательно слиплись, а нас еще даже не думали сменять Дио с Купом, гном выдал вслух одну не очень приятную, но свежую мысль:

— Этот гад маг использует нас втемную. А еще он сам боится нас не меньше, чем самого Конклава.

— А это еще почему?

— Ну, дружок, всему свое время!

— Где я? — это Винетта наконец-то очнулась. Она очнулась, а я, проснувшись, сел на лежаке, продирая глаза и пытаясь понять, «где я» и «что я».

— Где я? — настойчиво потребовала объяснений девушка. Видно, этот вопрос мучает по утрам не только троллей, но и молодых хорошеньких девчушек.

Кое-как отлипнув от моего бока, под которым, собственно говоря, и спал, на белый свет выполз Дырявый Мешок.

— А... э-э-э... вот... — глубокомысленно начал он. — Милая леди, во-первых, позвольте вас уверить в том, что вы в полной безопасности, так как находитесь в кругу друзей.

Рыженькая склонила головку на плечо, молча показывая всем своим видом, что не совсем верит в то, что только что услышала.

— Сударыня, поверьте на слово благородному мужу... — вылез из-под своей подстилки кентавр.

— Как-как ты сказал? Мужу? Благородному? — высунулся эльф.

— Поверьте на слово благородному мужу, все то, что сказал сейчас мой низкорослый друг, истинная правда, — закончил свою мысль Дио.

— Кого ты назвал низкорослым? — возмутился, вставая, гном.

— Леди, если вы соизволите припомнить, то эти... э-э-э... люди... посланники вашего достопочтенного отца, короля Гиера Одиннадцатого, — вовремя проявил себя брат Анисим.

— Дедушка, о чем ты? Еще там, во дворе монастыря, я сразу поняла, что это самозванцы. Я не знаю, кто они и зачем им, собственно говоря, я, но они никак не посланцы короля Вильсхолла.

— Опс, — наконец-то вставил я в воцарившейся тишине что-то свое.

— Сударыня, — откашлялся Дырявый Мешок, — а можно попроще?

— Охотно, гном, — мило улыбнулась бывшая послушница. — Сразу хочу попросить прощения у находящихся здесь за некоторые, так сказать, подробности или, точнее сказать, слова, которые могут покоробить ваше достоинство, господа.

Мы молча кивнули.

— Дело в том, что мой отец, как бы это неуважительно ни прозвучало из уст дочери, считает расу людей наивысшей. И чтобы он прислал за мной такую «разношерстную команду»? Даже несмотря на то, что королевство находится на пороге полной нищеты, в монастырь пришла бы самая торжественная и помпезная делегация. — Девушка поправила на голове бардак, именуемый прической. — Господа, поверьте на слово, я не разделяю его взглядов и взглядов нашей Церкви. По моему мнению, каждая раса на нашей земле имеет право на существование и самоопределение.

Мы молчали. Долго и нудно.

— А теперь, если вы позволите, я бы хотела услышать, зачем вам понадобилась моя персона и куда мы держим путь?

Гном, громко прочистив горло, начал свою ответную речь:

— Леди, во-первых, позвольте еще раз уверить вас в том, что вы находитесь в полной безопасности и под нашей защитой. Далее я хотел бы вам сказать, что вы вернетесь домой в целости и сохранности, но... после небольшого путешествия на юг, в сторону Заблудшего Леса, где в данный момент вашу светлость с нетерпением ожидает один очень известный и влиятельный маг. Дело в том, что судьба и звезды указали на вашу милость как на ту единственную, которая может провести один очень сложный и важный для него обряд. Именно поэтому мы и совершили этот дерзкий набег. Прошу нас простить, если мы взяли на себя смелость назваться посланниками вашего отца, но таковы были обстоятельства, — закончил Дож, низко склоняя голову.

— Кажется, я понимаю вас, сударь. Но ответьте мне, почему именно я? Что во мне такого особенного и что это за обряд?

— Право слово, леди, — грустно улыбнулся гном, — но я не смогу ответить вам. Я просто ничего не знаю. Ни что это за обряд, ни почему именно вы... Я просто не знаю. Я и мой друг тролль, — здесь он кивнул на меня, — в свое время умудрились попасть в услужение к мастеру Скорпо (так зовут нашего колдуна). Он приказал нам, и вот мы здесь. Присутствующие здесь эльф и кентавр присоединились к нам по дороге по... своим соображениям.

— Мы, сами того не ведая, немного задолжали этим парням, — пробасил Дио. — Если бы не мы с Купом, то предприятие по вызволению вашего высочества прошло бы более-менее спокойно, без всяческих эксцессов.

— Погодь, погодь, — встрял Анисим, — вы что ж, злодеи, хотите везти девочку хрен знает куда и к кому, да еще и неизвестно зачем? Не позволю! Костями лягу, вам поперек горла встану, но не допущу этого!

— Оставь их, брат Анисим, эти господа располагают к себе хотя бы потому, что они сказали правду. В наше время не каждый сможет честно и откровенно признаться в том или ином, особенно в своем незнании. — Принцесса задумчиво постукивала длинными пальцами по подбородку. — Знаете, господа, пожалуй, я поеду с вами... вы, похоже, удивлены? Все очень просто, господа. — Винетта Вильсхолльская встряхнула копной рыжих волос. — Право слово, у меня нет никакого желания возвращаться домой... так быстро. Позвольте мне не отвечать почему. Это мое и только мое дело. Надеюсь, вы удовлетворены? Если так, то... брат Анисим, ты будешь сопровождать меня в этом путешествии, не так ли?

— А куда я денусь... — проворчал старик, а затем прошипел, обращаясь уже к нам: — Ну, мужики, если вдруг что...

— Это лишнее. — Наследница трона поднялась, расправляя складки монастырского рубища. — Проводи меня, дедушка. — И, гордо задрав голову, вышла за дверь. Дед покорно поплелся за ней вслед.

— А девчушка-то с характером! — восхитился кентавр.

— Ох и отзовется нам еще этот характер! — качнул головой Дырявый Мешок.

Когда вещи были собраны, а счета оплачены, в конюшню гостиницы, где собралась наша ватага, ворвался дворовый мальчик:

— Люди, люди!.. — Он задыхался от бега.

— По-моему, у нас проблемы, — шепнул эльф.

— Ну, что там еще? — рявкнул гном. — Говори нормально, пацан.

— Там, там... — тыча пальцем себе за спину, вытаращил глаза малый.

— Что там? Ураган? Эпидемия? Разбойники?

— Хуже... там солдаты...

— Какие такие солдаты? — не понял я.

— Солдаты Кровавого Короля.

— Это еще кто? — удивился кентавр. — Что-то я такого не знаю.

— Солдаты короля Гиера, — прошепталось в тишине.

Мы уставились сначала друг на друга, а потом на Винетту. Та сидела белей белого, теребя в руках кусочек белой квадратной ткани, выуженный из рукава.

— О, да здесь целый караван! Однако удачно зашли... — Мы нехотя, то есть очень медленно, повернулись на карканье.

В дверях, поигрывая мечом, красовался детина, облаченный в поношенную сбрую когда-то золотистой расцветки.

— О, да тут еще и девка есть! И мордашка смазлива! Удачно, удачно, однако, зашли... Хороший улов будет, — смахнув с усов слюнку, довольно пробасил служивый отца Винетты.

— Это он про кого? — не спеша высвобождая из-под плаща длинные ножны меча, вышел Куп. — Про улов-то?

— Да про себя, кого ж еще! — Дио не торопясь распахнул задок кибитки, вытаскивая здоровенное не то копье, не то дубину.

— Шел бы ты себе поздорову, паря, — с козел заявил брат Анисим. — Эти мужики вам не крестьяне — молчать не будут. Протопчутся сверху и не спросят, как вас там при жизни звали.

Солдат отворил ворота своей пасти, выставляя напоказ пеньки гнилых зубов.

— Ты что, не понял? — в свою очередь выступил гном, меж тем передавая мне топор и колчан с луком. — Жить надоело, так и скажи. А так мы парнишки мирные, ссоры не ищем, но и в обиду себя не дадим.

Детина стоял, трясась, хватая ртом воздух.

— Да выдохни ты, — перекинув через плечо ремень колчана, я подвязывал к боку топор, — а то еще помрешь, не дай бог, во цвете лет.

— Ага, и потом доказывай, что это не наша работа... — Дырявый Мешок взгромоздился на козлы. — Подвинься, дед! Ну, что, мужики, тронулись?

— А... это... — ухватился было за свою железку солдатик, вставая на нашем пути.

Ни слова больше не говоря, кентавр походя врезал прилипале между глаз. Тот резко осел, закрыл глаза и замолчал.

— Малыш, — обернулся Куп на дворового мальчишку, — ты... это... прибери здесь, ладно?

Наша кибитка степенно вырулила из конюшни, выезжая на главную улицу деревни. Винетта забилась внутрь, под навес, рядом примостились я с эльфом, тогда как кентавр бежал рядом с пристяжными.

Только-только мы отъехали от ворот, как нам наперерез кинулись сразу четверо «золотых»:

— Именем короля! Стоять! Куда прешь, скотина! Не снижая, а, наоборот, увеличивая скорость, Дио развернулся и, оскалившись, как тот еще волк, пошел прямо на них со своей

оглоблей наперевес. Видно, солдатики до сегодняшнего дня и представить себе не могли, что есть на свете такое чудо — кентавр. А чудо, подлетев к служивым вплотную, вмазало зазевавшимся копьём по зубам и дало ходу дальше.

— Вот теперь я знаю, что значит «быть в отпаде»! — усмехнулся Куп. — А все ж, может, надо было остановиться, объясниться, поговорить...

— Ага, так они тебя и будут слушать, — проворчал я в ответ, — это ж разбой обыкновенный. Оберут нас, как липку, да девчонку еще с собой заберут... по любому...

— А, Отродье и все святые! — подал свой голос с козел гном. — Таки влипли! Разворачивайся, дед!

— И куда ж прикажете, а?!

Сквозь прореху в кожаной стене кибитки я выглянул на улицу. Оказывается, мы умудрились влететь прямо в самое скопище народа. Здесь были и местные, давшие нам ночлег, и солдаты во главе с усаатым толстопузом, размахивающим длиннющим мечом и разрывающим себе глотку. Колеса разворачивающейся повозки прошлись по чему-то мягкому. Жалобно и матерно заголосили. Из стенки, у самого моего носа, снаружи высунулось острое стрелы.

— Как неудачно заехали. — Эльф, поморщившись, начал вытаскивать меч. — Лукка, как думаешь, до мордобоя дело дойдет?

— Ну, Дио вообще-то уже начал.

— Да ладно тебе! Начал!.. Так, мышцы слегка размял.

Следующая стрела подожгла нам кибитку. Наследница престола заверещала и попыталась привстать, но тут же рухнула обратно на место.

— А, задницы поднебесья! Лукка, срывай тряпки, сгорим на хрен! — проорал Дож.

Я привстал было, но от тряски и скорости упал назад, да еще прямо на Винетту.

— Остолоп! Раздавишь на...! — в сердцах заявила послушница монастыря Королевы-Мученицы.

— Как-как вы изволили сказать? — не без удивления поинтересовался эльф, вытирая кровь с прикушенной губы.

Внезапно лошади встали. Мы повалились друг на дружку, ругаясь и извиняясь. Снаружи застучали копыта, лязгнула сталь.

— Однако приехали... — понуро объявил брат Анисим.

— Слезай, говорю, вонючая коротышка! — На мостовую рухнул Дырявый Мешок, — Так, кто там у вас еще, а? Вылезай, говорю, все, чтоб вам пусто было!

Мы даже не сопротивлялись. Нас вытащили и поставили рядком, от греха подальше отобрав оружие. Один из солдат обдал тлеющую ткань водой из ведра. Эльф слегка пнул меня в бок:

— Слушай, а где Дио?

Мы стояли у нашей повозки, как доски старого забора — плечо к плечу, тяжело дыша и пошатываясь. Мечи и пики в крепких солдатских руках подрагивали, выжидая малейшего повода или неповиновения. Толстяк в роскошной золотой сбруе, хмурая брови, вышагивал вдоль нашей пятерки. Остановившись около Винетты, он попытался откинуть капюшон с ее лица. Эльф скрипнул зубами, Анисим, зажмурившись, отвернулся, сама девочка отступила, за плечо эльфа, я с другой стороны подоткнулся к беглянке. Толстый усмехнулся, заложил руки за спину и принялся вновь вышагивать вдоль нас, повязанных, иногда вскользь поглядывая на солнце.

Не знаю, сколько бы продолжалось все это, но вот солдатики приволокли дородного селянина, бросив его перед «главным» на колени.

— Что скажешь, староста?.. — подавило отрывку «пузо».

— Ваше величество...

— Опоньки... — прищурился Дырявый Мешок, — да это ж сам король. Гиер Одиннадцатый...

— Ваше величество, наши амбары пусты, в хлевах нет скотины, но все же мы собрали все, что могли...

— Я не об этом, раб, — поморщился король. — Я хочу знать, кто... — он окинул нас презрительным взглядом, — эти люди.

— Не могу знать, ваше величество. Я вижу их в первый раз.

— Да неужели? — Гиер повернулся к сержанту. — Давай его сюда.

Староста вздрогнул, вжав голову в плечи. Сквозь ряды солдат сержант на пару с другим солдафоном приволокли того мальчишку, что предупредил нас.

— А этого мальчика, взятого над бездыханным телом солдата короля, ты тоже видишь в первый раз?

— Ваше величество... пощадите... — Мужик рухнул в ноги королю и начал целовать его сапоги.

Гиер Одиннадцатый с размаху, как озорник мальчишка, гоняющий босыми ногами клубок перевязанных тряпок на весеннем лугу, врезал старосте с носка, метя по зубам. Мужик упал на спину, заваливаясь набок, прижимая руки к окровавленному лицу.

— Я не услышал правдивого ответа... Парнишка умудрился вывернуться из рук сержанта и кинулся к плачущему на притоптанном снегу:

— Батя!..

Его оттащили, поставив рядом с отцом.

— Значит, вместо того чтобы отдать своему сюзерену долг деревни по налогам, ты не только прячешь собранные осенью излишки урожая, но еще и предаешь своего короля, укрывая невесть кого. Или, может, скажешь, что не знаешь закона? — Король повернулся к нам: — *Нелюдям* запрещено передвигаться по территории королевства.

— Кстати, сержант, а где этот урод с задницей жеребца?

— Его ловят, мой король. Негодяй ухитрился скрыться в лесу. Я отправил на его поимку солдат. Думаю, скоро его доставят вашему величеству.

— Хорошо, проследите... — Гиер вновь повернулся к старосте. Того вздернули, поставив на ноги. — Итак, что мы имеем. Как мне уже доложили, собранная дань не достигает и восьмой доли установленной нормы. Плюс к этому налицо факт нарушения закона. Вкупе с долгом прошлого месяца, господин староста, вы обрекли свою деревню на экзекуцию... — Солдатня радостно ощерилась. — Имеешь ли ты что сказать в свое оправдание?

Староста сглотнул кровь и тут же, выплюнув кашлем с багрово-розовой слюной по подбородку осколки зубов, просипел:

— Не трогайте деревню... возьмите мою жизнь... Пощадите, не трогайте людей...

— Закон Вильсхолла гласит: «Ежели кто оказал помощь без данного на то разрешения или повеления короля нелюдю, или дал ему ночлег, или не донес о его появлении местным властям, то сам причисляется к числу нелюдей»...

— Это относится и ко мне, ваше величество?

— Да, а почему... — Король замер, увидев собственную дочь, скинувшую с головы капюшон. — Винетта... Ты здесь? А... а почему не в монастыре?..

А в чем проблема, ваше величество? Разве вы не рады видеть собственную дочь? Не желаете прижать ее к отцовской груди, к родному горячему сердцу?

— Ну... я... — растерялось его величество, — так-так! Стоп! Ваше высочество, извольте объяснить ваше появление здесь в обществе этих сомнительных личностей! Будьте любезны также объяснить ваше отсутствие в монастыре Королевы-Мученицы.

— Извольте... Эти *сомнительные личности*, как вы изволили выразиться, вытащили меня из этого проклятого места, где, к слову сказать, вы даже ни разу не соизволили появиться за последние четыре года!

Король пошел пятнами и, похоже, слегка задымился. А дочка, не обращая внимания на такие мелочи, перла дальше напропалую:

— Эти *личности*, дабы выразить свое почтение королю Вильсхолла, рискуя своими жизнями, сделали то, что было не по силам Гвардии Золотых вашего величества. А именно: освободили меня из мерзких лап настоятельницы монастыря и ее приспешников. Кстати говоря, да будет вам известно, что эти *святоши* положили глаз на ваше королевство и склоняли меня к принятию монашества, дабы в будущем, после вашей кончины, а скорей всего, и не дожидаясь оной, иметь право на земли Вильсхолла! И вот, эти мужественные люди, я подчеркиваю: ЛЮДИ! вытаскивают меня из силков ваших разорителей, надеясь только на то, что вы внесете поправку в законодательство о транзите, праве беспрепятственного проезда по территории государства не относящихся к расе людей существ! Только и всего! Я правильно выразила ваши пожелания, достопочтенный гном?

— Ну... в общем... да... — еле выдохнул немного растерянный Дырявый Мешок, — именно так...

— А ведь если дело так и дальше пойдет, то мы еще легко отделаемся, — шепнул эльф.

— Не-а! Вы с Дио, может, и отделаетесь, а нам с Дожем Скорпо головы точно оторвет!

А наследница престола между тем продолжала:

— И вот я, зная горячий нрав своего отца, берусь проводить своих спасителей до границы государства, дабы после, вернувшись в королевский замок, просить своего отца о милости. И что же я вижу? Разорение. Крестьян, покидающих насиженные места в поисках лучшей доли. Беспредел солдат, творимый с молчаливого согласия короля. Своего отца, калечащего собственной рукой человека, давшего кров дочери короля и ее друзьям и не выдавшего их по древнему закону гостеприимства на растерзание пьяной солдатне.

— И где-то палочку она все же перегибает, — опять шепнул эльф, — точнее, уже перегнула.

Гиер, заложив руки за спину, покачиваясь на носках, долго молчал, что-то обдумывая. Наконец он принял решение:

— Во-первых, моя дорогая, по поводу поправки. Ты прекрасно знаешь, что законы нашего королевства писаны не мной. Они написаны много веков назад, а следовательно, не нам их менять. И дело здесь не только в самих законах, а в первопричинах их появления...

— Но, отец, это пророчество просто смешно! Не говоря уже о том, что все сроки прошли, оно должно было сбыться давным-давно!

— Между прочим, Винетта, когда говорила ты, тебя не перебивали. Далее. Что касается первого вопроса, то его я считаю закрытым. Где-то я, может быть, и благодарен этим... господам, но опять же... закон есть закон. И для всех! В том числе и для лиц королевского

дома. И отсюда следует, — Гиер вперил тяжелый взгляд в принцессу. — Как ты посмела принять помощь от этих ублюдков?! — Если начал он говорить медленно и тихо, то в конце сорвался на крик: — Понимаешь ли ты, отпрыск благородного рода Гиеров, что ты наделала? Теперь я должен смыть этот позор. И коль тебе так не безразлична судьба этих червяков, — он схватил мальчишку за волосы, показывая его дочери, — то неплохо было бы знать, чем это может грозить свидетелям. Ты понимаешь, что ни одна живая душа не должна знать о том, что дочь короля, рожденная человеком, перестала им быть. И более того! — Отшвырнув сына старосты к сержанту, он гордо задрал башку, напяливая на нее закрытый шлем. — Тебя тоже должна постигнуть их участь, ибо я не вижу, как иначе ты можешь смыть с себя позор! При всех, при Небе, Солнце и Боге я, Гиер Одиннадцатый, король Северного Вильсхолла, потомок великих королей, отрекаюсь от своей дочери, до сегодняшнего дня звавшейся Винеттой де Ла'Дэй Гиер, принцессой Вильсхолльской, и лишаю права наследования на земли и имущество королевства Вильсхолл.

— Ну, сейчас начнется... — шепнул Куп, — готовься.

— Но, папа... — начала было Винетта, но «папа» и слушать не стал.

— Сержант!

— Сир?!

— Деревня и все, что в ней, ваше. Я удаляюсь.

— Да, сир! — улыбнулся служивый. Гиер обернулся к дочери:

— Ты полагаешь, что это все представление? Театр? Увы, — он с лязгом вынул искривленный меч, — ты ошибаешься. И напоследок советую быстренько умереть. У меня очень горячие солдаты. Парни! — проорал он в толпу, жестом указывая на сжавшуюся в страхе девушку. — Уступаю право первой добычи! — Его голос эхом отозвался над онемевшей зимней деревушкой. Он криво усмехнулся: — Ну, кроме вот этой. Так сказать, для зачина...

Блеснуло лезвие, и взлохмаченная голова мальчишки подкатилась под ноги враз посеревшего отца. Тело рухнуло следом, брызгая кровью на кожаные сапоги убийцы. Толпа охнула, увидев кровь, и отпрянула.

— Каков удар, а?! — Король отработанным движением вернул оружие в ножны и, перешагнув бьющееся в агонии тело, пошел сквозь ряды «золотых» прочь.

— УБИЙЦА!!! — Староста прыгнул на спину короля, стоящий рядом солдат полоснул селянина по спине. Тот завалился, ворочаясь в быстро увеличивающейся багровой луже. Это и послужило сигналом.

Эльф схватил девчушку за шею и, пригнув ее, отправил от греха подальше под днище кибитки. Гном, немало удивив, кувырком вперед ушел от удара в голову и, оказавшись на коленях перед супротивником, залепил ему снизу под кольчугу, прямо туда, где... Солдат выронил меч и, схватившись за причинное место, тоненько завыл, выкатив глаза. А Дырявый Мешок, выдернув окровавленный *гитоск*, ухватил свободной рукой меч и сиганул обратно к кибитке прикрыть себе спину. Я, отобрав у зазевавшегося вояки пику, размахивал ею не то как шестом, не то как дубиной, освобождая вокруг нас место для маневра. Эльф к тому времени умудрился слазить через дырку в повозку и вернулся оттуда с оружием.

Перекинув мне *ахаст*, Куп спрыгнул рядом, всем своим видом показывая окружающим, что готов к увеселению.

— Ну что, тролль, сегодня умрем либо мы, либо они. Ты сам как?

— Нормально. — Я запустил мешающую пику в наступающих. Один загнулся,

ухватившись за древко, впившееся в живот. Я перехватил топор поудобней, мысленно проклиная себя за то, что не зарядил свой сапог *шtosком* — сейчас бы он был как нельзя кстати.

— Паршивый меч — у клинка заточки ну просто никакой! Определенно не гномская работа — людская! Эх, то ли дело наше, горное... — подтянулся к нам Дож. — Слышь, Висельник, я вот что хочу спросить. Вот если ты сейчас откинешь копыта, а следовательно, данное колдуну слово не сдержишь — ну вроде как умер, то есть не успел, ты куда попадешь?

Я сделал пару шагов вперед, махнул наотмашь, раскроив одному из «золотых» шлем вместе с черепом, саданул с разворота локтем другому в неприкрытый подбородок, отскочил назад, к колесу повозки, высматривая нового противника.

— Не знаю, Мешок... — Тем временем эльф отобрал у пока еще живого пострадавшего щит и с явным облегчением начал вытворять нечто непотребное: четыре взмаха — двое на земле.

— Не знаю, — продолжал я, отбивая копье, возникшее сбоку, — *предендендов* пока еще не было.

Ретивый служака, думая, что его щит выдержит мой напор, попытался уменьшить дистанцию. За пару ударов я разнес ему щит, следующим ударом выбил у него секиру, последний пришелся по груди, распоров кольчугу и выпуская на свободу реку жизни.

— Преценентов, ты хотел сказать. — Гном в обе руки рубился сразу с двумя. — Не *предендендов*, а преценентов.

— Ребятушки, может, деру дадим, а? — проблеял из-под телеги Анисим. — Их вон как блох у собаки, а вас... нас...

— Значит... — эльф отклонился от прямого выпада, — собачку надо вымыть... — Кровь «золотого» брызнула ему на лицо. — Помыть, значит...

— Ребятушки, — снова подал голос брат Анисим, — а нас, однако, в округ берут, в кольцо значитца.

А, Черный Тролль и все остальное! И как мы могли забыть о тылах! А «золотые» уже лезли в повозку, распарывая ее кожаные стены.

— Куп, Дож, прикройте!

Я бросил ахаст наземь и, ухватившись за колесо, начал переворачивать нашу колымагу. Кожа на голове, шее и плечах натянулась и, кажется, была готова расползтись, ноги отяжелели, глаза полезли из орбит, кровь, казалось, вот-вот хлынет, прорвав вены на руках, голова маленько закружилась... Да сколько же их туда успело понабиться?! Перед самым моим носом появился кончик острия, он полез выше, распарывая кожу стены. Я рыкнул и, издав что-то вроде рева зевнувшего саблезуба, перевернул на *сход* эту кибитку!

Истошно закричали — кого-то придавило, кто-то себе что-то поломал. От меня самого шел пар, громко под горлом колыхалось сердце. Я развернулся к парням, только сейчас поняв, что зачем-то еще оторвал у нашей телеги колесо. Винетта с Анисимом, очутившись без прикрытия, кинулись к эльфу с гномом. Я, как следует размахнувшись, швырнул в толпу обитое железом колесо, метя по ногам, и схватил с земли топор. Девчонка, к немалому моему удивлению, подхватила валяющееся копье и неумело выставила его перед собой. Анисим, также вооружившись подобранной «утренней звездой», почесал затылок.

— Как же за нее браться-то надо правильно, а?

Солдаты отступили на шаг-другой, оставив перед собой с десяток окровавленных лежащих тел. Мы, тяжело дыша, сгрудились, выставляя перед собой оружие.

— И что дальше? — Винетта оглядывала «золотых». — Многовато их...

— Поживем — посмотрим! — прохрипел я. — Куп, мы с Мешком начинаем прорываться, ты с девчонкой и стариком в первый же проход — и деру. Найдешь в Заблудшем Лесу колдуна по имени Скорпо, тот о них позаботится. Потом, прошу тебя, сходи в Вечную Долину, расскажи, как все было, а то мои волноваться будут: мало ли что... Готов, что ли?

— Подожди, тролль, а может... — начал было МалЙавиэУиал, но гном враз оборвал его:

— Ты что, не понял? Делай, что тебе сказано! Лукка, с кого будем начинать? Мне лично вон тот нравится: еще свежий, даже непоцарапанный.

— Пойдет. — Я вытер ладонь о штанину, стирая с нее пот, перемешанный с кровью.

Короткая, по-моему, охотничья стрела сорвала шлем, впившись в затылок. «Золотые» обернулись.

— МОЧИ НЕДОМЕРКОВ!!!

В тыл к солдатам зашел сам Диондолл-Странник с ватагой местных крестьян, вооруженных луками. Те, прицелившись, ждали команды.

— Однако наши пришли... — захохотал брат Анисим.

Дио с мечом в одной руке и щитом в другой проорал во все горло:

— Эй, братва, кидай железо на землю, или, клянусь Этороком, сегодня вы все передохнете!

Солдаты угрюмо молчали, пятясь, а заодно и выстраиваясь в кольцо.

— Дио, отца твоего в горло, — крикнул эльф, — с кем ты хочешь договориться?! Давай команду! Пара залпов, а мы здесь немного покуражимся! Еще немного, и мы разгоним эту шелупонь по кустам!

Может, я себе и льщу, но мне показалось, что у ближайшего «золотого» в глазах мелькнул страх. Сержант отчаянно вертел головой, явно прикидывая соотношение сил. Ну что ж — у него осталось человек двадцать — тридцать, у всех мечи, пики, кольчуги. У нас человек под сорок мужичков из местных. Кто во что одет, почти у всех охотничьи луки, у остальных пращи, у кого-то за поясом колуны, и, что самое интересное, все явились с вилами и... забыл, как эта штука называется! Короче, длинная такая палка с кольцом на конце, к которой крепятся один-два, а то и больше железных прутиков. Такими штуками здесь снопы оббивают, а у нас на равнине жены загулявшим мужьям мозги возвращают. Серьезная вещичка! Да и вилы в ближнем бою вещь неприятная. Перерубить не перерубишь — только отбить или выбить можно, а в натренированной каждодневным трудом руке крестьянина вещь очень опасная!

Наконец-то, все прикинув и собравшись с духом, сержант проорал во все горло:

— Солдаты короля!..

— Все понятно... — недовольно проворчал гном, — тупицы!

— Первое и второе звено — север! Третье и четвертое...

— Гаси их, мужики! — не стал дожидаться конца чужих приказов Дио и сам выпустил первую стрелу, явно целясь в старшего. Обидно — промахнулся!

— ...Пятое — юг. В атаку! — провыл «золотой».

На «юге», как оказалось, были кентавр с мужичками. «Золотые» изо всех сил рванули к ним, понимая, что чем быстрее они схватятся врукопашную, тем меньше их поляжет под залпами стрел! На удивление, крестьяне били метко и почти разом. Жаль только, что броня наступающих все-таки выдерживала укусы стрел. Так или иначе, но до крестьян добралась большая часть противника. За шаг-другой до столкновения по команде Дио мужики кинули луки и взялись за оружие. Первая волна напоролась на рогатины. Крестьяне по привычке поднатужились, и кое-кто из «золотых» воспарил над толпой, как сено, скирдующееся по осени. Ряды смешались, зазвенела сталь, затрепало дерево, закричали первые раненые. Крестьяне действовали, как на медвежьей охоте, то есть по двое, по трое выходили на одного, а затем вкруговую долбали его. Все бы хорошо, но выучка и опыт «золотых» брали свое. И хотя кентавр метался по всему полю битвы, избивая солдат и выручая «своих», королевские помаленьку начали одерживать верх.

Мы с эльфом и гномом, выдержав первый натиск, потихоньку обнаглели сами, начали «гонять» солдатиков, постепенно пробираясь к основному месту схватки. От Винетты с Анисимом толку было мало, ну разве что под ногами не путались — и на том спасибо. Как полагается в крупных деревнях и селах, на центральной площади, где все это нынче и происходило, торчал крытый колодец. Девчушка с монастырским привратником залезли на косую крышу этого самого колодца и тихо там сидели во всеоружии, стараясь лишний раз не напоминать о себе.

Когда наконец мы добрались, наседающая на нас куча уменьшилась до пятерых более-

менее живых бойцов. Между тем дела у Диондолла с компанией шли из рук вон плохо — почти половина крестьян полегла взамен третьей части королевских. Мы врезались им в спины. Честно говоря, к тому времени я устал, мою левую заднюю пропороли пикой, рана противно ныла, пуская за голенище кровь. Сапог хлюпал и оставлял на вытоптанном снегу багрово-грязные пятна. Эльфу подарили сразу два косых шрама на лице да, по-моему, еще и отбили спину, так что временами парень еле двигался, преодолевая боль. Дождь — Дырявый Мешок где-то потерял шлем, разбил вконец солдатский меч и уже орудовал подобранным с земли топором, что было более существенным для него подспорьем, да и привычней.

В какой-то момент показалось, что все, конец, мы так долго не выдержим. Вот уже свалили Дожа, и гном отбивался прямо с земли. Боль в спине не давала по-настоящему развернуться эльфу — он начал отступать. Неужели вот так все и закончится? Я рубился с тупым отчаянием, не обращая внимания на новую рану в плече, но усталость брала свое. Кентавр, запустив в сержанта щитом и удачно подобрав с земли второй меч, рубился с двух рук. Вот только удары были уже не такими точными и не всегда валили противника на багровый снег. Кто-то из крестьян уже ринулся прочь с поля боя, спасая свою жизнь...

— Бабы! Да что ж это такое творится на белом свете! А ну-ка, подсобим мужикам!

Вот чего-чего, а такого поворота лично я никак не ожидал! Жены, матери, сестры селян, наверное, всей деревней высыпали на центральную площадь, вооруженные кто во что горазд! Кто прихватил с собой кухонную утварь, вплоть до огромной сковороды и привычной для нежной женской руки скалки. Ухваты, вилы, серпы, лопаты, метлы, у одной я узрел даже веник! Галдящая и вопящая толпа ринулась на остатки королевских сил. Что здесь началось! «Золотых» просто снесло, их затоптали, запинали, заматерили! Солдаты, те, кто еще был в силах, кидали оружие, бросаясь наутек.

— И как тебе армия, Куп? — весело прохрипел кентавр подошедшему эльфу, в то время как у самого подогнулись колени и его грузное лошадиное тело рухнуло на землю.

— Что, лошадка, загоняли тебя? — Дородная крестьянка ласково потрепала Дио по голове.

Истошный девичий крик заставил нас обернуться. Король Гиер верхом на вороном попытался снять Винетту с крыши. Та отчаянно отбивалась, брат Анисим лежал на земле, прямо под копытами горячившегося скакуна, прижимая к животу руки, из-под которых выступала кровь.

— Иди сюда, тварь! — Его величество встал на стремяна и, зацепив-таки подол дочери, стащил ее к себе на хребет коня, перебросил через седло и пришпорил.

— Дедушка-а-а!!!

А дедушка корчился на земле, пытаясь подняться, хватая рукой пустой воздух, думая, что перед ним еще стоит конь короля, — видно, у бедолаги все плыло перед глазами.

Недолго думая, даже как следует не прицелившись, я прямо с места, где был, швырнул в спину короля топор. Ахаст — оружие тяжелое и не предназначенное для метания, только для ближнего боя. Да и расстояние было порядочным. А если еще взять в расчет то, что я уже по-настоящему вымотался... Короче, бросок получился никудышным. Ахаст попал в крестец лошади, та страдальчески заржала, неуклюже брыкнулась и завалилась на землю, подминая под себя седоков. Я из последних сил кинулся к месту падения. Винетта, вывернувшись из-под плачущей лошади, прихрамывая, бросилась к умирающему Анисиму. Король, нога которого была придавлена жеребцом, исхитрился вытащить меч и... метнул его в беглянку.

Слава богам, его бросок также не отличался точностью! Меч попал в спину девчушки рукоятью, просто сбив ее на землю. А я все бежал и бежал к королю, чувствуя, как последние силы улетучиваются с каждым шагом. Вот уже Гиер полностью освободился от придавившей его конской туши. Вот он уже вытащил кинжал, перехватив его для броска. Самое умное, что я мог сделать, так это встать *на пути полета*. Король, передумав, схватил клинок для обычного боя, шаря свободной рукой по поясу, нащупывая кинжал.

Я не дал ему это сделать. Я налетел на его величество, всем весом сбив его с ног, заодно пытаясь достать его железку. Король, рыкнув, врезал мне промеж глаз левой, пихнул ногой в пах. Ощущение было далеко не из приятных, и — что самое главное — подло все это! Я обиделся, развернулся, рванул его на себя, пропустив его тушу мимо и проводив хорошим пинком в зад. Гиер также обиделся, грозно рявкнул, склонил увенчанную шлемом голову и пошел на меня. Дождавшись момента, я опустил сцепленные руки ему на затылок. Супротивник пошатнулся, но сразу же вцепился мне в горло. Кто бы мог подумать, что эта ожиревшая туша способна выдавить из меня воздух! Я отбивался от него руками и ногами, но, видно, Гиер, сообразив, что от меня так легко не отделаться, решил просто меня утробить! В какой-то момент я уже второй раз за день мысленно расстался с жизнью. Но то ли боги передумали, то ли его величество оплошало, не рассчитав свои силы, все-таки я вырвался из его захвата, в свою очередь вцепившись ему в горло. Король сразу обмяк, бросил дурить и ухватился за мои лапы, пытаясь их разжать. Ага, да не тут-то было! Уж если тролль вцепится в кого, так это до конца! По крайней мере, до конца жизни... врага, разумеется. Вот так оно и было — я его душу, а он от меня вроде как отбивается!

Внезапно король оставил в покое мои запястья и ударил по ране в плече. Боль была такая, что я взревел и ослабил хватку. А Гиер, глотнув воздуха, ударил еще разок, а потом, совершенно обнаглев, запустил свои грязные пальцы в глубь раны, с безумной радостью пялясь мне в глаза. Замутило настолько, что я выпустил его и попытался вмазать ему в челюсть, но, к несчастью, промахнулся, только слегка зацепил самый кончик носа — я поплыл. Король выскользнул из объятий, оттолкнул меня ногами и, шатаясь, на-, конец встал. Единственное, что я сейчас смог сделать, так это встать на колени, для того чтобы... Величество с разгона влепило мне в голову, опрокидывая меня на спину. Боль пронеслась по позвоночнику, отозвалась в голове, ногах, во всем теле. Превозмогая все это, я попытался привстать, для начала перевалившись набок. Следующий удар пришелся под дых. Воздух вышибло из груди, и голова снова пошла кругом.

Сквозь туман боли и мутива, текущим тягучим медом из опрокинутой кадки, перед моими глазами медленно-медленно возник кованый сапог, заносящийся для нового удара. И так же медленно я выставил руку в слабой попытке хоть как-то защититься...

Королевская глотка выла долго и тонко. Попад мне в руку лодыжкой, Гиер, кажется, просто сломал себе ногу. Он катался по земле, ухватившись за другую. Немного отползя в сторону, сплевывая красным, я еле поднялся и, шатаясь, в который раз пошел на него. Король, сообразив, что дело движется к завершению, вытащил второй кинжал и, встав на одно колено, приготовился к нападению.

Мы схватились. Не дотянувшись снизу до моих потрохов, Гиер всадил клинок мне в ляжку, да не просто так, а ворочая лезвие, наматывая на него мясо и жилы. Я взревел и прошелся кулаком по высокородной морде. Кровь брызнула во все стороны, король перевернулся на живот и выпустил клинок. Я был тут как тут. Гиер не успел еще даже и приподняться, как оказался в моих жарких объятиях. Моя левая легла ему под горло,

зацепившись за правое плечо, а своей правой я отчаянно толкал его челюсть в сторону. Король, мыча и хрипя, бил меня по рукам, раза два попытался садануть локтем в низ живота, по коленям, тянулся за торчащим в ноге кинжалом.

Соленый пот, щипля, лез в глаза, земля вокруг плыла, желчь булькала между щек, уши заложило, мир вокруг окутался звенящей пустотой, а я тянул и тянул, ломая позвонки, каждым нервом чувствуя, как они трещат под моими руками.

— Оставь его, Лукка, — сильная рука дернула меня за разодранный рукав, — оставь, он уже мертв, — умоляюще сказал кентавр.

Я очнулся, еле-еле разжал затекшие пальцы. Тело короля свалилось на землю, перевернувшись лицом вверх. Взгляд его величества был устремлен к небу, вслед бессмертной душе, выпорхнувшей из иссиня-черных глаз посреди багрово-синего пятна, выступившего на лице.

— Ты готов? — Дио, придерживая меня одной рукой за бедро, крепко взялся за торчавшую из ляжки рукоять клинка.

— Давай. — Я зажмурил глаза. Толчок, боль, и что-то нудно заныло в ноге. По колену потекло, снова замутило.

— Спокойно, спокойно, дружище. — Дио, зажав ладонью рану, начал наматывать сверху тряпку.

— Сейчас главное кровь остановить да мотать отсюда, и побыстрее, а потом в безопасности и ранку нормально заштопаем, — подошел Дырявый Мешок. — Ладно, хорош валяться, поднимайся.

— Как там Анисим? — сделал я первый неуверенный шаг, нога резко подвернулась и, если бы не кентавр с гномом, я бы растянулся на земле.

— Хреново... — сплюнул Дож, — рана в животе, кишки пропороты.

Поддерживаемый мужиками, я доковылял до колодца. Винетта склонилась над стариком, положив к себе на колени голову умирающего. Брата Анисима колотило, черная кровь толчками выступала из-под пальцев. Когда мы подошли, он, открыв глаза, долго смотрел на нас. По пересохшим губам потекла багровая струйка, и сквозь вздох слышался невнятный шепот.

Мы наклонились ниже, чтобы расслышать старика. Он закашлялся, Винетта стерла с его рта слюнки.

— Король... жив?..

— Умер...

На посеревшем лице появилось подобие улыбки:

— Вيني... внучка...

Еле сдерживая рыдания, девушка наклонилась ближе к старику:

— Я здесь.

— Не держи... на них... зла... — судорога прошла по его лицу. — Пророчество... оно должно... было... свершиться. Настало время... платить по... счетам. И еще... — Костлявая рука ухватила за запястье девушки так, словно оно было способно удержать улетающую душу привратника еще на несколько мгновений на искореженной болью и смертью земле. — И еще... ОН НИКОГДА НЕ БЫЛ... ТВОИМ ОТЦОМ...

Мы похоронили Анисима у дороги на окраине леса, там, где вековые сосны неохотно расступались, давая дорогу путникам. Еще до того как солнце стало медленно подниматься из-под одеяла зимних туч, я с эльфом и гномом, очистив место от углей кострища, рыли

могилу. Лопат не было, и мы копали еле прогретую землю мечами, взятыми с места побоища.

— Прямо как *воину-наугу* могила будет, — утирая пот, присел отдышаться Дож.

— Это еще почему? — проворчал я, слизывая кровь с порезанного пальца.

— А у них, *умерших от стали*, ну, во время битвы то есть, хоронят в могиле, вырытой мечами.

— Тоже мне меч! — поднес к глазам обломок клинка Куп.

— Ну, что есть, то есть... — снова принялся за работу гном.

С хрустом ступая по белой пелене наста, из-за ближайших сосен появился Дио, таща на плече огромную вязанку хвороста. Увидев его, мы вылезли из неглубокой, по колено, квадратной ямы.

— Светает скоро, мужики, — сбросил в яму хворост кентавр, — кто костер разожжет?

Достав из широкого пояса кремь, гном с кряхтением полез разжигать огонь.

— У нас вина не осталось? — ни к кому не обращаясь определенно, спросил эльф, вглядываясь в сизый дымок, еле-еле заструившийся над будущей могилой.

— Имеется немного, — вздохнул гном, — но там только на помин будет.

Эльф, поеживаясь, кивнул.

— Лукка, а чего ты не стал? — обратился ко мне кентавр, выбирая из валявшихся рядом обломков мечей подходящий.

— Не стал что?

— Ну, там, в деревне, к тебе крестьяне подошли, попросили лошадь добить.

— Какую лошадь? — обернулся Дырявый Мешок.

— Ты тогда с Купом... Анисима в повозку укладывали — пропустили. Нашего тролля попросили лошадку короля добить: мучилась больно. Мол, вроде как ты подранил, ты и добивай. А он отвернулся, обложил их всех и к вам заковылял помогать. А мужики обиделись, мол, не по-людски это. У них что корова, что лошадь — тварь чуть ли не святая, а Висельник поневоле согрешил да еще и в отказ пошел. Я так думаю, если бы не мордобой, что они до этого узрели, нашего парня на части бы разорвали.

Объяснять было неохота, но все же...

— Да не могу, — словно сплевывая, начал я. — Поймите, мужики, не могу я скотинку драть — рука не поднимается. Ну не считая там курицы или индюка какого, свиньи опять же! Надо мной и дома смеялись, что с того! Как осень или весна, так чуть ли не до драки доходит. Сколько раз папаша пытался мне мозги вправлять, а толку? Как до дела доходит, нож падает. Рука на ту же коровку не поднимается... А про птичку ветреную, кошку, собаку... здесь я вообще молчу!

— А на человека, значит, поднимается? — ухмыльнулся Дио.

— Э, дружище! — Хворост занялся огнем, озаряя моих товарищей. — Он — воин, ты — воин. Волей-неволей, но ты, я стали ими! Так что должен это знать... видеть... Когда убиваешь себе подобного — воина, врага, на какое-то мгновение ты встречаешься с ним взглядом. И что я там видел? Страх, ненависть, жажду смерти. Опять же моей смерти... И здесь рука уже бьет сама! А когда примеряешься к животине?! Она же ведь молчит, она ничего не может сказать! Она только смотрит... в глаза смотрит. И что я там вижу? Укор. А еще молчаливый вопрос: «За что?» За что ты — могучий, сильный, бесстрашный — убиваешь меня, слабого и беззащитного?.. За что? — Холодный северный ветер завыл, закружил, поднимая снег, я обвел взглядом своих сотоварищей. — Вам смешно? А я вот... — Слова кончились, я спрыгнул в недорытую могилу и, раздвинув тлеющие угли обеими руками, вонзил в землю свой обломок.

Что заставило меня обернуться? Не знаю, но я обернулся... Широко раскрыв глаза, утирая падающую слезу, как будто в первый раз увидев, на меня смотрела Винетта Вильсхолльская.

Повозка, запряженная всего парой лошадей, тихо тащилась на запад, оставив за собой Вильсхолль и небольшой холмик с наваленной сверху грудой камней.

За кучера нынче сидел Дож. Все остальные, то есть я, Куп, Дио и Винетта, вповалку валялись внутри кибитки, мысленно (а в этом я был полностью уверен!) матеря кентавра на чем свет стоит. Дио развалился на дощатом полу, почти весь его собой и заняв. Так что кто-нибудь из нас волей-неволей, то есть кто ногой, кто рукой, а я так и почти всем телом, прижимались к южному гиганту. Мы зализывали раны. Винетта на пару с Купом заштопали мою заднюю, обрадовав, что хромота мне теперь на всю жизнь. Вот такой королевский подарок на память. На долгую, вечную память... Ну, да ладно. У Купа, как оказалось, не считая здорово отбитой спины, щеку изуродовало двумя косыми шрамами. Я посмеялся, что, наверное, все мои знакомые эльфы будут узнавать друг друга по подобному украшению. Про Дио и говорить нечего — мужику досталось в монастыре, а потом еще сеча в деревне...

короче говоря, кентавр отдыхал. Кстати, Винетта делала вид, что совсем ничего не помнит о случившемся с ней в монастыре. Только до того момента, когда взорвался *фэл*. Может, так оно и было, мы не спорили. Больше всего в этом походе «повезло» Дожу: легкое сотрясение башки, пара незначительных царапин и, как он сам говорил, «дикая усталость во всем моем маленьком теле».

Первая ночевка прошла тихо, мирно. Молча перекусили, молча легли спать, так же молча отправились в дальнейший путь. Ни второй, ни третий день пути ничем не отличались друг от друга.

Больше всего в последние дни меня пугало то, что практически все мы делали молча, в забытии, как это делают те, кто что-то переживает или обдумывает, или перебрал пресловутого *фэла*. А так как на моих глазах эту дрянь никто не употреблял и запаха я не слышал — значит, остается первое. Но вот наступил тот день, точнее, полдень, когда нам поневоле пришлось открыть рты.

— Жрать больше нечего, — проворчал Дырявый Мешок, перетряхнув котомки с припасами.

— Что, совсем?.. — высунул наружу голову Дио.

— Да-ааа! Совсеееем!.. — передразнил его гном. — Скажите на милость, откуда ей, еде-то, быть, а? Хоть кто-нибудь из вас, *великих бойцов*, позаботился о провианте? Или все так спешили унести свои жо-ооо... ноги! — Дож покосился на девушку. — НОГИ, говорю! Что дыбитесь», олухи?!

— Нет-нет, ничего, — повернулся от разжигающегося костра эльф. — Так о чем мы забыли?

— Кто? Что? — непонимающе уставился неизвестно с чего покрасневший гном. — А? Ну да!.. И никто из вас не додумался пополнить запасы в деревне. Больше того, кто запрягал лошадей? Где еще две? Мы еле тащимся на этой отощавшей паре, и сколько еще будем так ковылять, неизвестно!

— Ты, циклоп недобитый, хорош реветь! У тебя есть конкретные предложения? — поднялся на ноги, то есть на копыта, Дио.

— Представь себе, есть! — упер в бока руки Дырявый Мешок. — Ты и ты, — он кивнул на эльфа и на меня, — берите, что надо, и в лес!

— Лишние рты прогоняешь, да? Обузой, говоришь, стали! — с напускной обидой заголосил эльф.

Прикрыв глаза, гном что-то пошептал, при этом поочередно загибая пальцы на обеих руках.

— Я говорю, бери оружие и что там еще надо и шагом марш в лес на охоту, — еле сдерживаясь, прошамкал Дож, не открывая глаз. Но стоило ему их открыть, первое, что он увидел, был ухмыляющийся во всю морду эльф.

— Подожди, ты это все ведь не всерьез? Разыграл, да?

— Ну-у-у... — повел головой эльф, задрав глаза к небу, — как тебе сказать...

— Кончай дурака валять, трагик, — вышел вперед кентавр, — давай собирайся, сходи с Луккой, добудь чего-нибудь., Куп прижмурил глаз:

— Уже и подурачиться нельзя? Вооружившись луками и запасом стрел, мы вышли на охоту.

— А это еще зачем? — указал кентавр на подвешенные к поясам ахаст у меня и длинный меч у Купа. — Бойтесь, ножей не хватит зверюшек разделявать?

— Поживем — посмотрим. — Уж я-то знал, на какие сюрпризы способны эти леса, поэтому и посоветовал товарищу прихватить с собой что-нибудь посерьезней ножей.

Когда солнце перевалило далеко за зенит, а в желудках по-настоящему заурчало, наконец попалась засыпанная снегом звериная тропа. По крайней мере, мы надеялись, что это была звериная тропа.

Прикинув, что к чему, мы двинулись по ней на север.

— Как полагаешь, на кого выйдем? — Эльф дышал в кулак, согревая пальцы.

— А тебе на кого бы хотелось?

— На кого угодно, лишь бы это можно было съесть! Конечно, перед этим как следует прожарив.

Я удивленно взглянул на Купа:

— Что, так сильно проголодался?

— Честно говоря, да! Знаешь, как оно бывает: ходишь-бродишь, о еде и не думаешь. Но стоит кому-нибудь заговорить о том, что жратвы не осталось, — и тут же желудок начинает давать о себе знать!

— Это точно, — рассмеялся я, — помню, однажды я с моим братцем Дуди... опля!

Только я начал рассказ, так кстати пришедший на ум, как донесся протяжный вой. Мы замерли, прислушиваясь, с какой стороны он шел. Было тихо, лишь с лапы соседней ели упал снег.

Опять протяжно над верхушками деревьев прозвучала тоскливая песня. Долгая, унылая, переходящая в хриплый, натужный... лай?

— У меня такое чувство, друг тролль, что это где-то рядом, — прошептал эльф, шаря глазами вокруг и проверяя, легко ли ходит меч в ножнах, — случается, на морозе лезвие крепко пристаёт к ножнам. — Ты это имел в виду, когда настоял взять с собой оружие?

— Что-то вроде.

Я накинул стрелу на тетиву, отворачиваясь от товарища: если я прав в своей догадке, то драться нам сейчас придется спина к спине.

— Ты чего, Лукка? — В свою очередь снаряжая лук, эльф попытался обернуться на меня, но сразу же получил пинок в бок: не вертись.

— Куп, в лагере вой могли слышать?

В десяти шагах над самой землей резко вверх качнулась ветка ели. Плавным подняв лук, я натянул тетиву, целясь именно туда.

— Вряд ли. Думаю... — начал было эльф.

Спущенная стрела свалила наземь выпрыгнувшую из-под дерева лохматую тень. Следующую стрелу я успел только достать. Вторая тень взвилась над снежной целиной прямо возле моего горла. Рука машинально опустилась, вдальбывая в череп острие стрелы. Сзади хлопнул лук — на снегу завертелась жалобно заскулившая туша. Зазвенела сталь, эльф тяжело выдохнул.

— Кто это? Неужели волколаки? Из-за деревьев показались оскалившиеся по-волчьи морды наступавших.

— Кто? Волколаки? — Я выудил из-за пояса ахаст, прикидывая, сколько же их может быть всего в стае. — Ты сказал волколаки? Брось, Куп, ты просто наслушался страшных историй! Это обыкновенные собаки.

— Собаки?!

— Бродячие собаки. — Лезвие топора врезалось в морду слишком близко подошедшей

псины. — Совсем одичали, вон уже на людей бросаются!

И тут понеслось! Сталь поднималась и опускалась, свора то нападала сразу, то, отступив, обходила нас по кругу, выглядывая наши слабые места.

— Куп, нам бы продержаться немного...

— И что, наши подойдут?

— Нет, они сами отступят. — Я — все никак не мог высмотреть вожака. — Псы — они и в лесу псы! Глянь, там у тебя вожака нет?

— А как он должен выглядеть?

— А Отродье его знает! Либо самый крупный, либо самый хитрый!

— Ты издеваешься?

— Нет, просто говорю.

Потратив время на разговоры, я проворонил новую атаку. И снова брызнула кровь, полетела шерсть.

— Куп, скажи, хоть неделя прошла после того мордобоя в деревне?

— Нет, — завалил очередную собаку эльф. — А что?

— Да надоело уже! Если все так дальше пойдет, то, когда я вернусь домой, на мне же ни одного живого места не будет!

А вот и вожак! На снегу сидела здоровенная серая псина, с самым скучающим видом рассматривавшая происходящее. Ни дать ни взять — полководец на поле брани, задумавший хитроумный маневр. Наши глаза на мгновение встретились, и пес, как показалось, дружелюбно оскалился.

— Куп, прикрой меня!

Я перекинул топор в левую, сразу же выхватывая из-за голенища *гитоск*. Вожак замер, прижав уши, будто почуял неладное. Перехватив нож за лезвие, что было мочи запустил его в цель. И ведь он почти увернулся, мерзавец! Тяжелый обоюдоострый нож, со свистом вспарывая воздух, врезался в бок собаки. Вожак, взвизгнув^ как-то нелепо перевернулся в воздухе вокруг самого себя, схватив зубами впившийся в его бок нож.

Стая мгновенно отступила, обернувшись на своего предводителя. А тот, скуля щенком, ползал по окрашенному снегу, подволакивая онемевшие задние лапы. Собаки подошли вплотную, наблюдая за ним. Серый, оскалившись, зарычал на своих товарищей.

Что было дальше? Псы, окруживши, разом кинулись и разорвали своего вожака. А после, не оборачиваясь, понуро опустив головы, ушли в лес.

— Вот это и называется «собачья смерть», ты понял, Лукка?! — прошептал эльф, в ужасе глядя на изодранное в клочья тело вожака.

— Это называется «закон стаи», — проворчал я в ответ, — раненым не место среди живых, и тем более среди тех, кто жаждет стать во главе.

После беглого осмотра выяснилось, что против восьмерых убитых собак на нас ни единой царапины!

— Какие планы на будущее? — повеселев, спросил Куп.

— Что ты имеешь в виду? — не понял я.

— Ну, мы идем дальше? Надо же какую еду добыть!

— Куп, — почесал я затылок, не зная, как правильней, а главное, убедительней начать, — ух... Смотри, солнце уже собирается на покой, так?

— М-да... — не понимая, к чему я клоню, взглянул на светило эльф.

— А нас уже, наверное, заждались, так?

— Ну...

— Я вот думаю, а что, если мы быстренько обдерем этих... эти тушки и принесем в лагерь неплохой ужин. А в следующий раз нам повезет больше, я просто уверен в этом!

— ТЫ ПРЕДЛАГАЕШЬ МНЕ ЭТО ЕСТЬ?! — От негодования у Купа аж лицо запотело.

— Не ори, шишки распугаешь, — миролюбиво, а главное, спокойно продолжил я. — Тебе же не волчатину предлагают. Ну, хорошо, скоро стемнеет, и ты что, будешь по темноте лазить в поисках дичи, которая уже спит?! К утру, конечно, что-нибудь найдем, кто спорит! Но ты сам все хорошо обдумай, я не тороплю.

Куп долго пялился на меня, в промежутках между морганием бросая быстрые взгляды то на валяющихся псов, то на уходящее солнце. Наконец его прорвало:

— Оно же вонять будет!

— Не будет! У Дожа есть мешочек со специями. Замаринуем с ними в вине, его как раз должно хватить, потом пожарим на углях, никто даже и не заметит!

— Но, но... А вот тебе, лично тебе, не будет противно это есть, а?

— Ну, те же науги, о которых так часто трещит Дырявый Мешок, спокойно употребляют собачатину в пищу, и ничего!

— А ты откуда знаешь?

— Знаю! Рассказывал кто-то, даже способ приготовления, ну вот... что я сейчас говорил...

Куп посмотрел на меня с такой ненавистью! Но, плюнув, принялся за грязную работу, то и дело поминая меня, Дожа и всех наугов на свете.

— А вот и мы! Заждались уже, наверное! — С мрачным до омерзения Купом мы вошли в разбитый на поляне среди высоких сосен лагерь.

— Вас только за смертью посылать! — накинулся было кентавр.

— Что, сходить?! — рыкнул эльф.

— Чего это с ним? — опешил Дио.

— А! Не обращай внимания, устал после длительной охоты. Вон сколько насобирали... в смысле настреляли!

— И что там у вас? — потянулся к котомкам Дырявый Мешок.

— Э-э-э! — отодвинул я его руки. — Там что-то особенное, настоящий деля... девя... Как ты там говорил, Куп?

— Деликатес... — отвернулся в сторону эльф.

— Во! Он самый! Так что, ребята, наберитесь терпения, готовить сегодня буду лично я!

Собрав все необходимое, как-то: остатки вина, специи, соль, я принялся за стряпню. Скоро над поляной аппетитно запахло, и все мои спутники, не выдержав (кроме Купа, пошедшего за компанию), подтянулись к костру глотать ароматы свежеподжаренного мяса.

— Мм-м-м... — блаженно втягивая воздух в ноздри, промышчал Дож. — Чтоб я умер: оленина! Клянусь Молотом Харатора, настоящая оленина!

— Я даже скажу больше, — причмокнул Дио, — это шейка молодого оленя. Ведь так, парни, я ведь не ошибся? Только... чего так мало, там ведь обычно больше бывает!

— Там было... — Куп исподлобья пожирал меня своими очами. При чем сырым, без перца и соли. — Там было всего восемь... оленей...

На следующий день мы действительно добыли оленя. Самого настоящего. И готовить его пришлось опять мне. Правда, мне за него досталось, потому как «в прошлый раз все было значительно вкуснее!».

Прошло полторы недели, и вот мы кое-как выбрались на главный тракт, ведущий к Перекрестку Семи Дорог. Я мысленно поблагодарил всех богов на свете, потому как эти засыпанные снегом елки, не говоря уже о самой дороге, мне порядком надоели. Еще неделя с лишним, и... я не думал, что постоянный двор «Южный Тракт» так обрадует мою душу!

Едва завиднелись ворота знакомого трактира, как Дырявый Мешок, чуть ли не пуская слюну, ткнул меня локтем в бок:

— Ну что, парень, повеселимся сегодня?!

Оказывается, это местечко было знакомо не только нам с гномом, но и эльфу с кентавром.

Как только копыта лошадок шагнули во двор «Южного Тракта», еще никто даже и не слез с кибитки, как Дождь проорал выходящему навстречу хозяину:

— Три лучших комнаты! Две огромных и одну поменьше ванны. Море горячей воды. Нет! Давай море кипятка, я чешусь, как одичавшая собака! — Здесь эльф почему-то поперхнулся. — А также такой ужин, чтобы мы не могли встать после него. На семь персон! — Он указал на меня с Дио: — Эти двое жрут за четверых! И вина, и пива! И побольше!!!

— Что-нибудь еще, достопочтенный гном? — осклабился трактирщик.

— Да. Двух, а еще лучше трех девчонок пошустрей!

— Простите? — насторожился трактирщик. А вместе с ним все остальные, кроме меня, правда.

— Что уставились, извращенцы? Кто будет поливать и тереть Винетте спинку? Я? Так я не против! А кто заштопает дырки и выгладит нашу одежду? — гном тяжело спрыгнул наземь. — У вас одно на уме! — И, довольно хмыкнув, зашагал к двери трактира.

Я и не думал, что горячая ванна может принести такое блаженство! Если бы не гном, я, наверное, там бы и остался до утра. Но проклятый карлик буквально за уши вытянул меня оттуда и пинками заставил одеться, а потом и спуститься вниз.

С последнего раза, когда я имел честь посетить это уютное заведение, оно немного преобразилось... опять же с моей помощью, было дело... Но сегодня оно выглядело уже по-другому: новая мебель, новые краски на стенах. Правда, посетители и хозяин остались прежними, но это уже мелочи. Кстати говоря, этот алкоголик, я имею в виду хозяина, слава богам, меня не узнал...

Наши сотоварищи еще не подошли. Мы с Дождем заняли дальний угол, расположившись за столом, приказав служанке напомнить хозяину о нас. Только гном раскурил свою трубочку, только я отхлебнул пенку от самого края бесплатного первого, как четверо слуг во главе с хозяином заставили наш стол... у меня аж перехватило дыхание... чего здесь только не было! Перечислять все это — просто тратить время и без толку будоражить желудок. Мясо, рыба, гарниры, зелень, вино. У меня помутилось в желудке, а заодно и где-то в голове. Я так и замер, смотря на все это. Когда подошли остальные, гном усердно пытался вывести меня из ступора.

— Мужики, у вас проблемы? — процокал кентавр. — Ой, а чего это с ним?

— Трудное детство, игрушки из подсобного материала... — сквозь зубы проскрипел гном, не переставая меня трясти. — Боги, кто-нибудь, да влейте в него крепкого, малый с голодухи совсем оупел!

Красное зерстское влилось мне в горло, я закашлялся.

— На, закуси, — пододвинул мне ломоть вареной говядины гном. И с сожалением

закончил: — Совсем отощал, бедолага.

В четыре глотки мы принялись за еду. Когда уже была изничтожена первая подача, кентавр, сыто рыгнув, вдруг вспомнил, что чего-то, точнее, кого-то не «-хватает.

— Парни, а где наша принцесса? Получив молчаливый жующий ответ, он жестом подозвал к себе трактирщика.

— Хозяин, а где девушка, что была с нами?

— Милостивый государь, девица потребовала к себе еще одну служанку. Право слово, я только могу догадываться о том, чем они там втроем занимаются и когда она соизволит выйти.

— Хорошо, хорошо, — махнув рукой, отпустил его кентавр и тут же замер с веточкой укропа во рту.

Мы оглянулись.

И почему мне захотелось сразу же встать? Не знаю...

По лестнице в зал снисходила богиня, с виду чем-то похожая на ту зашуганную девчонку, что не открывала рта последние две недели.

Распущенные ярко-рыжие волосы струились по обнаженным плечам, подчеркивая тонкую лебединую шею. Глубокий вырез нежно-голубого бархатного платья дразнил двумя холмиками молочно-белого цвета, чуть-чуть — но как значительно! — выглядывающими наружу. Само платье было такое узкое, что казалось, будто бывшая наследница Вильсхолла вот-вот выскочит из него. И все это довершал длинный шлейф, струившийся за королевной, вкупе с походкой, которой могла позавидовать самая благородная породистая кошечка.

Богиня величаво прошествовала к нам и грациозно села на предложенное кресло.

— Прошу садиться, господа...

Кто как, а я просто рухнул! Рука сразу потянулась к ближайшему кувшину, так как во рту у меня просто пересохло.

Гном укоризненно ткнул меня локтем, правда, не очень понятно, что он конкретно имел в виду, поэтому я налил и ему. Дож вздохнул и снова встал.

— Позвольте выразить свое восхищение, сударыня, ибо ваше присутствие делает волшебным этот вечер и это место. Вы оказали нам честь, соизволив согласиться отужинать с нами, и... и... ибо... — В первый раз за время нашего знакомства гном, пройдоха, матерщинник и законченный циник, залился краской.

На помощь Дырявому Мешку пришел кентавр:

— Мой друг, сударыня, хочет сказать, что ваша красота и ваше величие, благородство, грация, фасон и... — И он тоже замер, поняв, что сморозил чего-то не то.

— Настолько поразили наше сознание, — вскочил Куп, — что все слова в подлунной стороне этого мира просто не могут выразить восхищения, поселившегося в наших сердцах!

Волна вина докатилась до моего желудка и эхом отозвалась в голове, требуя срочного повторения.

— Выпьем! — поднялся я следом за товарищами.

— Ваше здоровье! — хором подтвердили остальные, дружно подняв стаканы.

— И когда у нас кончились стрелы, Куп схватил первое, что попало под руку, а это было не что иное, как ослиная челюсть, и в одиночку атаковал ненавистных *фелистов* — вел светскую беседу Дио. — О, сударыня, мой друг способен на многое!

— Как сейчас помню, у меня три туза и две восьмерки. Ну, думаю, все — банк у меня в кармане. Но кто знал, что у этого деятеля на руках полный стрит!

— Я вообще-то тролль, мало пьющий, но Оз с Дуди и Крохом буквально силком вливали и вливали в меня это пойло. Они утверждали, что старик Архи учил их проводить операции по удалению зубов при полной отключке больного. А так как ни один деревянный молоточек не выдержал моего черепа, то меня было решено просто упоить...

— А я всегда утверждал и утверждаю, что главное не в том, следуешь ли ты правилам стихосложения. То есть, по-моему мнению, не обязательно соблюдать правила, рифмы, размер стиха. Главное, я считаю, чтобы строки шли от души, пелись сердцем, даже если на сторонний взгляд они слышатся как полная чушь, бред! Повторяю, главное — это душа строк, поющих сердцем. Вот, например, — и эльф заголосил, завыл, запричитал, подкатывая кверху глаза:

Я искал корабли, что уносят закат к краю земли, где безумствует ад.

Я прощенья просил у своих берегов, вижу: парус спускается из облаков.

Я вернулся в луга, я умылся росой, слышу: шепот травы напевает покой

Я уснул, и в траве, что периной была, видел вновь корабли, что уносят закат...

Наши нормальные застольные разговоры смолкли, я, гном и кентавр удивленно уставились на Купа.

— Глобально, — выдохнул Дио, поглядывая на теребящую скатерть задумавшуюся Винетту.

— Нормально! — высунулся Дож. — Вечная эльфийская тема: исход в лучшие земли, корабли, приходящие за очередной партией эмигрантов раз в пятьдесят лет. Нет! По мне, существуют только два вида поэзии. Та, которая поется за лихим столом, и та, от которой радуется сердце и смеется душа, ибо нет ничего лучше в длинной дороге, как добрая шутка или хорошая история!

По дороге, где звенят октавы, где туман засыпал все ручьи, я иду практически не пьяный с босоногой кошкой на груди, — не то запел, не то начал рассказывать собственную историю хриплым голосом Дырявый Мешок. Мысленно я взмолился всем богам, чтобы мой товарищ поскорей заканчивал свою сагу. Или я оглохну! Поэтому моя душа возрадовалась, когда гном после еще трех куплетов примерно такой же лабуды начал заканчивать свою бесконечную бродяжную повесть:

Снова в путь — опять зовут октавы, лес, дорога, сердце не щемит!

Воздух ну такой сегодня пьяный, я б ежа зацеловал до дыр!

— Ух, — выдохнул я наконец. — Дож, ты меня, конечно, извини, я не знаток в этой вашей поэзии, но, по-моему...

— Я понял тебя, мой друг, — прервал меня на полуслове гном. — И ты знаешь, я даже с тобой согласен. Данный пример не очень удачен. Да, где-то это может быть и смешно, занятно, но есть и лучшие образчики!

— Не надо... — взмолился было Дио, вытряхивая из головы ошметки строк и хмеля.

Маркиза, мне приснились ваши зубы, они сверкали легкой желтизной.

Я их сачком выуживал из лужи, когда вы смачно чмокнулись со мной!

Последняя строчка потонула в дружном хохоте.

— Извини, друг гном, — вытер слезу кентавр, — я не знаю, кто автор этого четверостишия, но должен заявить сразу: здесь присутствует плагиат!

— И где же это? — возмутился Дож.

— А в самой первой строчке! Но если эта вещица более-менее народная, то я не вижу здесь ничего страшного. Ведь все повторяется в этом мире. Музыка и та — сплошь повторы,

а оно и неудивительно, ведь в этом мире всего-навсего семь нот!

— Ты просто завидуешь! Уж твой-то народ не способен и на подобные перлы!

— Слава Небесной Вершине, согласен. Мой народ больше обращает внимание на смысл, пусть даже и скрытый, чувство, с которым написаны те или иные строки. — Кентавр, прищурившись, почесал подбородок. — Хотя, если пошел такой поэтический вечер, извольте!

Дио, утерев морду салфеткой, встал (целый вечер он из-за своего роста и устройства сидел на согнутых копытах) и размеренно, с выражением начал:

Откройте свет, впустите воздух, мое дыхание требует тепла, а здесь знобит и сводит сердце холод

До рвоты вен, до выброса огня...

Я вижу сон: впиваются в глаз иглы, в «железной деве» бесится рука, и лучший враг — заклятый друг до гроба мне говорит: мир любит привкус зла!

Мне показалось, что тишина оглохла и те слова, что не торопясь, ритмично выговаривал Дио, режут мне голову, душу, как лезвие клинка.

В дыму эртсго рождается забвенье, и духи Тени открывают дверь, и стены, тая, разрывают вены...

О, дайте мне вздохнуть в последний день!

Горит звезда над полусонной ночью, и бьют часы в той башне из стекла, где Князь Войны и Королева Солнца и чей-то крик: мир любит привкус зла!

Холодный ветер, как ночная птица, рисует в небе новые следы, по ним пройдет в аорту колесница, и тело выгнется в агонии звезды.

Откройте дверь! Я выйду в это небо, и пусть меня окутает зола!

Я снова здесь, среди убивших время, среди миров, что любят привкус зла!

— М-да... — после долгой паузы вымолвил Дырявый Мешок, — не знаю, кому как, а по мне это действительно круто! А тебе как, Лукка?

— Не знаю, не знаю... — Я просто еще не отошел.

— Как это «не знаю»? Что ты почувствовал, услышав эти стихи?

— Коль так, то я не разбираюсь в стихах и сагах. Еда, напитки, оружие — здесь я вам скажу что угодно, потому как разбираюсь в этом! А тут... То, что здесь напел Дож, веселит душу, заставляет улыбнуться. То, что прочел Дио, заставило меня задуматься и внутренне затрепетать. А стихи эльфа?.. Я загрустил, вспомнил. Вечную Долину, и в моем сердце появилась тоска по дому, по родне, появилось стремление к чему-то такому, что могло бы сделать меня лучше, что ли... Я не знаю, как это правильней сказать... Скажу так: по-моему, эта ваша *поэзия* такой быть и должна! — Я налил себе пива.

— Ну что же, господа, — мило улыбнулась Винетта, — вот и разрешился ваш спор. Право слово, даже можно подвести некий итог! Каждый стиль в поэзии хорош по-своему... — Мы дружно улыбнулись. — Но, по мнению нейтрального слушателя, — она указала на меня, — победил наш эльф, МалЙавиэУиал. И я желаю вручить ему приз: право на еще одно стихотворное произведение, к которому он питает такую слабость!

— Извольте, госпожа, — с поклоном встал эльф.

— Куп, будь добр, Расскажи то, мое любимое! — осклабился Дио,

— И, кстати, любимое стихотворение моей младшей сестренки. Итак...

О, этот запах, аромат тепла, который медом выдыхают стены, весь мир кружится пред глазами, когда вдыхаешь этот яд, и ангелы томятся в искушение.

О мой веночек, из ста прекрасных роз, который лег на потную тонзуру!

Прости меня, творенье Света, за то, что сбыв тебя ему — ему, слуге, забывшему о Вере.

Я слышу гонг — опять стучат в ворота: ко мне пришли отцы на кружку пива.

Но их мутит от вкуса дыма, в дурмане бродит разум их, и враг в венке разводит ночь в камине.

Не знаю я, за что такая блажь?

Ведь я один: лишь тишина и книги!

И только ветер по ущелью заглянет в окна невзначай и друг в сугане шепчет отречение!

Среди вершин, ломающих хрусталь, чья синева раскинулась над нами, стоит один, как Вечный Странник, на полпути в прекрасный Ад... мой замок... на крови... с крыльцом из стали...

У меня кружилась голова, не то от услышанного, не то от вина и пива, хотя и выпил вроде немного. Эльф еще раз поклонился присутствующим и сел на свое место. Все молчали.

— Спасибо, друг, — проснулся Дио, — огромное спасибо.

— Присоединяюсь к тебе, благородный кентавр, — тихо, но отчетливо произнесла Винетта, бросая на Купа *такой* взгляд. — Благодарю вас за прекрасный вечер, господа. Если вы разрешите, я немного прогуляюсь перед сном. Ведь завтра нам предстоит тяжелая дорога, а у меня немного кружится голова. С вашего позволения... — Она привстала, мы дружно вытянулись в ответ.

Как только Винетта, накинув на плечи душегрейку, пересекла зал к выходу, Куп также изъявил желание подышать свежим воздухом.

— Так, на всякий случай, а то мало ли что... — И, подхватив под мышку свой меч, поспешил следом.

— Конечно, конечно, — усмехнулся в бороду Дио, провожая товарища глазами. — Мало ли... что... — Осушив кружку красного, он повернулся к гному: — Я уже говорил, что мой друг способен на многое?

Поутру, спустившись вниз, я застал гнома, ждущего хозяина.

— Нет, ну где эта каналья?! Нам нужно торопиться, всего три дня осталось, дорога каждая минута, а этот... О, доброе утро любезный трактирщик! Мы уезжаем, и нам хотелось бы расплатиться!

— Конечно, господин гном, — заспанный хозяин зашел за свою стойку. — Так! Ужин на семерых, три комнаты, корм для лошадей, ванны, служанки... Угу!

— Сколько? — полез в пояс гном.

— Одну секунду, — трактирщик проснулся окончательно, — позвольте один вопрос?

— Ну? — нахмурился карлик.

— Как ваше имя, сударь?

— Ого! А что, нынче расплачиваются еще по имени?

— И все-таки?

— Ну, меня зовут Дож по прозвищу Дырявый Мешок! Что дальше?

Трактирщик порылся в каких-то бумагах у себя за стойкой.

— Все в порядке, сударь. Прошу принять сдачу.

— Чего? — отвисла у гнома челюсть.

— Все оплачено, сударь. Пожалуйста, примите сдачу, и очень надеюсь увидеть вас в нашей гостинице снова. Для вас в нашем заведении всегда найдется то, что вы пожелаете. Со скидкой десять процентов.

— Лукка, — прохрипел гном, — ты что-нибудь понимаешь?

— Нет, — качнул я головой. — Но, может быть, наш хозяин прояснит ситуацию?

— Милостивый государь, — начал трактирщик, — буквально за день-два до вашего приезда сюда явилась некая личность, которая интересовалась вашей персоной. И, узнав, что вы наш постоянный клиент, (а вас, сударь, я вижу здесь не в первый раз!), так вот, этот господин оставил мне некоторую сумму для вас. Как он сказал, это был «долг чести».

— Так что же ты сразу мне ее не отдал?

— Ваш должник сразу же предупредил меня, что отдать деньги я должен вам только тогда, когда вы будете уезжать. Как он сказал: «Я знаю аппетит размах этого гнома», — вот и все.

— Похоже, этот малый тебя действительно знает! — пихнул я локтем в бок коротышку. — И очень хорошо тебя знает, а, Дож?

Гном, взгромоздясь на высокий «для народов малых» табурет, лег животом на край стойки и подпер рукой голову.

— И как же зовут уже любимого мной моего дорогого должника? — проникновенно спросил Дырявый Мешок, сгребая к себе довольно увесистый мешочек, звякнувший металлом.

— Право слово, господин гном, он не соизволил представиться, — развел руками хозяин.

— Хорошо, а как он выглядел?

— Ростом будет с вашего друга, но не такой широкий в плечах, хотя и громила, — трактирщик указал на меня, — волосы длинные, черные, носит пучком на затылке, левый глаз закрыт тряпкой...

— На морде куча шрамов, голос сиплый, сам по-лучеловек-полуорк, — по наитию закончил я за него.

— Да... — удивился хозяин, — так оно и есть, а вы, выходит, знаете его?

— Виделись однажды... — Я с интересом разглядывал враз смутившегося гнома. — Пойдем, друг, вещи собирать надо.

Дож покорно сполз на пол и пошел в комнаты. Я обернулся к трактирщику:

— Меня зовут Лукка. Лукка, по прозвищу Висельник. Мне этот господин ничего не передавал? Мужик удивленно вытаращил глаза:

— Это вы и есть? Но он сказал, что вы тролль!

— Так оно и есть. Я из Вечной Долины. Из племени людей-троллей. Итак?

— Он велел передать следующее: «В любое время и в любом месте».

— Я и не думал, Дож, что у тебя есть связи с разбойниками.

— Лукка, честное слово, не подумай плохого. Просто я попался к нему в руки в одном трактире. Оказывается, он уже слышал обо мне и о том, чем я занимаюсь. Так сказать, о моем основном ремесле.

— Да? Тогда, может, объяснишь заодно и мне, чем же ты занимаешься?

Гном затянул потуже дорожный мешок, взвесил на ладони полученный должок и ухмыльнулся:

— Я игрок, Висельник. Профессиональный карточный игрок. Кстати, очень хороший.

— Тогда в Уилтаване тебя взяли по обвинению в карточном мошенничестве, ведь так?

— Ну, бывает иногда! Трудно себя сдерживать. Представь, играешь ты против законченных лохов. Играть не умеют, денег — пруд пруди, а понта, понта! И что, возиться с

ними сутки-двое напролет, пока последнюю монетку не вытянешь? А так, раз-другой смухлевал, ставку увеличил, полдня и сэкономил!

— А Шера тоже обжулил?

— Нет! — гном приложил руку к груди. — То была честная игра!

— Парни, вы уже готовы? — Опустив голову, чтобы не стукнуться о притолоку, вошел кентавр.

— Почти, а вы? — поднял над головой собранные котомки Дож.

— Не совсем, — хмыкнул кентавр, — Куп еще дрыхнет.

— То есть?. — выступил я вперед.

— Ну, он вернулся только под утро. Как раз только светать начинало.

— Так... нормально... — уселся на кровать гном, — а Винетта?

— Тоже спит. Я посылал к ней служанку, но та ее так и не смогла поднять. Видно, легла поздно.

— Ужралась вчера, что ли? — высказал я предположение. — Только вот когда она успела?.

— Да нет... — Дырявый Мешок поскреб подбородок. — Не могут утром подняться не только с перепоя, но и... — Гном быстро взглянул на Дио. — Ты думаешь?

— Я уверен! — захохотал тот. — Я же вчера говорил, этот парень способен на многое!

— Ох, — качнул головой Дож, — только этого еще не хватало!..

— Да лишь бы на здоровье, дружище!

— Стоп! Стоп! — невежливо ворвался я в разговор. — О чем речь, мужики?! Кто-нибудь может мне объяснить?

Те переглянулись. Долго... молча... пялились намою непонятливую физиономию. Слово взял гном:

— Лукка, давно хотел спросить... Сколько тебе лет?

— Это что, имеет значение? Если да, то я встретил четырнадцать зим и собираюсь в этом году встретить свою пятнадцатую весну!

— Так тебе еще нет и пятнадцати? — проямлил гном.

— Да, через год меня посвятят в мужчины племени! А в чем дело? При чем здесь это?

— Вот это да!.. — восхищенно покачал головой Дио. — Парень, а как же тогда выглядят взрослые мужчины твоего племени?

— Есть и поменьше меня, есть и побольше.

— Теперь до тебя дошло, почему он называет себя троллем? — кивнул в мою сторону гном.

— О да... — забыл закрыть свою пасть кентавр.

— И все же, — решил я довести наш разговор до конца, — при чем здесь все вышесказанное?

— Ох, Лукка, — поднялся гном на ноги, — сейчас попробую тебе все объяснить.

То, что рассказал потом гном, привело меня в тихий, трепетный ужас. Оказывается, то, что происходило у нас в Вечной Долине каждый год на Праздник Весны, имело под собой не только религиозную и историческую основу, но и... здесь цитирую гнома: «сексуально несдержанный характер». Дальше. Те слова, которые временами употребляли гном, кентавр, Ватгиль, несли в себе не символическую, как я до этого дня думал, нагрузку, а вполне жизненную, реальную. Да, я знал, что ругань, слова Отродья — это нехорошо! Я всегда думал, что то, что они означают, делают все... с гоблинами... И это вполне нормально,

потому как просто так положено... Но оказывается, не только с ними! И что для меня явилось полным шоком, так это то, что где-то в чем-то ритуал Праздника Весны был не ритуалом, а... а... а средством... продолжения... рода... Кто-то, может быть, и будет смеяться, но до сегодняшнего дня я был просто уверен в том, что маленьких тролликов приносит на своих кожаных крыльях большой толстый Белый Тролль.

Когда меня второй раз вытошнило, гном с кентавром поспешили объяснить, что *это* не так уж и плохо на вкус, как слышится, а более того, вполне нормально и даже очень приятно.

— Поверь, парень, от этого ощущение круче, чем от выпивки! — поддакивал гному Дио.

— Да?! — не поверил я на слово — То-то тебе было «*круто*» в монастыре, когда тебя монашки...

— Счас объясню, — выставил вперед ладони Дио. — Вот если ты, например, весь день таскал разные тяжести или изрядно перепил спиртного, что с тобой будет наутро?

— Если тяжести — то спина, плечи, руки будут болеть. А если пережрал, то голова.

— Правильно! Так и здесь — все хорошо в меру! Видишь ли, это тоже отнимает некоторые силы. Вот и все!

— Ладно. У меня пока только один вопрос. А как почувствовать, найти того, тьфу — ту, которую... с которой... — Я окончательно запутался.

— О, дружок, — широко улыбнулся Дио, — это ты почувствуешь сам, без всякой помощи.

— И как?

— Душой, сердцем, — выступил вперед Дож. — Только запомни два правила в этом деле. Первое — никогда не спеши. Не форсируй события. Все придет само. И второе, подтверждающее первое. *Женщину* не находят. Находят неприятности на свою голову. Женщину встречают...

Только после позднего, правда, очень плотного обеда мы, прикупив все, что надо, и еще одну пару лошадей, тронулись в путь.

Я украдкой посматривал на Купа с Винеттой, но ничего такого, каких-то особых перемен в них не заметил. Вроде бы такие же, как и вчера. Единственное только, когда девушка встречалась взглядом с эльфом, лицо ее наливалось румянцем, глаза начинали блестеть, а на губах появлялась милая улыбка. Примерно то же самое происходило и с эльфом при етентичных обстоятельствах. Видя все это, Дио прятал в бороду ухмылку, а если не получалось, то делал вид, что зевает, прикрываясь своим кулачищем.

Вот так оно все и продолжалось вплоть до самого Заблудшего Леса. Правда, мы бы до него доехали намного быстрее, если бы не эта молодая парочка, раза два исчезающая на полдня из поля зрения. Дио при этом ржал, как лошадь, повторяя, наверное, в сотый раз: «Этот парень! Я же говорил!», а гном, поеживаясь, оглядывался вокруг и причитал: «Так ведь холодно же! Холодно же вокруг!» Я, в свою очередь, ничего не говорил. Я просто пытался осмыслить то новое, что узнал за последние четыре дня.

Так или иначе, подгоняемые легкой метелью, мы втащились в ставший почти родным Заблудший Лес.

Навстречу из пещеры, подбирая полы мантии и опять же наступая на них, вылетел мастер Скорпо.

— Привезли? — Ни «здрасьте», ни «как здоровье»! Глаза горят, борода трясется, пояс вообще по земле волочится. — Ну?.. НУ-У-У?!

Ох, и зачем же так нервничать!

Гном не спеша слез с козел. Не спеша привязал лошадей к столбику. Следом вылез я. Скорпо подскочил вплотную, пытаясь заглянуть мне через плечо внутрь кибитки.

— Есть серьезный разговор, мастер, — насупил брови Дырявый Мешок, а тем временем, кряхтя, наружу вылез Диондолл-Странник.

Скорпо хотел было что-то сказать, но замер, глядя на это чудо природы. А что было с его лицом, когда на полянке во всей своей красе появился эльф?!

— Ой... а чего вас так много... стало?..

— А так получилось, — это на сцене появилась Винетта Вильсхолльская. Огненные ее кудри разметались по пышной овечьей душегрейке, из-под которой торчали «длинные стройные ножки» в кожаных штанишках в обтяг.

— Пламя вулкана, а не девка! Слышь, что говорю, старик? — панибратски облокотился на плечо колдуна кентавр.

— Ась? — попытался взглянуть вверх маг. — Вы бы это...

— Что? — широко улыбнулся Дио.

— УБЕРИ СВОЮ РУКУ С МОЕГО ПЛЕЧА! — взревел колдун, пытаясь освободиться обнаглевшего гиганта. — Что это за манеры такие? Убери свою *роухсе* клешню, пока она еще при тебе, южное жакхе!

— Больно, что ли? В смысле неприятно? Так бы сразу и сказали, — удивленно отступил назад кентавр. — Зачем же так орать?

— Вот так-то лучше!

Недотрога-волшебник, широко шагая, направился к девушке.

— Я так понимаю, Винетта Вильсхолльская? Очень рад. Прошу прощения за вспышку. Одичал. Надеюсь на прощение. Извините, что обращаюсь к вам, не будучи представленным. Скорпо. Волшебник. Восьмой мастер Круга Двенадцати. Надеюсь на вашу помощь и проведении очень важного для судьбы нашего мира ритуала. Заранее благодарю за содействие. Позвольте проводить вас в приготовленную комнату, где вы сможете прекрасно расположиться. Прошу! — И, взяв девушку под локоток, уволок.

— Эй, мастер! — Скорпо, обернувшись, узрел Дырявого Мешка, по бокам которого выстроилась вся наша ватага. — Вы там особо не задерживайтесь, у нас к вашей милости есть несколько вопросов, на которые мы бы очень хотели получить правильные ответы.

Волшебник недовольно вскинул бровь и, ничего не обещая, скрылся с девушкой внутри пещеры.

— Теперь, парни, можем покурить и оправиться, — тихо скомандовал гном. — Так как у этого орла рыльце в пуху, то он будет тянуть время до последнего.

— До последнего чего? — прищурился Куп.

— До последнего момента, конечно... — полез Дырявый Мешок в кибитку.

— И когда он настанет?

— Сегодня, друзья, сегодня... — высунулся из кибитки гном с котомками.

Ближе к вечеру появился Скорпо. Лицо его светилось, он потирал руки и, что-то довольно насвистывая, почти вприпрыжку направлялся к нам.

— Дож, Лукка, — пропел маг, — прошу вас простить мою бестактность и наконец представить своих друзей! Друзья по очереди шагнули вперед:

— Эльф.

— Кентавр.

— Весьма приятно, — растерялся колдун. — А как вас по именам?

— Кентавр.

— Эльф.

— Понятно... — нахмурился Скорпо, — ну а я маг.

— Мы знаем вас, мастер Скорпо. Слышали о вас.

— Весьма приятно... — вконец растерялся волшебник.

— Попробую объяснить ту прохладцу, которую сейчас выказали мои друзья, — вышел вперед гном. — Видите ли, господин маг, вы изволили не совсем честно играть. Прошу вас, не перебивайте! Итак, вы отправили нас за девчонкой, всучив товар для обналичивания денег. И это нормально. Но... Сударь, не кажется ли вам, что было не совсем э-э... этичным не предупредить своих друзей о криминальности товара? Да будет вам известно, что за вашу во всех смыслах дурь нам чуть задницы не отгрызли!

— Что, товар пошел «на ура»? — попробовал съехидничать колдун.

— О, да, — насупился я, — некоторые почему-то просто головы по кустам растеряли.

— Простите... — опешил Скорпо.

— Когда мы прибыли на место, ваш орк висел со сломанной шеей, и нам пришлось шуровать в этот... монастырь прямо с мешками. Естественно, монашки не захотели меняться вслепую, они вскрыли мешки. Представляете, что там было?

— Не очень...

— Сударь, поверьте на слово, ничего хорошего. Если бы не усиленный состав команды, — гном кивнул на эльфа с кентавром, — нас бы здесь просто не стояло.

— И как же вы вывернулись? — начал потихоньку приходить в себя колдун.

— Лучше вам этого и не знать, — сплюнул наземь Дож.

— Хорошо. Что вы от меня хотите?

— Моральной и соответственно денежной компенсации.

— Хорошо, вы ее получите, — заложил руки за спину маг. — Какая сумма устроила бы вас, господа?

— Интересно, — усмехнулся гном, — а выдавать ее вы будете наличными или своей дурью? Я, может быть, пройдоха и шулер, а возможно, даже по мне до сих пор где-то виселица скучает за все мои грехи, но... — гном гордо расправил плечи, — я никогда намеренно не убивал. Слышите? Не убивал! Да, я защищался, и я проливал чужую кровь, выпуская души врагов на волю. Если мне приходилось драться, я следовал кодексу воина, и мне не стыдно смотреть другим в лицо. Но я никогда никого не травил ядом исподтишка! Ни быстрым, ни медленным. А ваша отравка хуже любого яда, она не убивает сразу, она разлагает жертву изнутри, заставляя выходить на дорогу, грабить, убивать ради еще одной порции дурмана. И вот нашими руками, с вашей подачи, сударь, мы едва не кинули новые зерна медленной смерти и мучений. Я уже не говорю о тех, кто пострадал и умер во дворе монастыря Королевы-Мученицы. — Здесь Дио громко поперхнулся.

Гном громко выдохнул, глядя в глаза колдуна:

— Скажите, мастер, зачем вам это? Я больше чем уверен, что у вас там, — он кивнул на пещеру, — еще достаточно *фэла*. вам не хватает славы, денег? Вы, известный маг, уже сейчас продали душу Отродью! — Дож подошел вплотную к магу. — Скажите, вам по ночам не бывает страшно? К вам во сне не приходят те, кто сдох от перебора порции или нехватки ее?

— Заткнись, коротышка, — прошипел Скорпо, — заткнись, пока еще можешь ходить по земле на своих двоих! Или ты предпочитаешь, извиваясь, ползать на брюхе и питаться мышами и лягушками? ЗАБЫЛ, С КЕМ ГОВОРИШЬ?! — На губах колдуна выступил пена. — Кто ты такой, чтобы говорить мне такое? Ты, недовешенный пивной мешок! Пропитанное вином брюхо! Изгой, укравший реликвию своего клана! — Я удивленно посмотрел на гнома, тот, побагровев, сжал кулаки. — Я не знаю, почему ты это сделал. И я тебя об этом не спрашиваю, так же, как и ты не знаешь и не спрашиваешь, почему я занялся этим долбаным ремеслом! — Голова, руки Скорпо тряслись.

Они стояли друг против друга, готовые вот-вот схватиться. Кентавр встал между ними, примиряюще вытянув руки.

— Господа, господа, вот только драки нам сейчас здесь не хватало. У нас свободная страна, и каждый вправе поступать так, как шепчет ему об этом его совесть. И никто не вправе осуждать те или иные поступки, не зная первопричин! Поэтому прошу вас, остыньте! Насколько я понимаю, вы еще будете нужны друг другу некоторое время. Так доведите дело до конца, а уже потом выясняйте отношения. Ну, так как?

— Пойдет, — прохрипел гном.

— Согласен, — в тон ему ответил волшебник.

— Хорошо, — облегченно кивнул Дио, поворачиваясь к колдуну: — Что дальше, мастер Скорпо?

— Дальше? — вернулся тот к настоящему. — А дальше... всё...

— Как всё, — не понял я. — Мы что, свободны?

— Да, — ухмыльнулся колдун, — девушка здесь, завтра на рассвете все и решится. После обеда, когда все будет закончено, если будет желание, можете проводить ее домой.

— А-а-а...ну-у... и... хр-р-ссь... — это было все, что я смог сказать.

— А что вы ожидали? Фейерверка? Светопредставления? — рассмеялся Скорпо. — Ну может, это все и будет... — он перешел на шепот, — завтра... Все будет завтра, господа. Предвижу ваши вопросы. — Он было заговорил нормально, но, прищурившись, как от яркого света, продолжил тихо и торжественно: — Завтра утром, когда солнце только-только будет всходить, когда первые лучи объявят о наступлении девятого дня месяца Бриллиантовых Деревьев года Бархатной Утки, эта девица — расплата грехов рода де Ла'Дэй Гиер, ведя под уздцы белоснежного единорога, откроет с его помощью стену в Пещере Гонх-Дэй. И тогда я смогу взять в руки Бунп Лоуусу — Книгу Знания, которая предоставит мне ТАКУЮ ВЛАСТЬ, что богам станет тошно на своих Небесах! И это случится! — Глаза колдунга горели. — Случится завтра, ибо завтра — День Волхвов. Мой день! — Он повернулся и величаво направился к себе. На полпути Скорпо обернулся: — Приглашаю вас, господа, на завтрашнее представление. Поверьте, будет интересно...

Мы стояли, открыв рты.

— Придурок, он же погубит мир, — прошептал эльф.

— Не думаю, — задумчиво теребил гном косичку бороды. — Он безумец, но не до такой степени, чтобы уничтожать мир, которым собирается править. Меня больше беспокоит другое... — Он взглянул на первые звезды, зажигающиеся на вечернем небосклоне. — Я так разумею, он высчитал День Волхвов по зодиаку Лиу-Аноа, ведь так?

— Тоскуешь? — Я подсел к эльфу. — Что, так и будешь здесь сидеть до утра?

Куп не ответил, продолжая ковырять веткой угли костра.

— Я тебе не помешаю? — спохватился я. — Может, мне уйти, хочешь побыть один?

— Да чего там, сиди... — разомкнул губы эльф.

Мы долго молчали, глядя на играющее пламя. Красные мошки взлетали и, перегоняя друг друга, устремлялись навстречу парящим снежинкам.

— Завтра будет буря... — вздохнул Куп.

— С чего ты взял? — Я взглянул вверх. — Небо чистое, ветра почти нет.

— Завтра будет буря, — повторил эльф, — поверь мне.

Я не стал с ним спорить. Мы снова замолчали. Сидели и смотрели на огонь, лишь иногда подбрасывая в него хворост.

— Где-то вдали, там, за Великим Океаном, где земля соприкасается с небом, — ни с того ни с сего начал Куп, — есть вершина. Вершина Мирэль-Ринн. Говорят, что тот, кто придет к этой вершине и достигнет самого ее пика, встретит там Хелеклаха. Если ты пришел с чистым сердцем и открытой душой, если твоя совесть не запятнана, а мысли далеки от грязи, Хелеклах сделает тебя счастливым, выполнив любое твое желание, не потребовав платы, ибо к нему приходят лишь те, кто потерял надежду и уже не ждет проявления доброй воли Небес и богов.

— А как он узнает, стоит помогать или нет? — протянул я руки к огню. — Он что — бог?

— Нет, он не бог. Он — дракон. Он смотрит на тебя и видит твое прошлое, твое нынешнее, твое потаенное. Вот так...

— Дракон? Не знаю, Куп. Я думаю, что это все сказки, — высказался я, — хотя легенда и занята!

— Да нет, дружок, это не сказки, — выступил из темноты Дырявый Мешок. Он сел рядом, подобрав под себя ноги. — Я знаю парней, которые ходили к Хелеклаху.

— И что, исполнил дракон их желания?

— Их было семеро. До Мирэль-Ринн добралось шестеро, до самого пика — пятеро. Они ждали появления Хелеклаха три дня. Когда он наконец явился, то выполнил желания только двоих, ничего не сказав остальным. На обратном пути те трое погибли. А оставшиеся живут долго и счастливо, вспоминая путешествие на Мирэль-Ринн, как самый страшный ночной кошмар.

— А чего бы ты попросил у дракона? — обратился я к эльфу.

— О, боги, да девчонку, конечно! — рассмеялся Дож. — Или я не прав, а, Куп?

— Прав, прав, — с горечью вздохнул эльф. — Понимаешь, Дож, то, что случилось между нами, — это как чудесный сон. Не знаю, достоин я его или нет, но мне так не хочется просыпаться!

— Так и спи дальше, друг. Когда придет время, тебя разбудят. И поверь мне, пробуждение будет не из самых приятных. Так что спи, пока Небо отпускает тебе время насладиться снами.

Мы снова замолчали, глядя, как огонь танцует на углях, и думали каждый о своем. Я долго смотрел сквозь пламя, и среди беснующихся языков его у меня на глазах родилась черная ящерка с крылышками за спиной. Дракончик перепрыгивал с полена на полено, складывая и распрямляя крылья, кусая свой хвост. Он подскакивал вверх за взлетающими искорками, глотал их и, планируя, опускался обратно в огонь, купался в нем. Наконец он посмотрел мне в глаза и, ощерив свою пасть, утыканную мелкими зубчиками-кинжальчиками, проревел так, что я подскочил на месте:

— Лукка, хорош дрыхнуть! Пора!

Было еще темно. Скорпо в новой черной бархатной мантии, расшитой по подолу золотым узором, с агромадным, причудливо изогнутым жезлом в руках смотрел на восток. Рядом с ним, то и дело оглядываясь на своего возлюбленного, стояла Винетта Вильсхолльская, одетая в белоснежный, до самой земли, балахон. А возлюбленный с мертвенно-бледным выражением лица стоял навтыжку, сжимая рукоять меча так, что костяшки пальцев побелели! Рядом с ним, как стража у трона, готовые на все, переминались с ноги на ногу гном с кентавром. Я, отряхнув с себя снег и остатки забытья, присоединился к остальным.

— И чего ждем? — толкнул я Дио.

— А *схад* его знает, — в сердцах выругался кентавр, — разбудили, ни хрена не объяснили, поставили, как тот постамент, сказали: «Жди». А чего ждать?! У меня уже копыта окоченели!

— Внимание! — подал голос мастер Скорпо.

Над лесом раздался тонкий мелодичный свист, если так можно было обозвать этот звук. Скорее, это было пение. По крайней мере, уж точно не волчий вой!

— Боги мои! — выдохнул эльф.

Я пригляделся: где-то далеко появилось голубое сияние. Оно двигалось, в том смысле, что брело, среди деревьев, уходя в сторону.

— Вперед, — шепнул колдун и, ухватившись за запястье Винетты, буквально поволок ее за собой в чашу.

Куп зло скрипнул зубами, но, промолчав, устремился следом. Мы за ними.

Вскоре мы выбрались на звериную тропу. Я конечно же узнал ее — она вела к той *красной пещере*. Мы ускорили ход. Мне не давала покоя одна мысль. Если цель та самая *красная пещера*, то почему Скорпо не пришел туда заранее? Или колдун сомневался в

правильности выбора места? Или же он просто проспал?

Так или иначе, запыхавшись, мы выбрались к месту. Так и есть — та самая пещерка. И что дальше? Колдун огляделся, голубой свет приближался.

— Все в кусты! — Колдун первым устремился в укрытие. Мы не заставили себя долго ждать.

— И что теперь? — слегка толкнул я Скорпо.

— Потерпи — увидишь!..

Ночь потихоньку собиралась уходить. Звезды меркли, тускло гасли одна за одной. А свет все приближался и приближался. Свист звучал все чаще и громче. Под коленками вспотело, мне захотелось спрятаться, уйти, убежать в конце концов. И почему-то я уже знал, что предстанет перед моими глазами.

— *Теньхогу сатпо!* — открыл рот Дырявый Мешок.

На тропе появился единорог.

Свет шел от его кожи, разрывая мрак вокруг. Он мотнул головой, и рог, рассекая воздух, издал тот самый свист. Создание Неба постояло, огляделось, понюхало воздух. Слава всем, кто есть наверху, мы стояли с подветренной стороны! Животинка, ничего такого не приметив, опять мотнула своим рогом и спокойно отправилась в пасть пещеры.

Когда единорог скрылся внутри, маг, молча потянув за собой Винетту, припустился следом. Мы за ними.

Едва только мы вступили в темноту туннеля, маг поднял свой посох:

— *Ширак!* — И на конце посоха вспыхнул яркий шар, излучающий ровный ослепительно желтый свет.

— Где-то это я уже слышал, — почесал в затылке гном. Он повернулся к Купу и, словно в забыты, буркнул: — Слушай, а здесь *кендер* не пробегал?

— Какой... киндер?

— Тассельхоф... — ушел взглядом в глубину *другого* Дож.

— Чего?! — выкатил эльф глаза.

— А!.. — встрепенулся Дырявый Мешок и махнул перед собой рукой, будто прогоняя призрак. — Причудилось...

Красные стены пещеры вели вниз, сопровождая каждый наш шаг усилением холода.

— Прямо как в могиле, — пыхтел гном.

— Надеюсь, в ней мы не останемся! — выдохнул паром Дио.

— Стоп, парни! Кажись, пришли! — резко встал Куп.

Нашим взорам предстал тупик. Стены туннеля разошлись в стороны, образовав подобие зала, потолок которого резко уходил вверх. В противоположном конце пещеры, у стены, испещренной причудливыми узорами и угловатыми символами, стоял единорог. Казалось, он прислушивался, а что там — за стеной? Жив ли кто еще?

Мы резко остановились, наткнувшись друг на друга.

— Здравсьте, девочки! — шлепнул себя по крупу хвостом Дио.

Единорог повернул к нам голову и, как бы здороваясь, тихонько заржал. Мастер Скорпо, передав Винетте посох-факел, развернул свиток.

— *Ихтабе садэ волти сноу Рох-Тилион!*

— Лошадку зовут Рох-Тилион, — перевел кентавр.

— А что Скорпо ему сказал? — шепнул я переводчику.

— Не знаю... это не эльфийский.

— И даже не гномский, — включился эльф.

— И уж точно не язык орков, — добавил Дырявый Мешок.

— И не тролльский, — с сожалением вздохнул я.

— Да заткнитесь вы там все! — вывернул башку колдун. — Это на ленивитанском!

— А-а-а! — понимающе кивнули мы. — А где это?

— *Дорта вис, Рох-Тилион анэроус Бунн Лоуусу витралмэ-э-э...* — осекся колдун, сделав шаг назад.

Тилион, наклонив голову, угрожающе выставил рог и начал бить копытом о каменный пол, как перед атакой.

— Ты чего ему сказал, чудо в звездах? — разминая пальцы, прищурился Дио.

— Пожелал ему здоровья и намекнул отдать книжечку.

— Дипломат, ядрен корень! — фыркнул гном. — Учись, как надо!

Он вышел вперед, отвесив низкий поклон до земли.

— Здрав будь, о... — Дож глянул на колдуна.

— Рох-Тилион, — подсказал волшебник.

— Точно! Здрав будь, о Рох-Тилион! И да пребудет благословение на твоих плечах, и да продлятся годы твои на это-о-ой!..

Тилион, злобно фыркнув, сделал еще один шаг вперед, явно наметив цель.

— Вообще-то бедолагу сослали сюда до конца жизни, — пустился в объяснения колдун, — надо же кому-то охранять реликвии, присматривать, что тут и как. У богов ведь тоже на все глаз и рук не хватает... — Он судорожно что-то выискивал в своей писанине. — А вот... наверное!

— *Лака лэй ваут халь-со спора...* — Единорог перестал вести себя агрессивно и вроде как настроился на переговоры.

— *Стампа вутто лоо вих Рох-Тиион!* — торжественно вскинул руку колдун. — *Аэ сил'ин карауф Бунн Лоу-усу!!!* — еще торжественнее закончил маг, откидывая свиток и разведя руками: «Во я какой!».

— И как он себе только язык не сломал? — выдохнул я на ухо эльфу.

— Практика. — Тот не мигая вместе с остальными смотрел, как единорог сел, подогнув задние копыта, в позу дворняжки — «готов служить и защищать».

— Теперь ваша очередь, сударыня. — Отобрав посох, Скорпо подтолкнул Винетту вперед.

Она пошла к Тилиону, колдун семенил рядом. Готов был спорить, ноги, как и все остальное, у девчонки дрожали и не слушались ее.

— Положите правую ладонь ему на лоб! И теперь скажите... НЕ ПОНЯЛ! — вытаращился колдун.

Единорог мотнул головой, высвобождаясь из-под руки девушки.

— Я не понял, ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?! — задрожал голос мага. — Ты что делаешь

скотинка единорогая?!

Мы с парнями подошли поближе к месту действия.

— СИДЕТЬ! — орал, плюясь, колдун. — Сидеть на месте, я сказал! Кто-нибудь, *свиток* сюда! Быстро!

Эльф одним прыжком слетал туда и обратно, принеся требуемое. Маг схватил бумагу, вчитываясь в строчки.

— *Лака лэй ваут...* — начал мастер Скорпо по новой.

Единорог остепенился и по окончании чтения вновь уселся, как раньше.

— Так, хорошо, — облизнул пересохшие губы маг. — Винетта, когда положите руку ему на лоб, прочтите вот эти слова, — он ткнул пальцем в свиток.

— Вы что, издеваетесь? — вспыхнула та.

— Тихо, тихо! Что такое?

— Господин маг, думаете, я умею читать эти каракули?

— А, понял! Значит, так, первая фраза «лшс *траухф*». «Х-Ф» последние. Повторите. Она повторила.

— Отлично, потом я подскажу остальное. — Колдун тяжело выдохнул: — Ну, с богом! Вперед!

Винетта, также вздохнув, осторожно положила руку на лоб единорога.

— *Лаус траухф*, — начала она.

Тилион проснулся и стал подниматься на ноги.

— ОТРОДЬЕ ВАШИ ДУШИ!!! — взревел колдун так, что мы все, включая и единорога, отскочили от Скорпо подальше. Так, на всякий случай.

Скорпо... заплакал. Слезы бессилия потекли по его щекам. Он тряхнул головой, рванул воротник в сторону и медленно, крадучись, пошел на девушку.

— Так! Тебя зовут Винетта Вильсхолльская?

— Да...

— Дочь короля Гиера Одиннадцатого?

— Да.

— Полное имя Винетта де Ла'Дэй Гиер, принцесса Вильсхолльская?

— Да.

— Родилась в 9253 году?

— Да.

— Месяц Водяного Тополя, первая его декада?

— Откуда я знаю? Четвертый месяц 9253 года от создания миров. И хочу заметить, уважаемый маг, что невежливо при всех говорить о возрасте дамы!

— Конечно-конечно... — обреченно отвернулся Скорпо и спросил забившегося в угол единорога:

— А тебя-то точно Рох-Тилионом зовут?

— Вах-вах, — пособолезновал Дио, — что-то не так, о Властелин Мира?

— Пошел в *схад*, коняга бешеная! — развернулся колдун. — Пошел в *схад* и не... и не... — его заклинило и явно что-то осенило. — Милая девушка, — кисло улыбнулся он, вытирая рот. — Боюсь показаться невежливым и даже грубияном и хамом, но обстоятельства таковы, что я вынужден задать вопрос, который вправе задавать только отец, мать и священник! Итак... — он вжал голову в плечи, — вы... девица?

Сзади громко хмыкнул кентавр. Винетта побледнела, затем покраснела и сложила руки

на груди.

— Ну не юноша же, господин волшебник!

— Я это вижу... — шагнул вперед маг. — Вы прекрасно поняли мой вопрос. Поэтому я не буду его повторять. Итак?..

Винетта гордо отвернулась, но не тут-то было. Скорпо, подлетев, схватил ее за плечи и, не обращая внимания на эльфа, рвущегося из наших объятий на помощь любимой, проорал:

— Ты была с мужчиной или нет? Отвечай!!!

— Да! Да! Была! — Девушка кое-как отбивалась от рук колдуна. — Я что, не вправе делать что хочу? Или я не хозяйка сама себе!

— Все... — колдун опустилсся прямо на пол у заветной стены, — это конец... Причем полный!..

— Дело в том, господа, — деловито объяснил Дио, — что единороги общаются, а значит, и слушаются только девственников. Именно поэтому многие белые маги сходят с ума от многолетнего воздержания, так как им необходимо быть совершенно безгрешными, подобно *Созданиям Неба*. Вот был один случай...

Стены пещеры затряслись. Из-под земли пошел гул, пол задрожал.

— Что это? — вскинулся маг. — Боги! Ведь начинается, начинается! — Он заметался по пещере. — Что делать? Что делать?!

— ЛУККА!!! — На меня таким голосом даже мамуля не кричала. — Хватай единорога быстро!

— Как хватать?

— Как-как! За шею! Быстро, время уходит!

Я подскочил к единорогу и как можно осторожней обнял его. На удивление, Рох-Тилион не дернулся, а даже... прошелся по моей щеке своими бархатными губами.

— Опаньки! — послышалось сзади, по-моему, это был Дож. — А я думал, что наш тролль просто придуруется. Ну что ж, бывает, бывает! Думаю, у парня все еще впереди!

— Что дальше, мастер?

— Давай подводи его к стене. Подвел? Молодец! А теперь... его рогом со всей силой ткни в стену! В любое место! Давай!

Я попробовал, но лошадка, поняв, что от нее хотят, развернулась, явно намыливаясь на выход.

— Хватай его! Окружай! — заплесал в истерике маг.

Как у меня получилось, не знаю, но я умудрился-таки оседлать эту взбесившуюся скотинку. Единорога в смысле.

Я как-то упоминал, что ездить верхом не умею. Потому как ни одна лошадь просто не может меня выдержать. Тилион не стал исключением. Его зашатало, понесло вбок. Скорпо попытался схватить его за гриву, но прикосновение того придало единорогу сил. Он взбрыкнул раз, другой и, явно не осознавая, что делает... ткнулся рогом в ту стену.

Камень разорвало. Осколки просвистели над головой, повалил удушливый дым. В образовавшуюся брешь кувыркком влетел я, следом, едва держась на ногах, и сам Рох-Тилион.

Я угодил лбом во что-то твердое, пыльное и холодное. Перекатившись в сторону, сквозь мрак подземелья я разобрал, что это была невысокая каменная тумба с коробом наверху.

В проломе показался Скорпо, тащивший за собой Винетту.

Рывком поставив ее перед ларцом, он что-то ей приказал. Девушка, понунив голову, взяла с постамента ларец и протянула его волшебнику. Тот, помахав над ним руками, не

иначе как разгоняя паутину, открыл крышку.

И снова громыхнуло! Из ларца ударил столб огненного света, обдав Скорпо с головой. Того пошатнуло, он протянул руки вперед, и прямо в них из ларца медленно-медленно выплыла книга. Колдун жадно схватил ее, опускаясь на колено. Винетта отошла в сторону, не выпуская короба из рук. В проходе показались любопытствующие лица моих товарищей.

— ...И предел Мира, и Власть его! — закончил читать заклинание Скорпо, прочертив книгой в воздухе некий знак.

Следом за книгой протянулась огненная нить. Она вытянулась, собралась и сразу же разжалась в виде огромного, в два моих роста, светящегося голубого круга с перекрещенными линиями. Скорпо захохотал и шагнул внутрь круга. Смазывая узор, эта штука завертелась, как гончарный круг, и из нее далеким эхом донесся голос одного из Круга Двенадцати, мастера черной и белой магии, Скорпо из Заблудшего Леса:

— Прощайте, господа...

— Мог бы спасибо сказать! — отплевывался от пыли кентавр.

Пол пещеры затрясся по новой. Со стен, с потолка посыпались каменные крошки.

— Парни, уходим! — скомандовал гном. Я, потирая ушибленный лоб, еле поднялся.

— Мужики, а где этот... как его там, — забыл я все имена на свете, — ну, единорог? Где он?

— Не знаю, пропал куда-то! Тебе он нужен? — нагнулся ко мне кентавр. — Идти можешь?

— Да... конечно... просто голова закружилась, а так все нормально. — Ухватившись за протянутую руку, я приподнялся с земли.

Подхватив на руки Винетту, эльф первым дал деру из пещеры. Поддерживаемый кентавром и гномом, я захромал следом. Проклятая рана давала о себе знать. Идти было больно и тяжело, но я шел.

В какой-то момент я споткнулся и чуть не упал, но крепкие руки друзей удержали меня. Мы шли и шли к выходу, провожаемые сыпящимися сверху камнями.

Свобода встретила нас сильной метелью и еле заметным солнцем.

— Ты спрашивал? Гляди! — кивнул куда-то Дио.

Я поднял голову. По глазам бил снег, но я все же разглядел Рох-Тилиона, стоящего среди деревьев. Единорог, подняв к небу морду, что-то ревел, словно жаловался богам.

— Не нравится мне это! — проворчал Дож, увлекая меня в лес. — Только настоящих богов нам сегодня не хватало.

И, подтверждая его слова, с неба грянул гром, сверкнула молния. Вход в красную пещеру заволок дым.

Спустя пару дней, когда мы уходили из Заблудшего Леса, я любопытства ради пришел сюда вновь. Место входа в пещеру темнела совершенно ровная гладкая стена, скрывающая за собой проход в зал, где хранилась та злосчастная книга, ради которой все это и было затеяно.

Буран бушевал два дня подряд. Естественно, эти дни мы ничего не делали. Отсыпались, отъедались, ремонтировали оружие, повозку. В общем, готовились... Вот только к чему?

Когда на второй день нам надоело бездельничать, мы решили обследовать пещеру — бывшее жилище Скорпо.

Пещера представляла собой три больших зала, соединяющихся друг с другом небольшими туннелями-переходами. Первый можно было назвать прихожей, второй —

залом для посетителей, как обозвал его Дырявый Мешок. Третий был не чем иным, как личными покоями колдуна.

В дальней стене этих покоев мы обнаружили дверь, явно прорубленную человеческими руками. За нею шел длинный коридор с несколькими интересными дверями. Сразу же после входа мы наткнулись на зал, посреди которого стоял длиннющий стол, а по стенам полки, которые можно было бы назвать кухонными, если бы не стеклянные сосуды на них, всякие короба и коробочки, книги и разные другие инструменты, пригодные для магии.

Эльф, оставив свою подружку на входе, недолго полазил по помещению и сделал интересный вывод:

— Сюда не заходили лет пять, это точно. — Он показал слой пыли на пальце.

— Ты уверен? — нахмурился Дож.

— Еще бы, посмотри на плесень на книгах! К ним же не прикасались только боги знают сколько!

— Хреново дело... — принялся теребить гном свои бородатые косички. С недавних пор он это делал каждый раз, находясь в глубоком раздумье. — Что еще можешь сказать?

— Да нет, — огляделся эльф, — странно все это. Колдун, а в свою лабораторию даже и не заходил! Не понимаю...

— Не скажи, не скажи... — Гном, подойдя к столу, не дотрагиваясь до запыленных книг, пытался прочесть названия. — Ладно, пошли дальше.

Следующая дверь удивила нас еще больше. Чего здесь только не было! Запечатанные амфоры вина, кувшины засоленного мяса и рыбы, наглухо запечатанные сосуды, доспехи, оружие.

— Эй, Куп, зови сюда Винетту, — нахмурился гном.

— А надо? — встал в нерешительности эльф.

— Надо, ох как надо! Вскоре появилась Винетта.

— Сударыня, — вежливо обратился к ней Дырявый Мешок, — нам нужна ваша помощь.

— Слушаю вас.

Сегодня девушка была одета, как в день приезда к Скорпо: овчинная душегрейка, кожаные штанишки в обтяжку. При взгляде на ее фигурку во мне что-то такое начало бурлить... волновать, что ли... Не знаю, как описать... короче, что-то такое, этакое... происходило.

— Итак, насколько я понимаю, вас обучали в монастыре не только хорошим манерам, но и кулинарии, ведь так? — завел издалика гном.

— Ну да, — мило улыбнулась Винетта. — А в чем дело?

— Дело в том, что я бы хотел узнать у вас, сколько это может храниться? — гном жестом указал на сосуды.

— Пожалуйста, — пожала плечами девушка.

Она долго рыскала по полкам, открывая то один сосуд, то другой, иногда пробуя на вкус, иногда просто нюхая. И даже не постеснялась из горлышка хлебнуть вина.

— Уважаемый гном, что я вам могу сказать? Пользуясь тем, чему научили меня монашки, я могу с полной ответственностью заявить, что все это, причем абсолютно все, может храниться еще около трех-четырёх лет. Несмотря на то что некоторым кушаньям уже года по три, а то и по пять.

— Вывод?

— Долгосрочный запас на случай голода или для...

— Или для небольшой армии, человек так в двести пятьдесят — триста. Так? — прервал ее Дио.

— Ну, можно и так сказать, — почесала носик Винетта. — А почему именно армия?

— Оружие, милая девушка! Оружие и доспехи! — выпятил грудь кентавр. — Вы обратили внимание, сколько его здесь? Причем, в отличие от провианта, некоторые предметы просто заржавели без смазки, без должного ухода! Настоящий воитель просто бы руки оторвал за такое отношение к оружию! А так как бывший хозяин этих покоев больше разбирался в еде, чем в оружии и обращении с ним, то вот и результат, — ткнул копытом Дио в ржавый треугольный щит.

— Итак, можно сделать следующий вывод, — заключил Дож, — наш бывший хозяин готовился к небольшой, так сказать уездного масштаба, войне! Для этого, обладая отдаленными познаниями об оружии, он приготовил необходимую амуницию, а также запас необходимого провианта. Причем, не зная сроков операции, плюс-минус тройка лет, готовил все это досрочно. — Гном посмотрел нам в глаза. — Осталось только одно недостающее звено. Но думаю, просто уверен, что мы найдем его дальше по коридору!

Недостающее звено скрывалось за кованой, вырубленной в камне дверью.

Опять длинный стол, опять нагромождение разных стеклянных приспособлений и просто сосудов и... Целый склад увесистых тюков вдоль стен. Никто из нас даже и не сомневался, что в них было!

— Эй, все идите сюда! — воскликнул Куп, переминаясь с ноги на ногу около одного из распоротых тюков.

Мы подошли. Эльф показал нам пучок длиннющих стрел.

— Знаете, что это такое?

Я взял несколько и внимательно оглядел их. После недолгого осмотра высказался:

— Это так называемый «эльфийский веер»! — Видя непонимающее личико Винетты, я поспешил разъяснить: — Это четыре-пять стрел, сложенные вместе. Предварительно их оперение выполнено таким образом, что при одновременном выстреле они летят не прямо в цель, а немного в сторону.

— При штурме или плотной обороне очень эффективная штука, — закончил за меня Дож. — Ну и что это здесь делает?

— Подождите, — улыбнулся эльф, — а вот это что, по-вашему, а?

Он протянул еще пяток стрел «эльфийского веера». Только к каждой стреле, к ее острию, был прикреплен мешочек, от которого шла толстенькая бечевка, связанная с такими же бечевками в один узел, от которого шла еще одна.

— Ну, кто угадает, что это такое? — ухмыльнулся Куп.

— Боги мои! — икнул кентавр. — Вот это да! Гном, дружище, ты вник, что надумал наш Скорпо?!

— Еще бы... — Гном поднял глаза на Винетту. — Вы не понимаете, ведь так? Я объясню. Здесь, — он ткнул в подвязанные к стрелам мешочки, — *фэл*. Очень дорогой и сильный наркотик. В то же время он взрывоопасен. Думаю, — гном позволил себе улыбнуться, — вы помните, что случилось во дворе монастыря, когда по приказу настоятельницы мешки с этой дрянью подожгли? Напомню: ворота и близстоящие стены просто снесло. А что у нас здесь? В то время как стрелок изготавился к стрельбе, поджигается главный фитиль. Когда огонь, добежав до узла, расходится по другим пяти фитилям, спускается тетива. Стрелы, заряженные *фэлом*, летят в цель, а также захватывают близлежащие цели. В полете или по попадании огонь добирается до мешочка. Взрыв. При удачном стечении обстоятельств взрываться будут от трех до пяти стрел, — гном продолжал глядеть прямо в лицо девушке.

— Сомневаясь, что броня пехотинца или даже рыцаря выдержит это, — гном поднес к глазам стрелу, — мастер Скорпо готовился не к простой войне, он готовился к бою... к уничтожению тех, кто станет у него на пути... Вот так...

— Одним словом, — вышел вперед Дио, — Скорпо не просто так готовил это зелье? В том смысле, что не только ради заработка, но и для подготовки военных действий?

— Получается именно так. Наш волшебничек решал разом две проблемы. С таким вооружением ни одна оборона долго не выстоит. Скорее всего, это готовилось как второй вариант. На тот случай, если бы Книга ему не досталась. Второй проблемой являлась проблема оплаты, вряд ли наемники работали на него просто так — бесплатно. А так как он, скорее всего, собирался привлечь в свою армию орков, то оплата шла бы сразу и наличными,

и товаром. Меня беспокоит сейчас другой вопрос. — Гном поднялся с колен. — Он ничего не перепутал?

— В смысле? — оторвал я взгляд от хорошего, почти нового тролльского лука.

— Почему он решил, что вчера был День Волхвов?

Может, это было и не очень хорошо, в том смысле, что без спросу, но мы изрядно пополнили припасы из кладовых Скорпо. И не только провизией. Парни, в том числе и я, приглядели себе, а значит, и взяли новое обмундирование. Теперь, если бы мне вдруг захотелось вылезти во всеоружии, то я бы был похож на ту елку, что наряжают люди на празднество Годового Перехода Лун. Правда, если бы мне вдруг приспичило с кем-нибудь подраться, то я двигался бы со скоростью улитки.

Перед самым отъездом у нас состоялся крупный разговор.

— И куда ты теперь? — начал Дырявый Мешок. — Поди, домой подашься?

— Ну а куда еще! — Я был просто поражен непониманием карлика. — Дож, дружище, я не был дома уже больше полугода! Там уже небось ватагу собирают на мои поиски!

— Ясно. А ты, Куп?

— Я? — замялся эльф. — Ну, у меня есть некоторые планы...

— Да в Вильсхолль он собрался со своей милой! — расхохотался кентавр и, не обращая внимания на зардевшегося эльфа, продолжил: — Понимаешь, гном, у них это... любовь!

— Про себя лучше бы говорил, — отвернулся эльф.

— А что я? Я не впускал в свое сердце чувства и обещания! Я совершенно свободная лошадь. Захочу — с тобой увяжусь. Захочу — к троллям рвану посмотреть, что там и как, интересно ведь! А так, вон гному компанию составлю. Кстати, Дож, а у тебя какие планы на будущее?

Гном погладил свой топор.

— Я? Даже не знаю, парни! Думаю так: доеду до «Южного Тракта», что на Перекрестке Семи Дорог, а там видно будет. Вдруг какой лох попадется, глядишь, денежка в кармане зазвенит. А нет так нет, у меня под ногами будут сразу семь дорог, а за спиной попутный ветер!

Едва буря улеглась, мы тронулись в путь. В отличие от дороги в Заблудший Лес, я сидел на козлах рядом с Дожем, а кентавр гордо гарцевал рядом, давая возможность Купу спокойно миловаться с Винеттой внутри кибитки.

День, еще полдня, и мы выехали на главный тракт. Солнце не успело достичь зенита, как началось...

Мы с Дожем мирно беседовали о жизни, то есть об оружии, вине, лошадях и подходах к женщинам, как к нам подсказал Дио.

— Тормози, мужики, ваш глаз нужен. Мы нехотя слезли, правда не забыв дать передохнуть эльфу, то есть взяли его с собой.

— И что у нас тут? — особо не спеша подошел гном к месту, указанному кентавром. — Ой, а что это?

На замерзшей дороге виднелись следы. Несмотря на бушевавшую вчера метель, следы были свежими.

Эльф, как признанный в нашем отряде следопыт, первым начал их отгадывать:

— Так, — и сразу же осекся, подняв на нас недоуменный взгляд. — Кто бы это?

— Если б знал, то тебя бы не звал! — поддел Дио. — Что сказать можешь?

— Ну, — неуверенно начал Куп, — следы вчерашние — факт Шло много, штук так с

пятьдесят. Но не люди.

— Орки? Гоблины? — вставил я для затравки.

— Брось, Лукка, не смешно. — Эльф водил над следами рукой. — И те, и другие оставляют ярко выраженные отпечатки, а здесь мало того что целый табун прошел, да еще... — Он пригляделся. — Шли не спеша. Можно даже сказать, еле волочились. Но, думаю, уже достигли «Южного Тракта». Не знаю почему, но есть такое чувство, что все они раненные или больные. Главного, то бишь вожака, не видно, или его след затерт другими.

— Ох, эльф, — окинул гном взглядом дорогу, — нехорошие ты вещи говоришь.

— А чем же они нехорошие? — вставил свое Дио.

— Есть у меня, парни, предчувствие. Плохое...

— У тебя все предчувствия плохие, — усмехнулся я, — говори толком.

— Если толком, то... Одевайся, мужики! Во все железное желательно. Никак, наш волшебник мертвых поднял! И движутся они...

— Ну что ты несешь! — рассмеялся Дио. — Мертвые! Армия мертвых! Ага, самые настоящие *зловещие мертвецы*, да?

— А почему нет? — Эльф оторвал взгляд от дороги. — Очень даже похоже... — Он встал во весь рост. — Даже слишком'

— Парни, — перестал ржать Дио, — вы это что, серьезно?

— Подожди-ка... — Куп, что-то высмотрев, пробежался вдоль дороги. — Ну а это что? — На лезвии меча он нес., кисть отрубленной руки.

— Боже! — выдохнула сзади никем не замеченная Винетта — Неужели это правда?..

— Правда — что? — развернулся к ней гном.

— *Проклятие*... — Она попятилась, не сводя глаз с куска мертвой плоти. — Нет... Нет! НЕТ!!! — Девушка, потеряв голову, кинулась в лес, Куп за ней.

— Дио, подсоби малому.

Кивнув, кентавр рысью бросился за ними.

— Лукка, доставай свой лук. — Гном, озираясь, поспешил к кибитке.

— Брось, Дож, если бы здесь кто-то и был, тем более из этих, наши лошадки обязательно бы почуяли!

Но гном уже не слушал. Проявив недюжинную прыть, он нырнул в повозку, а вылез с ног до головы облаченный в железо.

— Легче стало? — подошел я.

— Да иди ты! — огрызнулся Дырявый Мешок. — Пока никого рядом нет, признаюсь. Кроме самого себя и парочки богов из наших, я боюсь только мертвецов. Тем более оживших!

— Что, правда? — немало удивился я. — Кого там страшиться — мертвяки они и есть мертвяки! Живых бояться надо!

— Пойми правильно, дружище. Я видел много чего, даже раз довелось увидеть бога! Правда, до сих пор не знаю, какого именно. Но... эту недоразложившуюся дрянь! О, а вот и наши!

Из леса показался кентавр с эльфом. Причем Куп нес на руках нашу беглянку. Винетта плакала навзрыд и, кажется, даже билась в истерических судорогах. Махнув рукой, мол, «даже не спрашивай», Дио прошел мимо посмотреть, что там и как с нашими коняшками. Он вообще понимал их, как никто другой. Прямо-таки с полуслова их понимал, с полуржания.

Эльф кое-как втащил рыдающую девушку в повозку. Пожав плечами, мы с гномом сели за вожжи, и кибитка тронулась в путь.

Ближе к вечеру, когда мы решились заночевать, причем прямо на обочине дороги, кентавр шепотом объяснил дневное происшествие:

— У них в роду ходит предание. Проклятие рода. С чего там все началось и по какому поводу, я так и не понял, но не в этом суть. По этой сказке, однажды в королевстве появятся четверо. И ни один из них не будет рожденным человеком. Так что наша ватага подходит под описание как нельзя лучше.

— Так вот откуда у них этот закон, ну про запрет на пребывание в Вильсхолле гномов, эльфов и других *недочеловеков*! — перебил Дож.

— Думаю, так оно и было! Дальше, по этому преданию, от рук этой четверки умрет король. И по истечении там скольких-то дней после его смерти поднимутся мертвые из земли и всех, короче говоря, перекусают. А вести эту самую армию оживших трупов будет сам убиенный король. Тоже, понятно, восставший из мертвых. Вследствие чего и еще чего-то там (из-за этой девчонки сквозь рев ничего нельзя было нормально понять) королевство пойдет прахом и на троне воссядет незаконный правитель.

— Незаконный — это самозванец, что ли? — уточнил гном.

— Я так понял, что незаконнорожденный.

— Выходит, если верить этому преданию, то девчонке можно спокойно забыть о престоле, так? — высказал я догадку. — Ну и чего она испереживалась? Папа и так отрекся от нее! Она свободный человек.

— А кто это видел? — возразил кентавр. — Ты сломал Гиеру шею, даже не дав оформить нужные бумаги, а показания оставшихся в живых «золотых»?.. При определенных обстоятельствах можно и пропустить мимо ушей солдатскую брехню. Так что... у девочки есть шансы.

— Подождите, — встрепнулся Дырявый Мешок, — я думаю, что не столько само предание сыграло здесь свою роль, сколько один эпизод из этой родовой бредятины. А вкупе с тонкой девичьей душой... Что там говорил Анисим перед смертью? Что вроде Гиер Винетте вовсе и не отец? Или это он в бреду?

— Или в том смысле, что чем *такого папулю* иметь, лучше вообще сиротой быть, — высказался я.

— Ну, сиротой она по-любому не будет — мать-то у нее должна быть. Ладно, — попытожил Дио, — поживем — поглядим!

Утром выяснилось, что одна из лошадей захромала.

— Надо срочно подковывать, а то копыто себе собьет, а там, не дай бог, конечно, и вообще инвалидом станет. — Я уже говорил, что Дио заботился о здоровье лошадей строже, чем о своем собственном.

— К вечеру будем в «Южном Тракте», там подкуем, — буркнул Дож.

Кентавр еще раз осмотрел копыто и встал на дыбы:

— Сейчас надо, крайний срок — до обеда!

— И где я тебе, то есть ей, сейчас кузню найду? Ничего с ней не случится, поехали!

Видя, что дело вот-вот дойдет до кулачных разговоров, я влез в их спор:

— Мужики, чего ссоритесь? Если я не путаю, то через три поворота прямо с дороги деревня будет видна, туда Скорпо за провиантом ездил. Там и сделаем все дела! Дио, твоя разлюбезная немного потерпит?

Я и вправду ничего не забыл и не напутал, и деревня действительно оказалась перед четвертым поворотом. Как и любая другая деревня в этих краях (в отличие от вильсхольских), эта была обнесена частоколом.

— Здесь что, каждый день готовы к бою? — усмехнулся Дио.

— Лес вокруг, мож, какая зверюга на прокорм пожалует, — пустился я в разъяснения. — Да и от лихих людишек хоть какое-то укрытие, — продолжал я. — Только вот не пойму, что это за защита, если в стене ворот нет.

Здесь я ошибся — ворота были, только они лежали за самой стеной в, весьма покореженном состоянии. Мы вкатились внутрь и сразу же остановились от греха подальше. Если у них тут такое на входе, то что же могло быть дальше!

А дальше ничего и не было, в смысле никого. Избы стоят, где-то ставни скрипят. Тихо как-то, только собачка где-то поскуливает. Несмотря на протесты Винетты, мы оставили ее с кентавром у повозки, а сами, вооружившись, потихоньку пошли вдоль домов.

Около очередного дома мы задержались: калитка во двор да и сама входная дверь были нараспашку. Молча переглянувшись, вошли. Первым под прикрытием наших стрел внутрь избы вошел гном, следом за ним я, а затем Куп. Изба была пуста. Огонь в печи давно умер.

— Уже день как не топили. — Эльф покопался рукой в углях.

Я отыскал люк подпола и приоткрыл его, мало ли кто мог спрятаться там от налетевшей беды.

— Эй, есть тут кто? — крикнул я в темноту.

— Нет там никого, не надрывайся, — буркнул гном, рассматривая раму окна, — если только на чердаке.

Не поверив гному на слово, я вытащил кремни и запалил из хвороста, взятого у печи, факелок. Разлегшись на полу около люка, я свесился туда по плечи, освещая погреб. Действительно, никого, лишь мыши разбежались от света огня в разные стороны.

Вылезши обратно, я закрыл подпол, затоптал огонь. Между тем эльф, посаженный гномом, как тот паучок, лез на чердак, но у него не получалось — дверца люка была не то забита, не то закрыта изнутри. Я поспешил на помощь Дожу. Тот уже скрипел вслух — карлику было просто неудобно держать великорослого эльфа. Отложив лук, я встал рядом, ухватил Купа за икры и приподнял его повыше.

— О, спасибо, — отдуваясь, отошел в сторону гном поправлять на себе амуницию. — Что там, Куп?

— Не знаю, — прохрипел тот, — заперто изнутри.

— Странно... — оглянулся гном. — Спускай его, Лукка.

— Пошли отсюда, ребята, — потянул нас на выход Дож, — и поскорее...

— И кто что думает? — облокотился гном на рукоять своего топора, когда мы вышли на свежий воз-ДУХ.

— Надо найти кузню, быстренько сделать дело и сразу же уходить отсюда, — предложил эльф. — Я так полагаю, других вариантов нет?

— Есть, — озадачил я всех, — берем вон ту лестницу, ставим ее к наружному люку чердака, лезем и смотрим, что мы там недоглядели.

— А оно тебе надо? — поморщился Дырявый Мешок. — Что мы там могли недоглядеть? Я развернулся к нему:

— А что мы доглядели!

Наверх полез я сам, хорошо, что лестница была тяжелая, добротная. Добравшись до

люка, я прислушался — вроде тихо. Слегка толкнул дверь, а она и не была заперта! Кое-как забравшись внутрь, я... пожалел, что вообще сюда забрался! Только глаза привыкли к полумраку, только я сделал первый шаг от двери, как у самой перекладины, подпирающей крышу, увидел истерзанное детское тельце... Я даже и не смог понять, кто это был — мальчик или девочка, так вся плоть была истерзана. Я видел раз такое — однажды мы нашли на равнине тело человека, которого загрызли волки. Только там, как здесь сейчас, не было топора, (торчавшего из черепа.

— И зачем это сделали? — Куп не отрываясь смотрел снизу на открытую дверцу чердака.

Кое-как оторвавшись от меха с вином, я посмотрел на него:

— Ты... меня... спрашиваешь?..

— Чтобы ребенок не достался нападавшим, — со скорбью в глазах глядел на мертвую деревню гном, — чтобы он не стал одним из них.

— Каким нападавшим? Кто это был?

Не дожидаясь ответа, я вновь приложился к вину.

— Я больше чем уверен, что это были... мертвые... — Гном провел пальцем по лезвию топора. — Пошли отсюда, здесь нет никого, искать не имеет смысла.

— А если кто все же остался?

— Значит, им повезло. — Гном попытался отнять у меня пойло: — Хорош жрать, Лукка! — И, выхватив у меня из рук мех, сам приложился к горлышку.

Поднявшись с холодной земли, я обреченно побрел за товарищами. Оставшиеся в повозке встретили нас вопросами. Гном в двух словах, не вдаваясь в подробности, разъяснил ситуацию:

— Деревня мертва, если кто и выжил, то сейчас спрятался и не выйдет навстречу.

— А женщины, дети? — В голосе Винетты сквозила надежда.

— Девочка моя, — опустил голову Дож, — прошло два дня. За это время те люди, которые стали жертвой этих... — он пропустил нехорошее слово, — сами стали живыми трупами. И сами же вернулись сюда за укрывшимися... не ставшими добычей сразу. Если кому и повезло, то тем, кто укрылся в лесу. Рано или поздно они вернуться сюда, и деревня оживет.

Где-то далеко закричал ворон. Куп обнял за плечи испуганную девушку, прижал к себе, что-то нашептывая ей на ушко.

— Ладно, — сказал кентавр и вытащил двуручный меч, позаимствованный из арсенала Скорпо, — пошли искать то, за чем приехали. Кузница должна быть где-то в конце деревни. Куп, давай с Винеттой внутрь, да сам наготове будь, мало ли что, сам понимаешь.

Кузня действительно была в самом конце деревни, прямо у стены частокола. Дверь открыта, заходи кто хочешь, делай что хочешь. Дож велел растопить печь и, как «прирожденный кузнец и мастер этого дела», принялся за работу. Несмотря на то что «из меня вышел бы классный молотобоец», меня на пару с эльфом выставили наружу на погляд. Винетта наотрез отказалась выходить из кузницы и, забившись в уголке, молча смотрела, как пылает огонь, раздувается горн.

От нечего делать я обошел кузню вокруг. Невдалеке от нее частокол был кое-где попорчен, а в одном месте его просто разнесли в щепки. Любопытства ради я выглянул в дыру, уже зная, что я там увижу. Точно! В двухстах, ну, чуть больше, шагах от деревни находилось людское кладбище. Почему людское? Да ведь только люди, хороня своих, ставят

сверху могильных холмиков большие деревянные кресты. Правда, сейчас эти кресты валялись вокруг на земле. Я прошелся до могил. Почти все они пустовали, только две или три из них имели такой вид, будто под ними копошилась стая пьяных червей. Или они были просто... свежими?

Я осмотрелся и углядел еще пару таких же могил подальше. Взяв поудобнее топор и вынув из ножен меч, стараясь ступать как можно тише, я начал осторожно пятиться обратно к деревне, проклиная свою дурную башку и такое же любопытство.

Был момент, когда мне захотелось броситься наутек. Все эти разговоры про мертвых, которые поднимаются, про живых, которые пополняют ряды тех, кто их убил... Не зря говорил дедушка Кове: «Если тролль развесил уши, то в них может поместиться весь свет и еще две сказки!» У частокола меня встретил встревоженный Куп с луком наизготовку.

— Что там? — Эльф даже не стал говорить, что он имеет в виду, но я прекрасно понял его. — Или просто показалось?

— Надеюсь, показалось. — Меч вернулся в ножны. — Долго им там еще? — Слышались звуки тяжелых ударов металла о металл.

— Заканчивают, пошли.

Действительно, подковка уже подходила к концу. Когда последний гвоздь был вбит, Дио обнял лошадь, что-то шепча ей на ухо. Гном вытирал руки ветошью, довольно шурясь на полуденное солнце. Я направился к нему, намереваясь посвятить его в свою находку.

— Знаешь ли ты, о друг тролль, что больше всего на свете после дружбы, выпивки и странствий ценит гном? Не знаешь! А я тебе скажу: хорошую мужскую работу! — Он улыбнулся, вытирая пот с груди и подмышек. — Пивка бы...

— А мне бы смотаться отсюда, да поживее. Дож, там, за околицей деревни... — начал я было свой рассказ.

— Ой! — пискнула Винетта.

Отпихнув от себя в глубь кузницы гнома, я, разворачиваясь, уже заносил топор, ища глазами цель. Ухо уловило слева звук натягивающегося лука и лязг стали. Я принял стойку, готовый ко всему. Где они?! ДАЙТЕ МНЕ ИХ!!! Страх, засевший в душе, передавался рукам и затаился на острие ахаста, готовый перейти к другому. А этот другой уселся на попку и, поставив перед собой две дрожащие лапки, жалобно тявкнул, преданно заглядывая всем сразу в глаза.

— Ой, щеночек! — хлопнула в ладоши девчонка.

— Ага... он самый...

Я ожидал увидеть кого угодно, только не мордастого черной окраски существа со свисающими ушками. Я сел на первое, что попало под зад. Это что-то заверещало и попыталось пихнуть меня в бок.

— Ой, Дож, извини! Не заметил. Эй, Куп, можешь расслабиться... ЭЙ! КУП!!!

Эльф, выкатив глаза, смотрел за спину кентавра. Тот, боясь пошевелиться, чуть кивнул товарищу:

— Только не надо меня сразу убивать... Может, мне... для начала... нагнуться?..

— Да...

Дио еще не упал, как стрела, свистнув, срубила с ног похожего на мертвеца человека.

— Дио! — взревел гном. — Быстро запрягай! Уходим! — И сам, выхватив из кучи с вещами взведенный арбалет, выстрелил в поднимающегося с земли мертвеца.

— Жакхе! Мертвецы! Днем! Плохо дело. — Отбросив пустой самострел в сторону, гном поднял из той же кучи топор, швырнув ногой оставшуюся одежду в сторону Винетты: — Собирай шмотки и в повозку, живо! — А сам, подскочив ко мне, занял позицию рядом. — Ты хотел мне про это рассказать?

— Да, только тогда они были еще в земле. — Я, отложив топор, заряжал лук. — А вот и подкрепление!

Стрела слетела с тетивы навстречу так неудачно вылезшему из-за угла второму мертвяку. Эльф отходил, посылая стрелы в наступающих.

Они шли медленно, смотря мимо нас белесыми безжизненными глазами. Одна из моих стрел влетела ближайшему прямо в лоб. Его отбросило назад, и голова, расставшись с плотью, отлетела в сторону. Из раны на землю полился гной, еще какая-то тошнотворная дрянь. Обезглавленное тело задергалось в судорогах, размахивая руками перед собой, хлопая по земле, ища свою башку.

— Готово, залазь! — рывкнул кентавр, выгарцовывая со своей двуручной железкой. — НУ, КТО?!

Нас и не надо было долго упрашивать. Повозка развернулась и, ведомая кентавром, рванула с места, набирая скорость. Подпрыгивая по кочкам, мы вылетели из проклятой деревни, оставив за собой смерть и ожившие трупы.

Отъехав на порядочное расстояние, мы сбавили ход. Отдышавшись, гном заставил нас осмотреть друг друга на предмет случайных ранений.

— Хоть эта дрянь до нас и не коснулась, но все же! И еще, — Дырявый Мешок как был в переднике на голое пузо, слегка задыхаясь, обратился к Винетте: — Девочка, а где моя одежда?

Винетта Вильсхолльская виновато улыбнулась, прижимая к груди высунувшего розовый язычок щенка.

Взошла молодая луна, рассеяв вокруг по небу звездную муку. Под этим светом мы и добрались до Перекрестка Семи Дорог. Тяжелая рука вымотанного дорогой кентавра обрушилась на запертые дубовые ворота «Южного Тракта».

— Открывай, хозяин, — пробасил Дио, — открывай, или я найду в себе силы разнести эти двери!

— Друг, — подгреб к нему эльф, — можно одно маленькое замечание?

— К сатирам все замечания! Я хочу пить и есть! А еще я хочу нормально вытянуть копыта! — проорал кентавр и врезал по двери так, что она задрожала. — Хозяин, гаргулю тебе в печень! Заснул там, что ли?

— Дио, подожди, — попытался отодвинуть кентавра в сторону эльф, — всего одно мгновение! Пожалуйста...

Кентавр молча отодвинулся. Эльф, с ухмылкой глядя на друга, открыл ворота, потянув половинки на себя.

— Правь, Дож! Здесь открыто. Когда повозка вкатилась во двор, Куп повернулся к нахмуренному кентавру:

— Если хочешь, можешь присоединиться к нам, а так — можешь еще вволю позаниматься открыванием.

Ворча и поминая людскую, эльфийскую, гномскую и другие неблагодарности, Дио присоединился к нам. Выгрузившись, мы только сейчас заметили, что нас никто не встречает. Странное дело, во всех постоянных дворах обязательно есть пара слуг, бдящих всю ночь на случай ночных гостей, а тем более здесь, на Перекрестке Семи Дорог, где путники могут заглянуть в абсолютно любое время! Хотя, если взять последние события...

— Так, лошадей не распрягать, девушка остается в повозке. Дио, доставай свою железку, будь готов ко всему! — скомандовал Дож.

— Думаешь, будет продолжение дневного увеселения? — Эльф надел колчан поверх кольчуги.

— Боюсь, что да. Лукка и ты пойдете первыми, мы здесь. Если все чисто, то выгружаемся и ждем рассвета. Ну а если нет, то придется двигать до Уилтавана без передышки.

Когда я был здесь в последний раз, трактир выдержал основательный ремонт, хотя и выражался он только в перемене цвета стен, мебели и так, по мелочам. Во всем остальном это был тот же заезжий угол, где останавливались путешественники, дабы скоротать ночь, согреться, утолить с дороги жажду, поесть, починиться, узнать новости и сплетни. Зайдя сюда, никогда нельзя было предвидеть, кого здесь встретишь. Сегодня здесь никого не было... Гостиный зал пустовал. Два из трех центральных длинных стола были перевернуты. Все остальные малые столы, что стояли вдоль стен и по углам, впрочем, как и лавки и стулья, годились теперь только на то, чтобы ими развести огонь. Но не это заставило меня замереть, оступившись. Факел в моей руке осветил скользкий от крови пол... Моя правая наступила на секиру, валявшуюся рядом с чьим-то дорожным мешком. Эльф, наткнувшись на очаг, набросал туда деревяшек и подпалил. Нехотя занялся огонь, освещая помещение. Я всматривался в тлеющий полумрак, рассматривая учиненный погром. Куп, готовый к любым неожиданностям, то сильнее натягивал тетиву, то слегка отпускал ее. Свет достал до дальней стены, где была стойка хозяина и дверь на кухню. Эльфийский лук выгнулся до предела, правый глаз Купа прищурился — он был готов стрелять. Приподняв факел повыше и ухватившись за самый конец топорща, я прикинул, во что целится эльф, и попытался сам разглядеть цель.

У стойки, среди обломков мебели — что-то, напоминающее тяжелый мешок. Воткнув факел в подставку на стене, я, стараясь особо не шуметь, стал подкрадываться к *этому*. Как я надеялся, чтобы *оно* на поверку оказалось счастливым пьянчужкой! Куп двигался в двух шагах от меня, не сводя с *этого* нацеленного лука. *Оно* зашевелилось, поворачивая к нам голову. Мы резко встали, готовые на все и ко всему. Лица видно не было, как и всего остального. Оно засипело, вытянув свою клешню, не то желая схватить одного из нас, не то взывая о помощи.

— Мож, прибьем для порядка? — кинул предложение эльф. — А если это уже мертвяк?

— А если здесь просто бандюки погуляли? — в тон ему ответил я. — Поближе подойдем. Только смотри: осторожно!

Эльф недовольно хмыкнул.

Лежащий на полу вытащил из-под себя вторую руку и, поставив ее перед собой, попытался встать на колени. С какого-то раза ему это удалось. Трясаясь, он встал с колен во весь рост, хватаясь руками за край стойки. Мы опять остановились, выжидая.

Он медленно стал поднимать голову... Что-то сорвалось с нее, шлепнувшись на пол. Он застонал, его сносило в сторону.

— Укхааааа... — Шепот боли и страдания заставил содрогнуться.

— Ллуу-кххааа... — Он сделал неуверенную попытку выйти к нам, в круг света.

Добравшись до сухого дерева, огонь в очаге вспыхнул, выставляя напоказ лицо мученика. Мы отшатнулись!

Лица не было — сплошное кровавое месиво со свисающими кусками мяса и кожи. Залитые кровью и чем-то ярко-желтым тряпки, бывшие когда-то одеждой, а теперь превратившиеся в сплошные лохмотья, еле прикрывали кости скелета и остатки органов. Там, где когда-то была шея, я разглядел чудом оставшийся нетронутым кусок кожи с выцветшим рисунком круга и...

— Мастер Скорпо, — ахнул я, — это... ВЫ?!

Лошадей распрягли и, отведя в конюшню, задали корма. Ворота заперли, для верности вставив в петли брус. Двери гостиницы изнутри подперли всем, чем было можно. Обследовав трактир, мы убедились, что он совершенно пуст. Скорпо, завернув в найденное полотнище, отнесли в одну из комнат наверху. Говорить он не мог, только сипел и стонал от боли, захлебываясь жидкой дрянью, которой истекал с ног до головы. Мы не решились ночевать в гостевых комнатах и все вместе расположились в зале. Очистив от обломков не замаранное кровью место около очага, мы легли прямо там.

Хотя денек выдался на редкость беготливым, сон меня никак не брал. В голове крутились события ушедшего дня: деревня, схватка у кузницы, появление Скорпо. Перед глазами всплывали картинки — одна за другой. То топор в голове девчушки, то Куп, посылающий стрелы в наступающих мертвецов, колдун, теряющий части своего тела и пытающийся встать. Под конец явился огромный, величиной с дом, щенок. Он долго смотрел, затем, облизнув меня, начал тормозить за плечо.

— Лукка, Лукка, — тявкал он мне на ухо, — вставай! Слышишь, вставай!

Еле разлепив глаза, я уставился на наклонившегося ко мне гнома.

— Ты чего?

— Тсс! Тихо... — приложил тот к губам палец, кивая на дверь.

Меня не надо было долго упрашивать. Я как можно тише поднялся на ноги, захватив с собой ахаст, перебросив через плечо колчан с луком. Вооруженные Куп с Дио уже стояли рядом. За дверью что-то шуршало. Переглянувшись с эльфом, мы подняли луки, изготовившись к стрельбе. Для себя я решил: если это будет ломиться, то, не дожидаясь знакомства, я сразу же спускаю стрелу. Троллий лук вполне способен прошить эту дверь насквозь. И пусть урон будет невелик, но хоть по голосу опознаем, что это было, и пусть не сильно ругают меня боги, если я ошибся!

Дверь задрожала, готовая вот-вот слететь с петель.

Дождь пригнулся, собираясь с разбегу кинуться на врага. Краем глаза я заметил, что топор в его руках дрожал, хотя лицо карлика выражало полное спокойствие и решимость. Поплевав на руки, Дио ухватился поудобней за рукоять меча, занеся его за голову слева. Винетта, прижав к себе жалобно заскулившего щеночка и взведенный арбалет, быстренько подалась за стойку. Правильно, незачем мешаться под ногами, когда поют стрелы и лязгают мечи.

Дверь резко перестала дрожать. Наступила полная тишина.

— Надо было стрелять... Теперь уже поздно... — ругнулся гном. — Куп, они могут через верхний этаж пробраться?

— Вряд ли, если только летать научились.

Дверь выскочила целиком, кувыркаясь в воздухе. Две стрелы одновременно сорвались с

тетивы, уходя в темноту. Мы сразу же снарядили новые, готовые стрелять... только в кого? Там, за порогом, вроде как никого не было... Хотя!

Что-то тягучее, светящееся темно-синим начало выползать из темноты в зал. На что это было похоже? Не знаю! Скорее всего, на огромную густую каплю меда. И сейчас этот «мед» вливался к нам, мерцая всеми оттенками синего сразу. Я, не удержавшись, выстрелил — стрела воткнулась в плотную массу и сгорела у нас на глазах.

А между тем эта штука полностью влилась к нам и, перелившись в шар, стала менять цвета, один за другим, пока не сделалась совершенно прозрачной. Внутри стояли трое. Двое в мантиях, третий с окладистой белой бородой.

— Маги, — прошептал гном.

— Я, кажется, даже знаю, кто именно, — опустил я лук, — ихний главный — мастер Лео, его слугу Привратником кличут. А вот кто третий?

Шар растаял полностью, и они шагнули к нам. Лео, откинув капюшон, долго обводил нас глазами.

— Я думаю, тролль, — наконец заговорил глава Конклава, — ты узнал меня?

— Еще бы, — буркнул я неохотно, — и вас, мастер Лео, и слугу вашего...

— Мое имя Регул. — Бородач с любопытством рассматривал царящий вокруг бардак.

— Да. А это мой коллега — мастер Гемине, — кивнул колдун в сторону зеленого цвета мантии. — Думаю, вы знаете, зачем мы пришли?

— Если за Скорпо, — начал Дож, — то вы зря сюда приехали, он не то что говорить, дышать еле может!

— Заговорит... — тоном палача произнес Регул, — куда он денется?

— Надеюсь, господа предоставят нам возможность пообщаться с нашим коллегой? — открыл рот Гемине.

— Эй! — проснулся я. — А я вас знаю!

— Да, скорей всего, — кивнул маг, откидывая капюшон, — я приходил к мастеру Скорпо, когда ты дрых на лавке.

— Ну, — поскреб я себе кадык, — можно и так сказать...

— Итак, — прервал воспоминания Лео, — мы отвлеклись. Где Скорпо?

— Там, наверху, — кивнул Дож.

Регул не спеша отправился за колдуном.

— Господа маги, а не могли бы вы сделать одно маленькое волшебство, а? — проявил себя кентавр. — Поставьте дверь на место, пожалуйста. А то не ровен час мертвяки припрутся. Хоть какая-то, а защита!

— Какие *мертвяки*? — не понял Лео.

— Обыкновенные, мертвые! А вы что, не в курсе?

Когда Регул снес Скорпо вниз, гном уже дорас-сказывал о наших злоключениях. Во время этого рассказа Гемине то краснел, то бледнел, отводя от Лео глаза. А глава Конклава, заложив руки за спину, молча кивал головой, иногда переспрашивая гнома, уточняя некоторые моменты. Наконец рассказ был окончен.

— Регул?

— Да, мастер?..

Привратник положил сверток с останками Скорпо перед ногами хозяина.

— Ты все слышал?

— Да. Я понял вас, хозяин, — и пошел на свежий ночной воздух.

— Сейчас мой слуга и ученик наденет на это место защитный купол. Так что никто, живой или мертвый, не помешает нашей беседе.

Изнутри было видно, что действительно нас начала окутывать серая мерцающая мгла.

— А отсюда можно будет выйти? В смысле через стенки этого купола? — нахмурился Дож.

— А что, думаешь, гном, тебе это *будет нужно!* — несказанно удивился Лео. — Ладно, мы отвлекаемся. Регул, будь так добр, разверни его. М-да...

Взору магов предстал Скорпо... во всей красе. Мой бывший хозяин устало открыл глаза. Увидев наших гостей, он застонал, захрипел, пытаясь привстать.

— Вы можете вернуть его к жизни? — обратился я к колдунам. — То есть в прежний вид?

— А зачем? — насупился Гемине. — Лично мне он и так нравится. Я бы даже сказал, что даже больше, чем при нашей последней встрече!

Мне стало чуток обидно за бывшего хозяина.

— Наверное, это потому, что он ничего про твою задницу сказать не может! Иначе ты бы сейчас юлил и изворачивался, как тот пескарь на сковородке! — взорвался я, прекрасно помня их разговор в замке магов.

— Что?! Да как ты смеешь, смерд! — вытянулась морда Гемине. — Да я тебя... сейчас...

По знаку Лео Регул приставил к затылку разбушевавшегося мага два пальца. Тот, сразу обмякнув, замер в попытке скосить глаза назад.

— Троль, к тому разговору мы вернемся потом... А сейчас... — Лео обвел нас поочередно своими глазищами. — А сейчас мне нужен помощник. И я выбираю вас, сударь, — он указал на Дио.

— Кого? Меня? За что? — опешил тот. — А что мне надо будет делать?

— Ровным счетом ничего.

Мастер Лео взмахнул перед лицом кентавра своей пятерней так, будто дал пощечину тыльной стороной. Дио застыл столбом, тупо устремив свой взгляд вперед. Лео взял его за руку и подвел к задыхающемуся от боли Скорпо. Далее Дио опустился перед страдающим на колени (причем на все четыре) и сунул свои лапища в огрызки полумертвеца.

Спустя мгновение по телу Дио прошла судорога, он резко мотнул головой, закидывая ее на спину. Из рта хлынула пена, он открыл мутные глаза, обреченно вглядываясь в окружающих.

— Ты слышишь меня? — Лео уставился в посеревшее лицо кентавра.

— Да-а-а... — просипел кентавр.

— Заклинаю тебя говорить правду, ибо ложь отзовется в тебе болью и страхом. — Лео еще немного помахал руками перед Скорпо с кентавром. — Как тебя зовут?

— Инвар де Увал, второй сын Керита де Увала, принца Бревтонского.

«Инвар?!» Мы с гномом переглянулись. А Лео как ни в чем не бывало продолжал:

— Какое имя тебе дали при посвящении?

— Скорпо. Восьмой из Двенадцати, — хрипел Дио. — Что вам нужно от меня?

— Ответы.

— Спрашивайте...

— Правда ли то, что нынешний Владыка Бревтонский твой родной брат?

— Да.

— Правда ли, что обманом и шантажом ты заставил мастера Гемине служить своим целям?

— Да.

— Зачем тебе это было нужно?

— Чтобы отомстить Локо де Увалу, старшему сыну Керита де Увала, принца Бревтонского.

— Чем досадил тебе этот человек?

— Он обманул меня.

— Как именно?

— Он захватил трон с моей помощью и лишил меня заслуженной награды.

— Какую именно помощь оказал ты? Дио захрипел, замотал головой, но все же выдавил из себя через силу, обливаясь пеной и потом:

— Магическую...

Гемине все еще молча кивнул Лео, мол, «я же говорил!». Лео покачал головой, но решил уточнить.

— Значит, ты оказал магическую помощь брату для того, чтобы он занял престол?

— Да.

— Кто еще знает об этом?

— Локо. Знает гном Дож — Дырявый Мешок. Знает тролль Лукка-Висельник из Вечной Долины. Знает третий из Двенадцати — мастер Гемине.

Названный последним попытался что-то сказать в свое оправдание, но, кроме неразумного мычания, ничего вразумительного так и не сказал — рот его все еще был намертво скреплен заклинанием Регула.

— Знает пятый из Двенадцати, глава Конклава магов мастер Лео, — продолжал меж тем хрипеть Скорпо устами Дио.

— Ты чего несешь? — возмутился Лео. — Ты чего несешь, труп недосгнивший?!

— Ну, это у него все еще впереди! — встрял Дырявый Мешок. — А вот можно с этого момента поподробней?

Дио, который Скорпо (или наоборот?), молчал.

— Почему ты решил, что я знаю о том, что ты помогал Локо? — Мастер Лео еле сдерживался от негодования.

— Потому что именно вы дали ему *Оденан*. Лео захлопнул свою пасть, а заодно и глаза.

— А что такое *Оденан*? — включился эльф.

— Эликсир, полностью лишаящий мага способности к волшебству... — поник Лео, с сожалением глядя на мечущегося от боли Скорпо.

В «Южном Тракте» воцарилась полная тишина.

Не знаю, у кого как, но у меня уже начала раскалываться голова от недосыпа, нервозности, усталости и полного непонимания смысла всей этой истории.

— Э, — вежливо начал я, — а не объяснит ли кто бестолковому бедному троллю, в чем здесь, собственно говоря, дело? — Похоже, очень недурно спросил. По-взрослому.

— А можно я?! Можно я! Я все объясню! — подскочил гном и, так как все дружно промолчали, начал:

— Если где что не так, меня поправят. Итак, много-много лет назад братику нашего *дорогого мага* приспичило стать королем Бревтона. И под это дело он и припряг младшенького, что-то пообещав взамен, то есть в награду за его магическую помощь в этом

грязном деле. Подробности только на уровне фантазии. А когда дело было сделано и на трон взгромоздился Локо, то он братишку и партнера просто-напросто кинул. Не знаю почему. Может, делиться жаба заела, а может, еще что-то... личное или семейное! Кто его знает! А чтобы Скорпо особо не рыпался и не распространялся, подсунул ему этот самый Оденан, предназначение которого нам сейчас любезно разъяснил мастер Лео.

— Лео... знал... — прохрипел Скорпо-Дио, — кому предназначалось варево. Он боялся, что я вместо него стану во главе Конклава.

— Ничего я не знал. *Оденет* у меня выпросил Гемине якобы для обуздания какого-то местного некроманта. А уж каким образом он попал к Локо...

— Да, действительно! А как он попал к Локо? — развернулся Дырявый Мешок к молчуну. — Эй, Регул, верни мужику дар речи, хай объяснит, как там дело было!

Привратник, получив от хозяина молчаливое согласие, освободил Гемине от чар немоты. Получив свободу, маг долго молчал, собираясь с духом, и наконец начал рассказывать свою часть повести:

— Незадолго до переворота в Бревтоне ко мне пришли эти двое. В смысле Локо и Скорпо. У них, видишь ли, матушка по причине старости совсем страх потеряла. Вот сыновья и упросили меня добыть эликсир для любимой мамы. Сами они, видите ли, не могли. А мне что, трудно было? А когда Локо завладел тронem, я к Скорпо за разъяснениями пришел. Были у меня сомнения по поводу законности происшедшего. Скорпо мне тогда и разъяснил, что «если я не замолчу сейчас, то вполне возможно, что в ближайшее время вообще говорить разучусь».

— Кстати, а кто у нас мама? — заинтересовался Куп.

— Мийяра де Увалу. — И, видя непонимание окружающих, Гемине добавил: — Мийяра Лысая. Так понятней?

— О да! — выдохнул гном, с интересом вглядываясь в потомка этой самой лысой.

— Самая известная черная колдунья этих мест! — объявил, налюбовавшись, Дырявый Мешок. — Говорят, на ее счету больше загубленных душ, чем звезд на небе. Хотя я думаю, что слухи немного преувеличены.

Помолчав, гном с удовольствием продолжил:

— Скорей всего, так оно и было! А если это правда, то все еще проще! Локо предлагает Инвару запасть зельем, так, на всякий случай, убеждая его в том, что у матушки вот-вот наступит помутнение в мозгу. И чем это может кончиться для окружающих и для них, в частности, неизвестно! Воспользовавшись доверием Гемине, братья получают желаемое. Точнее, получает его Локо, а когда все закончилось, поит им Скорпо.

— Он подсунул мне это на праздничном пиру, — подал голос Скорпо, — в знак «братской любви и верности», — и заорал так, что огонь вздрогнул в очаге: — ОТ ЭТОГО ДЕРЬМА НЕТ И НЕ БЫЛО ПРОТИВОЯДИЯ!

— И что же у нас дальше? — спокойно продолжил Дож, когда эхо перестало отскакивать от стен. — Дальше Скорпо, видя крушение жизни, надежд да вообще всего, удаляется в Заблудший Лес, где и... Вот тут, господа, я прошу у вас прощения, потому как далее о некоторых местах биографии нашего героя я могу только догадываться. Итак, лет десять назад в Заблудшем Лесу появляется гном по имени Катт-Апп. Встретившись со Скорпо и приняв того за ведуна-отшельника, Катт-Апп обратился к колдуну за помощью. Гном искал в этих краях *Бунн Лоуусу* — *Книгу Знания*. Если быть точным в переводе, то Книгу Абсолютного Знания. Говорят, что один умирающий бог перед самой смертью решил

отомстить людям за то, что забыли его, а заодно посмеяться над другими божествами, что предали его. Он создал *Бунн Лоуусу*, дабы тот, кто завладеет ею, смог подняться до уровня бога. Но после его смерти главенствующие боги нашли артефакт и, будучи не в силах его уничтожить, спрятали подальше от людей. Такова легенда. Скорпо, естественно, слышал об этой книге и, узнав, что она здесь — буквально руку протяни! — увидел в этом руку судьбы. Выведав у гнома все, что надо, чтобы ее добыть, он умертвил Катт-Арра.

— Он все равно умирал! — огрызнулся Скорпо голосом Дио. — Я лишь прервал его мучения!

— Может быть, и так... Чего не знаю — того не знаю. — Заложив руки за спину, гном склонил голову набок. — Избавившись от лишнего свидетеля и потерпев ряд неудач в попытках разрушить стену в красной пещере, Скорпо ринулся на поиски. Он исколесил не одну страну в поисках сведений, указывающих, каким образом можно заполучить желанный артефакт. И вот в одной из древних библиотек он наткнулся на упоминание некоего документа, в котором и говорилось: *с помощью кого, как и когда*. Я так понимаю, что Гемине и раздобыл, опять же по просьбе Скорпо, эту писульку. Ведь так, мастер Гемине? — Тот молча кивнул. — Но еще до того, как заполучить манускрипт, Скорпо понял, что ему одному не справиться. У лишенного способностей волшебника просто не хватает на все рук. Ему и понадобилась парочка доверчивых... законченных... — карлик горько усмехнулся, — раздолбаев... На эту роль и подошли мы с Луккой. Воспользовавшись случаем, он убедил нас, что срыв казни в Уил-таване его рук дело! И мы поверили! А Скорпо, взяв слово служить ему по «долгу жизни», отправил нас по своим делам. По правде сказать, меня он сразу отправил подальше с глаз долой, когда понял, что я не так наивен и доверчив, как мой друг тролль. Извини, Лукка.

Я пожал плечами и попытался особо не насупливаться.

— Итак, для начала Скорпо отправляет молодого тролля научиться как следует владеть оружием и заодно приобрести боевые навыки. Оно и понятно: без этого Лукке, одному, было бы трудновато. С орками, на которых до этого опирался маг, тролль, как выяснилось, «работать» бы не стал. Да и сам Висельник был надежней, чем свинорылые, не только потому, что служил за бесплатно, главное — он *дал слово*! А для него нарушения данного обязательства — это не только величайший грех, но и позор! Во время «обучения» наш тролль не только научился хорошо драться, но заодно и умудрился навести порядок в Талат-Галене, остановив тамошнюю резню между кланами и благодаря этому приобретя новых и, надеюсь, преданных друзей.

— Так прекращение войны между эльфами твоих рук дело? — выступил вперед мастер Лео. — Парень, прими мои поздравления и уверения в том, что ты вырос в моих глазах!

— Оставим комплименты на потом, — улыбнулся гном. — После этого Скорпо тащится на ежегодное собрание Круга Двенадцати, где мастер Гемине передает ему манускрипт, в котором говорится, как и когда можно завладеть Бут Лоуусу.

— Только сейчас мне стало понятно, почему Скорпо объявил Лукку своим учеником и почему мастер Либра не смог выявить ложь, — восхитился глава Конклава. — У него, то есть у Скорпо, не было другого выхода. В этом году мы должны были представить на Совет своих учеников, а Скорпо, даже если бы и захотел, не смог бы никого представить! Как он может кого-то учить, если сам ничего не может.

— Да еще и водил всех одиннадцать магов за нос, — проворчал Гемине. — Никто за все это время даже и подумать не мог, что рядом с нами полная бездарь и беспомощность!

Узнали бы, сразу вышвырнули из Круга. А так он пользовался именем Конклава и его поддержкой! И я, как последний... — он запнулся, задыхаясь от ненависти, — служил ему все эти годы верой и правдой, выполняя его поручения, точно какой-то подмастерье!

— Лоханулись вы здорово, — подытожил Дырявый Мешок. — Хотя, господа, хочу вас успокоить: наш колдун провел за нос не только всех вас, но это уже... — на губах гнома мелькнула злорадная ухмылка, — это уже дело прошлое.

Итак, манускрипт в руках Скорпо. И из текста выясняется, что день, когда возможно заполучить *Бумп Лоуусу*, вот-вот наступит! Но еще нужен ключ, которым открывается заветная дверца. Известно только то, когда родился этот ключ. Вы знакомы с Рофэх-Фа? Значит, вам также известно, чем она занималась в прошлом. Именно к ней спешат Скорпо и Лукка. И именно от нее он и узнает имя «ключа» — Винетта Вильсхолльская. Дальнейший путь лежит в монастырь, где содержалась девушка. Но вот незадача: у колдуна ни монеты наличными, но зато полные кладовые *фэла*, который он готовил сразу же и для войны в качестве оружия, и для заработка. Снарядив этой дрянью Лукку (а тут еще и я вернулся), Скорпо посылает нас в экспедицию. И опять незадача! Мы не смогли продать *фэл* торговцу: он умер от рук этих двоих, — гном кивнул на эльфа с кентавром.

— Так получилось, — повинился Куп. — Когда до нас с Дио дошло, что мы, сами того не ведая, подвели неплохих парней, то решили присоединиться к ним, чтобы хоть как-то помочь им.

— Подробности дальнейшего можете не рассказывать: мы в курсе происшедшего в монастыре Королевы-Мученицы, а также смерти короля Гиера. Кстати! — Лео вытянул руку, будто подзывал к себе кого-то.

Из-под стойки, как была с самострелом в руке и скулившим щенком под мышкой, выплыла Винетта. Для порядка подержав ее в воздухе, маг поставил девушку на пол.

— Дитя мое, вы знаете, что сейчас происходит в Вильсхолле? Нет?! Там вот-вот начнется война. Гражданская война, леди... Конклав, соседние государства обеспокоены надвигающимися военными действиями. Ваше королевство разорено до предела, народ бежит сломя голову, на юго-западе Вильсхолла вспыхнула эпидемия. А что же вы? А вы прячетесь под стойкой в замызанном трактире, вместо того чтобы остановить междоусобицу. В какой-то степени наше появление здесь и из-за вас, ваше высочество. — Маг церемонно поклонился.

— Что же вам угодно, сударь? — сложила руки на груди наследница престола, прижимая к себе собачонку.

— Не мне, а нам. Нам необходимо, чтобы вы вернулись домой, дабы занять там свое место. Ваш народ ждет вас, королева.

Винетта беспомощно оглянулась на эльфа. Тот, опустив плечи, смотрел в пол. Девушка подошла к нему и, взяв за руку, отвела в сторону. У Лео удивленно подпрыгнули брови.

— Это, как его, — объяснил я магу, — любовь у них, вот!

— И давно?..

— Да как из монастыря уехали!

Лео переглянулся с Гемине. Тот пожал плечами и развел руками.

Видя такое дело, Дырявый Мешок решил отвлечь магов от мрачных мыслей:

— И вот, господа, я подхожу к концу нашей истории. Получив необходимый *ключ*, Скорпо высчитывает день, когда он сможет овладеть заветным. И что получается! Да ничего! Единорог, который должен был разбить стену, не слушается *ключа*. Потому как сам ключ э-

э-э... немного источился по дороге, а Скорпо был нужен абсолютно... — Дож вроде как опять почему-то смутился, — *нетронутый* экземпляр! Ко всему прочему у меня есть нехорошее подозрение, что наш горе-маг выбрал немного не тот день, примерно на недельки две раньше необходимого срока. — Дож присел на корточки у головы бедолаги: — Ты по какому календарю День Волхвов высчитал? По календарю Лиу-Аноа, ведь так? А по какому именно, их же четыре штуки!

На месте Скорпо я бы сейчас забился, застонал и вообще сторел бы со стыда!

— Ну, это уже мелочи. — Гном встал. — А теперь вам слово, господа маги! Будьте любезны, объясните же нам, откуда появилась эта мертвятина на дорогах и что теперь с ней делать?

Маги совещались долго, попеременно поглядывая то на Скорпо, то на Винетту.

— Как полагаешь, Скорпо причастен к появлению мертвых? — толкнул я Дожа.

— Сдается мне, что, скорей всего, да! А тебе-то что?

— Не знаю, — замялся я. — Почему-то не хотелось бы... — Гном удивленно уставился на меня. — Понимаешь, Дож, я привязался к тебе, успел привязаться к Купу, Дио, Винетте... И хотя наш маг оказался хорошей скотиной, я успел привязаться и к нему. Наверное, именно поэтому мне бы и не хотелось, чтобы он оказался виновником новых бед.

— Понимаю... — задумался карлик, — но если... — Он, не договорив, повернулся к колдунам. — Начнем с того, что есть несколько деталей, которые ставят нас в тупик. Поэтому сейчас для начала мы зададим нашему... коллеге еще несколько вопросов. Через вашего друга, естественно.

Надо сказать, что все это время кентавр так и стоял, словно столб, над Скорпо.

— Итак, — приступил к допросу Лео, — что случилось с вами, после того как ты овладел Буш Лоуусу»?

Дио в который уже за сегодня раз захрипел, застонал и кое-как начал говорить:

— Как только Книга оказалась у меня в руках, я приказал ей вынести меня из Заблудшего Леса. Я оказался на самом его краю, на дороге, ведущей к тракту. Зная, что мой контроль над *Бунп Лоуусу* будет вот-вот потерян, я пожелал вернуть мне потерянные способности. Боюсь, эта была моя уже не первая, но самая серьезная ошибка.

— Почему, — удивился Гемине, — ведь это совершенно естественно!

— Ошибка была не в самом желании, а в его формулировке. Стресс, суматоха, я был на грани отчаяния. Даже сейчас толком не смогу вспомнить, что именно, дословно, я сказал. Короче говоря, я запросил обратно свои магические возможности, сакцентировав внимание на слове «вечно!». Книга выполнила приказ. Я сразу же почувствовал прилив сил! Такого ощущения я не испытывал, наверное, целую вечность... Вот здесь я неоправданно поторопился! Надо было сначала проверить себя, а я сразу же перенесся на ближайшее кладбище и...

— И поднял мертвых? — догадался гном.

— Да. Так оно и было. Мертвецы сначала слушались меня. Пополнив ряды новыми экземплярами, мы двинулись по тракту на Уилтаван. По дороге армия увеличивалась. Когда мы пришли сюда, начался настоящий ад! Они перестали слушаться меня, с ходу атаковав гостиницу. Здесь было полно народа. В ходе резни выяснилось, что среди мертвецов появился настоящий лидер, вождь. Он первым и набросился на меня, когда последний из живых стал мертвецом.

— А Книга? Почему ты снова не прибег к *Бунп Лоуусу*!

— Лео, не держите меня за полного дурака. Конечно же я попытался это сделать! Но не тут-то было. В тот момент, когда я достал ее, она вырвалась у меня из рук и... исчезла. В той рукописи, что достал мне Гемине, была строчка о том, что *Бунп Лоуусу* не просто собрание заклинаний или философский трактат. Это отдельная самостоятельная форма жизни. Со своим разумом, характером и даже чувством юмора... Я решил, что это просто фигуральное выражение, фантазия написавшего манускрипт. Книга использовала меня, вырвалась на свет и исчезла, когда посчитала нужным.

— Так я и предполагал, — выслушал Скорпо Лео. — Но не слишком ли вы сгущаете краски? Разум, чувство юмора?

— Я попросил «навечно вернуть меня к жизни и вернуть мои способности». Примерно так я тогда сказал. Знаете, что сделала эта штука? Подарила мне бессмертие, Лео! Теперь, если я даже захочу умереть, я не смогу этого сделать!

Маги в который раз за сегодняшнюю ночь тупо переглянулись.

— Мертвецы по приказу вожака набросились на меня. На мне не осталось ни одного живого места. Когда я начал приходить в себя, то представлял собой обглоданный скелет с лоскутьями кожи и кишок. Скажите, разве нормальный человек сможет жить и дышать, не имея ни сердца, ни легких? А я жил... Как и сейчас. Регенерация происходит быстро, и если я не ошибаюсь, то полностью восстановленным буду через неделю, максимум — полторы-две.

— Убедил. Скорпо, а как насчет магических способностей?

Перед тем как ответить, Скорпо долго молчал.

— Их нет...

— То есть получается так, что *Бунн Лоуусу* сделала тебя бессмертным, снова лишив магических способностей, предоставив их только ненадолго. Так сказать, подразнив?

— Я же сказал: у нее своеобразное чувство юмора.

— С этим все ясно, — вытер пот со лба Лео, — теперь дальше. Что собой представляют эти твои *мертвецы*? Характеристики, природа, способ и время размножения, слабые места?

— Сильны. Очень сильны, но передвигаются медленно. Могут и быстрее, но это отнимает у них силы, и из-за этого они могут временно впадать в состояние анабиоза. «Первая партия» была поднята по старинке, вы должны знать, как именно. Но вот все остальные... При контакте с живыми мертвецы полностью уничтожают плоть жертвы, дополняя себя донорскими органами. Жертва умирает, но по прошествии от четырех до двенадцати часов регенерирует, и перед вами новый живой мертвец.

— *Зорситэ*... — сокрушенно прошептал Лео, — солдаты-мертвецы... Скорпо, ты попроще никого не мог сотворить? Ладно, слабые места?

— Если лишить головы, то они теряют ориентацию, но ненадолго. Полностью уничтожить можно только огнем. Думаю, что если уничтожить вожака, то они просто разбегутся по окрестностям...

— Но не вымрут! А будут размножаться дальше! — Лео отвернулся от лежащего. — Мне все понятно. Регул, освободи кентавра, хоть здоровье у него и лошадиное, но всему есть мера. У вас есть ко мне вопросы, господа?

— Да, мэтр, — начал гном. — Вопрос первый: вы поможете нам? И если «да», то чем именно?

— А какой помощи вы ждете? — поинтересовался Лео. — Мы даже не знаем, куда они направляются.

— В Уилтаван, — подал голос еще не освобожденный от Скорпо Дио, — в самый ближайший город. Куда дальше? Я считаю, что туда, где есть пища, то есть живые!

— Регул, — в голосе Лео сквозило раздражение, — я же попросил!

— Простите, мастер, одно мгновение, — ответил Привратник и принялся за свою работу.

— Так или иначе, без общего решения Конклава я не смогу пошевелить и пальцем. Если маги решат помочь людям, то не раньше, чем через три недели. В лучшем случае через две. Пока всех обойдешь, со всеми договоришься, организационные вопросы...

— Но вы же глава Конклава, в ваших руках власть! — расширила глазки Винетта.

— Я — член Конклава! Прошу не путать. Любое мое решение, действие будет сто раз подвергнуто проверке, я цитирую Устав «на правильность». У нас свои правила, моя милая. Здесь мы только для того, чтобы выяснить, что же произошло за последнюю неделю. В мирах Кристалла брожение. Сферы начали смешиваться. Там, наверху, точнее вокруг нас, сейчас такой бардак!

— И вы даже не связываете это с деяниями нашего Скорпо? — вернулся в себя наконец Дио.

— Почему же... Лично я, например, вижу причину всего этого именно в последствиях его действий! Но есть еще и Совет! Какое решение примет он! Дальше. — Лео обратился к Винетте: — Мне вас — как прикажете — силой забирать или вы сами соизволите пойти?

— Сама, но с некоторыми условиями.

— Воля ваша, — поклонился маг.

— Мужики, отойдем! — Винетта отвела нас в сторону. — Что скажете?

— Боюсь, эти... — проглотил ругательство гном, — и пальцем не пошевелият, пока вволю не пересовещуются друг с другом!

— Согласен, — кивнули поочередно эльф с кентавром.

— И что вы предлагаете?

— Предлагаю действовать, — заявил я. — Раз мы влезли в это дело по самую хряпку — значит, нам ее и корчевать!

— Что нам нужно?

— Нужны люди, в смысле армия, — начал перечислять Дырявый Мешок, — оружие. Думаю, оружие как раз нам предоставит Скорпо из своих кладовых.

— Было бы здорово использовать стрелы с *фэллом*, — подал я идею.

— Очень хорошо, значит, нужны стрелки, — мы дружно взглянули на Купа.

— Вряд ли эльфы пойдут на смерть ради людей. Это только в сказочных эпопеях бывает. Скорей всего, припишут этот катаклизм людям и будут тихо радоваться в своих норах, восхищаясь своей полноценностью и непогрешимостью.

— Хорошо ты о них, — проскрипел я, — добро... А вот если, скажем, я найду таких стрелков, эльфов то есть, ты пойдешь к ним с весточкой?

— Да за-ради богов! Стой, ты о чем? О Талат-Галене, что ли?

— Браво, Лукка! — расхохотался Дож. — Да, Куп, он именно о них! Ну, так как, справишься?

— На тупые вопросы не отвечаю! — высокомерно отвечивал эльф. — Хоть прямо сейчас! Только как быть с доставкой? До Талат-Галена не один день, а недели две пути!

— Ну, — протянул гном, — а на что у нас маги? Винетта, девочка, ты все поняла?

— Да, только сразу скажите, кто куда и где все собираются?

— Значитца, так! — начал перечислять Дырявый Мешок. — Дио, ты в Заблудший Лес. Соберешь там все, что нужно, — тебя учить не надо. Возьми повозку. Дальше Куп. Берешь свою милую — и шуруете в Талат-Гален. Я так понимаю, что будет достаточно только привета от нашего тролля, и эта засыпающая роща поднимется на дыбы. Ведь так?

— Ну, не знаю... — почесал я репу, — скорей всего, да, тем более что Ватгиль с Пинволом тогда крест на пузе рисовали: «Мол, только скажи и все такое!» Но меня сейчас больше волнует другой вопрос: кто передаст моим весточку?

— А на фиг? — встрянул кентавр. — Думаю, эльфов будет за глаза достаточно!

— Нет, Лукка прав. Рано или поздно дело дойдет до рукопашной. Извини, Куп, но в большинстве своем эльфы бойцы просто никакие. Стрелки — да! Здесь слов нет, но в ближнем бою их положат, как кутят. И здесь нам бы здорово пригодились тролли.

— Да мои этих, как там Лео сказал, зорситов просто затопчут и не заметят!

— Вот и ладно! — подвел итог Дож. — В путь, господа!

— Стой! — вовремя остановил его я. — Куп, ты писать умеешь?

— Да... — не понял тот. — А что?

— Записывай! — Я быстренько прикинул, что чего, куда и как. — Найдешь Большого Оза. Попросишь помочь найти Сухого Роса. Это глава перворожденных. А вот ему передашь следующее: «Кал гра вет гобло аи Лукка траха ско ас глада у хэлжа. Вэн сотур аки лаф тре Аулиу бад вуду го тох наму. Записал?

— Да... А что это значит? И вообще, нельзя на общем это сказать?

— Нет, старик не понимает на общем. Он изначальный тролль. Вождь среди наших. Так

что советую быть с ним повежливей, а то мало ли что... Меня он знает и даже где-то как-то любит. Поэтому в помощи, думаю, не откажет.

— Так, всем все ясно? Чтобы никому не было завидно, мы с Луккой пойдем потихоньку к Уилтавану. Правда, через одно местечко. Так сказать, в обход.

— И зачем вам это надо? — не поняла, впрочем, как и я, Винетта.

— Надо, королева, — прищурился гном, — ой как надо!

— Значит, не скажешь, — уточнила Винетта. Дож в ответ только ухмыльнулся. — Ладно... Мастер Лео!

— Да, ваша светлость, — в мгновение переместился тот через всю комнату поближе. — Я здесь и полон внимания.

— Нам нужен один из вас для выполнения некоторых... э-э-э мелких поручений, по исполнении которых я отбуду по *вашему совету* на родину для наведения порядка.

— Будет ли вам приятно или нет, но я в курсе ваших мыслей, госпожа. У меня только один вопрос: где и когда встречаются *ваши «войска»* для нанесения решающего удара?

— Через три восхода солнца, — проворчал я, — в четверти части пути к югу от Уилтавана.

— Хорошо, вам я оставляю Регула, он сделает все, что нужно. Прощайте, господа. Да, и еще! — Он поклонился Винетте. — Мне кажется, вам бы надо попрощаться со своими друзьями. Думаю, вы увидите с ними не скоро.

Маги отошли в сторону, будущая королева стояла перед нами, прижимая к груди своего щенка.

— Господа... — Она запнулась, опустив глаза. — Парни... ничего, что я так к вам обращаюсь?

— Ну, что ты, девочка! — засмеялся гном. — Мы не так плохо выглядим, как это может показаться! Винетта еще сильнее прижала к себе щенка.

— Спасибо вам всем! Я не знаю, как бы сложилась моя жизнь, если бы наши пути не пересеклись. Спасибо за все, что вы сделали для меня. Я очень рада, что судьба свела нас. — Мы дружно хмыкнули, глядя на отвернувшегося в сторону Купа. Винетта зарделась. — Ну... и за это...

Мы расхохотались. Девушка опять запнулась, отвернулась и спряталась на груди Купа.

— Мужики... — попробовал он охладить нас, — что вы, в конце концов!

— Не переживай так, девочка, — успокоил ее гном, — еще увидимся. Ты там решай свои дела, а если что... мы уж как-нибудь узнаем, что тебе нужна наша помощь!

Подошедший Лео взял под руку Винетту:

— Нам пора, ваше величество. Действительно пора...

Мы остались вчетвером, точнее впятером, если считать то и дело орущего Скорпо.

— Надеюсь, Куп справится.

— Брось, Дож, — встал на его защиту кентавр, — Куп славный малый. И он справится, поверь мне!

— Если вы кончили мучиться сомнениями, то я хотел бы знать, куда мы сейчас направляемся и зачем? — Регул, посчитав гнома за старшего, спрашивал именно его. — И еще. Что делать с *этим*? — он кивнул на Скорпо.

— Право, не знаю, — нахмурился гном. — Как вы полагаете, сударь, чем мы ему можем помочь?

— Не напрягайтесь. Ни сейчас, ни вообще мы ему ничем не можем помочь. Поэтому

просто оставим его здесь.

— Прямо здесь? На полу? — опешил я.

— Если хотите, — Привратник провел над телом рукой, и оно заткнулось, — можно положить его обратно в ту же комнату, откуда я его взял.

Легким потоком воздуха Скорпо подняло над полом и отнесло наверх с глаз долой.

— А теперь куда мы держим путь?

— Вы с Дио в Заблудший Лес. Возьмете все оружие, что там найдется, амуницию и обязательно те самые стрелы, начиненные *фэлом*. Думаю, за три дня все это перетаскаете. Единственное: где там все это спрятать до появления остальных?

— Не вопрос. Сложим на обочине дороги, установим сверху защитный купол и замаскируем под местность.

— Добро. Только чтобы потом сами смогли найти. И еще, — гном замялся, — уважаемый Регул, Мэтр Регул.

— Называйте меня просто Регул.

— Как прикажете. У меня к вам личная просьба.

— Слушаю.

— Вы конечно же знаете, что такое манускрипт Сιο? У вас случайно парочки с собой не найдется? Нам с Луккой надо повидаться с одним старым общим знакомым.

Едва мы вышли на поляну, как прямо из-под земли вырос малый — во всем черном, только с прорезью для глаз.

— Это кто ж такой? — опешил гном.

А малый, не поздоровавшись, не представившись, просто сиганул с места, метя мне ступками в морду, походя отвешивая Дырявому Мешку такой подзатыльник, что тот волчком свертелся в кусты.

— Эй, подожди! — крикнул было я, но черныш попытался провести нижнюю подсечку и сам растянулся, врезавшись мне в ноги.

— Не ушибся? — наклонился я к нему, чтобы помочь встать, но тут же получил пяткой в лоб, затем сразу штук пять точечных ударов в грудь, и под конец этот псих взбежал по мне на плечи и уселся там с явным намерением скрутить мне шею.

Опешив от такого обращения, я ухватил этого попрыгунчика за шиворот, оторвал от себя и пару раз взболтнул в воздухе.

— Учитель Айдо дома? Тот утвердительно кивнул.

— Спасибо, — сказал я и, размахнувшись, от души забросил его подальше.

— Дож! Ты там еще жив, бродяга?

Гном вылез из-под куста, отряхиваясь и матерясь.

— А где этот... ну-хрен-ему-в-зуца! Дайте мне хоть раз по нему попасть, иначе я не успокоюсь, пока не отрихтую здесь кому-нибудь череп!

— Тогда начни с меня, дорогой друг! — Перед нами стоял учитель Айдо в своей излюбленной дурацкой позе перепутавшего двери купальщика в бане. — Я вижу, мой ученик немного тебе накостылял. Извини его: мы на военном положении. Кстати, а где он сам?

— Там, — неопределенно кивнул я себе за спину и слегка поклонился бывшему наставнику. — Здравствуйте, учитель.

— Лукка-Висельник, ты ли это! Решил продолжить обучение? Прекрасно, я рад!

— Мы здесь по другому делу, — сразу же обломил Айдо Дырявый Мешок.

— Да? — Учитель был явно разочарован. — Но все равно я рад! Идемте за мной.

Мы подошли к его дому. Навстречу вышел невозмутимый Ильд-Ми. Узнав меня, он слегка кивнул, открыл дверь, пропуская нас в дом.

Здесь ничего не изменилось, старик все так же жил на чае и лепешках с начинкой из какой-нибудь дряни, найденной по осени в лесу. Несмотря на то что Айдо держал небольшое хозяйство, мясо он категорически не ел, предоставляя такую возможность ученикам. Еще тогда, по зиме, он объяснил это съестное отречение канонами своей веры.

Мы расселись вокруг низкого стола, Ильд-Ми заварил нам чаю, покорно оставшись в стороне с самым твердолобым выражением морды.

— А я и не знал, что вы знакомы, — начал беседу учитель, — хотя, как говорится, мир тесен. Кстати, как там в миру? Небось воюют? Там всегда воюют. Что-то делят, за кого-то и кому-то мстят... Суета... И вот вы, два славных парня, между прочим, не без способностей, подвержены суете. Да... — задумался Айдо, созерцая плошку с дымящимся чаем.

— Господин Айдо, — вернул обратно на землю дедулю Дож, — вы говорили, что находитесь на военном положении? Кто же рискнул покуситься на ваше спокойствие?

— Понимаете, какая вышла история, друзья мои... — Налив себе еще чаю, Айдо переломил напополам кругляш хлеба. — Стали и к нам заходить лихие люди. Город ведь рядом, а охраны там никакой, стражи тоже нет. А путь торговый, там же, как за Мериден выедешь, прямая дорога до Гольлора. Дож, ты же там, по-моему, был? Там сейчас местный правитель морскую торговлю так развил, что голова кружится. Городок разрастается, будто на дрожжах. Корабли со всего света идут. А это пряности, шелк, лес, меха, мед, оружие, тряпочки редкостные для этих мест, а значит, дорогие... Вот и начали всякие людишки дань с купцов собирать. Когда только часть отнимут, а когда и все загребут. Ко мне с Меридена местные пришли, в ноги пали: «Ты вроде как воин, Бор-От, так и помоги!» А у меня бойцов-то всего — я, Ильд-Ми да братья Храу, они сразу после твоего ухода появились. Вышли мы пару раз караван проводить, встретились с этими... лесниками. Пообщались. Начистили им, что можно было, так они на следующий день всем кагалом к нам пожаловали. Воины они никакие — ворье одно. Только и умеют, что кистенем из-за угла шарахнуть да в ближнем бою всей толпой задавить. Есть, конечно, у них пара интересных ребят, а так... — Он махнул рукой.

— Один там, который за жожака, вот это экземпляр! По росту, весу с тебя, Висельник, будет. Ханг *фахтр* он — полукровка. Но что вытворяет! Определенной школы никакой, нахватался понемногу то там, то здесь. Но, надо отдать должное, по уму нахватался.

— А у него случайно, — решил я проверить пословицу о «тесноте мира», — глазика одного не хватает?

— Есть такое дело, а что, знаешь его?

— Шер, — в один голос выдохнули мы с Дожем, — воистину мир тесен.

— А вы чего сами-то хотели? — спросил мастер Айдо.

Дело было уже на закате, мы с гномом собирались на боковую в специально отведенном для гостей домике.

К тому времени я уже успел поближе познакомиться с братьями Храу. Познакомиться и помириться. Правда, кого именно из них я маленько отделал, они скромно молчали, но главное было не в этом.

— Чего мы хотели? — начал наматывать на палец косичку бороды гном. — Да я тоже хотел парней, бойцов то бишь, на одно дело попросить, а у тебя их и так — кот начихал. Ну да ладно, перебьемся.

— А что случилось?

— Ты ведь Скорпо знаешь?

— Конечно! Он же ко мне Лукку на обучение приводил. Я и его знаю, и учителя его, покойного Скорпо Белогривого, отлично помню — он моим учеником был. Даже как-то имел удовольствие с матушкой его, то есть Скорпо нынешнего, общаться. Страшная женщина была... Колдунья с большой буквы! Видно, Скорпо магией из-за нее и занялся. А что такого натворил наш маг на этот раз?

— На этот раз? — переспросил Дырявый Мешок. — А что, прецеденты уже были?

— Да... — неопределенно махнул рукой Айдо, — по молодости. Все в авантюры разные бросался. Так что случилось?

— Скорпо поднял из могил мертвых, сколотил из них армию, а она вышла из-под контроля. Теперь маг отлеживается в одном заброшенном трактире, а *зорситэ* прут дальше, сметая все на своем пути.

— Это он брату хотел отомстить... — перебирая четки, размышлял вслух Айдо. — Тот же лет так десять — пятнадцать назад кинул, обманул Скорпо. А вот он, час расплаты, и настал. Мертвые, верно, на Уилтаван идут? Ох-хо-хох... И куда катятся миры? — Размышляя, он закрыл глаза. — А какое тебе до этого дело, гном? — приоткрыл один глаз учитель. — Интерес какой, или ты и в этой истории умудрился замазаться?

Дождь виновато развел руками: ничего не поделаешь — так получилось.

Айдо все думал, рассматривая падающий за окном легкий снег. В тишине было слышно, как хрустит снег под ногами... Под чьими ногами?! Ведь все же здесь! Я потянулся за штоском.

Перехватив мой взгляд, Дож кивнул хозяину: «и что дальше?». Ильд-Ми вытянул из рукавов две небольшие, с ладонь, железячки в виде звездочки или снежинки, какими их рисуют дети. Один из Храу положил руку на рукоять длинного, чуть изогнутого меча, второй ухватился за длинные с причудливыми рогатыми крестовинами кинжалы за поясом. В общем, гостеприимные хозяева готовы к радушной встрече нежданных гостей. За дверью стихло, я был готов спорить, что гость прислушивался, «а что у нас здесь такое творится?», потом, справедливо решив, что его уже ждут, осторожно постучал в дверь.

Айдо шевельнул бровью, и Храу, убрав руки с кинжалов, мягко ступая по дощатому полу, пошел открывать. Снаружи стоял здоровенный детина с повязкой на левом глазу.

— Мир тебе, хозяин, — чуть кивнул он головой, переступая порог, — да пребудут тишина в твоей душе достаток в твоём доме и долгие годы спокойствия здоровья, — выдал тем же сиплым голосом Шер приветствие этих краев.

— Благодарю и тем же отвечаю, — приветливо улыбнулся Айдо, указывая на свободное за столом место: — Прошу садиться и откусать с нами посланное Небом.

Шер спокойно сел, скрестив ноги перед собой.

— Что привело тебя в такой поздний час, дорогой гость?

Шер отломил кусочек лепешки и неспешно жевал его, запивая чаем.

— Я пришел за мудрым советом, ибо, наверное, сейчас только вы можете помочь мне.

— Конечно, Шер, — осклабился учитель Айдо, — слушаю тебя.

— Сомнения терзают мою грешную душу, ибо наступают в жизни каждого из нас дни, когда не знаешь, какой дорогой пуститься. Дорогой силы и славы или дорогой выдержки и ума.

— Думаю, уважаемый гость, что каждый сам решает, какой дорогой ему пойти.

— И все-таки?

— Я бы выбрал путь «выдержки и ума».

— Вы уверены, о мудрейший?

— Да, конечно...

— Гном, — Шер повернул к Дождю свою одноглазую башку, — я бы хотел отыгаться!

Я захохотал так, что Шер с Дырявым Мешком подскочили на месте.

— Извините, мужики! — Я закашлялся, поперхнувшись смехом. — Скажи, друг одноглазый, а если бы наш мудрец указал тебе путь э-э-э «силы и славы», ты бы вызвал меня на драку, ведь так?

— На поединок, так будет правильней, — поправил меня полуорк, улыбнувшись, — но видишь, мудрейший выбрал сегодня совсем другую... игру.

Дож ковырял пальцем щепку в столе, явно о чем-то задумавшись. Это не ускользнуло от Шера.

— О чем задумался, гном? Ты клятвенно пообещал мне, что в нашу следующую встречу обязательно дашь мне отыгаться. Ведь так? Кстати, трактирщик «Южного Тракта» передал тебе деньги в счет моего долга? — Дырявый Мешок утвердительно кивнул. — И мне сказали, что сегодня ты здесь, в наших краях. Я, полный решимости, прихожу сюда с надеждой на повторную встречу. Хотя когда я зашел сюда, то в первый миг даже немного растерялся. — Он указал на меня. — Ибо сегодня просто вечер реваншей! Лукка, так? Я не

ошибся, твое имя — Лукка? Имя единственного человека, который смог надавать мне пощечу. Я просто грезил нашим следующим поединком! Но... — Шер траурно возвел глаза к небу, — Небеса устами учителя Айдо отодвинули наш бойцовый поединок... — Он вернул глазки на место и холодно закончил: — До следующего раза.

— Итак, гном, зовущийся Дожем, по прозвищу Дырявый Мешок... — Он выложил на стол деревянную коробочку и приглашающе взмахнул рукой. — Не угодно ли... начать?

— Я никогда не был против хорошей игры, — покусывая нижнюю губу, начал гном, — но у меня просто нет с собой наличных для игры.

— Это не проблема, — успокаивающе выставил вперед ладони Шер, — я вроде как еще немного остался должен, так что, пожалуйста, прими мой долг. — Рядом с коробочкой карт появился увесистый кошелечек, аппетитно звякнувший металлом. — Если я не ошибаюсь, то это последняя часть всей суммы, не так ли?

— Сударь, я не закончил, — резко поднял на противника глаза Дож. — В прошлый раз мы закончили играть через двое суток после того, как сели за стол. Сегодня... у меня с Луккой нет столько времени! А специально проигрывать я не могу.

— А сколько у вас есть времени на мою скромную персону? — подумав, спросил Шер.

— Сутки. Максимум.

— Отлично! — Шер сгреб со стола коробочку и, раскрыв ее, вытащил колоду карт. — Уверен, мы отлично проведем это время! Господин Айдо, вы не против, если мы ненадолго займем ваш прекрасный дом?

— Сделайте одолжение! Мне тоже будет интересно посмотреть на двух великих игроков, так сказать, в действии. Только я бы советовал вам переместиться в другую комнату, там и стол поудобней, и опять же есть очаг.

— Я не против, — встал Шер. — Куда идти?

— Я провожу, — поднялся и Айдо, — прошу за мной.

Мы зашли в комнату, как и обещал хозяин, с нормальным, а не низким, возле самого пола, столом и очагом в стене. Ильд-Ми с одним из Храу быстренько разжег огонь, другой принес свечи.

Игроки сели друг против друга с самым скучающим выражением морд. Как будто по заказу, в комнату вбежала пара орков, вооруженных большими корзинами. Расставив по столу посуду, бутылки и закрытые блюда, они ретировались, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Может, кто-нибудь из присутствующих захочет выпить и закусить, — объяснил бандюга. — Господа, прошу вас, присаживайтесь. В течение всего времени, что я буду находиться здесь, вы, а значит, и ваши друзья-торговцы будут в полной безопасности. Итак, господин гном, — Шер уселся поудобней на своем стуле, — засучим рукава?

Мне позволили сидеть рядом с гномом. Во-первых, мне было интересно, во что и как они играют. Надо сразу же сказать, что из всех игр, в которые играют за столом с помощью этих четырехугольных разрисованных бумажек, я знал и умел только в «олуха», или в так называемого «дурака». Такая вот тролльская народная игра. Здесь все было по-другому и, главное, непонятно, а соответственно и неинтересно. Со стороны поначалу выглядело так: двое с абсолютно каменными лицами смотрят в свои карты, говорят вслух цифры и суммы, потом меняют одну-две-три-четыре-все-ни одной карты, опять смотрят в них, снова называют цифры и суммы, после чего показывают друг другу свои картинки, и один из них загребаёт себе ту кучу монет, которую они накидали на стол по ходу дела.

— Ставлю тридцать. — Гном, положив свои карты рисунком вниз, отсчитав и кинув в общую кучу шесть золотых монет, налил себе винца.

— Хорошо, и добавляю еще столько же. — Шер повторяет действия гнома один в один, все то же, кроме суммы денег.

Они наливают себе пивка и прикладываются к кружкам, при этом умудряясь не сводить друг с друга глаз. Смотрю на них — ну просто Винетта с Купом!

— Мне две, — объявляет полуорк, отодвигая от себя пару бумажек.

— Пожалуйста. — Гном вытаскивает из стопки две карточки. — А мне, если позволите, одну.

Поторговавшись еще, они показывают свои наборы.

— Каре...

— Отродье! У меня фул!

— Не переживай так, гном, игра только началась!

Гном исподлобья сверлит глазами противника и тасует колоду.

Так продолжается целую ночь. Мои глаза режет сон и табачный дым. В голове все мутится от однообразия: карты, монеты, непонятные слова, карты, кружки, карты, блюдо с кусками жареной курицы, стаканы, карты, монеты, карты... карты... карты...

Проснулся я по естественной причине. В комнате, кроме Дожа, Шера и меня, никого нет.

— Вы поспали бы, мужики, — предложил я по возвращении с улицы, — не ровен час еще умом тронетесь, а нам еще с гномом аж до Уилтавана топать.

— Доберетесь... — пялит красные глаза в свои карты Шер, — если что, ребята проводят... Ставлю две сотни!

— Не многовато? — подперев голову рукой, рассматривает картинки Дож. — А! Глупить так глупить, гну я твои сотни!

— Рискнешь... мне две...

— А мне одну!

— Ну, как скажешь. — Шер поднял мутны очи. — Сколько... или пасуешь?

Дож долго изучал свои карты, потом, отложив их в сторону, еще дольше рассматривал полуорка. Тот производил те же действия.

— У меня здесь осталось три сотни... — прокрипел Дырявый Мешок, — ставлю все и вскрываюсь. — Гном отодвинул все, что осталось, дальше по столу.

Шер еще раз оценивающе глянул на свой набор и двинул навстречу гномской кучке золота свою.

— Вскрываемся... — И одну задругой выложил пять карт. — Девять пик, девять трэф, дама червей, дама бубна...

— Две пары? — радостно подскочил Дырявый Мешок.

— Где? А? Нет... У меня еще... — Шер повертел в руках картинку. — Червовая... — Он помедлил. — ...Девятка!

Гном налил себе вина, выпил, налил еще:

— Фул?

— Да... — Шер кивнул. — Мне жаль, Дож! Гном взглянул на бандюгу и, ничего не ответив, одним глотком осушил стакан до дна.

— Лукка, — вытер он с бороды капли вина, — зови Айдо, нам пора...

— А что меня звать? Здесь я, — вошел учитель. Он обвел глазами стол, гнома и

Шера. — Даже не спрашиваю. Дож, ты меня прости, конечно, но только интересно. Ты так крупно проигрался в первый раз в своей жизни?

— Второй. — Гном вглядывался в свой стакан. — Шестнадцать лет назад... Аллу Слепцу... — Он допил остатки. — Был такой игрок.

— Прими мои соболезнования, если, конечно, от них тебе будет легче. Ладно, к делу, я поговорил с ребятами, если хочешь, Ильд-Ми может с тобой пойти. Разумеется, не абы что, но хоть не зря сюда приходил.

— Спасибо, но, думаю, не стоит. — Дырявый Мешок завязывал шнуровку на рукавах. — Я знаю, он тебе как сын, а я зову не на гулянку. Парень он слишком горячий, а я уже слишком стар, чтобы тянуть его за собой в могилу. — Он поднял голову. — И так тяжело бывает по земле ходить!..

— А его, — Бор-От кивнул на меня, — тебе не жалко?

— Он уже успел влезть в это дело по самые уши. Так что...

— Господа, а в чем дело? — встрял Шер. — Может, я смогу чем-нибудь помочь?

Дож глянул мельком на бывшего противника и принялся дальше приводить свой костюм в порядок.

— Бойцы ему нужны. — Айдо, присев за стол, с любопытством перебирал лежащие на столе карты. — Хорошие бойцы. И много...

— «Много» — это сколько?

— Столько, чтобы вкупе с гарнизоном Уилтавана, при поддержке эльфийских стрелков и троллей вогнать обратно в землю поднявшуюся мертвечину.

— Один момент, господа! — заинтересовался полуорк. — Так то, что говорили про Перекресток Семи Дорог, правда?

— Может, и правда, — проворчал я, сокрушенный расстройством гнома. — Смотря что болтали!

— Говорили, что какой-то колдун-чернокнижник вызвал всех мертвецов по Тракту и во главе с ними движется на север, к Уилтавану, пожирая всех на своем пути.

— Ох, страсти-то какие! — по-бабьи протянул гном. Затем встал и, оправив на себе одежду, хлебнул винца напослед. — Да, поднялись. И идут на север. И думаю, пока доползут до столицы, тех, кто придет им противостоять, будет недостаточно. И чем ты можешь помочь? Орками? Слуга покорный! Эльфы, а тролли тем более перережут их, как только встретят! Да и орки спокойно стоять не будут... А там, знаешь ли, каждый воин на счету!

— Жаль, — проронил Шер, — очень жаль, что старая вражда помешает нам присоединиться...

— Тебе «жаль»?! — поперхнулся Дырявый Мешок. — Боюсь показаться законченным хамом, но тебе-то что? С каких пор лесного человека стали волновать проблемы эльфов и людей! Сударь мой, поверьте на слово, если бы наши пути не перекрестились на дороге игры, то наша встреча на лесной дороге кончилась бы смертью одного из нас!

— Спасибо за откровенность, — сжал побелевшие губы Шер, — но позволь теперь и мне высказаться! Со времен создания миров на этой земле все враждует само с собой! Моря отвоевывают у суши клочки земли, небо уничтожает целые города, обрушивая сверху смерч и град. Я не верю в богов! Я верю в то, что все в этом мире враждебно друг другу! Все предназначено для того, чтобы убивать! Орк убивает эльфа, гoblin подстерегает гнома, человек объявил охоту на всех сразу! Одна раса объединяется с другой в борьбе против

третьей, чтобы по окончании войны начать взаимное истребление. Клан против другого клана и с тем же «веселым» концом! Да, есть вражда! Первопричины? Ты, — он вдруг ткнул пальцем мне в грудь, — зовешься троллем. Можешь ли ты назвать причины, по которым бы ты или твой собрат перерезал бы глотку зеленой доходяге?

— Могу. Старая вражда. Когда наши племена объединялись, гоблины стали грабить наши поселения, угоняли стада. Мы защищались, вспыхнула война.

— И когда все это случилось?

— Лет четырехста назад.

— И с тех пор все так и продолжается?

— Да.

— Старая вражда! — сокрушенно улыбнулся Шер. — И так везде! Лукка, я слышал, ты помирил эльфов в Талат-Галене, это правда? — Я кивнул. — А правда ли, что они помирились после того, как вырезали целое стойбище орков? Получается, их объединила чужая кровь?

— Не совсем. Там все было немного по-другому. Заводилой всего этого безобразия был некий Лосдрауг, эльф между прочим. Не знаю как, но он умудрился завести друзей орков, но слушались они его, как родную маму! Своими глазами видел, кто бы сказал — не поверил! И вот этот Лосдрауг с помощью своих родичей и орков и держался в Талат-Галене. По чести сказать, орков он использовал втихаря. Зато, когда наступил момент большого разбора, легли все. И эльфы, и орки с гоблинами.

— Вот! — воскликнул, вскакивая, Шер. — Захотели победить, выжить — пошли на союз против общего врага! Может, вам и странно слышать все это из моих уст — уст лесного разбойника, но о чем сейчас речь? О выживании! Не устоит, падет Уилтаван, и все сдохнет, превратившись в живую мертвечину. И никто не выживет, не спрячется ни в глубоких пещерах, ни в чаще леса, ни за стенами городов! Все знают, как распространяется мор по земле? Это не мор! Выживут единицы, и боги не спустятся вниз, чтобы своими молниями сжечь восставших из *Царства Отродья*! Боги просто переселятся в *другой* мир. Их же много!

Шер подошел к гному.

— Дож — Дырявый Мешок, вот моя рука. Прими ее, как принял бы руку брата в *День Смерти*. Прими помощь того, кто хочет рядом с тобой, плечом к плечу, встать на пути *грядущего*! Во мне течет кровь человека и кровь орка. И я хочу пролить эту кровь, чтобы наутро наполнить чашу вина и выпить за твое здоровье, за здоровье живых! Вот моя рука.

Гном смотрел на протянутую руку. И чем больше он на нее смотрел, тем больше тряслись его руки. Он поднял лицо, полное гнева и отчаяния.

— Никогда... никогда потомок Великого Кроила не будет делить хлеб, пить вино и проливать кровь с тем, кто берет свое начало от грязных свиней! Только в бою, только лицом к лицу я пролью с тобой кровь. Я сказал!

— Зря ты так, Дож! — сокрушался я по прибытии к Перекрестку Семи Дорог. — Парени хотел как лучше, помощь предлагал!

— Лукка, не рви сердце! Ни мне, ни себе! И так тошно! — Гном пнул попавшуюся под ноги примерзшую к земле деревяшку. — Ну, не мог я! Не мог! Как тебе растолковать, я не знаю, но я просто не мог!!!

— А ты потихоньку! Слово за словом, а там и до сути доберемся!

Гном остановился, оглядел меня всего так, словно в первый раз в жизни увидел, обложил почем зря и, продолжая сотрясать воздух, зашагал дальше на север. Когда я пришел

в себя и догнал карлика, тот маленько остыл.

— Ты по ночам как, спишь нормально? — И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Завидую!.. А для меня каждая ночь как в гости к Отродью!

Мы шагали по заснеженной дороге, ведущей к Уилтавану. Если я не ошибался, то к вечеру мы должны были выйти к городу.

— Лет сорок-сорок пять назад гномы клана *фишь*, что с Голубых Гор, решили спуститься на равнину. Не то чтобы все жаждали этого переселения, просто так было нужно. В горах не хватало еды, начинался голод. Клан за кланом гномы разбредались с мест, где они прожили не одну тысячу лет. Кто ушел на Запад, кто присоединился к эльфам Юга. Мой клан жил почти у подножия гор. Через нас уходили фиши. Они звали нас с собой. Мы не пошли. Последнюю ночь на родине они провели в наших пещерах. Мы выкатили столетний эль и пиво. Пировали почти до утра. Среди фишей и наших было много родственников, и мы провожали их, как провожает в дальний путь отец сына. Спустя полгода мы получили от них весточку. Они устроились почти рядом, в лесах Ората, к юго-востоку от Кинблоу. Фиши писали, что построили свою деревню на берегу Виры, на окраине векового леса, недалеко от людской деревни с одной стороны и сразу двумя кланами лесных орков с другой. Они писали, что люди приходят к ним за железными инструментами, фиши были мастерами их ковать. Люди показали им лучшие земли, помогли с засевом полей. Охотники-орки отвели им охотничье угодье, снабдив всем необходимым на первое время. Фиши были приятно удивлены таким радушием. Одно дело люди, но другое — орки! Старейшины с облегчением вздохнули, что наконец настали времена, когда можно без боязни поворачиваться к не гномам спиной и не ждать ножа под ребро! Спустя год, когда с полей собрали урожай и вовсю уже царствовала осень, мы поехали в гости к фишам, снарядив целый караван товаров и подарков. В предвкушении праздника и объятий родственников мы выехали к Вире, туда, где стояла их деревня. Ее не было... Только скелеты сожженных домов да обглоданные кости по округе. Ребятня из людской деревни рассказала, что несколько месяцев назад из их села увидели, как загорелась деревня гномов. Прибежавших мужиков встретил град орочьих стрел. Орки, говорили мальчишки, пировали неделю с лишним. Потом нам отдали нашего родича. Люди нашли его на погорелье и втихую от свинорылых забрали с собой, приютив у себя. Он еле говорил и все время плакал. Но даже того, что он смог кое-как рассказать, было достаточно. Они пришли под вечер, как гости, попросили дать приют на ночь. А когда возшла вторая луна, они открыли ворота, и орда вошла в деревню фишей. Они разграбили амбары, сожгли дома. Тот гном уцелел случайно, просидев все эти дни в дупле дуба, боясь даже лишний раз вздохнуть, в то время, когда под этим самым деревом, на его корнях, четвертовали его друзей и близких. Вначале четвертовали, а потом пустили на еду.

Дождь замолчал, на ходу доставая мех с вином. Мне нечего было сказать на все это. Гном оторвался от меха и, передав его мне, продолжил свой рассказ:

— Мы не стали дожидаться, когда орки придут по наши души, — нас было слишком мало для мести или серьезного боя. Оставив большинство товара в людской деревне, мы, как воры, под покровом ночи ушли по реке на плотях. Когда людская деревня скрылась из глаз, там, где река расходилась надвое, нас встретила орда. Слава богам Небесной Горы, орки не додумались перекрыть реку, и мы ушли, провожаемые стрелами и криками. Они смеялись нам вслед, приглашая приезжать еще, «привезти свежего мяса и взрастить для них новый урожай». Кто-то из наших рассмотрел, как они трясли в своих руках принесенные с собой головы фишей. По возвращении в Голубые Горы нас известили, что еще два поселения из

четырёх вырезали на корню...

Зимой в Кинблоу собрался Совет кланов. К тому времени стало известно, что все остальные поселения уничтожены. Везде было одно и то же. Гномов принимали с миром, помогали в обустройстве. С ними дружили, торговали, а после уборки урожая переселенцев уничтожали, забивая, как скот, на еду. Совет постановил предпринять акцию возмездия. Грозное, страшное слово! К нашему походу присоединились эльфы. В первых битвах мы одерживали победы. Но потом! Со всех королевств начали поступать сведения о том, что гномов стали убивать направо и налево! Да с таким размахом, что!.. Нам дали ясно понять: прекратим мы, прекратят и они. Скрепя сердце мы отступили, и убийства закончились. Прошел не один десяток лет, а в моих снах до сих пор плачет и смеется безумец — последний из фишей.

Я шел молча, думая о своем. За свою небольшую жизнь, часть которой я даже и не помню, мне никогда не приходилось кого-то терять. Я терял вещи, деньги, время и ненадолго память. Но я никогда не терял родных и близких, просто знакомых. Первая смерть, которая больно резанула мое сердце, была смерть Анисима. Что меня с ним связывало? Да по большому счету и ничего такого! Ведь я с ним даже ни разу и не пил по нормальному! Несколько дней и ночей, проведенных вместе, пройденные мили пути... Что еще? Если только девушка и смерть ее отца? Так опять же от моей руки... И что же тогда получается?! Нас всех связывают вино и кровь? Мне стало зябко. Я перехватил у гнома мех и от души приложился к нему.

— Хочешь что-то спросить? — повернул голову Дырявый Мешок.

— Не знаю, как сказать, — вернул я ему мех, — просто задумался о... — Слова у меня почему-то не хотели складываться.

— О том, что связывает всех нас в этом мире. Верно? — подсказал гном.

— Наверное, именно так...

— Я сам не знаю, Лукка. Я знаю лишь то, что если бы я пожал руку Шеру и принял его помощь, то где-то далеко-далеко разом умерло бы четыре десятка гномов. Второй бы раз умерло, понимаешь!

Меня осенила догадка!

— У тебя там... ну, в той деревне, кто-то был? Дети?..

Дождь кивнул, проглатывая слезы. Мы шагали и шагали дальше, иногда прикладываясь к вину. Лишь однажды гном остановился передохнуть, и то для того, чтобы достать следующий мех вина взамен опустевшего.

— Ты хочешь спросить, как же в первый раз я сел играть с Шером, полуорком? — Я и не хотел спрашивать, но сделал вид, что собирался. — У меня не было другого выбора, дружище! В тот раз я играл на жизнь, и не на свою! Не спрашивай подробностей, просто знай, что если бы меня тогда убили или обыскали, то целый клан в двести живых душ переселился бы на небо. Может, это звучит и высокопарно, но это так!

Картинки недавнего прошлого проскочили у меня перед глазами: первая встреча с Скорпо в «Южном Тракте» и низкий голос колдуна:

— Гном, тебе что-нибудь говорят имена: Огненная Борода, Железный Лоб, Потухший Горн, Крох-Пьянчуга? Дырявый Мешок, ты случайно не знаешь этих добропорядочных парней?

Я поделился воспоминанием с Дожем:

— Ты ведь тогда от них драпал?

— Да. А спустя пару дней столкнулся с Шером. Это было в кабачке «Лошадиный Хвост». Самая наидрянная портовая забегаловка в Гольоре. Там меня узнали и шепнули Шеру. Тот пришел в кабак и заявил, что сделает все, чтобы я сыграл с ним. Вот и все!

Мы вышли на развилку дороги. Здесь, если так можно сказать, и кончался Большой Тракт. Если свернуть направо, то в обход Уилтавана можно было выйти на дорогу к Вечной Долине. Я с сожалением, настоящим на надежде, взглянул направо и, помянув все нехорошее разом, взглянул налево, туда, где за крутым поворотом, огибающим сосновый бор, можно было скатиться прямо до городского рва.

Гном остановился у самого поворота, прислушиваясь и, по-моему, даже принюхиваясь к вечернему воз-духу.

— Если вы, милостивые господа, высматриваете меня, то я здесь! — вылез прямо из воздуха кентавр. Я вытаращил глаза.

— Что, эффектно? Молчите, не говорите, я знаю. — В глазах блеск, рот до ушей с легким, но устойчивым запашком перегара.

— Ты здесь один? — устало вздохнул гном.

— Увы, да! — почесал подбородок Дио. — Как только последний ящик был доставлен, этот магик от всего сердца пожал руки, хряпнул на посошок и испарился, даже не оставив адреса. — Кентавр от души икнул, но все же остался стоять на своих четырех.

— Нам-то хоть оставил? — нахмурился гном. Дио прикрыл веки и покачивал головой в ритм своим мыслям.

— Кажется... да! — Он открыл мутные глаза. — Не мог же я один столько выпить!

Помимо лошадиного здоровья, наш друг отличался и таким же аппетитом, если дело касалось вина и других более-менее крепких напитков. Короче говоря... жрет, как та еще лошадь!

— А сколько было? — вяло поинтересовался я.

— Сколько было? — почесал затылок кентавр. — А сколько было?! Слушай, пошли посмотрим, я тару не выбрасывал в целях конспирации и маскировки.

— Потом поглядим, — взял вожжи в свои руки гном. — Сначала скажи, эти уже здесь?

— А где им еще быть? С утра здесь торчат, — сразу погрустнел Дио. — Стоят вокруг города молча и не двигаются. Наверное, ждут чего-то.

Мы зашли за поворот, готовые в любой момент, сорвавшись, укрыться в убежище, которое было невидимо снаружи.

— М-да, — погрустнел Дырявый Мешок, — красиво...

— Дож, не будь пессимистом, посмотри, какой здесь прекрасный вид на закате. Даже меня пробило!

— На что?

— На возвышенное, конечно! — И заржал, проникновенно, душевно заголосил:

Замерзли запахи и звуки, и над серебряной волной Незримый град рождает буки, как будто в буках есть покой! Для тех, кто выжил в катаклизме, когда наотмашь била ночь, Читает сагу юный отрок и гонит снег смердящий прочь.

Его дыхание топит вату упавшей манною с небес, И плачут в такт ему солдаты, в мечте забившись под навес. И вот, когда рассказ окончен и принц с княжной упал ничком, Костер родился среди ночи — пожар души зовет домой! И ночь смотрела людям в спины

(а также в что пониже их),

Оставив мертвые руины, они ушли, чтоб ветер стих. И ветер стих... на полуноте...

звенит аккордами рассвет.

И вслед ушедшим юный отрок отправился искать ответ...

— Ну, как, понравилось? — выгнул колесом грудь Диондолл-Странник, но, увидя наши застывшие вытянутые рожи, сплюнул себе под ноги. — И ничего вы не понимаете в высокой поэзии, господа. Поймите, когда душа разрывается одиночеством, когда единственным твоим собеседником на протяжении целых двух дней является твое собственное отражение в стекле посуды, то поневоле задумаешься о вечном, о душе, о любви. Сразу же хочется сменить профессию. Господа, между прочим, я прекрасный рассказчик. Честное слово, развяжусь с этим гнусным делом и пойду в летописцы. И начну, господа, свою главную летописную повесть с описания сегодняшнего вечера!

Как и любой другой приличный город, Уилтаван стоит на возвышенности. А будучи столицей королевства Бревтон, сразу на целых двух холмах! Сейчас, если мы чуть-чуть привстанем на цыпочки, то сможем прямо отсюда хорошо рассмотреть дворец правителя — Бревтона. Да-да! Это он и есть! Тот самый, откуда сейчас валит черный зловещий дым Это мужественная гвардия его величества готовится к обороне. На высоких каменных стенах, окружающих город, зажигаются первые огоньки — жители славного Уилтавана готовятся к ночному штурму: крепят факелы, чтобы в темноте было видно, кто, где и куда. Если вы перестанете напрягать глаза, плясь в наступающую темноту, и опустите свой взор чуть-чуть ниже, то сможете прекрасно рассмотреть полчища всяких разных *зор-ситэ*, расположившихся вокруг рва с подзамерзшей водой. Всего народу здесь не так уж и много, по самым скромным подсчетам не более пяти — семи тысяч. Но, учитывая все подходящих и подходящих, а также то, что в случае ночной вылазки гарнизон города способен потерять, судя по всему, около половины личного состава, можно смело предположить, что к утру их станет от семи до десяти тысяч. Далее, если господа соизволят оглянуться вокруг, то, несомненно, заметят полное отсутствие подкрепления, ожидаемого с часу на час... Мужики, — в трезвеющих глазах Дио мелькнула искорка панического страха, — как же мы эту сволочь бить будем? — Мы удивленно уставились на кентавра: уж от кого-кого, а от нашего могучего друга мы не ожидали услышать подобное и в подобном тоне. — Как? У нас же на них всех... рук не хватит!

Первая из двух лун выглянула из-за туч, и гарнизон города действительно решился на вылазку, не дожидаясь, когда *зорситэ* сами пойдут на штурм. Отсюда было хорошо видно, как со стен полетели подожженные стрелы. Мертвецы отступили, тем самым обеспечивая простор для атаки людей. Упал перекидной мост, придавив парочку неосторожных или самых медлительных. По доскам моста загрохотали копыта. Закованная в сталь тяжелая конница ворвалась в самую глубь осаждавших, раскидывая их в стороны. *Зорситэ* побежали.

— Нет! Нет! Что они делают! Нельзя! — заорал Дырявый Мешок, забыв об осторожности, глядя, как следом за конницей на мосту показалась пехота. — Вас же заманивают, придурки! О Отродье, признайся, ты сегодня командуешь людишками?!

Действительно, *зорситэ* вроде как бы отступали под натиском верховых рыцарей, но в то же время сдерживали фланги, давая возможность людям спокойно добраться до самой гущи толчеи, замыкая за ними кольцо. Наконец это заметили и со стен. Трубы взревели «отступать!», но было уже поздно. Кучка отставших от своих пехотинцев, яростно отмахиваясь от напирających мертвецов, начала отходить к мосту. Мгновенно от основной массы сражающихся отделилось с десятка два мертвяков, нацеленных на открытые ворота. Плюнув на своих, оставшиеся за стенами города начали поднимать мост.

— Надеюсь, хоть это у них получится, — с досадой махнул рукой гном.

Мост подняли вовремя, *зорситэ* не успели заскочить на него. Развернувшись в сторону обреченных, они не спеша пошли на них, зажимая солдат в кольцо...

То же самое творилось и в центре битвы, только в другом масштабе. Вернувшиеся мертвецы всем скопом давили конных и пеших солдат гарнизона.

— И все-таки у них есть вождь, — спокойно высказался гном, глядя сверху на резню. — Уж больно согласованно действуют *зорситэ*. Прекрасно провели маневр, заманили основную часть в ловушку и просто задавили наступавших. Следовательно, к утру, максимум к обеду у нашего неприятеля будет с две сотни хорошо вооруженных рыцарей-мертвецов и неизвестно сколько опять же вооруженных мертвецов-пехотинцев. Поздравляю командующего Уилтавана. Прекрасно проигранная партия!

Кентавр пьяно паялся на происходящее, вытирая испарину с лица. Я, хоть и трезвый, тоже был весь в поту от увиденного. В первый раз в жизни я присутствовал на настоящей войне! То, что я чувствовал, нельзя было описать словами. Но это можно и нужно было запить.

Дож, по очереди дернув нас с Дио за руки, пригласил отойти подальше.

— До утра мы ничего не сможем сделать, тем более помочь. Поэтому, ребята, пошли-ка баиньки. — Покорно развернувшись, мы поплелись отсюда. — Сейчас придем, по капле выпьем для крепкого сна. Кстати, Дио, у тебя там тепло?

— Нормально, — промямлил тот, спотыкаясь в темноте, — хмель еще бродил у него в голове.

— Вот и славно! — Пытаясь придерживать кентавра под руку (и это при разнице в росте!), гном выводил нашу компанию к месту вечерней встречи. — Сейчас придем... Дио, ты чего встал?

— Это... — оглянулся вокруг кентавр, — это...

— Что «это»? — ласково, но в то же время напряженно спросил Дож.

— А где это... этот... — завертел головой Диондолл-Странник. — Ребят, вы здесь нашу хижину не видели?

— В смысле? — тревожно забилося у меня слева. — Ты же из нее выходил! Ты же в ней два дня квасил!

— Да... — обреченно выдохнул сторож-пьяница, — только она снаружи невидима, и... и... кажется, я ее потерял...

— Дож, ну давай я ему морду набью! — прыгая на холоде, в который раз предложил я.

— Думаешь, поможет? — трясаясь рядом, лязгал зубами гном.

— Нет, но хоть согреюсь!

— Парни, честное слово! — Полностью протрезвевший кентавр рыскал вокруг, размахивая руками и копытами, стараясь попасть по невидимой стене. — Сейчас найдем, только потерпите немного! Сейчас найдем.

— Сейчас уже светать будет! — огрызнулся я. — Или ты думаешь, что при свете ее будет лучше видно?!

— Сейчас! Потерпите только, а? — Кентавр ускорил движения.

— Если он ее не найдет, — подпрыгивая на месте, простучал я зубами, — я его... убью!

— А если найдет?

— Все равно прибью... потом...

— Когда потом?

— Когда согреюсь!

— Резонно. Ой! — замер гном на месте. — Смотри!

С надеждой, что наша хижина наконец-то нашлась или на худой конец проявилась, я обернулся. Но это был всего-навсего шар света, вреда того, из которого в «Южном Тракте» вылезли маги. Только этот был намного больше.

— Ну и что? — разочарованно отвернулся я. — Дио, не пялься куда ни попадя, давай ищи дальше. Невиданное дело! Эльфы приехали! — И повысил голос так, что бедный кентавр споткнулся и зашевелился намного быстрее: — Чем мы их вооружать будем? Где фэл?

Из шара один за другим выходил лесной народец. Первым, как подобает вождю, шел Ватгиль.

— Привет тебе, о друг сердечный, прими и ты поклон, о славный гном!

Мы крепко обнялись. Бывший ученик учителя Айдо здорово изменился. Парень возмужал, окреп на домашних харчах и под присмотром заботливой женушки. Но не это первым бросалось в глаза. Передо мной стоял вождь! Как сказал бы Дож, вождь с большой буквы. Честное слово, глядя на него, понимаешь: вот скажи он сейчас слово, прикажи он там чего-нибудь — и ноги-руки сами побегут исполнять приказание.

— Явился я по зову твоему и эльфов добрых сотни три привел. Сказал мой брат по крови, в чем твоя беда, и я решил стремглав идти сюда. Ведь нет такой беды, что хуже той, когда Отродья дети из земли поднялись. Сегодня они здесь, а завтра по лесам эльфийским возжаждут прогуляться. Мой меч, мой лук, и сердце, и рука — твои! Повелевай, мой друг, сегодня я слуга!

У меня голова закружилась от подобных речей. Но главное было не в том, как это все было сказано! Главное в том, что этот эльф явился сюда мне на помощь по первому свисту! Я еще раз обнял вождя Талат-Галена, от всей души прижимая к сердцу. Видимо поняв мои чувства, тот приглушенно пискнул.

— Спасибо, дружище! — оторвал я его наконец от себя. Ватгиль с незаметным облегчением вздохнул. — Я несказанно рад тебя видеть! Как ты сам? Как жена? Как Пинвол?

— Пинвол здесь, тролль! — раздалось сзади... Обернувшись, я сгреб в охапку и его.

— Отпусти, лось! — попробовал он отпихнуться. — Все нутро выдавишь!

— А Ватгиль ничего, — скосился я на беседующего с гномом вождя.

— Лукка, — кое-как выдохнул эльф, — он же вождь! На него же смотрят, равняются, при жизни чтят!

— Все равно, я рад вас всех здесь видеть!

— Я тоже... — Эльф попытался заглянуть мне через плечо. — Слушай, не пойми превратно, но вон тот чудик с задницей жеребца... что он так носится? С распростертыми объятиями...

— Греется... — отвернулся я от позора. — Короче, нам магии невидимую хижину оставили. Там все: амуниция, оружие, провиант, вино... А этот... конь... ее потерять умудрился! Два дня безвылазно в ней пропьянствовал, сторожа, пока нас не было, а потом вышел нас встречать да и... теперь найти не может!

Пинвол, От души рассмеявшись, подозвал к себе молодого эльфа из уже вышедшей из шара многочисленной толпы. Тот, выслушав старшего, убежал и почти сразу же вернулся с седовласым, еле ползущим эльфом. Пообщавшись с помощником вождя, седовласый покрутил головой и указал на пару отдельно стоящих деревьев на другом конце поляны.

— Наш колдун утверждает, что ваша хижина стоит вон там, — перевел эльфийскую речь Пинвол, когда старик отошел к воинам, ставящим временные шалаши из выделанных кож.

— Ты уверен? — Я было усомнился. — Вели твой волшебник прав, то, выходит, мы еще и не в том месте искали, так? Я его убью!

— Кого? — не понял Пинвол.

— А ты догадайся! Или угадай... Я сообщил Дожу и Дио о нечаянной находке, и мы впятером двинулись к невидимому складу.

— Слышь, Лукка, — прошептал мне рядом шагающий гном, — ведь это и есть тот самый Ватгиль — вождь Талат-Галена, правда? Знаешь, я впервые говорил с самым настоящим вождем! Это что-то! Какая статья, жесты, а речь! Речь!

— А что «речь»?

— Поэтика, изысканность! — Гном в восхищении аж закружил головой. — Это, это...

— Ты, это, ему на ногу урони что-нибудь. Топор, например. Такую поентику услышишь! Гном только махнул рукой и прибавил шагу.

— И что мы имеем? — разлив по кружкам вино, дал начало военному совету Пинвол.

Ватгиль, молча предоставив слово своему другу, в задумчивости рассматривал стрелы с фэлом.

— Мы имеем ни много ни мало около восьми тысяч голов противника, — утерев бороду, стал объяснять, во что мы влипли, Дырявый Мешок. — До сегодняшней ночи это было просто стадо мертвяков, давившее своей массой. Но, благодаря нашим друзьям из Уилтавана, ряды *зорситэ* пополнились обученными и вооруженными рыцарями и пехотой.

Гном подробно, не упуская деталей, рассказал о Ivyлазке гарнизона.

— А с I радом человечьим мы связи не имеем? — задал вопрос эльфийский вождь.

— Нет. И слава Небесам! — насупился Дож. — Если бы они узнали о нас, то сейчас же заставили бы перейти за стены города — отсиживаться в осаде.

— А что в этом худого? — не понял я.

— Начнем с того, что долго мы там не просидим. Нам здорово повезло, что Скорпо воскресил простых мертвецов — крестьян, а не солдат, то есть тех, кто был захоронен на том кладбище. Представляешь, что было бы, если бы он напоролся на курган воинов? Практически неуязвимые обученные солдаты, знающие, как управляться с оружием.

— А как же тогда запасы стрел и другой амуниции? Ну той, что мы нашли в пещере? На кой ляд тогда были нужны колдуну все эти консервы?

— Думаю, что это готовилось как запасной вариант. По-моему, это уже обсуждалось. Так или иначе, *зорситэ*, пополняемые трупами тех, кто погиб во время вылазок, решатся на штурм, задавив защитников массой. А если операция закончится поражением, то оставшиеся в «живых» разбредутся по окрестностям. А для нас, господа, это идентично поражению! Рано или поздно, восстановившись в численности, они пойдут на другой город.

— И что же предлагает гном бесстрашный, в битвах изощренный? — промолвил Ватгиль.

— Предлагаю дожидаться подхода троллей. Пока их нет, надо подготовиться к бою. Соотношение сил один к пятнадцати. Это без учета сил гарнизона Уилтавана, не будем пока брать их в расчет.

— Мертвецы, как я уже успел увидеть, встали вокруг города плотным кольцом, — взял слово Пинвол, — а мы не можем распылять силы.

— Правильно! Нам необходимо заставить их собраться в одном месте.

— А если сделать, как сделали они сами? — появилась у меня вроде как интересная мысль. — Атаковать, а затем отступить, заманивая этих, куда нам надо.

— Неизбежны потери, а мы не можем гробить своих почем зря. Хотя сама идея и не так плоха, но есть одна деталь... — наvertsел на палец косичку бороды Дож. — Я больше чем

уверен, что противником командует некто более-менее разумный, чем просто труп. Мне все не дает покоя организация осады Уилтавана. Как мертвецы уделали людей! Не просто задавили их числом, а втянули в глубь основной массы, не дав возможности для отхода, схрумкали и не подавились! Я никогда не недооценивал противника! Но здесь...

— Единственная возможность, которую я вижу, — прервал всеобщее молчание гном, — использовать рельеф местности. Город стоит на возвышенности, вокруг него почти ровное поле, окруженное холмами. Уилтаван как бы в их кольце.

— А на холмах, как и здесь, — лес, значит... — прищурился Дио, — у противника будет возможность обойти нас с флангов под защитой деревьев.

— Мы это на себя берем, мой друг четвероногий, — сказал Ватгиль.

— Мы с собой двух магов привели, — перевел Пинвол.

— Маги... колдуны... волшебники... — поморщился Дырявый Мешок. — Лично я — против. Если вы, господа, еще не забыли, то целью нашей встречи является разрешение последствий, связанных с действиями одного господина из волшебной братии.

— Сударь, спешу вас уверить, что магия наших волшебников основана на взаимодействии с природой, и только! Они — друиды!

— Друиды? В принципе это немного меняет дело, — пошел было гном на попятную, — хотя...

Говорил я или нет, но на протяжении всего этого разговора я мог спокойно наблюдать, что творилось снаружи. Стенки этой магической хижины или, как ее обозвали, магического купола, были совершенно прозрачны. К чему я все это? Да просто на том самом месте, где был шар, принесший сюда эльфов, возник точно такой же. Прямо из него, обнимая-выползая, выдавился сам Большой Оз с Купом под мышкой.

— Тролли прибыли, — объявил я очевидное, — пойду поздороваюсь.

Большой Оз осторожно положил на землю счастливое тело пьяного эльфа.

— Хороший парень. Только слабый. Лукка! Видеть рад тебя, — протянул он ко мне свои лапищи.

— Я тоже рад тебя видеть, дружище! Много наших приехало?

— Во! — Троль развел руками.

— Значит, много. Сухой Рос тоже здесь?

— Нет. Вождь сидит дом. Послал сын. Рыжий Бут.

— Привет тебе, Лукка, — вырос из-под земли, а может, прямо из воздуха мастер Лео. — Где гном и вождь эльфов?

— Там, в хижине. Случилось что-то? — заподозрил я неладное.

— Да уж, хорошего мало. — Волшебник повел перед собой рукой, и вся честная компания явилась на глаза.

— У-у-у! — восхищенно покачал головой Оз. — Шаман!

— Приветствую вас, господа, — вяло отсалютовал Лео. — Надеюсь, вы все уже в сборе и знаете, что де-' лаете.

— И вам привет горячий, глава волшебников, — по-«пытался улыбнуться Ватгиль.

— Доброе утро, мастер Лео, — кивнул гном. — Вы один? А где же мастер Гемине?

Волшебник, словно плюясь, что-то прошептал.

Выглядел он неважно. После нашей последней встречи он как бы состарился, что ли? Осунулся, под глазами в три складки мешки, лицо не то запыленное, не то посеревшее. Это уже был не тот Лео, движением брови и жестом посоха заставлявший замолчать человека,

воздух расширяться, расстояние сократиться.

— Ты спрашиваешь, гном, где наш *любимый* мастер Гемине? — Рука колдуна сжала посох так, что аж костяшки пальцев побелели. — А я скажу, почему бы не сказать?! Наш дорогой мэтр Гемине в нынешний момент у себя дома пакует вещички, готовясь к быстрому переселению в другой мир.

— Помирать, что ли, собрался сердешный? — вылез Дио.

— Нет, кентавр, — препогано улыбнулся волшебник, — он собирается перенестись в *другой мир Кристалла*. Ты понимаешь, о чем речь? Вижу — понимаешь... А почему, знаешь? Потому что сегодня ночью наступит День Волхвов! Вы все вздрогнули? Прекрасно! Выходит, знаете, что это будет за день. Но и это еще не все.

Волшебник, прихрамывая, прошелся вдоль нас, вглядываясь в лица собравшихся.

— Тело короля Гиера Одиннадцатого исчезло...

— Что, подданные огорчились? Хоронить некого? Поминальная пирушка сорвалась? Беда... — усмехнулся Дио.

Лео с горечью посмотрел в глаза насмешника:

— И день наступит Жизни Отречения. Среди ночи вставшие из небытия придут под стены города, что среди и на двух холмах стоит. И будет среди них проклятие рода — воскресший властелин. Когда взойдет луна и звезды в небе Знак Ангела сплетут, владыка преисподней войдет в останки короля убитого. И рухнет небо, встанет на дыбы земля, и боги отвернутся от людей, уйдя в другие грани, оставив в дань Отродью эту землю во власть и во спасение свое.

Закончив читать это, волшебник буквально схватил за грудки Дио:

— Все понятно или мне надо разъяснить? Значит, так, — маленько остыв, продолжил маг, — у вас есть несколько часов... пока я еще здесь. Ибо я тоже покидаю этот мир. И не из-за трусости, господа! Не надо так на меня смотреть!.. Все очень просто. Те, кто погибнет сегодня, превратятся в живых мертвецов. Затем, по наступлении полуночи — Часа Отречения, на этой земле все, что имеет какое-нибудь отношение к магии, перейдет в пользование Отродья. Он будет подпитан нашей силой... магической силой. Из людей и других народов выживут немногие. Но они смогут выжить. Пока... Поэтому от слов к делу: чем я могу вам помочь?; Располагайте мной.

После того как тролли, особо не торопясь, вывалились на холмы и шар, перенесший их, исчез, я пошел к своим поздороваться. Сухой Рос отправил сюда только перворожденных троллей. Как объяснили Рыжий Бут с Озом, старик решил, что *людские тролли* не подойдут для этого грязного дела, и прислал сюда лучших из лучших. Я бы сказал, самых упертых и непробиваемых, закаленных в пограничных драках и семейных скандалах мужиков. Тролли обстоятельно разбили лагерь и, не обращая внимания на близкого врага, запалили костры, навешали на них котлы, начав готовить свой завтрак. Недолго на это полюбовавшись, эльфы Ватгиля подтянулись к кострищам союзников, и началась нормальная пьянка, где знание языка и друг друга особо и не требовалось. Если не считать языка наливания и выпивания.

Самому мне очень хотелось присоединиться к пирующим. Отведать бараньей похлебки и жареной телятины, запивая густым темным элем. Я уже даже присмотрел, к кому именно из своих подсесть, как не вовремя появившийся кентавр потащил меня за шкварник подальше от аппетитного куса булдыжки. — Пошли, парень, наши умники, кажется, нашли выход, как и в живых остаться, и мертвяковского короля обратно в землю уложить.

— Рад за них всех сразу! Когда буду нужен — зовите! Дио, вшей тебе за пазуху, дай с

земляками посидеть!

— Вот закончим с делами, и посидишь. — Кентавр тянул и тянул меня дальше. — Лукка, брось дурить, пошли!

Когда меня дотащили до совета, круг его заметно увеличился за счет Рыжего Бута, Большого Оза, двух эльфов-друидов и держащегося за больную голову Купа.

— Пообщался со своими? — начал издалека Дырявый Мешок.

— Даже чокнуться не успели, — в сердцах промямлил я.

— Успеешь еще... Дружище, не знаю, как и начать, но попробую. — Гном почесал себе репу. — Мы имеем совершенно недвижимого неприятеля. Что бы мы ни устроили, атаковали или *ещё* там что, эти ребятушки будут ждать полуночи. Нет, конечно, они будут огрызаться, если мы начнем их беспокоить, но основная, большая часть будет ждать полуночи. Что бы ты сам предпринял?

— Кто, я? — Кажется, гном издевался, хотя кто знает, говорят, и в пепле ищут истину. — Можно, конечно, наскакивать на их края, выманивая на себя мертвяков и укокошивая их. Я бы применил стрелы с *фэлом* — пара залпов из десятков луков и...

— И эти стрелы, на которые ты возлагаешь такие надежды, закончатся, когда этих уродов будет еще больше! Нет, старина, этот трюк не пройдет. У нас есть идея получше.

У меня засосало под животом. С чего бы?

— Итак... — Гном всунул мне в лапы кружку с вином. — Наша задача — скопить максимальное количество противника в одном месте. Да так, чтобы его было как рыбы в бочке! Место мы выбрали на полуспуске с холма, там, где дорога делилась на две. Участок просто отличный: большая площадь для обстрела и маневра, густой лес по бокам. Кстати, друиды, — Дож указал на двоих престарелых эльфов, которые в свою очередь поклонились в ответ, — так вот они гарантируют, что через лес *зорситэ* к нам во фланги не пройдут — подобие магического щита. Далее, когда мертвецы окажутся на месте, их отступление отрежет огонь.

— Мы вызвали *кровь земли*, пропитав ею довольно широкий участок, — проскрипел один из друидов. — За столь малое время нам удалось вызвать совсем немного, но этого должно хватить, чтобы остановить отход значительной части врага и уничтожить ее.

— И слава Небесам, что этой горячей *крови* будет немного, не то мы просто спалим город, — продолжил Дож, — это слишком большая цена. Теперь главное. Наша цель не только уничтожение *зорситэ*. Самое главное — убить их вождя, восставшего из *Вечного Небытия* короля Гиера. И успеть это надо сделать до наступления полуночи.

— Хороший план, — признал я, — только как мертвецов притащить на место? И как найти Гиера в этой толпе?

— Отличный вопрос! Начнем со второй его части. Мэтр Лео утверждает, что сможет обнаружить короля.

— Я уже нашел его с точностью трех-пяти футов. Так что хоть...

— Все по порядку, мэтр! — прервал гном. — Итак, Лукка, давай с тобой немного поразмыслим. Скорпо вызвал мертвецов с первого же кладбища, попавшегося в окрестностях «Южного Тракта». Поднятые уничтожили деревню там же, невдалеке от первого захоронения. И так далее... Вывод — там «народ» с Тракта, Перекрестка Семи Дорог. Откуда же тогда появился Гиер? И он не просто появился, он стал во главе армии мертвых! И они слушаются его! Его подняло проклятие рода вкупе с заклинанием Скорпо и *Книги Знания*. И вот он здесь. Он пришел сюда сам. И знаешь, чтобы командовать такой армией,

нужны не только мозги, но и опыт, а значит... память! Парень! — неизвестно с чего обрадовался Дырявый Мешок. — Этот венценосный труп должен помнить все, что было с ним при жизни!

— Рад за него! — потер я рану на ноге. — Ну и что со всего этого?

— А теперь представь следующую картину. Ты вождь своего племени. Гордый, довольный жизнью и положением. Но лишь одна мысль отягощает твое сердце. Враг. Враг твоей юности. Враг всей жизни. По ночам он приходит в твои сны, смеется тебе в лицо. Иногда ты готов сам вырвать себе сердце, а с ним заодно и эту паскуду... Ты и все твое племя на Празднике Весны. В котлах варится еда, на кострах жарится мясо, тролли готовы к празднеству. И вдруг прямо перед тобой является ОН! Ухмыляющийся, прямо перед тобой! Лукка, вождь троллей, что ты сделаешь?

Я настолько хорошо себе все это представил, что практически был на этом Празднике и видел перед собой эту вражину.

— Схвачу его за горло и буду, душа, бить его об землю, пока...

— Он вырвался и побежал!

— Я догоню и выбью из него...

— Не догонишь! Твоя рана сделала тебя хромым на всю жизнь!

— Я прикажу всем своим воинам догнать эту тварь! И тогда...

— Стоп! Стоп! Очнись, Лукка! — Целый галлон холодного пива врезался мне в лицо. Пелена перед глазами рассеялась, и я увидел перед собой довольно лыбящегося гнома. — И как тебе, парень, мой план?

— Нет!

— Да!

— НЕЕ-Е-ЕТ!!!

— ДА-А-А-А! — Эхо ударило об верхушки сосен и разбежалось по всему лесу. Даже тролли жевать перестали. Дырявый Мешок поморщился. — Что ты так орешь? Всех мертвяков распугаешь, озорник!

— А я хочу, чтобы они все... распугались и попрятались. Дож, друг, — чуть не плача и не падая перед карликом на колени, взмолился я, — придумай что-нибудь другое! Ты же такой умный, замечательный гном. У тебя такой жизненный опыт. Наверняка есть способ лучше. Я знаю! И ты знаешь! Пожалуйста...

— Лукка, закончим с этим делом, иди в придворные. Подхалимство у тебя в крови, просто самый настоящий талант! — Я тихо зарычал. — Тебе ничто не будет угрожать. Мастер Лео гарантировал, что до тебя ни одна тварь не сможет дотронуться!

— Дож, я не доверяю волшебникам. Впрочем, как и ты!

— Беру свои слова обратно. Та магия, что использовалась в трактире, просто выше всяких похвал. Изящно, просто — и главное — надежно! А как была проведена операция по переброске войск? Это просто праздник какой-то!

— Дож, если останешься жив, иди в придворные, у тебя...

— Просто талант, я знаю! Короче, не роняй лицо! Все уже решено. Тебя зашвырнут прямо под ноги Гиеру. Пока он сообразит, пока сообразят остальные, Лео оденет тебя в шар вроде того, каким нас защищали в «Южном Тракте», только поменьше, на одну персону. Пока то да се, наcostыляешь, кому успеешь, и двигаешь обратно к месту. Особо не спеши, они могут не успеть по-настоящему озвереть и, соответственно, не всей дружною толпой двинутся за тобой. Да и Лео говорил, что контролировать щит на быстро движущемся

объекте намного труднее...

— Нннн-нееет... — начал я было по новой.

— Но все это вполне решаемо и не так страшно. Далее, когда добежишь до места, твоих друганов встретит перекрестная стрельба эльфов...

— Фалом?

— Нет, конечно. Простыми стрелами. Это создаст некоторый затор, перед тем как рыбки набьются в сеть! А уж когда возникнет угроза прорыва, они отсекутся огнем, и эльфы начинают бить *фэлom*. Первый ряд стрелков — прямой наводкой, второй — навесом в гущу событий, а третий и четвертый по ситуации и командам. Что в принципе одно и то же! Когда все это кончится и потухнет огонь в тылу врага, добивать уцелевших пойдут твои тролли при поддержке стрелков, вооруженных простыми зажженными стрелами. Все. Конец.

— Дож, — прохрипел я, долго не соображая, что и сказать, — если меня хоть раз укусят, то я... я...

— Лукка, если тебя, как ты говоришь, «укусят», — проникновенно заявил гном, приложив руку к сердцу, — честное слово, обещаю: первым же сделаю ноги! Взбешенного тролля я уже видел!

Как и говорил Дырявый Мешок, эльфы выстроились в четыре ряда. Тролли подошли поближе, резонно рассудив, что без них не начнут, и расположились прямо на снегу продолжать трапезу. Правда, к их неудовольствию, оказалось, что уже все съедено, и мои родичи глухо, а где-то и утробно зарычали, косясь на малоаппетитных союзников. Глядя на своих, и мне вдруг захотелось отправить в желудок что-нибудь сочное и хорошо прожаренное. Но, сглотнув слюну и наобнимавшись с друзьями, я встал в слегка дымящийся, перечеркнутый пятком линий круг. Дырявый Мешок приладил мне на спину большой круглый щит, а другой, поменьше, на руку. Вооружившись ахастом и дополнив вооружение тяжелым мечом, я приготовился к бою.

— Сейчас тебя слегка сожмет по бокам, потом поднимет, — начал предупреждать мастер Лео. — Не пугайся, ты немного повисишь в воздухе. В это время я точно определю место высадки. Затем ты ощутишь что-то вроде полета. Может слегка стошнить, но это вполне нормально. Говорю сразу: телепортация закончится мгновенно, ты даже не сможешь уловить момент, когда именно. Поэтому, когда вдруг увидишь перед собой целый сонм *зорситпэ*, знай, ты прибыл на место!

С последней надеждой смотрю на Дожа: «Может, другое что придумает». Дырявый Мешок ободряюще улыбнулся, вскинув руку не то в приветственном, не то в прощальном жесте.

— Ползущие на смерть приветствуют тебя! — проорал во всю глотку Дио.

Не успел я ни ответить, ни спросить, ни обматерить полуконягу, как вокруг меня поднялась стена жидкого пламени. Почему жидкого? Да потому что жидкого! Меня выдернуло вверх и, как обещал колдун, сжало с боков так, что ребра с одной стороны обнялись с ребрами противоположной! Повисев, как яблочко на ветке, я успел рассмотреть каменные лица эльфов, изготовившихся к стрельбе, и вылупившихся троллей, недоуменно пережевывавших свои языки.

Под ногами хрустнуло и, противно хлюпнув, рыкнуло. Вокруг не спеша разворачивались полусгнившие, ощерившиеся обломками тлеющих зубов *зорситпэ*.

Я дружелюбно улыбнулся, мол, привет, парни, я здесь вроде как случайно, дверью ошибся, сейчас только поздороваюсь и дальше пойду... побегу!..

«Не суетись, — раздался в голове голос Лео, — Гиер должен быть где-то рядом. Постарайся не ввязываться в драку, у тебя другая миссия».

Ближайший мертвяк прошаркал поближе, протягивая лапу, не иначе как предлагая поздороваться. При виде того, как с нее капала вонючая дрянь, меня передернуло от омерзения. «Только без глупо... — Лезвие *ахаста* срезало гниющую кисть ...стей, — запоздало закончил Лео. — Идиот!» Мертвец тупо вытаращился на культю, но вместо того, чтобы кинуться мстить, поднял отрубленное и начал присобачивать обратно на место. Сотоварищи калеки как-то сразу набычились и потихоньку стали сжимать кольцо вокруг. «Гиер прямо перед тобой, через ряд. Попробуй добраться до него».

— Издеваешься?!

Я рубанул воздух вокруг себя, но мертвецов это не остановило, они продолжали подходить. Вот один из них, проявив недюжинную прыть, сиганул на меня, угодив черепком прямо в щит.

— Лео, отца твоего за *схад*! — что-то вроде истерики обуяло меня. — Где твой долбаный щит!!!

Ахаст свалил ретивого вояку, раздробив ему остатки головы.

«Тебе что, невмоготу? Потерпи немного, я же не могу делать пять дел сразу!» В спину, защищенную щитом, врезали от всей души, видимо стараясь уложить меня на землю. Не дожидаясь повтора, я с разворота вытянул топором наугад. В ответ на незащищенную шею полетели кусочки костей и гнили. «Сейчас, только удостоверюсь, что это действительно Гиер, и тебе сразу же станет легче. Обещаю!» Сразу трое *зорситэ* подскочили, причем двое кинулись в ноги, явно собираясь приложить меня к земле, а третий, хрипя и воя оголодавшей кошкой, ринулся прямо на топор, так понимаю, чтобы лишить меня этого славного оружия. Слава Небесам, ничего у них не вышло!..

Ударившись друг о друга да еще и об мою вовремя выставленную правую мертвяки разлетелись по сторонам, не дав разогнаться тому, что шел на ахаст. Я рубанул топором навстречу *зорситэ*. Тот в ответ, потеряв голову, рухнул на затоптанный снег, сразу же принявшись шарить вокруг, разыскивая утерянное. Те двое, резво поднявшись, снова ринулись на меня, выставив вперед скрюченные пальцы рук. «Сейчас, сейчас, еще немного... А вот и его поднятое величество!»

Гиер был ужасен! Едва только взглянув на него, мне сразу же захотелось согнуться пополам и вылить на землю все, что я в последний раз употребил на завтрак. Король шел сквозь ряды своих, расталкивая — столпившихся углами плечей начавших ржаветь доспехов. Сразу было видно, что заклятие Скорпо застало Гиера в наилучший момент его жизни. Тягучая коричневая гадость сползала из-под кирасы. На черепе, выглядывающем из-под открытого забрала, махали крылышками (и это на таком холоде!) мухи. Разило от него так, что, наверное, у наших в носу засвербило! Длинные лохмотья волос трепетали, выбиваясь из-под ржавого шлема, увенчанного короной. В руках, которые уже почти сгнили, обнажив желтые кости суставов, Гиер держал длинный изогнутый меч. На мгновение наши взгляды встретились...

Король захрипел, затрясся, указывая своей железякой на меня. Моментально все мертвяки, что стояли рядом, развернулись в мою сторону и сделали шаг вперед. Гиер что-то зашипел, выплевывая сквозь забрало остатки зубов и челюстей. Я так понял, что по его команде *зорситэ* остановились, между тем успев сотворить между мной и королем некий коридор, а точнее арену! «Поздравляю, парень! Этот усопший решил свести с тобой счета один на один. Кстати, твои ставят на тебя, если тебя это, конечно, осчастливит. Я так, например, склоняюсь на сторону усопшего, невзирая на все симпатии».

— Урод волшебный! — проорал я в ответ. — Где твой щит?! Меня же загрызут на ссад!!

«Так. Не ругайся! Попробуй успокоиться. Сразу, в первый же момент, получишь ты свою защиту. Только не вопи, как обворованный, я же оглохну!»

Меж тем король, отсалютовав мне клинком и отбросив в сторону заржавленный щит (я вообще не понимаю, зачем он его таскает с собой в таком состоянии!), наскоком попытался разрубить меня пополам. Не будучи полным дураком, я легко отошел в сторону, да еще подбросив ему под ноги так кстати подвернувшегося мертвяка. Гиер споткнулся о копошившееся тело, кажется, даже ругнувшись в ответ на мои происки. А вот следующий его удар мог меня похоронить, если бы не щит. Дерево, обитое железом, разлетелось в стороны, рука онемела, а сам я немного озверел от такого напора. Тяжелый ахаст в ответ разворотил королю плечо, отправив на землю руку с мечом. «Все, дождался. Вот он, твой купол!!!» Сразу же меня окружила стена синего света, отсекая мертвяков, но... оставив мне Гиера. Видимо, на память и чтобы не так скучно было.

— Маг! Убери его отсюда, или я за себя не ручаюсь!!!

«И не надо! Думаю, это даже и к лучшему. Теперь уже точно, все *зорситэ* пойдут за тобой, вернее за своим вожаком».

— И что мне теперь с ним делать? — отпихнулся я от короля, нападающего на меня, дабы придушить оставшейся лапой.

«А что хочешь. Нет, конечно, если ты так хочешь, я могу и снять защиту. Но боюсь тогда, все то, что бьется сейчас в стены купола, окажется рядом с тобой. Как тебе такая перспектива?»

Я промолчал, в очередной раз сбрасывая его дохлое величество со своей шеи.

«Так и думал, что такой вариант тебя не устроит! И вообще, сударь мой, через пять минут я удаляюсь в свой замок собирать вещи. Честно говоря, я не очень уверен в успехе этого предприятия, поэтому считаю за лучшее удалиться отсюда... подальше».

— А я? Как же я? — Отбросив в сторону щит, я гвоздил головой недосдохшего короля еле видимую стену.

«Ну, минут так десять у тебя еще есть. А дальше не знаю, может, еще минуты так две, от силы пять. Извини, я не нанимался работать на вас до конца света. Всего наилучшего!»

Я рыкнул, от всей души выругался, но не полегчало. Схватив в охапку вождя *зорситэ*, не забывая лупить его, я ломанулся к своим. Отбрасывая в стороны колдовским щитом мертвяков, я что есть сил, несмотря на боль в еще не зажившей ноге, спешно захромал под прикрытие эльфийских стрел.

Не скажу, что бежать было так уж и тяжело, просто мне мешал щит за спиной и этот тянущийся к моей глотке и глазам полуживой груз. Временами он, брызгая слизью, что-то орал, не иначе как отдавал команды своим, которые послушно трусили сзади и по бокам, безуспешно тыкаясь в прозрачную стенку. Еще мне мешали ожившие придурки, грудью

вставшие на нашем пути. Кого-то смяло, кого-то просто отбросило в сторону, и все благодаря защите мастера Лео. Так или иначе, я почти добрался до своих! Почти...

На самом интересном месте голубой свет вдруг замерцал, задержался, и я остался посреди мертвяков и с жаждущим моей смерти грузом на руках. Слава Небу, *зорситэ* не сразу сообразили, что произошло, а значит, и дали мне возможность швырнуть им под ноги Гиера и запустить следом ахаст, правда, сам не знаю зачем! Получилась некая куча мала, все внимание восставших обратилось на вождя. Прибавив скорости и на ходу вынимая меч, я пошел на последний рывок.

И, скажу честно, дрался я как никогда! Наверное, все дело было в том, что стал вопрос о сохранности моей шкуры! Разбрасывая в стороны противника, рубя руки и головы, увертываясь от ударов пик и дубин, я добрался-таки до своих.

Когда до выстроенных в ряд эльфов осталось шага два — не больше, я категорически решил, что пора бы и отдохнуть. Сил просто уже не было! Я рухнул под ноги стрелков, отбрасывая в сторону искореженный меч и обгрызанный щит, и завалился на притоптанный снег, впиваясь пальцами в заледенелую землю, стараясь наконец-то отдышаться...

Дружный выстрел — и первые ряды *зорситтэ* отлетели назад под ударами стрел. Пинвол махнул рукой — и новый залп отшвырнул наступающих еще дальше.

— Как ты, дружище? — Куп на пару с кентавром пытались поставить меня на ноги.

Несмотря на усталость и боль во всех членах, я не дал себя поднять, а встал вполне самостоятельно, кое-как выпрямляясь во весь рост.

— Нормально... — прохрипел я, пытаюсь отплесть в сторону. Во рту было такое, вроде как *жакхе* обожрался. — Худо мне. И пить охота... Вино есть?

— Нет, — с горечью посетовал подошедший гном, — твои все запасы выпили. Кстати, пиво тоже кончилось, — перестал он меня радовать, не стесняясь разящего перегара.

— Где они? — в голове замутилось что-то неладное.

— Уж не хочешь ли ты им за это прегрешение по задам всыпать? — искренне восхитился Дио.

— Нет, хотя и стоило бы, они же... они же... — Я перестал хромать и воткнулся взглядом в глаза кентавра. — Есть, Дио, одно изречение или загадка, вот она: «Что хуже случайно разбуженного или разговорившегося тролля?» Не знаешь? Отвечаю: «Пьяный или голодный тролль!»

— Ну и хорошо, — подул на руки, пытаясь их согреть, Куп, — значит, нашим врагам не поздоровится по самой полной!

— Или нам самим, — уткнулся в землю гном. Первым, кого я нашел в ворчащей толчее, был Большой Оз.

— Лукка. Тролль хочет кушать. Я кушать хочу. Бут кушать хочет. Хама кушать хочет. Зоо кушать... — начал заунывно перечислять он.

— Послушай меня, Оз! — затормозил я его. — Где сам Рыжий Бут?

— Бут? — поскреб башку тролль. — А! Он говорит с нашим! Просит остаться. Старик Рос просил помочь тебе и слушать. А наши хотят дом и еда. И пиво конец. Вот... — искренне закончил он.

— Дела... — сокрушенно покачал головой эльф.

— Ладно. Думаю, где-то полдня еще есть, пока он их уговорит, пока они придут к единому решению! Дож, надо найти Ватгиля, чтобы он ускорил дело.

— Лукка, не издевайся! Это битва, сражение, баталия, а не генеральная пьянка двух

кланов! Всему свое время, и всему свой час!

Но Ватгиля мы все-таки нашли. Вождь эльфов стоял на возвышении, позади своих стрелков, вглядываясь в толпу наступающих.

— Господа, — приветствовал он, — еще немного, и мои brave эльфы пустят в ход ваше новое оружие! Друиды уже почти подвели кровь земли к полю битвы, так что фейерверк будет еще тот!

— Ты только этого ждешь? — проворчал Дырявый Мешок.

— Нет. По вашим данным, у врага есть хорошо обученная пехота и тяжелая кавалерия из бывшего гарнизона Уилтавана. Считаю их главным козырем противника, и именно поэтому на них и обрушатся первые залпы огненного веера.

— Так мы можем и до следующего года ждать, а у нас времени только до ночи, — рассматривая увеличивающиеся под градом стрел груды туш *зорситэ*, хмыкнул Дио.

— Не думаю, — показывая все зубы, улыбнулся Ватгиль, — посмотри туда повнимательней. Гиер бросил на этот участок практически всех своих солдат, а результат нулевой! Правильно, это же просто пушечное мясо — в прошлом необученные, простые крестьяне. Теперь у него два варианта: отступить или бросить в бой наилучших. Учитывая все то, что вы здесь наговорили и сделали, — он кивнул на меня, — я ставлю на «гвардию»! Кстати, а вот и она!

И вправду, мертвецы расступились, и в этот проход один за другим выскакивали рыцари. Глядя отсюда, нельзя было с точностью сказать, живые это были или мертвые.

Рыцари выстроились в ровные три линии, сзади понабежали пехотинцы с гербом Уилтавана на щитах. Бывшие гарнизонщики вынули из-за спин арбалеты и выстрелили дружно в нашу сторону. Три, ну, может быть, с пяток болтов только и долетело до эльфов.

— Не отвечать! — взревел Пинвол. — Первые и вторые, сменить стрелы, приготовить огонь! Третьи и четвертые, обычный выстрел, готовься!!!

Пехотинцы *зорситэ* выстроились в шеренги друг за другом, и, разгоняясь, пошли на нас. Немного погодя, выставив копья, в широкие междурядья хлынула конница.

— А ведь здесь они будут одновременно, Отродье их побери! — злобно восхитился гном.

До стрелков оставалось всего с полдесятка шагов, когда сравнявшиеся пехота и конные, не сбавляя бега, во всей красе выдвинулись вперед.

— Поджигай!!! — рвал глотку Пинвол. — Первый, прямой наводкой, второй, низким навесом целься! Третий, четвертый, простой огонь поджигай!

Я уже различал глазом оружие и доспехи несущихся на нас воинов и мертвяков из простых.

— ДАВАЙ!!! — махнул мечом Пинвол и сразу же закашлялся.

Огненный веер, спущенный из пятидесяти луков, врезался в наступающую толпу. Мгновение, еще... и разрыв стрел оглушил всех вокруг.

— Еще! — прохрипел эльф, взмахивая мечом.

Чуть дымящиеся красные мошки взлетели в начинающее темнеть небо, оставляя за собой искрящийся след. Достигнув цели, мошки втыкались куда-то в клубы белого дыма, и новая череда взрывов потрясла мертвецов.

— Вождь сказал: друиды вывели *кровь земли* на поверхность! — запыхавшись, доложил посыльный Пинволу.

— Все ряды! Огненный веер в тыл противника. ГОТОВЬСЯ! В Ы С Т Р Е Л!!!

Через несколько вздохов все поле превратилось в огромный костер. Мертвецы горели на глазах, падали на землю, возвращаясь в нее.

— И троллей, может, зазря подпрягли, — высказался Куп.

— Да нет... Смотри, на флангах еще до хрена этой дряни! — успокоил его Дырявый Мешок. — Лукка, готовь своих, сейчас самое... — И осекся, всматриваясь в поле.

Ворота города раскрылись, опустился перекидной мост, и в тыл *зорситэ* вылетели остатки гарнизона Уилтавана. И если мне не изменяло зрение, то они выехали на прогулку во главе со своим королем старшим братцем Скорпо!

— Идиоты!.. — в сердцах рявкнул Дырявый Ме шок. — Куда ж вас несет, ведь... — И снова запнулся вглядываясь в даль.

Перехватив его взгляд, я тоже всмотрелся в даль и остолбенел! По правую руку от Л око Уилтаванского скакал не кто иной, как сам Шер, ведущий за собой свою ватагу.

— И где вы видели город без потайных подземных ходов? — прошептал самому себе гном. — И кому, как не первому разбойнику, знать, где они и что они. Только я считал этого ублюдка умнее... Мог бы и остудить патриотические порывы Владыки, хотя...

Гарнизон вклинился в тыл *зорситэ*, осыпая их болтами арбалетов и сталью мечей. Мертвецы развернулись и дали от ворот поворот новоявленному врагу. Видно, у Гиера не хватало ни сил, ни голоса орать сразу на два фронта — мертвецы засуетились, сбиваясь в одну кучу, ощерившись остатками рыцарей и пехотинцев.

— Одно из двух... одно из двух... — И что имел в виду Дож, шепча, как заговоренный?

Зорситэ развернулись в нашу сторону и, оставив за собой с тройку десятков бойцов, ломанулись к нам.

— Я так и знал... — прохрипел гном и тут же заорал, как ужаленный: — Лукка, у тебя пять минут, чтобы поднять на атаку своих! У эльфов кончается *фэл*! Их просто сровняют с землей, а значит, все это снова будет жить!

Кто сказал, что это так просто — заставить недовольного тролля делать что-либо против его воли. Особенно тогда, когда все его нутро стремится к тому, чтобы по новой набить брюхо и залить набитое хорошей порцией пива?!

Тролли внаглую собирались до дому, сворачивая лагерь. Самое обидное было в том, что и Большой Оз участвовал в этом грязном деле!

— Лукка, я тебя люблю! Но жрать шибко хочу. И другие тоже! Думаю, сходим до дому. Поедим. Попьем. Потом вернемся и всех .....! Хорошо?

— Нет! — проскрипел я в ответ.

— Что не так? Хочешь, и тебе еды принесем?

— Оз, если вы сейчас уйдете, то умрут все!

— Когда это будет?

— Не знаю, может, через день, а может, через год.

— Успеем покушать.

И почему я знал, что он мне ответит?

— Где Рыжий Бут?

— Собирает ватга.

— Это уже серьезно, — зачесал я затылок, — отведи меня к нему.

Троль отвел меня к сыну вождя, хотя наш разговор и не отличался от того, с Озом.

— Бут, ты понимаешь, что если вы сейчас не перебьете *жакхе*, то это будет означать, что я нарушил свое слово! — пустился я на последнее, поняв, что весь разговор, собственно

говоря, и ни к чему.

— Правда? — нахмурился Рыжий Бут. — Значит, если ты обманул, то после конца не сможешь вернуться. Так?

— Увы, так. — Я опустил глаза. — Помоги мне и моим друзьям, сын вождя, прошу тебя.

— Лукка, надо говорить. Надо подумать, — нахмурил лоб тролль.

— Лукка, мертвецы уже встретились с эльфами! — прискакал кентавр.

— Бут, дай мне поговорить с земляками!

— Говори, — почесал тот спину. — Если хочешь, я буду рядом с тобой. Значит, твои слова будут словами вождя. А значит... — пустился он в рассуждения.

— Оз! Бут! За мной! — кинулся я к троллям.

Сородичи уже заканчивали сворачивать лагерь, громко споря, прикидывали, в какую сторону им надо двигаться, заодно обсуждали, куда можно зайти по дороге, чтобы немного подкрепиться.

— ТРОЛЛИ! Слушайте меня! — не очень вежливо ворвался я в их разговор. Те недоуменно вытаращились на меня, перестав пережевывать слова.

Глядя на их полные решимости вернуться домой морды, голод и жажду, бесившиеся в их глазах, я вдруг подумал: а что я хочу им сказать? ЧТО?! Ведь ради кружки пива и куска еды еще вчера я бы перегрыз глотку первому попавшемуся! Чем я отличаюсь от них? Да почти ничем! Я вырос с ними, среди них. Что для них какие-то гномы, эльфы и люди, если от них они никогда ничего не видели. Ничего вообще! Ни хорошего, ни плохого. Они им просто до одного места. И я сам знаю, до какого именно! Тролли родились и выросли в своем мире, где сосед по забору и добрая жрачка значат больше, чем судьба целого мира, того, что никогда не додумывался вмешаться в ИХ обыденный МИР! Они просто не поймут. До них просто не дойдет, что сейчас, сойдясь на этом поле, победит этот или тот. Победитель и решит их дальнейшую судьбу. Рано или поздно Жить или, превратившись в гнилье, бродить по земле в поисках последних живых, питаясь падалью и мертвечиной!

— Лукка, — прошипел Дырявый Мешок, — ты как хочешь, а мне пора. Эльфы гибнут один за другим. Там каждый меч на счету. А расправившись с нами, они примутся за Уилтаван. Извини и прощай. Мне действительно пора!

Где-то далеко ожившие мертвецы кончали первый и второй ряд эльфийских стрелков, взявшихся за мечи. Где-то далеко один за другим гибли солдаты человека, собиравшегося вздернуть меня на висельнице, и врага моего друга, пришедшего на помощь людям и платившего за эту помощь кровью и жизнью своих бойцов и друзей, даже не зная, а не повесят ли его самого по окончании этой битвы.

Прочистив горло, собравшись с духом и силами, я начал говорить. Крики умирающих слышались уже почти рядом.

— Вэн сотур, тролло!

Мой голос пронесся над толпой. Сотни глаз уперлись в меня, что я читал в них? Что? ЧТО?! И тут меня осенило!

— Тролло!!!

— И вот Лукка-Висельник, представ перед своими непослушными земляками, начал говорить. Он говорил не очень долго, ибо на счету было каждое дыхание, каждое мгновение. Тролли развернулись и, оскалив клыки, ринулись вперед. Оставшиеся в живых эльфы еле успели расступиться перед ними. Воодушевленные речью тролли врезались во врага, разбрасывая и буквально разрывая его. Битва с мертвецами была воистину жаркой... и страшной... — закончил Гурдидж-Мусорщик.

Я допил свою порцию, с сожалением разглядывая уже виднеющееся дно кувшина.

Да, действительно, драка была просто жуткой! Не успевших вовремя отойти эльфов, тех самых, с которыми делили кусок мяса и вина, тролли просто потоптали, сминая все на своем пути. Они ворвались в самый центр *зорситэ*, втоптывая их в землю. Мои друзья, товарищи по оружию были с ними. Не думал, что Дырявый Мешок так может драться. Я уже не говорю о Купе и Дио. Дио... Бедный кентавр! Уже потом, после битвы, Куп сказал мне, что он был последним из своего племени. У мужика была мечта возродить свое племя. Он рыскал по всей земле в поисках той, которая помогла бы ему в этом! Его просто загрызли, когда он сломя голову влетел в самый центр сражения.

Это было на моих глазах, и я никак не мог помочь ему. Кентавр намеревался добраться до Гиера. Своим двуручным мечом он рубил направо и налево. Головы только и летели! Правда, вот добраться до вождя *зорситэ* ему было не суждено...

Та четверка оставшихся в «живых» конных рыцарей втоптала его в землю. После битвы мы так и не смогли отыскать его останков — он был похоронен в общем костре. В общем для снова мертвых и просто-мертвых....

Пинвол... Эльф, которого я знал в этой жизни всего несколько дней. День пьянки и день сражений. Этого мало? Не знаю, мало или нет, но его гаснущие глаза, его последние слова, умоляющие: «Лукка, отцом твоим заклинаю... сожги меня, когда я умру, не дай мне стать...» — я буду помнить.

Когда *зорситэ* встретились с эльфами, Пинвол, перестав надирать глотку, ринулся вперед, размахивая мечом. И, кстати, славно им помахал! Когда мертвяки смяли первый ряд, приступив к следующему, они встретили Пинвола. Эльф дрался, как мог и как умел. Его свалили, придавив к земле, и начали тут же пить его кровь, заедая ее теплым свежесваренным мясом. Я не успел этого предотвратить... Такова лично для меня была цена медлительности троллей!

Исход сражения был решен, когда волна моих сородичей протаранила первые ряды мертвецов. Тролли умеют, но не любят долго драться, однако тогда им пришлось попотеть. Им достался такой же упертый противник, как и они сами. Когда мы добрались до середины толчеи, *зорситэ* пошли на попятную и атаковали гарнизон города, усиленный ватагой Шера.

Не в пример своим товарищам сам разбойник остался жив. Он привел с собой не только людей, но еще и с десяток орков. Бить стрелами из-за кустов и грабить караваны по дорогам — это не сходиться лицом к лицу в битве, пусть даже если твой противник уже давно мертв. И по новой жив.

Разбойники Шера полегли все. Полегли люди ради тех, кого обирали на дорогах и, как часто бывало, протыкали несговорчивых. Полегли орки ради тех, кого ненавидели по закону крови. Шер остался жив. Он рубился так, как будто сам восстал из преисподней, когда сразу с полсотни мертвецов напали на него.

Говорят, он теперь остепенился. Так, иногда прогуливается по дорогам королевств, но уже не ради наживы, а просто чтобы не заплывать жиром. Пользуется *вечным прощением* и доверием королевы Бревтона. Опять же, по слухам, в своих вылазках никогда не трогает гномов. А если и пересекается-таки с ними, то щадит и, бывает, провожает до безопасного пути...

Когда последний *зорситэ* был отправлен в землю, а это, слава Небесному Троллю, случилось задолго до полуночи, началось самое страшное!..

Всех polegших, и бывших мертвецов, и бывших живых, сожгли...

Дым, вонь и вопли мучеников стояли потом несколько дней.

Раненых из людей и эльфов, с молчаливого согласия вождей, добивали на месте и кидали в огонь. За что, кстати, и получил *стоул* под ребро Владыка Уилтавана, брат Скорпо Локо Бревтонский. Кто, что да как — не знаю. Да и... Короче говоря, *сход* с ним. Я не питал к нему ни дружеских, ни других приятных чувств.

Мои тролли выжили практически все! Даже царапины и укусы мертвяков не сделали их *зорситэ*, и слава Небу! Те, кто тогда умер, были сожжены. Те, кто был укушен или погрызен, не в пример эльфам, потом оправились и не стали живыми мертвецами. Сын Сухого Роса набил не один десяток рож, но так и не дал умертвить своих раненых.

Что еще? Мне в награду, как в той бумажке было нарисовано: «За организацию обороны Уилтавана, личное мужество и героизм», подарили небольшой домик в окрестностях столицы королевства, а также... «право пить вино в любом питейном заведении города до той поры, пока ноги не смогут держать. Сроком до самой смерти!». Я так думаю, что это Дож для меня расстарался.

Дож — Дырявый Мешок потерял левую руку, по самое запястье, и получил в «награду за организацию», «преданность» и чего-то там еще постоянный двор «Южный Тракт» в вечное пользование. В последний раз, когда я его видел, а это было полгода назад, гном отрастил себе приличный животик и на полном серьезе подумывал о... женитьбе...

Ныне покойный... дважды покойный король Гиер Одиннадцатый... В третий раз мы схватились с ним, когда исход битвы был предрешен. Это случилось у места, где кровь земли по зову друидов вышла наружу и тихо догорала, подожженная стрелами эльфов.

Я засунул в огонь Гиера целиком и не давал ему оттуда даже высунуться ударами меча. Он сгорел на моих глазах, проклиная меня и всю мою родню. Его предсмертный рев до сих пор звенит в моих ушах.

Кто еще остался? А, Куп! Эльф с еле выговариваемым именем *МалЙавиэУиал*. Он вернулся к своей возлюбленной Винетте Вильсхолльской. Живут уже лет десять. Счастливы. Приезжают в гости. Постоянно зовут к себе. Детей пока нет.

Война в Вильсхолле длилась два с лишним года. Волшебники доставили Винетту в самый разгар конфликта. Доставили, представили ее занимающемуся огнем междоусобицы двору и исчезли, предоставив ей разбираться со всем этим бардаком самостоятельно. А дело было в том, что, как это часто бывает, нашлись те, кто после смерти короля заявил о своих древних правах на трон. И не все бывшие вассалы короля Гиера смогли вынести то, что на престол взошла женщина. Да еще и с эльфом, *не человеком*, в придачу. Было все! И заговоры,

и жестокие бессмысленные убийства, и внезапные непонятные смерти. Была даже пара драк, в смысле больших серьезных битв. Каюсь, поучаствовал... И морды по переулкам бил, и ахастом помахал! И по лесам пришлось побегать. Между прочим, рука об руку с учителем Айдо и его учениками. Много чего было... В конечном итоге Винетта стала королевой.

Прошло десять лет. Нет, конечно, не ровно десять, чуть больше. Что еще изменилось в этом мире?.. Кого я забыл? Конклав Двенадцати... Мастер Скорпо...

Конклав почти в полном составе убрался из этого мира. Я так понимаю, что в страхе перед пришествием Отродья те девять драпанувших волшебников, как говорится, отрубили концы общения с нашим миром. Да и ладно! И без них здесь дышится более-менее хорошо.

Остались из *этих*, не считая Скорпо, только Акариус на своем острове Твилис и тот «овцевод» Ариес со своим «барашком»-учеником. Почему они остались? Акариус, справедливо посчитав происходящее очередным обманом Скорпо, не в пример остальным решил не идти на поводу у хитроумного коллеги, он оказался умнее и спокойно остался разгребать свой, точнее драконий, помет, который он натаскал на маленький остров за три года. Что же касается Ариеса, то, как потом выяснилось, он со своим э-э-э... любимцем решил разделить участь мира, захлопнув дверь своего замка со словами: «Все, что нам нужно, — это любовь!...»

Мастер Скорпо... Мой бывший хозяин исчез. Ни слуху ни духу. Когда мы с Дожем прибыли в разгромленный постоянный двор «Южный Тракт», там уже никого не было. Колдун убрался восвояси, не оставив ни привета, ни следа. В позапрошлом году виделся с Ариесом, так он утверждал, что Скорпо, «восстановив свою физическую оболочку, как неприкаянный бродит-лазит по королевствам, напрашиваясь на неприятности». Подробностей, увы, не знаю...

Вот и все. Все при деле, все в делах и заботах... Кто до сих пор вождем в Талат-Галене, а кто поит проезжих путников и по старинке дурит их в карты. Сам же я остался не у дел.

Нет, я не жалуюсь. У меня есть жилище, еда и вино. Что-то вроде всеобщего уважения. Я могу открыть дверь ногой в тронный зал аж в трех королевствах. Правда, так я поступил всего один раз, и то... по пьяни... До сих пор почти раскаиваюсь.

Раз в два-три месяца кто-нибудь да навестит тролля, зовущегося Луккой-Висельником. То Дырявый Мешок, то Куп, правда без своей Винетты, то мои сородичи из Вечной Долины. Прошло десять с лишним лет.

Каждый вечер я прихожу в трактир «Пьяный Тролль». Так хозяин назвал свое заведение в память о тех событиях, когда мы с Большим Озом здесь маленько побушевали. Мне выставляют мою «законную» выпивку и большое блюдо снеди. Честное слово, я бы и не ходил сюда, если бы не боялся... не боялся остаться один... Да-да, после всех приключений, мордобоя и волшебств я оказался почти в одиночестве. Домой меня не тянуло. Когда я наконец оказался в родном стойбище, то как-то все изменилось. Нет, не выросли новые деревья, у членов моей семьи не обнаружилось прибавления, да и сами они остались такими же, как были. Но я стал как бы чужим для них. Хотя и приняли меня с распростертыми объятиями. Я стал чужим в своем родном доме. Почему? Не знаю. Последняя капля багрово-красного вина, стекая из перевернутого кувшина, освещаемая настенным факелом, обрывается в полупустую кружку. Ко мне подсаживается Гурдидж-Мусорщик. Сегодня он несказанно доволен прошедшим вечером, отболтав весь язык, повествуя о моих и не только о моих приключениях. Красочно расписав битву с мертвецами и заслуженно наградив победителей, он с чувством выстрадавшего долга пытается утащить у меня из-под носа

последнюю порцию винца.

— А вот скажи-ка мне, Лукка-Висельник! — Цепкие пальцы хватаются за сосуд с *напитком радости*, но я настороже. Гурдиж-Мусорщик притворно морщится и тут же как ни в чем не бывало продолжает: — Мне не дают покоя всего лишь два вопроса, которые делают мой рассказ сказкой: — Его рука змеей пытается снова стибрить вино.

Отодвигая подальше кружку и захватив с блюда пригоршню жареных овощей с мясом, я изучаю пару хитрых глазенок.

— Понимаешь, в чем дело, тролль. Я никак не возьму в толк вот что. Как эта веревка могла оборваться? Ведь она была сделана гномами, а, как известно, гномы никогда не делают что-либо кое-как. И колдун, лишенный своих магических сил, соответственно, не мог разорвать ее. А она таки порвалась. Почему?

Проглотив еду и допив вино, я усмехнулся.

— Мусорщик, я и сам не знаю ответа. — Хозяин у стойки наострил уши, видно, этот вопрос мучил и его. — Может, веревка не выдержала моего веса, а может... это было просто чудо. Самое обыкновенное чудо. А может, Небеса решили по-своему распорядиться моей жизнью. Хотя для меня это одно и то же.

Гурдиж молчит, переваривая услышанное, но в его глазах читается недоверие.

— Хорошо, — наконец размыкает он губы, — допустим, так оно и было. Хотя молва утверждает, что Дож — Дырявый Мешок как-то умудрился подрезать веревку. А вот что же ты такого сказал своим землякам? Ведь после твоих слов вся эта толпа точно обезумела. Тролли сровняли мертвецов с землей. И это после того, как сами уже собирались уходить. Что ты им сказал, Лукка?

С другой стороны подсаживается трактирщик, пододвигая новый, «внеочередной» кувшин вина. Я разлил напиток по стаканам. А что, может, и сказать им правду? Ведь сколько лет прошло, а меня все мучают этим вопросом. Я же говорил тогда на тролльском, а никто из бывших там его не понимал. И вот все эти годы все подряд пристают ко мне — «что да как?».

— В тот день я... — Сделав большой глоток, я уткнулся в дерево столешницы. — Я в первый раз и, надеюсь, в последний обманул. Я сказал своим собратьям, что еда и пиво у них кончились не просто так — их украли. И перед ними те, кто это сделал. Они поверили и... обиделись. Никогда не обижайте или не расстраивайте троллей, только Небо знает, чем это может закончиться.

Гурдиж недоуменно вытаращился на меня:

— Это... правда? Ты *именно это* им тогда и сказал, да?

— Именно *это*, — с горечью усмехнулся я, ибо мне было стыдно. — Правда... Даю слово. Слово тролля.

Больше книг на сайте - Knigolub.net